

П.Н.КРАСНОВЪ

ПОДВИГЪ

РОМАНЪ

ТОМЪ II

ИЗДАНИЕ Е.СІЯЛЬСКОЙ

1932

П. Н. Красновъ

ПОДВИГЪ

Романъ

ТОМЪ II

**Издательство
Е. СЯЛЬСКОЙ**

2, Rue Pierre-le-Grand, PARIS (8°)

1 9 3 2

**Всѣ права, въ томъ числѣ права перевода на иностранные
языки и постановки на фильмы, сохранены за авторомъ.**

Copyright 1932 by the author.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОСТРОВА ГАЛАПАГОСЪ.

Галапагосскіе острова — названіе принадлежащаго къ южно-американской республикѣ Эквадору и лежащаго по обѣ стороны экватора между 70° и 74° з. д. (отъ Гринвича) архипелага изъ 11 большихъ и малыхъ острововъ (Islotes) изъ которыхъ Альбермаль (4276 кв. км.) самый большой, занимаютъ вмѣстѣ пространство въ 7643 кв. км. Всѣ они вулканическаго происхожденія и возвышаются до 1500 м. надъ уровнемъ моря...

...Несмотря на то, что эти острова лежатъ въ разстояніи лишь 1000 км. отъ материка, ихъ флора, птицы, рыбы и земноводныя представляютъ по большей части такія особенности въ своемъ устройствѣ, какихъ вовсе не встрѣчается на материкѣ...

...Они долго назывались заколдованными (escantados) островами, потому что при господствующемъ тамъ быстромъ теченіи и безвѣтріи до нихъ трудно добраться и не менѣе трудно удалиться отъ нихъ...

«Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона».

I.

Подъ вечеръ на горизонтѣ показался берегъ. Дулъ порывистый, рѣзкій, знойный вѣтеръ. Онъ несъ съ собою дыханіе земли. Пахло пряными травами и цвѣтами. Сильно качало.

Острый и высокій носъ парохода вдругъ поднимался и заслонялъ собою далекую, мутную линію берега, опѣннаго сильнымъ прибоемъ, и тогда не было видно океана, но передъ глазами зловѣще горѣло красными огнями закатное небо. Лиловыя густыя облака тѣснились подъ небосводомъ. Потомъ вдругъ съ грохотомъ и плескомъ пароходъ обрушивался въ волны, зарывался въ нихъ, обдавая пѣною и брызгами немногихъ пассажировъ, стоявшихъ на бакѣ и тогда передъ глазами были безконечные ряды волнъ, несущихся въ непрерывной чередѣ навстрѣчу пароходу. Бѣлые гребни вспыхивали и погасали въ утомительномъ одчобразіи.

На бакѣ подлѣ лейтенанта Деревина собралось нѣсколько человѣкъ. Къ нимъ подошелъ мучимый морской болѣзнью Нордековъ и прислушался къ тому, что рассказывалъ молодой лейтенантъ .

Деревинъ съ апломбомъ настоящаго морского волка, бывалаго моряка, показывалъ пальцемъ вдаль и объяснялъ, что и гдѣ находится.

— Это, господа, передъ нами группа большихъ Антильскихъ острововъ направо, а тамъ къ лѣвому борту чуть намѣчаются малые Антильскіе острова. Вотъ это должно быть Санъ Доминго, тамъ Порто Рико. Мы направляемся, держимъ курсъ, — поправился онъ — на проливъ Мона.

— Вы развѣ тутъ когда бывали? — спросилъ Нордековъ.

Деревину не хотѣлось признаться, что это первое его настоящее плаваніе. Онъ скосилъ глаза на полковника, сдѣлавъ видъ, что не слышалъ вопроса и продолжалъ рассказывать то, что сообразилъ, стоя на вахтѣ и глядя на карту, гдѣ былъ проложенъ ихъ путь.

— Я полагаю, мы ночью пройдемъ проливъ... Вотъ качать то будетъ! — Сашка держись — начинается! — кое кто основательно рыбокъ покормить... Завтра за день пересѣчемъ Антильское море и къ ночи подойдемъ къ Панамскому каналу. Вотъ я не знаю, какъ проходить то его будемъ, сейчасъ же ночью, или днемъ. Жуткое, знаете, мѣсто. Я бы того... Пушки то къ чортовой матери... Въ океанъ... Придаться могутъ... Вмѣ-

сто родимаго то нашего Андреевскаго флага опять какойнибудь Вампукистый вывѣсилъ, чтобы и не разобирать, что за нація... А то — таможни... Досмотръ... То да се... Америка... Сами понимаете, шутки босы съ этимъ народомъ...

— У насъ сухой режимъ, — пробасилъ Амарантовъ. — Чего ей больше надо. Рюмки коньяку нигдѣ не найдешь...

— Ну, а нащупаютъ аэропланы... Вонъ у полковника винтовки совсѣмъ открыто въ пирамидахъ стоять... Что хорошаго? Еще хорошо, что волна. Никого не видно. Рыбачьихъ лодокъ и тѣхъ нѣтъ... А то тутъ, въ Антильскомъ морѣ, застукаютъ и никуда не подашься. Подводная какаянибудь этакая лодка.

— А да ну васъ, — недовольно сказалъ Нордековъ. — Что вы каркаете. Тошно и безъ васъ.

Онъ отошелъ отъ группы и спустился въ каюту. Тамъ на койкѣ лежалъ его соплаватель Парчевскій. Несмотря на жару онъ укуталъ полотенцемъ голову и закрылся одѣяломъ. При входѣ Нордекова онъ повернулся къ нему и болѣзненно застоналъ.

— Что это, Георгій Димитріевичъ, — капризно проговорилъ онъ. — Когда же все это кончится? Не могу я больше. Всѣ мои внутренности наизнанку выворотило. Я не нанимался плавать по морямъ..

— Вы думаете, мнѣ то легче, — укладываясь на койку, проворчалъ Нордековъ.

— Хоть бы малюсенькую такую рюмашечку коньяку.. Я у доктора нашего просилъ. Принесъ валерьяновыхъ капель, а отъ нихъ еще хуже мутить. Говорить, что коньяку нѣтъ... Вретъ, поди. Не можетъ того быть, чтобы у доктора, да коньяку не нашлось. Вѣдь умирающимъ даютъ... Правда, Георгій Димитріевичъ? А я почти что умирающій...

— Тутъ, Евгеній Ивановичъ, другое меня мучаетъ. Мы и точно идемъ на острова Галапагось. Не для съемоковъ же?.. Скажите мнѣ, что же все это значитъ? Вооружены до зубовъ. Всю Совдепію своими Вундерлиховыми газами задушить можемъ, а премъ на острова Галапагось... И вѣдь это не тайна. Объ островахъ то этихъ

основательно кричали въ Парижѣ. Это не какіе нибудь тамъ совѣмъ необитаемые острова. Тамъ, я читаль какъ то въ газетахъ, уже поселился какой то нѣмецъ... Поди и радіо найдется. Разгружаться то станемъ... Все и станетъ ясно, что мы за публика... Интервенты... Острова принадлежать республикѣ Эквадоръ. Вы не знаете, кстати, что республика то эта признала совѣты, или нѣтъ? А если, знаете, признала, да тамъ уже и полпредство есть... Вотъ вы и подумайте, милый, чѣмъ все это можетъ окончиться.

— Думать, Георгій Димитріевичъ, никакъ не могу. То мѣсто, которымъ думаютъ, перемѣстилось у меня на другое совѣмъ мѣсто. Плохо мнѣ.

— А я, какъ стану думать и качку позабуду и такъ мнѣ станетъ неспокойно. А что ежели да онъ просто сумасшедшій?... Вотъ вѣдь забавная исторійка то выйдетъ!...

Нордековъ поднялся съ койки.

— Вы куда же?

— Томить меня. Не могу я такъ пребывать въ неизвѣстности. Я и качку не чую. Пойду посмотрю, какъ и куда несетъ насъ эта страшная сила.

На палубѣ было пусто. Тропическая ночь наступила. Шли съ погашенными огнями. Ни на клотикахъ, ни бортовыхъ фонарей зажжено не было. Флаги были убраны. Пароходъ неся, пѣня волны и колыхаясь на нихъ. Вдоль борта, ловко соразмѣряя свои шаги съ качкой, прямой и стройный ходилъ взадъ и впередъ Ранцевъ. Его увѣренный видъ немного успокоилъ Нордекова. Онъ хотѣлъ было подойти къ нему и заговсрить, но побоялся.

Нордековъ постоялъ у борта. Зловѣщая, нелюдимая ночь была кругомъ. Тучи закрыли полъ неба. Не было видно звѣздъ, и только блистала, сверкала, сполохомъ играла и вспыхивала за Антильскими Островами синяя пламенная зарница. Она, отражаясь въ кипѣющей волнѣ, серебромъ зажигала пѣну. Міръ казался страшнымъ.

Нордекову, какъ часто эти дни, пришла въ голову навязчивая мысль, «что какъ ничего этого и нѣтъ...

Есть только сонъ... Небытіе... зловѣщіе призраки... Непонятная и неуютная жизнь... Господи, неужели, авантюра?... Обманъ честныхъ и простодушныхъ Русскихъ офицеровъ!...

II.

Передъ разсвѣтомъ Нордековъ вышелъ на бакъ. Тамъ уже были Мишель Строговъ, Фирсъ Агафошкинъ и князь Ардаганскій. Михako, вооружившись биноклемъ, смотрѣлъ вдаль.

Качка продолжалась. Нордековъ изъ за нея и своихъ тяжелыхъ навязчивыхъ мыслей не спалъ всю ночь и теперь чувствовалъ себя совсѣмъ скверно. Въ мозгахъ и у него, какъ у Парчевскаго, что то передвинулось и онъ ничего не могъ толкомъ сообразить.

Михako и Строговъ спорили о томъ, могли за ночь пройти Антильское море и Панамскій каналъ или нѣтъ.

— Ну что вы, князь, — сказалъ Нордековъ. — Какъ бы мы скоро ни шли, дай Богъ къ разсвѣту подойти ко входу въ каналъ. А тамъ неизбѣжны формальности... Да по каналу, слыхалъ я, ходятъ такъ тихо, что почти сутки надо потратить на его прохождение.

— Но тогда, господинъ полковникъ, что же это такое? Я тамъ, съ нашего праваго борта вижу въ бинокль сплошной берегъ. Какой же это можетъ быть берегъ, какъ не Американскій? И смотрите, какъ восходить солнце. Не сзади, а съ лѣваго борта. Мы идемъ на югъ.

— Вѣрно... Послушайте, князь. Я ничего толкомъ сообразить не могу. Это отъ качки вѣроятно. Если мы прошли каналъ и повернули на югъ вдоль Американскаго берега, это Колумбія. Она должна быть у насъ съ лѣвой стороны... Такъ... А вы говорите, что берегъ виденъ съ праваго борта. Да берегъ ли это?

— Берегъ... А то что же?

— А чортъ его знаетъ что. Впрочемъ, послушайте... Мы идемъ по вашему вдоль берега на югъ. Солн-

це, значить, должно восходить изъ за Америки. Америка должна быть на востокъ отъ насъ... А между тѣмъ солнце восходить... Восходить... Гдѣ?... Въ океанѣ.

Къ нимъ подошелъ Нифонтъ Ивановичъ и прислушался къ ихъ спору.

— Постой, — сказалъ съ самоувѣренно глупымъ видомъ Мишель Строговъ, трогая отца за рукавъ. — Что ты говоришь, Америка на востокѣ... Америка... Какъ же это можетъ бытъ... Америка всегда на западѣ.

Это разсужденіе точно ошеломило полковника.

— Какъ на западѣ?...

— Конечно, на западѣ, — подтвердилъ и князь Ардаганскій. — Японія и Дальній востокъ на востокѣ. Вѣдь тогда по вашему выходитъ, что Японія и Дальній Востокъ на западѣ. Страна Восходящаго солнца... А солнце всегда восходитъ на востокѣ. Какъ же востокъ можетъ быть на западѣ...

Полковника серьезно укачивало. Было мгновеніе, когда явилась потребность подойти быстро къ борту, но онъ удержался, и отъ этого еще хуже стала работать голова.

— Вы, Михакъ, говорите какую то ерунду. Какъ востокъ на западѣ?

— Это вы такъ сказали, господинъ полковникъ.

— Да, это сказалъ я. Не отрицаю. Принимая шарообразность земли, если ѣхать на западъ — пріѣдешь на востокъ.

— Ну что ты, — съ прежнимъ апломбомъ все знающаго человѣка сказалъ Мишель. — Колумбъ ѣхалъ все на западъ и пріѣхалъ въ Америку.

— Да, конечно, въ Америку. Онъ и открылъ Америку, — подтвердилъ князь Ардаганскій.

Полковникъ начиналъ раздражаться.

— Это все потому, князь, — сказалъ онъ, — что вы учились въ иностранной школѣ... Васъ не основательно учили... Если мы, такъ сказать, проткнули Америку, пройдя каналъ, мы оставили ее сзади себя и она очутилась на востокѣ.

— Опять Америка на востокѣ, — съ досадою на

отца сказалъ Мишель. — Этого никогда не можетъ быть.

Полковника такъ качнуло, что онъ едва сдержался. Надо было бѣжать въ каюту, но ноги стали какъ изъ ваты... Голова мутилась. Эта новая молодежь хоть кого могла довести до морской болѣзни.

— Дозвольте, ваше вышкородіе, я васъ примирю, — довѣрительно сказалъ Фирсъ Агафошкинъ. — Я такъ полагаю, что это все происходитъ отъ качки. Вчера лейтенантъ Деревинъ очень даже явственно объяснялъ. Отъ качки происходитъ девіація компаса и отъ того не разберешь, гдѣ какая сторона.

— Молчи, обормотъ, — вмѣшался Нифонтъ Ивановичъ. — Что ты можешь понимать, когда образованные люди въ толкъ не возьмутъ, что происходитъ. Солнышко, ваше высокоблагородіе, точно изъ за моря восходитъ, какъ и вчера, какъ и третьяго дня, какъ и всегда. Потому такъ ему отъ Господа положено. И солнышко всегда изъ воды восходитъ, потому такъ Господь сотворилъ, чтобы ему омыться можно было.

— А да ну васъ, — съ досадою крикнулъ полковникъ и, прижимая платокъ ко рту, побѣжалъ къ борту. Постоявъ надъ волнами, онъ съ сине-зеленымъ лицомъ, шатаясь и хватаясь за что попало, — ноги его совсѣмъ не держали — прошелъ къ люку и сталъ спускаться въ каюту.

Онъ легъ на койку и съ головою укутался въ одеяло. Голова, ставшая было ледяной, начала согрѣваться и соображеніе возвратилось къ нему.

«Конечно, «Мститель», не доходя Панамскаго канала, повернулъ на югъ. Почему?... Потому ли, что опять обманъ, или съ такимъ контръ-революціоннымъ грузомъ не рискнули идти черезъ каналъ? Можетъ быть и по радіо передали, чтобы не совались туда... Значить, идемъ кругомъ Америки. Значить... Все таки?... Острова Галапагосъ?... Какъ все это глупо выходитъ.

Нордековъ подѣлился своими мыслями съ Парчевскимъ, но тотъ отнесся ко всему этому холодно.

— Идемъ къ Фалкландскимъ островамъ, будемъ огибать мысъ Горнъ. Тутъ, дорогой, грустно одно, что

значить, намъ безъ конца предстоитъ болтыхаться по этимъ проклятымъ морямъ.

Неожиданная перемена курса была замѣчена и другими пассажирами «Мстителя», и снова начались «разговорчики».

Капитанъ Волошинъ сказалъ, что «Мститель» тщательно избѣгалъ курса «большихъ» линій, по которому идутъ пароходы изъ Европы въ порты Южной Америки: — Паранаибо, Пару, Пернамбуко, Бахию и Рио де Жанейро. Онъ взялъ курсъ какъ будто къ острову святого Павла и направлялся въ таинственную и самую глубокую часть Атлантическаго океана, въ такъ называемый «ровъ Романша», гдѣ морская карта показывала глубину до 7370 метровъ, гдѣ рѣдкіе въ этихъ частяхъ океана мореплаватели отмѣтили частыя землетрясенія и появленіе и исчезновеніе скалъ и острововъ. «Мститель» срѣзалъ на своемъ таинственномъ курсѣ Саргассово море, гдѣ плаваніе почиталось опаснымъ, шелъ навстрѣчу невѣдомымъ морскимъ теченіямъ, тамъ, гдѣ годами не бываетъ ни одного парохода, ни одного паруснаго судна, гдѣ точно пустыня залегла въ океанѣ.

Французы матросы болтали о морскихъ змѣяхъ въ нѣсколько сотъ метровъ длиною, объ ундинахъ, наполовину женщинахъ, наполовину рыбахъ. Говорили объ осбыхъ водоросляхъ запутывающихъ пароходные винты до такой степени, что они ломаются. Рассказывали и старую легенду о «Летучемъ Голландцѣ», о кораблѣ, непремѣнно парусномъ, идущемъ наперерѣзъ курса, безъ людей и капитана... Боялись встрѣчи съ нимъ. Она всегда предвѣщала несчастіе.

Жара, качка, неизвѣстность, куда же, наконецъ, идутъ, все это усиливало нервность пассажировъ. Хоръ не пѣлъ. Музыка не играла, и по каютамъ и въ помѣщеніи команды тихо шептались и передавали слухи и свои наблюденія за отстоянныя вахты.

«Мститель» шелъ неровно. По ночамъ онъ часто стоялъ. Машина не работала. Онъ мѣнялъ курсъ. Точно онъ искалъ что то, или ожидалъ кого то.

Въ каютъ компаніи состоялось собраніе старшихъ чиновъ. Подъ давленіемъ младшихъ, въ виду ихъ нерв-

ности, было вынесено постановленіе выразить недовѣріе капитану Немо, отправить для этого къ нему депутацию и потребовать объясненій.

Ранцевъ доложилъ о происшедшемъ капитану Немо.

— Скажи имъ, — твердо, раздѣльно произнося каждое слово, сказалъ Немо, — пусть явятся ко мнѣ. Я надѣну на нихъ кандалы и прикажу гирляндой повѣсить на нокахъ рей. Или мы офицеры и идемъ уничтожать коммунистовъ, или мы глупыя, нервныя бабы... У насъ нѣтъ больше кинематографическаго общества, это всѣ теперь знаютъ, но есть отрядъ людей, готовыхъ все, до самой жизни, отдать за Родину. Я требую отъ нихъ дисциплины, повиновенія и бодрости... Бодрости, этого высшаго качества офицера... Понялъ?...

Ранцевъ передалъ слова капитана Немо старшимъ. Тѣ промолчали и смирились.

Въ эту ночь усиленно работало радіо. Оно подавало сигналы бѣдствія: S.O.S. Радіо взывало о помощи. Оно говорило, что пароходъ «Немезида», вышедшій 9-го іюня изъ порта Сенъ Назэръ съ артистами кинематографическаго общества «Атлантида» получилъ въ открытомъ морѣ по неизвѣстнымъ причинамъ пробоину и тонетъ. Радіо указывало координаты къ востоку отъ острова Санъ Доминго, тамъ, гдѣ «Мститель» былъ пять дней тому назадъ.

И это стало извѣстно въ каютъ компаніи. Но теперь всѣ мрачно молчали. «Значить такъ надо. Значить, спасать Россію надо было людьми, которыхъ всѣ считаютъ погибшими... Людьми — «отпѣтыми»... Можетъ быть это и правильно»...

Но мучительною болью сжимались сердца за родныхъ, за женъ и дѣтей. Особенно — за женъ. При тяжелой и полной всякихъ соблазновъ Парижской жизни, что, если жены то за это время повыйдутъ замужъ, на самомъ законномъ основаніи считая себя вдовами?

По просьбѣ Ферфаксова Ранцевъ доложилъ все это капитану Немо. Тотъ глубоко задумался. Что то размягченное и нѣжное появилось въ его обыкновенно суровыхъ и строгихъ глазахъ. Какъ удивился бы Ранцевъ,

если бы онъ могъ понять и постигнуть, чей образъ вдругъ всталъ въ памяти его начальника и друга.

— Такъ скоро замужъ не выйдутъ, — задумчиво сказалъ Немо. — Передай, чтобы не беспокоились и не волновались... При первомъ же случаѣ, а онъ будетъ очень скоро, — я дамъ знать всѣмъ семьямъ, что ихъ главы живы и здоровы. Это, конечно, рискъ... Но что же дѣлать.

Онъ помолчалъ. Потомъ, горько усмѣхнувшись, добавилъ:

— Мы идемъ спасать Россію... Теперь всѣ это знаютъ... Сомнѣній быть не можетъ... Мы клялись все ей отдать... Такъ неужели же ей не отдадимъ женъ нашихъ и дѣтей?... Какъ ты отдалъ... свою дочь... Россія требуетъ жертвъ... Посмотри, что дѣлается тамъ... Какой тамъ ужасъ... Родителей отрываютъ отъ дѣтей, мужей отъ женъ и отправляютъ въ голодную, кошмарную ссылку... Мы идемъ прекратить это. Такъ пожертвуемъ же спокойствіемъ нашихъ близкихъ. Ужели недостойна Россія этой жертвы?... И пусть догадаются и поймутъ... Это же нужно... Особенно въ виду «разговорчиковъ» нужно...

И еще прошла мучительная, полная скрытыхъ волненій недѣля. Море успокоилось. И съ его успокоеніемъ, казалось, успокаивались и нервы у пассажировъ «Мстителя». Вѣтеръ стихъ. Полный штиль сталъ надъ моремъ. Океанъ былъ, какъ голубое масло.

III.

Утро было несказанно прекрасное. И, какъ это бываетъ подъ тропиками, оно народилось вдругъ, безъ призрачныхъ сумерекъ, безъ блѣднаго и большого разсвѣта. Сразу въ темноту ворвались свѣтлые, еще далекіе, заокеанскіе лучи, розовой пеленой подернулась водная равнина, и — вотъ оно — въ золотой порфирѣ, слѣдя горячими лучами, несло въ небесную твердь

румяное, точно заспавшаяся на горячей пуховой подушкѣ полная красавица, солнце! Ослѣпительно заблесталъ недвижный, ни однимъ дуновеніемъ вѣтерка непоколебленный океанъ.

«Мститель» бѣжалъ ровнымъ увѣреннымъ бѣгомъ. Въ обѣ стороны отъ киля съ тихимъ шипѣніемъ расходились серебряныя полосы, становились все шире и ниже, отливали перламутромъ и исчезали подъ самымъ небосводомъ. Съ высокаго борта были видны громадныя, толстыя, шарообразныя медузы. Изъ подъ ихъ полупрозрачныхъ шапокъ свисали не то щупальцы, не то листья и тихо колебались, то ли отъ движенія водныхъ струй, то ли потому, что онѣ были живыя. Ихъ тѣла горѣли опаловыми, загадочными огнями. Въ сонной водѣ, озаряемой косыми солнечными лучами играли стайки голубыхъ стройныхъ рыбокъ.

— Макрель, — сказалъ Нифонтъ Ивановичъ. Онъ только что заварилъ на всю команду чай и вылѣзъ изъ своего горячаго камбуза вздохнуть на вольномъ воздухѣ и полюбоваться Божьимъ міромъ. — Ежели бы, скажемъ, съѣть забросить, ба-альшой уловъ получить можно. Только рыба здѣсь, позволительно сказать — дрянъ... Никакого съ ей проку нѣтъ.

На палубу поднимались пассажиры. Послѣ качки все не могли оправиться, да и тропическая жара размаривала.

Полковникъ Парчевскій вышелъ въ легкой пестрой пижамѣ и въ широкой соломенной шляпѣ.

Чуть слышно, мѣрно и ровно, работали нефтяные Дизеля. Пароходъ точно дышалъ, подаваясь впередъ.

Въ ясномъ небѣ видно было далеко. Голубой сводъ безъ облака, синее море безъ морщинки и горитъ, горитъ, не желая погаснуть, золотая полоса на востокѣ. Океанъ жадно отражалъ солнечный блескъ.

Къ старому Агафошкину подходили пассажиры. Пришелъ и Нордековъ, хмурый, съ помятымъ желтымъ лицомъ. На протянутыя ему для здорованія руки недовольно покосился.

—Извиняюсь, господа, еще не умывался.

— Ваше высокоблагородіе, — довѣрительно, какъ

къ своему, съ одной виллы «Les Coccinelles» пришедшему сюда, будто своему однохуторцу обратился къ нему Нифонтъ Ивановичъ. — И чего въ толкъ не возыму. У насъ, скажемъ, Донъ и Азовское море. Ну — рыбы — несосвѣтима сила. Осетры... Бывало Императору въ презентъ готовимъ, Гниловская станица займется, постарается, ей Богу — въ сажень! Мясо тебѣ плотное, хоть ножомъ его рѣжь, опять же судакъ. Самъ цвѣтной, полосатый, а мясо тебѣ бѣлое и ну вкусное же... Или красноперые чекомасы. Вкусъ у нихъ... Особливо ежи въ маслѣ или въ сметанѣ прожарить... Тутъ развѣ рыба?... Не поймешь ничего... Она и свѣжая во-няетъ. Чуть заглядѣлся — и расползлась. Жевать станешь, ну чистая резина. А уже казалось бы такія моря, что тутъ то бы осетрамъ раздолье. Или, можетъ, на днѣ сидятъ?.. Они на днѣ то больно любятъ... Въ иль зароется и не поймешь, корчага, али осетеръ.

Нифонтъ Ивановичъ, прикрывъ глаза, оглядѣлъ небосводъ. Онъ остановилъ взоръ, вдаль устремленный и примолкъ.

— Корабль, — тихо, какъ бы про себя, сказалъ онъ.

Всѣ посмотрѣли туда, куда показывалъ старикъ, но никто ничего не увидалъ.

— А можетъ такъ попричтилось.

— А что вы видите?

— Да быдто темная какая точка... Да оно такъ и есть.

Князь Ардаганскій побѣждалъ внизъ за биноклемъ.

На корабельномъ курсѣ появилась и быстро выросла какая то точка.

— Точно средневѣковый замокъ въ развалинахъ. На Рейнѣ такіе я видалъ, — вздыхая сказалъ Деревинъ. — Но только это не можетъ быть островъ. На картѣ, — я на вахтѣ сейчасъ стоялъ, — ничего нѣтъ на нашемъ курсѣ.

— Однако сами видите — островъ, — сердито сказалъ Мишель Строговъ. — На картѣ мало ли чего не показано. Все наше путешествіе ни на какой картѣ показано не можетъ быть... Тайна... Ну и островъ таинственный.

— Вмѣсто острововъ Галапагосъ — таинственный островъ капитана Немо, — округляя веселые выпуклые глаза, сказалъ Ардаганскій и опять впился въ бинокль. — Островъ, знаете, и есть... И преунылый какой то островъ... Хотя и очень красиво. Островъ принцессы Грезы... А, Мишель?... Можетъ, тамъ спящая красавица, и какимъ Флорестаномъ вы явитесь къ ней.

Пароходъ держалъ курсъ на островъ. Уже простыми глазами были видны его очертанія. Скалы въ солнечныхъ лучахъ казались розовыми. Онѣ выдвигались изъ воды и правда походили на развалины громаднаго, циклопическаго замка. Подъ скалами былъ зеленый лугъ, опоясанный пѣнистой полосой прибоя.

На командномъ мостикѣ появилось начальство, капитаны Волошинъ и Ольсоне и два офицера финна.

Вахтенный приказалъ пробить повѣстку къ поднятію флага. Пассажиры разошлись по каютамъ, чтобы одѣться и привести себя въ порядокъ. Всѣ были взволнованы. Наконецъ, приближались они къ конечной цѣли путешествія, къ той таинственной, недоступной ни для чьего наблюденія базѣ, которую нужно было имѣть капитану Немо. Теперь поняли, какъ во всемъ онъ былъ правъ, какъ все было продумано. Вотъ почему они перемѣнили курсъ, вотъ почему не пошли на острова Галапагосъ, про которые всѣмъ было извѣстно, вотъ почему подавали сигналы бѣдствія, и шли къ этому странному нелюдимому острову... Но что же это былъ за островъ?...

Къ нему подходилъ съ гордо рѣявшимъ за кормою Андреевскимъ флагомъ «Мститель». Онъ задержалъ свой бѣгъ. На носу мѣряли глубину. Специалисты подводныхъ камней и скалъ — финны — всматривались въ океанскія глубины. Машинный телеграфъ часто отзывивалъ. Машина застопорила. Пароходъ шелъ по инерціи.

Островъ былъ почти правильной круглой формы. Его ничѣмъ неизрѣзанные берега не представляли надежнаго мѣста для остановки. И опять стало понятно, почему такъ долго бродили по океану: — ждали тихой погоды и спокойнаго моря.

Бросили якоря.

Совсѣмъ близко былъ песчаный бѣлесоватый берегъ. Кое гдѣ черныя скалы и камни торчали изъ песка. Надъ пляжемъ краснымъ обрывомъ поднимался берегъ. Тамъ былъ зеленый лугъ. Мелкій кустарникъ поросъ по нему. Почти посерединѣ острова, ближе къ южной его окраинѣ, бросая сейчасъ тѣнь, закрывавшую западную часть острова, вздымалась крутая гора съ обрывистыми, скалистыми краями, похожими на обломки кратера потухшаго вулкана.

Простыми глазами была видна на той горѣ высокая бѣлая мачта. У основанія ея, какъ муха на куполѣ собора, возился сейчасъ какой то человѣкъ.

Вахтенный скомандовалъ: — «по орудіямъ». Горнисть протрубилъ: — «открытіе огня».

Медленно, едва колышимый въ недвижномъ знойномъ воздухѣ, ярко освѣщенный солнцемъ, поднимался, разворачиваясь на флагштокѣ мачты, громадный флагъ.

Въ то же мгновеніе рѣзко ударили выстрѣлы салюта.

Флагъ точно ожидалъ ихъ. Онъ коснулся верхнимъ краемъ клотика, дрогнулъ, на мгновеніе развернулся во всю длину и сейчасъ же опалъ, приникнувъ къ дереву мачты.

Флагъ этотъ былъ — Русскій.

IV.

На пароходѣ шла «авральная» работа. Всѣ были вызваны наверхъ, каждому было указано, что дѣлать. Все закипѣло. Бѣшенымъ темпомъ шла разгрузка парохода. Застучали паровыя лебедки подъ кранами и поползли на цѣпяхъ и канатахъ изъ нѣдръ трюма тяжелые ящики.

Да, все было предусмтрѣно. Первыми были подняты и спущены на воду желѣзные понтоны. Офицеры, бывшіе понтонеры, скрѣпляли ихъ, настилали досками

и нагружали аэропланскими частями, палатками, разборными бараками, моторами, тяжелыми и громоздкими предметами. Одновременно спустили паровые катера для буксировки понтоновъ и начали свозить на шлюпкахъ людей, чтобы принимать на берегу доставляемые вещи.

На первой шлюпкѣ отправились Ранцевъ и по его приказанію — Нордековъ, Арановъ, Вундерлихъ, Лагерхольмъ и старый Агафошкинъ.

Гребцы взялись за весла..

— Господа, прошу сейчасъ же вмѣстѣ со мною выбрать мѣста для палаточнаго лагеря роты, для аэропланныхъ ангаровъ, для вашей лабораторіи, профессоръ, для станціи радіо, — сказалъ Ранцевъ. — А ты, станица, отыщи хорошую воду и установи кухни, чтобы вечерній ужинъ былъ уже на берегу.

Островъ былъ унылый и необитаемый. По крайней мѣрѣ никакихъ пирогъ съ дикарями не показалось навстрѣчу шлюпкѣ, и не было видно того человѣка, что крѣпилъ Русскій флагъ... «Да и было ли это все, — думалъ Нордековъ, — «не было ли все это опять сонное и странное видѣніе»?

Шлюпка коснулась дна. Всѣ спрыгнули въ воду и пошли къ берегу. Намытый песокъ пляжа упирался въ красно земельный обрывъ. Вскрабкались на него и пошли къ скаламъ по зеленому, покрытому невысокою, жирною травою лугу. Попадались кусты и кактусы. Кусты были мелкихъ миртовыхъ породъ съ маленькими жесткими листиками и крошечными бѣлыми цвѣточками. Кое гдѣ росъ кривой, карявый можжевельникъ. Вьющіяся растенія съ большими, мягкими, свѣтлозелеными, круглыми листьями, гирляндами свѣшивались съ него. Ничего живого не попадалось. Не было даже ящерицъ. Птицы не щебетали. Островъ былъ нѣмъ и мертвъ.

Вдругъ, и такъ неожиданно, что всѣ вздрогнули и пріостановились, изъ за скалъ показался высокій сѣдой старикъ. Онъ быстро шелъ навстрѣчу. Рваныя полы темной одежды, будто черкески, болтались у колѣнъ. Бѣлая мохнатая шапка, съ алымъ когда то, верхомъ была надѣта на голову. За плечами у него было ружье, сбоку

болталась шашка, оправленная въ серебро. Самъ онъ былъ высокій, плотный, мѣшковатый, шель, чуть переваливаясь, широко загребая носками привычныхъ къ ходьбѣ ногъ. Когда онъ былъ ближе, разсмотрѣли на черкескѣ алые погоны съ тремя бѣлыми лычками и кресты и медали на гозыряхъ съ мѣдными патронами.

Шагахъ въ ста старый урядникъ пріостановился, приглядѣлся, точно нацѣливаясь, кто же здѣсь главный, кому рапортовать и яснымъ казачьимъ глазомъ опредѣлилъ вѣрно: — онъ направился прямо къ Ранцеву.

Онъ подошелъ, остановился, приложилъ руку къ папахѣ, и четко, стариновскимъ голосомъ отрапортовалъ:

— Ваше превосходительство, на Россійскомъ острову за цей рікъ ніякихъ происшествій не було. Чи капытанъ Немовъ не зъ вами будэ?...

— Капитанъ Немо еще на пароходѣ. Я его замѣститель — Ранцевъ. Ты что же здѣсь дѣлаешь, старикъ?

— Хранитель тай харнизонъ Россійскаго острова. У той рокъ капытанъ Немовъ мене до его приставивъ тай казавъ дуже берегти его для Россійской державы. А я Пластунскаго баталіона Кубаньскаго козацкаго війска урядникъ Тпрунька.

— Неужели, старикъ, одинъ цѣлый годъ прожилъ здѣсь, — спросилъ Нордековъ.

— Гэтъ одинъ. За Господомъ Богомъ проживъ.

— Чѣмъ же ты питался?...

— Концерты капытанъ бросавъ. У весну, якъ птиця летіла охотою мало баловався. Тай рібку у окіана потягувавъ. А то у нічъ запалю охарокъ тай до свѣта читаю Писання. Эвангиля тай Псалтырь — дуже гарно.

— Никто за годъ на острову не былъ?...

— Никого и не бачивъ. Навѣтъ порожній островъ Россійской державы.

— Ну теперь будутъ и обитатели. Видишь, сколько народа валить.

— Слава Тобі Боже. Зачекався.

Нифонтъ Ивановичъ суетился подлѣ. Все дожидался, когда можно будетъ задать волнующій его вопросъ

старику кубанцу. Наконецъ, улучивъ моментъ, когда Ранцевъ, онъ таки побаивался его — настоящий, «сурьезный» начальникъ — заговорилъ о чемъ то съ Арановымъ и отошелъ отъ Тпруньки, онъ обратился къ кубанцу:

— Гдѣ вода то, старикъ, питьевая?... Хорошая, станца, вода?...

— Вода у горі... Така' тобі' вода що лучшо'и и не тре'ба. Нена'че твои Эссентуки. Якъ минеральна вода. Тай бога'цько же її. Цілу дывизію напоить можно. Вода проте'чна. Бачишь, ручій побі'гъ. Я его Кубанкою прозвавъ.

— А гдѣ самъ то обитаешь, старикъ?

— У хорахъ моя хата. Я нена'че черкесь... Баштанъ посадивъ съ тихъ с'мянъ, що капытанъ міні давъ.

— И ладно растетъ? — обернувшись къ Тпрунькѣ, спросилъ Ранцевъ.

— А вотъ подыви'ться.

Поднялись на первое плоскогорье. Оно было хорошо укрыто скалами. На красной глинистой землѣ, поросшей рѣдкой травой, въ углу у самыхъ скалъ стояла маленькая малороссійская мазанка. Глиняная труба была накрыта муравленымъ горшкомъ.

— Самъ и будова'въ, — не безъ гордости показалъ Тпрунька.

За хатою былъ окруженный тыномъ огородъ.

Тпрунька повелъ Ранцева къ нему.

— Баштанъ тутешній погано вдається, ваше превосходительство, — говорилъ Тпрунька, показывая гряды. — Дыни ще де якъ уроди'шся. А кавуны гѣть усі пропали. И не уразумію відъ чо'го. Сдається и земля для ихъ сама га'рна. Оги'рки добре идуть. Такъ само и картошка.

Но Ранцевъ уже не слушалъ старика. Съ плоскогорья почти весь островъ былъ какъ на ладони. Ранцевъ острымъ взглядомъ осматривалъ его. Онъ повернулся къ Аранову и показалъ на широкую долину, полого спускавшуюся къ океану и отдѣленную отъ него невысокою грядою холмовъ.

— Михайлъ Михайловичъ, какъ располагаете, го-

дится это мѣсто для вашихъ ангаровъ?

Арановъ разсѣяннымъ взглядомъ окинулъ островъ. Онъ, какъ и всегда, отвѣтилъ не сразу.

— Да, конечно, — и, помолчавъ, точно что то вычисляя, добавилъ, — я пойду отмѣчу мѣста ангаровъ и мастерскихъ. Медлить не будемъ. Онъ сталъ спускаться съ плоскогорья. Ранцевъ слѣдилъ за нимъ, потомъ повернулся къ Нордекову.

— Георгій Димитріевичъ, — сказалъ онъ, — вызывайте своихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, разбивайте лагерь на слѣдующей террасѣ, за скалистымъ гребнемъ.

Онъ пошелъ показать Нордекову, какъ хотѣлъ бы онъ, чтобы былъ разбитъ лагерь.

— Понимаете, я требую... Порядокъ, какъ въ Красномъ Селѣ...

Онъ оглянулся назадъ. У бѣлой мазанки, возлѣ тына, совсѣмъ старики станичники стояли. Агафошкинъ въ бѣлыхъ панталонахъ и въ длинномъ кителѣ, въ соломенной шляпѣ и Тпрунька. Онъ снялъ винтовку и шашку и, нагнувшись къ землѣ, что то показывалъ, разводя руками, набирая пальцами жирную землю и бросая ее.

Ранцевъ хотѣлъ было позвать Тпруньку, чтобы онъ показывалъ дальше островъ, да ему жалъ стало отрывать стрика отъ интересной бесѣды съ давно невиданнымъ станичникомъ, да и не къ чему было — островъ вотъ онъ — весь былъ какъ на ладони.

V.

Работа на острову кипѣла.

Въ яркомъ пеклѣ и нестерпимомъ блескѣ точно застываемаго моря, презирая зной и отвѣсные лучи солнца, счовали взадъ и впередъ понтоны. Полуголые люди съ пѣніемъ и криками тащили тяжелые ящики на берегъ. Стучали топоры.

Ранцевъ издали съ горы смотрѣлъ на работу. Глазовскій хоръ выгружалъ большой ящикъ съ грузовикомъ.

Работа не спорилась. Вдругъ произошло движеніе. Въ знойномъ воздухѣ народилась пѣсня. Люди взялись за канаты.

Теноръ Кобылинъ въ однихъ трусикахъ, бѣлотѣлый, блистая стеклами пенсне, завелъ старую бурлацкую.

— Англичанинъ, мудрецъ,
Чтобъ работать спорѣй
Изобрѣлъ за машиной машину...
А нашъ Русскій мужикъ
Онъ работать привыкъ,
Подъ родную дубину...

И дружно грянулъ хорошо спѣвшійся хоръ:

— Эй, дубинушка, ухнемъ.
Да, зеленая, сама пойдетъ...
Дернемъ... Подернемъ...
Идетъ... Идетъ... Идетъ...

Ящикъ ползъ на берегъ.

Звонкій раздался восторженный голосъ:

— Вотъ тебѣ, братцы, и Атлантическій океанъ...
Что Волга матушка... А ну, робя, дальше:

— Отчего ты свая стала,
Да подрядчикъ пропиль сало...
Эй, дубинушка ухнемъ...

Ранцевъ издали наблюдалъ рабочихъ. Годы изгнанія слетѣли съ этихъ людей. Какъ птица, выпущенная на волю, они пѣли, отдаваясь звукамъ своихъ пѣсень, какъ выпущенный на волю звѣрь, томившійся въ клѣткѣ, они радовались счастью, быть собою, наконецъ, осознать себя Русскими, на Русской землѣ! Они остановились и, точно отвѣчая мыслямъ Ранцева, взглянули на

гордо рѣявшій надъ горою громаднѣйшій Русскій флагъ. Ихъ голоса были отчетливо слышны наверху.

— Гдѣ Русскіе, тамъ и Волга, — восторженно крикнулъ въ юношескомъ задорѣ Кобылинъ.

— А кубанца видали, братцы?

— Робинзонъ, настоящій Робинзонъ!

— Нѣтъ, братцы, почище будетъ Робинзона. И какъ ладно все у него устроено. Я въ хатѣ былъ. Ну чисто Ледяной походъ мнѣ напомнило. Славный дѣдъ. И не томился, цѣлый годъ одинъ живучи.

— Не томился, потому что вѣрилъ.

— Вѣримъ и мы...

— А почтенный старикъ. Все скулилъ, вишь ты пчелъ тутъ нѣтъ. Хуть бы, говорить, морскія какія ни на есть пчелы набрели, я и ихъ бы замордовалъ.

Съ трескомъ отдирались доски, обнажая грузовикъ. Мишель Строговъ наливалъ эссенцію, сейчасъ и поѣдетъ. Негдѣ было подняться.

— Вы по руслу попробуйте, Мишель, — кричали ему. — Не топко.

— Лучше по доскамъ. Доски можно подложить.

— Куда же по доскамъ. Не выдержать никакъ доски. Тонкія вѣдь.

— Стойте, Мишель, мы вамъ подкопаемъ, сейчасъ. Лопаты достали.

Ранцевъ сталъ спускаться внизъ, чтобы дать указанія, что и куда возить.

Цѣлую недѣлю и все такимъ же живымъ и бодрымъ темпомъ шла разгрузка парохода. Капитанъ Ольсоне поглядывалъ на небо, справлялся съ барометромъ и поторапливалъ рабочихъ. Работали въ три смѣны и днемъ и ночью. Съ парохода свѣтили прожекторами и въ ихъ лучахъ непохожими на людей были рабочіе на пустынномъ острову.

Одновременно съ разгрузкой шла постройка ангаровъ и мастерскихъ и установка палаточнаго лагеря.

«Какъ въ Красномъ Селѣ»... По шнуру отбили переднюю линейку и копали дернъ, чтобы обложить ее. По шестамъ провѣшивали линію палатокъ, равняли въ затылокъ и метромъ отмѣривали дистанціи и интер-

валы. Ферфаксовъ сносилъ красивые обломки скалъ и посерединѣ линейки устраивалъ подобіе кіота для образа Георгія Побѣдоносца, покровителя роты.

Профессоръ Вундерлихъ съ Лагерхольмомъ ходили по острову, изучая его.

Вершина горы была розовая и возвышалась правильнымъ куполомъ. Она походила на форму потаявшаго земляничнаго мороженого. Отъ нея кольцообразно шелъ внизъ базальтовый кражъ. Скалы имѣли различный размѣръ и видъ. Однѣ валунами громоздились другъ на друга, точно розсыпь картофеля исполина, другія торчали острыми пиками съ рѣзко очерченными гранями. Ихъ цвѣтъ былъ, то серебристо сѣрый, графитовый, то изсиня черный, мрачный и жесткій. Изъ подъ скалъ многими подземными ключами выбивалась чистая, хрустальная вода. Она наполняла естественные, образовавшіеся между камнями водоемы, падала оттуда водопадами, сливалась въ рѣчку и текла къ океану по зеленому лугу плоскогорья.

Все было молодо, ярко и красочно, какъ должно быть было на землѣ въ первые дни мірозданія. Трава была, какъ чистый изумрудъ, камни точно шлифованные, края водоемовъ хранили острые грани, необточенные водою.

— Этому острову, — ковыряя палкой въ землѣ, сказалъ профессоръ Вундерлихъ, — и десяти лѣтъ нѣтъ.

— Вы думаете, — сказалъ Лагерхольмъ.

— Когда я что говорю, — строго и вѣско по нѣмецки сказалъ Вундерлихъ, — я не думаю, я знаю. Я ученый человѣкъ. Этотъ островъ вулканическаго происхожденія. Онъ выдвинулся уже послѣ войны. Потому его никто и не нашелъ. Во время войны, избѣгая нашихъ подводныхъ лодокъ, суда колесили по всему океану и они нашли бы его... Они не нашли. Теперь никто не найдетъ... Это уже *ausgescholossen!*... Очень это хорошее мѣсто для нашей съ вами работы. Лучше, чѣмъ тамъ въ лѣсу... Тутъ ничего бояться не надо.

Къ концу недѣли, по указанію Ранцева, были установлены пушки Гочкиса въ нарытыхъ батареяхъ. Часть

ихъ была оставлена на «Мститель». На восьмой день, на разсвѣтѣ, «Мститель» и береговая батарея обмѣнялись прощальными выстрѣлами, отсалютовали флагомъ, и «Мститель» съ иностранной командой и капитаномъ Ольсоне, прогудѣвъ на прощанье, взялъ курсъ на сѣверъ и скоро исчезъ въ морской дали.

И было время. Съ полудня голубое небо заволокло сѣрою дымною завѣсою. Совсѣмъ неожиданно среди полной тишины налетѣлъ вихрь, заигралъ флагомъ на мачтѣ, развернулъ его во всю его трехсаженную длину и хлопнулъ имъ раза два. Потомъ все стихло. Флагъ безжизненно повисъ вдоль мачты. И только успѣлъ Тпрунька, знавшій, что все это значитъ, добѣжать и спустилъ флагъ, какъ заревѣла океанская буря.

Вѣтеръ, на тысячахъ миль не имѣющій препоны, вздымалъ громадныя волны. Точно хотѣлъ онъ до самаго дна выдуть воду изъ океана. Темнозеленые валы, покрытые частымъ бѣлымъ кружевомъ пѣны, съ кипящими гребнями шли на островъ.

Они налетали на берегъ, падали съ грохотомъ и съ шипѣніемъ разливались у зеленого луга. Вѣтеръ вылъ съ неистовою силою. Кусты никли подъ его порывами къ землѣ. Огромныя волны казались выше горы. Островъ точно дрожалъ и трясся на нихъ. Казалось, сорветъ его съ его жидкаго основанія, смоетъ песчаную отмель и разнесетъ самую гору.

«Мститель» ушелъ во время. Никакіе якоря не могли бы его удержать въ открытомъ океанѣ. Его разбило бы о скалы.

Эта буря продолжалась три дня и три ночи. И такъ же внезапно, какъ налетѣла она, такъ и стихла. Океанъ посинѣлъ. Волны съ мѣрною послѣдовательностью шли къ берегамъ и разливались у нихъ, все дальше и дальше отступая и намывая свѣжій песокъ и гальку пляжа.

VI.

Въ «затишкѣ», гдѣ былъ установленъ лагерь, буря ощущалась мало. Она неслась надъ горами, выла въ скалахъ, въ лагерь же едва играла флачками палатокъ, да чуть отдувала ихъ парусину.

Занятія и работы въ отрядѣ капитана Немо не прекращались. Они производились по особымъ росписаніямъ, составленнымъ и выработаннымъ Ранцевымъ вмѣстѣ съ Арановымъ, Вундерлихомъ, Лагерхольмомъ, Нордековымъ и Субботинымъ.

Рота Нордекова была разбита Ранцевымъ на тридцать отрядовъ, или, какъ ихъ по-французски называли офицеры, — на тридцать «экиповъ». Въ каждомъ отрядѣ былъ старшій, его помощникъ и замѣститель, два «газовика» и два пропагандиста... Кромѣ нихъ въ отрядъ входили летчикъ и механикъ. Люди въ экипахъ были изъ одной мѣстности. Во главѣ перваго отряда сталъ Ранцевъ, его помощникомъ — Ферфаксовъ. Этотъ и слѣдующіе пять отрядовъ были составлены изъ сѣверянъ, уроженцевъ Сибири. Два отряда были составлены изъ Петербуржцевъ, три изъ Москвичей, затѣмъ были отряды для всѣхъ большихъ городовъ: Кіева, Одессы, Харькова, Нижняго Новгорода, Курска, Ростова и т. д.

Во главѣ одного изъ Петербургскихъ отрядовъ были поставлены полковники Нордековъ и Парчевскій. Такъ какъ людей въ отряды должны были подбирать по своему желанію сами начальники, — Ранцевъ только осматривалъ ихъ и утверждалъ выборъ, — Нордековъ взялъ въ свой «экипъ» Мишеля Строгова. Очъ же сравнительно недавно былъ въ Петербургѣ и могъ быть полезенъ своими знаніями совѣтской жизни.

Ранцевъ, осматривая и провѣряя составъ отрядовъ, остановился противъ Мишеля и долго внимательно смотрѣлъ въ узко поставленные глаза будущаго боксера, горящіе недобрымъ, волевымъ блескомъ. Потомъ коснулся пальцами груди Мишеля и отпячивая его назадъ, сказалъ тономъ, не допускающимъ возраженій:

— Отставить... Георгій Димитріевичъ, вы замѣните Александра Нордекова другимъ Петербуржцемъ. Нордековъ останется на острову.

Полковникъ ничего не возразилъ. Онъ понималъ: — дисциплина... они были въ строю.

Вечеромъ онъ пошелъ объясняться съ Ранцевымъ.

— Петръ Сергѣевичъ, я къ вамъ, — просовывая голову въ палатку Ранцева, сказалъ Нордековъ.

— Прошу.

Ранцевъ сидѣлъ на складномъ стулѣ подлѣ небольшого стола. На столѣ были разложены карты крупнаго масштаба, надъ ними въ свинтномъ походномъ подсвѣчникѣ горѣла свѣча. Ранцевъ пересѣлъ на низкую койку, стоящую въ глубинѣ палатки и пододвинулъ стулъ полковнику.

— Что имѣете доложить?...

— Я, собственно, по поводу моего сына Шуры.

— Ну... Такъ въ чемъ же дѣло?...

— Я бы хотѣлъ взять его въ мой экипъ.

— Вы знаете, для чего эти отряды?

— Догадываюсь.

— Эти отряды на аэропланахъ полетятъ въ Россію... Они тамъ будутъ готовить возстаніе. Они жестокою местию подавляющимъ возстаніе будутъ помогать возставшимъ. Они будутъ работать, окруженные самымъ утонченнымъ сыскомъ, окруженные дносчиками и шпионами. Вы понимаете, какая должна быть спайка между всѣми членами отряда. Отрядъ долженъ быть, какъ тѣло одного человѣка. Онъ долженъ имѣть одну душу, одну вѣру, одно устремленіе.

— Я отлично все это усвоилъ... Шура мнѣ сынъ.

— Вы ручаетесь за него? — строго спросилъ Ранцевъ и прямо, неломаящимся взглядомъ посмотрѣлъ въ глаза Нордекову.

Съ минуту такъ, молча, они смотрѣли въ глаза другъ другу. И въ эту минуту вся жизнь на виллѣ «Les Coccinelles» прошла передъ Нордековымъ. Ламочка съ

ея «винтиками»... жена Ольга Сергѣевна, Леночка — «совдепка», и наверху въ комнатѣ-гробу странный, невѣдомый, «волевой», современный, новый человѣкъ, сынъ и не сынъ Мишель Строговъ, никогда не назвавшій его отцомъ, или папой, никогда не назвавшій мать мамой, не открывшій никому своей души, рѣзко дерзившій бабушкѣ и всѣмъ имъ чужой и непонятный. Будущій чемпионъ бокса и миллионеръ — вотъ все, что зналъ про него полковникъ.

Нордековъ медленно всталъ со стула, опустилъ глаза и тихо сказалъ:

— Извисяюсь, что побезпокоилъ.

Согнувшись онъ вышелъ изъ палатки и пошелъ къ себѣ. Мишель его ожидалъ.

— На чемъ же порѣшили? — спросилъ, непринужденно улыбаясь, Мишель.

— Ты останешься, Шура.

— Хны... Это еще что такое!... Да просто я не желаю оставаться на этомъ проклятомъ острову... Мнѣ надо начинать мою карьеру. Я не хочу.

— Такъ надо... Такъ будетъ лучше, — кротко сказалъ полковникъ.

Мишель сжалъ кулаки и, сдвинувъ узкія брови, съ большимъ гнѣвомъ выкрикнулъ:

— Ну это мы еще посмотримъ. Я ему покажу... сѣдому чорту.

Онъ вышелъ изъ палатки отца и, заложивъ руки въ карманы, пошелъ «волевой» походкой по лагерю, освѣщенному электрическими фонарями.

Какими то чудовищами, точно изваянія великановъ чернѣли. освѣщенные отблесками фонарей, базальтовыя скалы. Между ними, какъ огромные китайскіе бумажные фочари пузырями свѣтились палатки. Въ нихъ слышно было бормотаніе и разговоръ. Во всѣхъ тридцати «экипахъ» протверживали урокъ «полит-грамоты», заданный утромъ полковникомъ Субботинымъ.

VII.

Мишель Строговъ былъ серьезно уязвленъ и оскорбленъ тѣмъ, что его отставили изъ отряда его отца. На острову оставалось немало народа, не попавшаго въ «экипы». Но это были люди, оставленные для службы на острову. Это были тѣ, кому просто не хватило мѣста. Мишель же былъ избранъ и отставленъ. Онъ и сейчасъ ощущалъ оскорбительное прикосновеніе пальцевъ Ранцева, когда тотъ осадилъ его изъ шеренги Нордековского «экипа». Сначала онъ почувствовалъ себя хуже другихъ и это его поразило. Онъ такъ привыкъ считать, что онъ лучше и умнѣе всѣхъ, что согласиться съ тѣмъ, что онъ могъ быть признанъ для чего бы то ни было негоднымъ, онъ не могъ. И привычная гордость скоро подсказала ему, что онъ отставленъ изъ личныхъ счетовъ, что съ нимъ сдѣлана величайшая несправедливость, и онъ возненавидѣлъ Ранцева со всею силою своей невѣрующей души. Онъ все это время мало интересовался тѣмъ, что дѣлалось въ отрядѣ, машинально исполняя тѣ работы, куда его привлекали вмѣстѣ съ другими. Теперь онъ сталъ присматриваться, прислушиваться и отгадывать, какая была конечная цѣль всѣхъ сложныхъ работъ, шедшихъ на острову. Догадываться было нетрудно, да теперь этого никто и не скрывалъ. Это была подготовка къ жестокой борьбѣ съ большевиками, къ освобожденію отъ ихъ ига Россіи.

Мишель Строговъ былъ равнодушенъ къ Россіи. Онъ пошелъ въ отрядъ не для работы, но для раскрытія тайны, для продажи этой тайны кому то и полученія тѣхъ крупныхъ денегъ, которыя ему были нужны для его настоящей карьеры современнаго человѣка — карьеры боксера.

Тайна была наполовину раскрыта, но для реализаціи ея нужно было покинуть этотъ островъ. Только въ Европѣ, или въ Америкѣ онъ могъ рассчитывать хорошо продать узначную имъ тайну. Его отставили отъ полета съ острова и этимъ преградили ему возможность реализовать добытыя имъ свѣдѣнія.

Мишель Строговъ ни съ кѣмъ не дружилъ. Онъ держался ближе къ своимъ сверстникамъ, каковыми были Фирсъ Агафошкинъ, князь Ардаганскій, теноръ Кобылинъ и еще нѣсколько молодыхъ людей. Онъ пытался посвятить ихъ въ свои планы, открыть имъ свои идеалы, но даже Фирсъ его не понималъ. Всѣ горѣли одною идеей, всѣ были увлечены одною мечтою — спасеніемъ Родины. У всѣхъ на языкѣ были сказанныя, кажется, Муссолини слова: «все для Родины, все черезъ Родину, все на Родинѣ». Это слово, чуждое пониманію Строгова, бывшаго въ полномъ смыслѣ этого слова человѣкомъ безъ отечества, дико звучало для Мишеля... Но кругомъ только объ этомъ и говорили. Фирсъ изучалъ евангеліе и на насмѣшку Мишеля Строгова сказалъ съ тихимъ укоромъ:

— Я изъ послушанія дѣдушкѣ никакъ не выйду, а вамъ стыдно — вы образованный.

Ближе всѣхъ былъ князь Ардаганскій. Именно потому онъ сталъ ближе всѣхъ, что онъ былъ, какъ самый ярый противобольшевикъ, дальше всѣхъ отъ Мишеля. Но князь былъ очень добрый, очень вѣрующій человѣкъ и онъ считалъ своимъ долгомъ обуздать и укротить Мишеля, успокоить его и помочь ему. Мишель не открывался ему вполне, но князь догадывался, какая буря бушевала въ душѣ Мишеля.

Мишель пытался съ разными людьми и молодыми и старыми говорить о томъ, что его волновало: — о боксѣ, о чемпионатахъ разнаго рода, о милліонахъ, которые теперь можно такъ легко «сдѣлать». Его не понимали.

— На что мнѣ милліоны, когда у меня не будетъ Родины, — сказалъ Мишелю Кобылинъ.

— Самое сладкое въ жизни — это умереть за Родину, — сказалъ князь Ардаганскій. — Я училъ это въ школѣ, но тогда я этого не понималъ. Здѣсь я это понимаю.

— Я бы хотѣлъ быть такимъ, какъ Ранцевъ, — сказалъ корнетистъ Ковалевъ. — Бѣднымъ, но честнымъ. Рыцаремъ... Офицеромъ...

Спорить было бесполезно. Эти люди никогда не

поняли бы его. Надо было молчать. Кругомъ шла дѣятельная жизнь и хотѣлъ или не хотѣлъ Мишель, она втягивала его въ себя и заставляла работать, молча, стиснувъ зубы, затаивъ въ себѣ месть Ранцеву и всѣмъ этимъ Дочъ-Кихотамъ, какъ называлъ Мишель всѣхъ офицеровъ острова.

Съ необыкновеннымъ, суровымъ педантизмомъ Ранцевъ наблюдалъ, чтобы всѣ люди были на занятіяхъ, а занятія шли согласно съ составленнымъ имъ росписаніемъ. Для большинства, прошедшаго Галлипольскую Кутеповскую школу, этотъ педантизмъ не былъ ни страшень, ни новъ. Отъ него, правда, отвыкли. Онъ показался по началу тяжелымъ, но незамѣтно впряглись въ работу, и время полетѣло съ невѣроятною быстротою. Некогда было задумываться и критиковать, да и критиковать было нелегко: — все было разумно поставлено.

Въ четыре часа утра трубилъ горнистъ или билъ барабанщикъ «побудку» и въ темнотѣ тропической ночи, разсѣянной горящими на лагерной личейкѣ четырьмя высокими фонарями, подъ темносинимъ пологомъ неба, усѣяннымъ незнакомыми, большими и яркими звѣздами экватора, люди умывались, строились на общую молитву противъ прекраснаго отряднаго образа, потомъ шли въ столовую, гдѣ получали чай и утренній завтракъ.

Въ пять часовъ утра всѣ были на работахъ. Одни шли въ ангары, другіе въ мастерскія, остающіеся люди Нордековской роты строились на ученіе. Еще въ темнотѣ занимались гимнастикой. Въ шесть часовъ съ восходомъ солнца шли на ротное ученіе. Это было чаще всего рѣшеніе тактической задачи на мѣстности, причемъ иногда изъ роты дѣлали обозначенный батальонъ или цѣлый полкъ и проходили съ нимъ всѣ стадіи наступленія или обороны. А то шли упражняться въ стрѣльбѣ изъ винтовокъ и пулеметовъ, въ метаніи протыхъ и газовыхъ ручныхъ гранатъ. Ученіе кончалось и расходились: одни къ профессору Вундерлиху обучаться установкѣ и управленію его газовыми аппаратами, другіе съ полковниками Субботинымъ и Ястребовымъ изу-

чали совѣтскій бытъ, затверживали свои совѣтскія имена и свое прошлое, согласно съ новыми паспортами. Въ одиннадцать часовъ былъ обѣдъ—на славу кормилъ Нифонтъ Ивановичъ — послѣ обѣда до трехъ часовъ отдыхали, предаваясь полуденной снѣстѣ жаркихъ странъ. Въ три часа подѣ навѣсомъ, на легкомъ сквознякѣ у громкоговорителя слушали чтеніе по радіо Парижскихъ газетъ. Это была связь съ оставленнымъ міромъ.

На одномъ изъ первыхъ чтеній узнали о гибели не далеко отъ большихъ Антильскихъ острововъ парохода «Немезида», перевозившаго на острова Галапагосъ, кинематографическую труппу общества «Атлантида». Вся Русская колонія была взволнована этимъ несчастіемъ. Во всѣхъ церквяхъ Парижа, Медона, Ліона, Бѣлграда, Софіи и въ другихъ мѣстахъ Русскаго разсѣянія служили панихиды по погибшимъ. Служили панихиду и въ томъ мѣстечкѣ, гдѣ была вилла «Les Coccinelles». И жутко было слушать о себѣ, живыхъ, какъ объ умершихъ. Но самое страшное было, что газеты занялись этимъ одинъ, два дня, а потомъ и забыли, какъ будто бы никого изъ погибшихъ и не было на свѣтѣ. Но вспомнили, что такъ же скоро примирились съ гибелью Кутепова, и въ этомъ нашли грустное, философическое успокоеніе. И думали лишь о томъ, помнили ли о нихъ по крайней мѣрѣ ихъ жены, матери и дѣти?...

Мишель Строговъ подмѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на слушателей этимъ извѣстіемъ и запомнилъ его.

Во время слушанія громкоговорителя пили чай и прохладительные напитки, послѣ разбивались по комнатамъ и шелъ практической урокъ совѣтскаго быта.

Полковникъ Субботинъ ходилъ взадъ и впередъ по палаткѣ, гдѣ на скамьяхъ сидѣли люди «экиповъ».

— Прежде всего запомните, что несмотря на всю ту чепуху, которой старались большевики повернуть мозги на бекрень Русскому народу, имъ это никакъ не удалось. Вы приѣдете все таки въ Россію. Въ Россію, бѣдную, озлобленную, грязную, голодную, но Россію, и найдете въ ней не коммунистовъ, но Русскихъ. Не бойтесь мелкихъ ошибокъ въ совѣтской терминологіи, ея и

сами совѣтскіе граждане далеко не всѣ знаютъ. Конечно, лучше навсегда усвоить то, что усвоили и къ чему привыкли въ совѣтской республикѣ. Тамъ нѣтъ второго и третьяго классовъ, но есть твердые и мягкіе вагоны...

— Какое фарисейство, — сказалъ Парчевскій.

— Да... вѣрно... фарисейство... Но вся совѣтская республика есть величайшая, неслыханная доселѣ ложь, обманъ, партійное ханжество и насиліе... Въ совѣтской республикѣ многого нѣтъ того, къ чему вы такъ привыкли за границей. Тамъ послѣ бритья нельзя освѣжить кожу камнемъ, тамъ не носятъ воротничковъ... Рѣдко кто носитъ, особенно лѣтомъ, шляпы. Но не смущайтесь, если вы ошибетесь. Помните, милиція уже не та, и чекисты много сбавили форса. На замѣчаніе спокойно и дерзко даже кричите, что при «царизмѣ» все было. Толпа на вашей сторонѣ. Васъ тронуть не посмѣютъ. Чѣмъ смѣлѣе, скажу болѣе, чѣмъ наглѣе вы будете въ случаѣ какого бы то ни было недоразумѣнія, тѣмъ больше шансовъ, что васъ никто не посмѣетъ тронуть. Да вы вѣдь и пойдете не безоружными. Въ случаѣ, если вамъ придется столкнуться съ партійцемъ, чѣмъ большую чушь и наборъ словъ вы будете городить, тѣмъ больше шансовъ у васъ будетъ на успѣхъ. Ну-те-съ... Что такое уклонъ?... Что значитъ быть правымъ уклонистомъ?... Что такое Загсъ?... Господа, читайте, изучайте Зоценку. Не думайте, что это карриатура, кривое зеркало, это подлинное отраженіе или, какъ теперь стали говорить: «отображеніе» совѣтскаго быта во всей его неприкрашенной уродливости. Евстратовъ, расскажите намъ, какъ бы вы стали говорить съ партійцемъ... ну хотя бы... вотъ модная тема: — о партійной чисткѣ.

Евстратовъ всталъ со скамьи, придалъ своему курносому лицу тупое, упорное выраженіе и сталъ говорить, какъ твердо заученный урокъ:

— Въ ЦИК продолжаютъ поступать съ мѣстъ многочисленные запросы по чисткѣ и провѣркѣ партіи. Товарищи, къ этому надо относиться съ должнымъ вниманіемъ и партійною серьезностью. Провѣркомы и партс-организации запрашиваютъ напимѣръ: подлежатъ ли

провѣркѣ кандидаты, какъ поступать, когда возникнетъ сомнѣніе въ установленіи партстажа, гдѣ провѣрить только что прибывшихъ въ ячейку изъ другихъ организацій, гдѣ и когда наклеивать марки на партдокументъ провѣренного, нужно ли голосовать на собраніяхъ и т. д. Товарищи, все это праздные вопросы. Все это предусмѣтрѣно и разъяснено въ инструкціяхъ и письмахъ ЦКК ВКП. Статодѣломъ ЦК ВКП разосланы на мѣста бланки статистической отчетности о чисткѣ и провѣркѣ партіи и инструкція по составленію отчетности и подведенію итоговъ чистки. Всего формъ отчетности четыре. Форма № 1 — списокъ членовъ ячейки. Онъ составляется въ каждой ячейкѣ въ двухъ экземплярахъ за два, три дня до чистки. Провѣркомы отмѣчаютъ въ этомъ списокѣ результаты провѣрки каждаго партійца или причины неявки. Форма № 2 — итоги провѣрки...

— Очень хорошо-съ... Довольно, господинъ Евстратовъ. Прошу васъ садиться. Изъ этого краткаго доклада, господа, не думайте, что доклада придуманнаго, чтобы посмѣяться надъ узкимъ бюрократизмомъ и канцеляризмомъ коммунистической партіи, нѣтъ, доклада подлиннаго, вы можете убѣдиться, до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ, до какого абсурднаго узкаго канцеляризма и бюрократизма дошли большевики. И этихъ всѣхъ правилъ, отчетностей, инструкцій, формъ, которыми засыпаютъ совѣтскихъ служащихъ, естественно никто не можетъ какъ слѣдуетъ усвоить и запомнить. Отсюда — смѣлость и наглость при спорахъ и вы всегда будете правы. Знать всѣ декреты, инструкціи, формы и правила большевиковъ труднѣе, чѣмъ изучить китайскую грамоту. Ихъ не знаютъ и сами такъ называемые «сто процентные» коммунисты. Вы спросите меня, откуда вся эта канцелярская галиматья въ коммунистической партіи? Надо знать, кто такіе большевики? Соціалисты и ихъ производная — большевики — это дѣтище той части народа, которая оторвалась отъ него, получила нѣкоторыя знанія, не знаетъ народа, не желаетъ знать его чаяній и вожелѣній, создала въ своей головѣ нарочно придуманныя правила и съ тупостью народныхъ учителей старается во что бы то ни стало

привить свои правила народу. Соціалисты — это дѣтище такъ называемой «интеллигенціи». Ея самые яркіе представители, это туполобыя, фанатическія курсистки, которыхъ знанія опьянили и онѣ возомнили себя въ нѣ-которомъ родѣ богами. Что могла эта «интеллигенція» придумать для народа, кромѣ воинствующаго безбожія, самаго грубаго и пошлаго матеріализма и всѣхъ этихъ рапортчикѣ, инструкцій, формъ, доносовъ и экзаменовъ «како вѣруеши»?... Соціалисты вышли изъ среды, гдѣ спрашиваютъ уроки «отъ эстого до эстого», гдѣ ставятъ баллы, сажаютъ въ карцеръ, дѣлаютъ экзамены и выгоняютъ вонъ изъ школы. Это единственное свое знаніе они и примѣнили къ жизни великаго народа. Они экзаменуютъ его, ставятъ ему баллы, сажаютъ въ карцера Гороховыхъ и Лубянокъ и выгоняютъ вонъ изъ жизни. Большевизмъ — это прежде всего мѣщанство, доведенное до абсурда... Большевизмъ — это невѣроятная пошлость, это оскотиненіе человѣка. И потому не бойтесь. Смотрите на все просто. Тамъ, куда вы прилетите, гдѣ сразу вы очутитесь въ толпѣ народа, вы не найдете ничего страшнаго. Вы увидите тамъ дѣвицъ, мечтающихъ объ «ирискахъ» Моссельпрома, о билетѣ въ кинематографъ, о прюнелевыхъ ботинкахъ и о шерстяныхъ теплыхъ чулкахъ. Тамъ вы найдете молодыхъ людей, зубрящихъ партійные уроки и боящихся получить дурной баллъ. Вы вездѣ будете выше ихъ и только — не бойтесь...

Субботинъ поклонился слушателямъ. Его урокъ кончался. Ранцевъ, присутствовавшій на занятіяхъ, знакомъ показалъ, чтобы не расходились и сказалъ:

— Особенно эти мѣщанство и пошлость сказались въ красной арміи. Совѣтское Правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобы создать боеспособную армію. Она тратитъ на нее большія деньги, она ее старается кормить и одѣвать и, тѣмъ не менѣе, къ тринадцатому году существованія красной арміи она представляеть изъ себя и по внѣшнему виду и по внутреннему своему содержанію то, чѣмъ была наша армія во времена Временнаго Правительства. Красная армія можетъ дать Калущъ, но за нимъ неизбежно послѣдуетъ —

Тарнополь... Красные командиры не гордятся, но тягостятся службой. Нашъ офицеръ сживался съ полкомъ цѣлымъ рядомъ предковъ, служившихъ въ этомъ полку. Онъ любилъ свой полкъ, гордился имъ. Онъ любилъ и дорожилъ полковымъ мундиромъ, берегъ и цѣнилъ носимое имъ оружіе... Ничего этого нѣтъ въ средѣ краснаго команднаго состава. Это не офицеры, это чиновники, ненавидящіе службу, отбывающіе въ ней номеръ. Красная армія съ полками безъ традицій прошлаго, со скучнымъ и позорнымъ настоящимъ и безъ всякаго будущаго — мертвый организмъ. Въ ней каждый понимаетъ, что коммунизмъ умереть и съ нимъ умереть и его красная армія. Вамъ, господа, придется на ея мѣстѣ создавать новую Россійскую Имперскую Армію на началахъ вѣры въ Бога, вѣрности присягѣ будущему Государю и доблестнаго, рыцарскаго служенія Родинѣ. Готовьтесь къ этому.

— Намъ для этого слишкомъ мало, — съ мѣста сказалъ Парчевскій.

— За вами вся Россія... Въ нужную минуту къ вамъ явится на помощь Русскій Обще-Воинскій Союзъ и пополнить ваши ряды знающими, доблестными и опытными офицерами. Онъ явится къ вамъ готовыми полковыми ячейками, сквозь труды и лишенія эмигрантской жизни пронесшими непоколебимую вѣрность знаменнымъ лозунгамъ и горячую жертвенную любовь къ родному полку.

Глубокою, страстною вѣрою дышали слова Ранцева. Они вливали бодрость въ сердца офицеровъ. Послѣ его словъ легче дышалось. Забылись тяжелые труды въ непривычномъ климатѣ, забылась тоска по покинутымъ семьямъ. Готовились къ подвигу и вѣрили, что подвигъ этотъ будетъ ненасрашенъ.

Занятія шли по своему росписанію и, независимо отъ него, дни и ночи непрерывно въ аэропланнхъ ангарахъ стучали по металлу молотки, клещи стягивали гайками винты. Подъ руководствомъ инженеровъ шла сборка аэропланнхъ частей.

И не прошло и мѣсяца такой напряженнѣйшей работы, какъ то одинъ, то другой серебряный лебедь, кра-

савецъ аэропланъ, выбѣгалъ изъ ангара, становился на отмѣченную точку и вдругъ безъ шума и безъ разбѣга, точно подхваченный какою то невидимою силою взмывалъ вверхъ и исчезалъ въ голубой выси.

Возвращавшіеся съ пробныхъ полетовъ авиаторы были въ восторгѣ отъ аппаратовъ Аранова. Самъ Арановъ всегда стоялъ и ожидалъ замѣчаній о полетѣ. Взмолнованный, возбужденный совершеннымъ полетомъ летчикъ шелъ къ нему съ докладомъ.

— Какая удивительная машина, Михаилъ Михайловичъ, — уже издали говорилъ летчикъ. — Я совершенно забывалъ, что я лечу на аэропланѣ. Просто парилъ орломъ въ воздухѣ. Останавливался, прибавлялъ и убавлялъ скорость. Какъ нѣкій духъ неслышно носился надъ океаномъ. Мой аппаратъ высоты показывалъ шесть тысячъ метровъ, а я и не замѣчалъ этого въ своей кабинѣ. Вы думаете, я могу завтра подняться выше?...

Арановъ стальными глазами вглядывался въ глаза летчика и какъ всегда долго не отвѣчалъ.

— Да, конечно, — наконецъ, говорилъ онъ и шелъ навстрѣчу слѣдующему летчику, безшумно спускавшемуся на указанное ему мѣсто.

Мишель Строговъ наблюдалъ все это. Онъ обладалъ теперь въ полной мѣрѣ тайной и онъ понималъ, какихъ денегъ стоила эта тайна. Дѣйствительно — миллионъ!... Но использовать ее, пока онъ находится на этомъ проклятомъ острову онъ никакъ не могъ. Все сильнѣе и ярче накапливалась въ немъ злоба противъ Ранцева, отставившаго его отъ полета и жажда мести во что бы то ни стало стала главною его мыслью. Изъ далекихъ воспоминаній дѣтства выплыли времена, проведенныя имъ въ комсомолѣ и уроки тамъ полученные. Разлагать и уничтожать всякое дѣло, всякое начинаніе... Сѣять смуту среди участниковъ... Подрывать довѣріе къ начальникамъ — вотъ та работа, которая указывалась въ такихъ дѣлахъ. Мишель Строговъ искалъ случая, чтобы взорвать работу Ранцева и уничтожить довѣріе къ нему офицеровъ и солдатъ отряда капитано Немо. Изъ своего коммунистическаго прошлаго онъ усвоилъ, что въ такихъ случаяхъ надо найти слабое мѣсто у противни-

ка и по нему и ударить какъ и чѣмъ угодно, хотя бы ложью и клеветой. И Мишель Строговъ нашелъ такое мѣсто.

VIII.

Въ собранской столовой кончили ужинать. Почти всѣ офицеры разошлись по палаткамъ. Свѣчи были погашены. Только на одномъ концѣ длиннаго стола, гдѣ горѣлъ лампiонъ, осталась небольшая группа. Тамъ смотрѣли, какъ неизвѣстно откуда прилетѣвшая большая ярко голубая блестящая бабочка билась крыльями о стекло лампiона. Въ противоположномъ углу въ темнотѣ, Фирсъ Агафошкинъ у самовара перетиралъ стаканы. Никто изъ сидѣвшихъ у стола не замѣтилъ, какъ въ этотъ темный уголъ прошелъ изъ лагеря Ранцевъ. Онъ не хотѣлъ тревожить офицеровъ и, сдѣлавъ Фирсу знакъ, чтобы онъ не докладывалъ о его приходѣ, спросилъ себѣ стаканъ чая и сѣлъ въ углу, издали наблюдая за бабочкой.

— Первый вѣстникъ на Россійскій островъ, — сказалъ Парчевскій, стоя слѣдившій за порханіемъ бабочки.

— Господинъ полковникъ, мы должны спасти ее и не дать обжечь ея прекрасныя крылышки, — сказалъ князь Ардаганскій.

— Какъ вы думаете, какъ и откуда она могла попасть къ намъ? — сказалъ Кобылинъ. Его голосъ былъ нѣженъ. Казалось, что это сказала груднымъ низкимъ голосомъ женщина.

— Вѣтромъ могло принести куколку. И вотъ это первое существо, родившееся на острову, — сказалъ Парчевскій.

— Я, господа, видалъ мышей, — сказалъ Ферфаксонъ.

— Ну эти попали съ ящиками съ мукой со «Мстителя». Онѣ того же порядка, что и мы. Но бабочка... Откуда она?...

— Какъ интересно наблюдать зарожденіе флоры и фауны на острову, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ничего не было.

— Такъ когда то было и на всей нашей землѣ.

— Да, если вѣрить матеріалистамъ и считать теорію Дарвина за непреложную истину.

— Но она давно уже опровергнута. Ей вѣрятъ только такія тупицы, о которыхъ, помните, намъ рассказывалъ полковникъ Субботинъ.

Ферфаксовъ, наконецъ, поймалъ бабочку и бережно передалъ ее Ардаганскому.

— Отнесите ее остороженько, Михакко, подальше и положите въ траву, да крылышки ей не помните.

— Однако, господа, откуда нибудь все это берется? Какая то теорія зарожденія видовъ должна быть, — сказалъ Кобылинъ.

Ферфаксовъ быстро обернулся къ говорившему. Милое смущеніе загорѣлось на его смугломъ, не старѣющемъ лицѣ.

— Какъ какая то теорія, — сказалъ онъ срывающимся отъ волненія голосомъ. — Не теорія, но точное знаніе. Жизнь всему живущему послалъ Тотъ, о Комъ поетъ псалмопѣвецъ Давидъ: — «Господь творитъ все, что хочетъ, на небесахъ и на землѣ, на моряхъ и во всѣхъ безднахъ. Возводитъ облака отъ края земли, творитъ молніи при дождѣ, изводитъ вѣтеръ изъ хранилищъ Своихъ...» *).

— Вѣтеръ изъ хранилищъ, — съ глубокою ироніей сказалъ Мишель Строговъ. — Какой же авторитетъ Давидъ... Да и былъ ли онъ когда?...

Ферфаксовъ смутился. Этотъ самоувѣренный молодой человѣкъ не нравился Ферфаксову, но оборвать его онъ при своей тонкой деликатности не могъ. Какъ оборвать?... Онъ былъ сыномъ полковника Нордекова, съ кѣмъ онъ вмѣстѣ пережилъ такія страшныя и незабываемыя минуты на берегу Сены. Ферфаксовъ зналъ всю исторію Мишеля. Онъ жалѣлъ его. Сколько разъ онъ хотѣлъ подойти къ его ожесточенному сердцу съ ти-

*) 134-й псаломъ Давида.

хими словами любви и участія и понималъ, что разобьются его слова о насмѣшливую самоувѣренность и холодную самовлюбленность Мишеля.

Парчевскій замѣтилъ смущеніе Ферфаксова и поспѣшилъ ему на помощь.

— Бросимъ всѣ эти такъ давно всѣмъ надоевшіе споры о мірозданіи. Какъ мудро придумалъ капитанъ Немо, устроивъ нашу базу на этомъ никому невѣдомомъ острову.

— Не нахожу, — быстро и зло сказалъ Мишель.

Всѣ примолкли. Съ нѣкоторою растерянностью смотрѣли на самого молодого изъ нихъ, такъ смѣло оспаривавшаго ихъ.

— Прежде всего, — осмѣлѣвъ отъ молчанія, продолжалъ Мишель, — селить на островѣ одного этого старика Кубанца было совсѣмъ не осторожно... Онъ могъ за этотъ годъ сто разъ въ ящикъ сыграть и тогда бы кто сталъ Россійскій флагъ поднимать. Это разъ... — Мишель гордо оглянулъ всѣхъ. Онъ казался самому себѣ удивительно умнымъ и проницательнымъ. — Другое — и самый то этотъ островъ — ерунда съ масломъ. Вундерлихъ говорилъ, что онъ выдвинулся изъ океана вслѣдствіе землетрясенія лѣтъ восемь, десять тому назадъ. Ну развѣ не легкомысленно селиться на такомъ острову? Онъ можетъ такъ же свободно, какъ вынырнулъ изъ воды и нырнуть подъ воду, и со всѣми нами... Какая же эта база?...

— Но этотъ островъ, — внушительно и строго сказалъ капитанъ Волошинъ, — лежитъ на 2° 10' 11" южной широты и на 22° 32' 18" западной долготы отъ Гринвича. Онъ находится внѣ какихъ бы то ни было судовыхъ рейсовъ. Наше пребываніе на немъ невозможно открыть. А это въ нашемъ дѣлѣ самое важное... А то, что онъ можетъ или не можетъ обратно опуститься — это дѣло десятое. Вулканъ давно потухъ. Землетрясенія не можетъ произойти. Вы этого, молодой человѣкъ, не учитываете.

«Сорвалось», — подумалъ Мишель Строговъ. «Молодой человѣкъ» извело и оскорбило его. Онъ со злобою посмотрѣлъ на Волошина. Онъ зналъ, что у Воло-

шина была красивая жена и что онъ больше другихъ офицеровъ тосковалъ по семьѣ и волновался, что она не знаетъ, что они не погибли. Это и вообще было самое больное мѣсто въ экспедиціи. Тутъ были Парчевскій, Ферфаксовъ, все женатые, Кобылинъ, — у него осталась невѣста — француженка, князь Ардаганскій, признавшійся какъ то Мишелю, что онъ безъ ума влюбленъ въ нѣкую очень молодую особу. «По больному то и бить», — вспомнилъ онъ и, засунувъ руки въ карманы, съ небрежно независимымъ видомъ бросилъ:

— Да и вообще...

— Нѣтъ, Мишель, — строго сказалъ Парчевскій, — если что начали, то и договаривайте.

— Вообще... Нѣтъ честности... насъ обманываютъ...

— То есть? — еще строже сказалъ Парчевскій.

— А вотъ общались женъ и матерей увѣдомить... Вообще родныхъ, что «Немезида» не погибла, а между тѣмъ... Вотъ уже мѣсяцъ...

Тяжелое молчаніе стало въ палаткѣ.

Ранцевъ отставилъ свой стаканъ и подошелъ къ офицерамъ. Всѣ поднялись.

— Господа, — тихимъ отъ сердца идущимъ голосомъ сказалъ Ранцевъ, — Александръ Нордековъ смутилъ васъ. Да, это вѣрно, капитанъ Немо не нашелъ пока возможнымъ громогласно черезъ радіо сообщить о томъ, что пассажиры «Немезиды» не погибли. Вы сами понимаете, что этого нельзя было сдѣлать. «Немезида» должна была исчезнуть изъ поля зрѣнія праздныхъ и любопытныхъ наблюдателей. Иначе, корреспонденты большихъ газетъ, какіе нибудь снобирующие милліонеры американцы, наконецъ, просто конкурирующие фильмовики хлынули бы вслѣдъ за ней на острова Галапагосъ... Не найдя тамъ никакихъ слѣдовъ фильмовой съемки, они подняли бы тревогу, стали бы искать... При теперешнихъ то средствахъ воздушной развѣдки, имъ такъ просто было бы наткнуться на нашъ островъ, и вся наша работа рухнула бы раньше времени. Она была бы сорвана. Теперь насъ нѣтъ. Вы сами видите, какъ въ нашъ вѣкъ скоро забываютъ умершихъ... Мы можемъ спокойно работать и завершить наше дѣло. Сказать

сейчасъ ничего нельзя. Вашимъ семьямъ придется потерпѣть. Итакъ уже Совѣты очень заинтересованы, откуда сѣтъ пропаганду радіо. Мы должны до поры до времени притаяться, какъ бы не быть вовсе... Но я могу васъ увѣрить, что ваша забота тяготитъ и капитана Немо и онъ, при первой же возможности, дастъ неопровержимыя доказательства вашимъ семьямъ, что вы не погибли...

Ранцевъ повернулся къ Мишелю и сказалъ, возвышая голосъ, тономъ не допускающимъ возраженія:

— Васъ, Александръ Георгіевичъ, я предупреждаю, что, если вы будете невоздержны на языкъ и еще разъ позволите себѣ выступать съ необоснованною критикой и обвиненіями, которымъ нѣтъ мѣста, я буду принужденъ арестовать васъ. Я могу принять и другія мѣры... Господа, часъ поздній. Завтра съ утра большія работы. Прошу васъ разойтись по палаткамъ.

Ранцевъ сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ въ полной тишинѣ изъ палатки.

IX.

Выйдя изъ собранія, Ранцевъ пошелъ на гору, гдѣ на послѣдней террасѣ, подъ самой вершиной, укрытый со всѣхъ сторонъ скалами стоялъ баракъ капитана Немо. Часовые окликнули его: — «что пропускъ»? Ранцевъ отвѣтилъ. Часовые узнали его. Имъ былъ разъ навсегда отданъ приказъ пропускать его къ Немо во всякое время дня и ночи. Ранцевъ постучалъ у двери барака.

— Да... да... Ты, Петръ Сергѣевичъ?... Входи... Очень кстати.

Капитанъ Немо сидѣлъ въ углу барака у небольшого стола, гдѣ былъ радіо аппаратъ. Онъ держалъ у своихъ ушей эбонитовые кружки. Онъ подаль одинъ Ранцеву и жестомъ показалъ, чтобы Ранцевъ сѣлъ рядомъ съ нимъ. Свободной рукой Немо на блокъ-нотъ напи-

салъ карандашомъ: — «говорить Дріянскій, съ бывшаго «Мстителя» изъ Вардо... по специальной волнѣ... уловить ее никто не можетъ».

Въ аппаратѣ потрескивало и черезъ эти потрескиванія слышенъ былъ знакомый голосъ Дріянскаго.

— Сто тысячъ винтовокъ и десять тысячъ станковыхъ пулеметовъ, десять миллионовъ патроновъ къ нимъ погружены. Все прошло благополучно. Комплектовъ зимней одежды могли взять только пять тысячъ, мануфактуры тысячу тоннъ. Съ зимней одеждой имѣю надежду управиться на мѣстѣ. Такъ мнѣ и Кортиненъ писалъ. Во всякомъ случаѣ обѣщаютъ подачу слѣдующимъ рейсомъ еще двадцать тысячъ комплектовъ и двѣ тысячи сѣделъ. Дѣло поставки налажено... Теперь самое главное... Ледокола въ Шверіи мы не нашли... Но въ Вардо стоялъ совѣтскій ледоколъ «Ильичъ». Переговоривъ съ Ольсоне рѣшилъ овладѣть имъ. Лейтенантъ Нюстромъ съ двумя молодцами подошелъ къ «Ильичу» на шлюпкѣ. Были приняты. Употребили данное Вундерлихомъ дихлоръ-ди-этилъ-сульфидовое соединеніе. Дѣйствительно — король газовъ!... Весь экипажъ сдохъ моментально. Наши остались невредимыми только потому, что знали, гдѣ незараженное мѣсто... Всю ночь чистили судно и сбрасывали трупы въ море. Поставили свою команду. Что удивительно — шведовъ нисколько не поразила перемѣна капитана на «Ильичѣ». Оказывается, съ совѣтскими судами это обыкновенная исторія. Завтра съ ледоколомъ идемъ дальше. Если благополучно проскочимъ «железные ворота», черезъ недѣлю будемъ въ указанномъ вами мѣстѣ. Шведы утверждаютъ, что при нынѣшнемъ лѣтѣ, тепломъ и дождливомъ, раньше конца сентября не будетъ настоящаго ледостава. Значить четыре рейса намъ обеспечены. Только вы успѣвайте насъ принять... Все...

Аппаратъ точно изъ приличія пошелкалъ еще немного, потомъ все стихло. Капитанъ Немо снялъ съ себя наушникъ. Онъ всталъ и прошелся по кабинету.

— Ты слышалъ, Петръ Сергѣевичъ. Медлить больше нельзя. Твои отряды готовы?

— Да... Болѣе или менѣе. Насколько можно было

въ такой короткій срокъ изучить такое сложное и большое дѣло.

— Я тебя понимаю. То, что намъ надо знать такъ безпредѣльно, что сколько ни изучай, все останутся необслѣдованныя области знанія. Все тысячи вопросовъ будутъ безъ отвѣта. Что дѣлать? — найдете отвѣты на мѣстѣ, ихъ подскажетъ вамъ сама жизнь. Настало время дѣйствовать. Иначе, пока солнышко взойдетъ — роса очи выѣстъ. Каждый день, что коммунисты остаются у власти, усиливаетъ ихъ на годы и приближаетъ возможность міровой революціи и гибели европейской культуры... Мы начнемъ... Другіе намъ помогутъ... Братья Русской Правды борются уже давно. За нами, а когда все узнаетъ, и съ нами — громадный Обще-Воинскій Союзъ... Итакъ приступимъ... Проси ко мнѣ сейчасъ всѣхъ начальниковъ отрядовъ, Русскихъ и иностранныхъ... Когда я ихъ отпущу, пусть явятся ко мнѣ летчики машинъ, назначенныхъ подъ отряды.

— Слушаюсь...

Ранцевъ спускался быстрой походкой съ горы. Кругомъ томительно красивая была лунная ночь. Внизу тусклыми казались фонари на лагерной линейкѣ. Мертвая тишина была на острову. Океанъ былъ тихъ. Изрѣдка онъ точно вздыхалъ во снѣ. Набѣгала волна прибоя. Это молчаніе природы смягчало и умиротворяло бурно колотившееся сердце Ранцева.

Вотъ оно, то, о чемъ столько лѣтъ въ эмиграціи онъ мечталъ — начинается... И какъ!...

Х.

Такъ же, какъ и Ранцевъ, всѣ офицеры, кого въ этотъ поздній часъ разбудили и потребовали къ капитану Немо, долгіе годы эмигрантскаго бытія, не переставая, мечтали о томъ, какъ они вернутся на родину. Возвращеніе въ Россію было смысломъ ихъ жизни. Безъ мечты о немъ и самая жизнь была невозможна.

Въ разное время по разному представлялось имъ возвращеніе въ Россію и работа тамъ.

Чаще всего имъ рисовалось, что гдѣ то... скорѣе всего въ Юго-Славіи формируется русская армія. Во главѣ ея становится благороднѣйшій, единовѣрный король рыцарь Александръ и ведетъ эту армію черезъ Румынію въ Бессарабію и начинается новый побѣдоносный походъ на Москву. Они идутъ въ его арміи, кто простыми рядовыми, кто ротными, кто батальонными или полковыми командирами. Въ этихъ мечтахъ походъ всегда рисовался опредѣленными чертами. Сборъ въ какомъ то лагерѣ. Вооруженіе и снаряженіе. Короткое, но умѣлое «интенсивное» обученіе. Эшелоны. Выгрузка. Походная колонна. Мѣры охраненія. Развѣдка и бой... Непремѣнно бой... Далекій гулъ чужой артиллеріи и бѣлые дымки разрывовъ въ синемъ небѣ надъ головами. Смѣлое и быстрое движеніе не лежащихъ цѣпей...

Варианты были разные, но смыслъ былъ одинъ — бой и входъ побѣдоносныхъ полковъ въ Одессу, Елизаветградъ, Черкасы, Полтаву, Харьковъ...

Иногда все это представлялось въ воображеніи по иному. Образумились нѣмцы. Хитлеръ, что ли перевернулъ всѣ ихъ планы? Они порвали съ большевиками, заключили союзъ съ французами и «бѣлая армія» выдвигается изъ Эстоніи и Финляндіи — прямо на Петербургъ... Чего бы проще?... Вся операціонная линія меньше ста верстъ... Или это Франція приказала Польшѣ, и бѣлая армія формировалась въ Польшѣ и шла на Двинскъ и Псковъ, или на Великіе Луки и Москву...

Порою думали, что все это можетъ случиться иначе... безъ нихъ. Вдругъ какимъ то свѣтомъ озарится и прозрѣетъ красная армія, свергнетъ совѣтскую власть и тогда всѣмъ имъ «бѣлымъ» офицерамъ придется вернуться въ порядкѣ — приглашенія. Въ воображеніи рисовалось, какъ они входятъ съ волненіемъ въ красноармейскія казармы... Найдутъ ли они тогда общій языкъ со вчерашними крас-комами и смогутъ ли, все позабывъ, служить съ ними новой, не большевицкой Россіи?

Болѣе смѣлые, нетерпѣливые и рѣшительные, особенно тѣ, кто состоялъ въ Братствѣ Русской Правды

мечтали о командировкѣ «туда». Имъ давали фальшивые паспорта, визы, снабжали деньгами, оружіемъ, «явками» и они ѣхали съ великой опаской, каждую минуту рискуя быть узванными, преданными, арестованными, подвергнутыми пыткамъ и уничтоженными. Подвигъ?... Но какой страшный, не каждому доступный подвигъ!

И вотъ теперь... Свершилось... Они ѣдутъ туда... Какъ все это было совсѣмъ по иному, чѣмъ они думали!...

Они входили одинъ за другимъ въ баракъ капитана Немо и выстраивались кругомъ большого письменнаго стола, за которымъ стоялъ Немо. На столѣ подъ низко спущенной лампой была разложена карта Россіи.

Стукъ сапогъ, шопотъ и покашливаніе взволнованныхъ ночнымъ вызовомъ начальниковъ отрядовъ смолкъ. Капитанъ Немо поднялъ голову и спросилъ Ранцева:

— Всѣ?

— Такъ точно, Ричардъ Васильевичъ.

— Прошу начальниковъ первыхъ пяти отрядовъ, объединенныхъ подъ начальствомъ Петра Сергѣевича Ранцева подойти ко мнѣ.

Въ толпѣ, стоявшей вокругъ стола произошло перемѣщеніе. Пять человѣкъ съ серьезными и сосредоточенными лицами стали противъ Немо.

Капитанъ Немо широкою ладонью накрылъ одно мѣсто на картѣ.

— Господа, вы въ общихъ чертахъ знаете вашу задачу. Вы давно получили соотвѣтствующіе отрѣзки картъ и вы должны были ихъ изучить. Объ этомъ край всегда какъ то было у насъ неправильное представленіе. Не такой дикій и не такой холодный это край. Уже къ началу Великой войны онъ былъ вдоль рѣки густо покрытъ поселками и селами, и промысла въ немъ процвѣтали. Великая война сгустила въ немъ населеніе. Военно плѣнные... Ихъ охрана... Все это пустило тамъ какіе то корни. Теперь, смотрите... При большевикахъ... Вотъ эти розовыя пятна — это громадные лагеря рабовъ, концентраціонные лагеря ссыльных... Общее число людей въ нихъ заключенныхъ доходитъ до пяти мил-

ліоновъ человѣкъ... Это рабочіе и крестьяне... Кулаки и подкулачники... Наиболе крѣпкій и предприимчивый народъ... Тамъ лютою ненавистью ненавидятъ большевиковъ. Да... они изнурены недоѣданіемъ и болѣзнями. Измучены каторжнымъ трудомъ въ невѣроятныхъ условіяхъ жизни. Но изъ миллионовъ людей найдутся сотни тысячъ, которые при соотвѣтствующемъ питаніи окрѣпнуть.. Никакихъ дорогъ.. Въ короткое лѣто рѣдкіе пароходы по рѣкѣ, да почтовый, плохо содержимый трактъ... Перегородить рѣку лучами профессора Вундерлиха, поставить такія же ядовитыя лучевыя заставы на немногихъ дорогахъ, снять телеграфъ и радио-аппараты — да послѣдніе вотъ уже больше мѣсяца работаютъ для насъ, принимая только нашу станцію, — и вы становитесь полными хозяевами громаднаго края... Вы прилетите туда, никѣмъ не обнаруженные и незамѣченные на аэропланахъ. Гдѣ нужно — уничтожите чекистовъ. Именемъ Русскаго Государя вы возьмете власть въ свои руки. Вы сдѣлаете по деревнямъ наборъ и приступите къ организациі и обученію Русской арміи. Снаряженіе, одежду и оружіе вамъ везетъ «Мститель». Онъ теперь называется «Гекторомъ» и идетъ подъ тѣмъ же экзотическимъ флагомъ, подъ которымъ мы вышли изъ Сенъ Назера на «Немезидѣ». Начнете съ роты... Развернете ее въ батальонъ... Создайте учебныя команды... Постепенно сводите въ полки, бригады, дивизіи. Время у васъ будетъ. «Гекторъ» будетъ вамъ доставлять все, что нужно. Понадобятся офицеры и старшіе начальники, снесетесь съ Обще-Воинскимъ Союзомъ и получите готовые кадры полковъ. Ваша задача создать крѣпкую духомъ, сильную армію, тысячъ въ четыреста, основательно ее воспитать и обучить. Эта армія должна будетъ потомъ въ Россіи смѣнить безвѣрные красноармейскія части, пропитанныя коммунистическимъ духомъ. Тѣ всѣ распустите... Вамъ никто не помѣшаетъ... Идти къ вамъ надо походомъ. Это мѣсяцы пути. Газовыя заставы не пропустятъ никого. Аэропланы?... Но у васъ останутся ваши аэропланы, снабженные минами, неслышные, невидимые, вы ими собьете любой воздушный флотъ противника. Какъ ничего не могъ сдѣлать

красный воздушный флотъ съ мятежными текинцами въ пескахъ Ферганы и Хореизма, такъ здѣсь еще меньше онъ сможетъ причинить вамъ вреда... Сколько времени вамъ на это? Ну... восемь мѣсяцевъ?... Годъ?... Черезъ годъ должно быть все готово... Вы идете со своими временными или, если успѣютъ вамъ доставить, старыми знаменами Русской арміи дальше... по Россіи... Съ бѣлыми знаменами, на которыхъ ничего не написано, ходятъ только сдаваться. На вашихъ, какъ и на старыхъ Русскихъ знаменахъ должно быть написано: — «за вѣру, царя и отечество»... Все должно быть ясно въ вашихъ головахъ, и эту ясность вы должны нести съ собою... Вы полетите сегодня съ разсвѣтомъ. Прошу собраться и изготovitъся къ полету такъ, какъ это вамъ было не разъ указано... Петръ Сергѣевичъ, прошу тебя остаться со мною. У тебя все готово?

— Все.

— Ну такъ тебѣ и собираться особенно не надо. Вы можете идти... Попрошу — Петербургъ, Москву, Кіевъ, Харьковъ и Ростовъ.

Вызываемые подошли къ столу и стали въ ожиданіи инструкцій. За тонкими стѣнами барака было слышно, какъ съ взволнованнымъ говоромъ спускались съ горы люди Ранцевскихъ отрядовъ. Слышнѣе шумѣлъ океанъ. Приливъ начинался. При блескѣ луны медленно шествовала надъ міромъ полная неразгаданной, неизяснимой тайны ночь.

ХІІ.

Ночь еще была въ полной силѣ. Румяный мѣсяцъ склонялся къ западу, когда послѣдній начальникъ отряда, получивъ указанія отъ капитана Немо, вышелъ изъ барака. Капитанъ Немо и Ранцевъ остались одни.

Немо подошелъ къ Ранцеву и обѣими руками взялъ своего старого друга за руки.

— Прощай, мой милый, дорогой мой Петрикъ, —

сказалъ онъ. — Не говорю тебѣ «до свиданія»: — врядъ ли когда еще свидимся... Прощай... Я вѣрю... Я не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаете великое дѣло... Вы спасете Россію... весь міръ... отъ большевиковъ... Вы, доблестные Русскіе офицеры, сказавшіе что на вашемъ посту васъ можетъ смѣнить только смерть... Сколько васъ за это время нашло эту почетную смѣну... Кутеповъ... Александръ Павловичъ Кутеповъ, посмотри на своихъ сподвижниковъ!... Помолись за нихъ у Престола Всевышняго!... Конради, Коверда, да дасть вамъ Господь счастье скоро увидѣть законченнымъ то дѣло, которое вы такъ беззавѣтно честно и славно начали. Захарченко-Шульцъ, образецъ офицерской жены, герой женщина, Сусалинъ, Ларіоновъ, Мономаховъ, Соловьевъ, Карташовъ, вы, живые и мертвые, Братья Русской Правды, Партизаны Зеленаго Дуба, смѣлые борцы за свободу Туркестанскихъ степей Данаидъ ханъ и Измаиль бекъ... Ты видишь, Петрикъ, сколько смѣлыхъ, доблестныхъ людей проложило вамъ тропы. Вы идете не въ неизвѣстность. Эти маленькіе, одинокіе, живые и мертвые, подготовили вамъ почву. А сколько еще вы встрѣтите тамъ такихъ, о комъ мы здѣсь и не знаемъ и не подозреваемъ, но кто давно и также доблестно и безкорыстно работаетъ во имя свободы Родины. Я тебѣ вѣрю, Петрикъ. Я вѣрю, что не закружится у тебя голова, когда ты станешь во главѣ тобою созданной прекрасной, христіанской, Русской арміи и поведешь ее на Москву и Петербургъ... Я вѣрю, что въ тебѣ, простомъ Русскомъ офицерѣ... Ранцевъ... Какая, Петрикъ, фамилія у тебя хорошая... Ранцевъ!... Все тяжелое, что лежитъ на солдатѣ, ты взялъ на свои офицерскія плечи и доблестно въ ранцѣ души и съ еѣ донесешь до славной побѣды. Я вѣрю, что въ твоемъ сердцѣ нѣтъ Наполеона Бонапарта. Не для себя... Нѣтъ!... Для своего будущаго Государя!... Ему построишь свои великолѣпныя войска на Красной площади въ Москвѣ, или въ Петербургѣ у Зимняго Дворца, ему скомандуешь: — «Шай на краулъ», а самъ скромно опустишь, салютуя, шашку и отойдешь въ сторону... Вѣдь такъ?...

— Отъѣду, Ричардъ.

— Да. Отъѣдешь... Конечно, отъѣдешь... галопомъ... Ну иди. И тебѣ какъ то тоже собраться надо... Сейчасъ и летѣть... Прощай... Дай, Петрикъ, я перекрещу тебя.

Капитанъ Немо горячо обнялъ Ранцева, перекрестилъ и поцѣловалъ его. Слезы блистали на его глазахъ. Онъ и не старался скрыть ихъ.

— Милый мой Петрикъ... Всегда я любилъ тебя... Съ кадетскихъ лѣтъ... Свѣтлая у тебя душа... Ну дай тебѣ Богъ!... Иди... иди!...

Капитанъ Немо положилъ руку на плечо Ранцева и такъ и довелъ его до спуска съ горы.

Тропическая ночь была надъ островомъ. Большія, яркія, южныя звѣзды блистали на небѣ. Внизу, гдѣ желтыми, расплывчатыми огнями свѣтились освѣщенные изнутри палатки лагеря были слышны голоса и кто то громко кричалъ, — въ тихомъ прозрачномъ ночномъ воздухѣ каждое слово было слышно на площадкѣ у барака капитана Немо:

— Нифонтъ Ивановичъ, а Нифонтъ Ивановичъ!... Вы намъ чай то сготовите?...

И бодро отвѣчалъ отъ костра изъ кустовъ алоэ старый Агафошкинъ:

— Есть, готовлю. Заразъ и вода кипить. Фирсъ сей минутъ разноситъ будетъ. Пожалуйте въ столовку.

ХІІІ.

Едва брызнули первые золотые лучи солнца изъ за океана и освѣтили розовымъ свѣтомъ вершину горы Россійскаго острова, какъ на мачтѣ сталъ подниматься большой Русскій флагъ. На передней линейкѣ построилась Нордековская рота. Взяли «на краулъ». Оркестръ Амарантова торжественно и плавно игралъ гимнъ.

И въ тотъ же мигъ изъ одного изъ шестидесяти ангаровъ на кругъ, обозначенный на лугу бѣлымъ пескомъ плавно выкатилъ аэропланъ № 1 и остановился на точкѣ. Тѣнь горы закрыла его. На передней площадкѣ лѣ-

вѣе Нордековской роты, нагруженные чемоданами и увязками въ авіаторскихъ шубахъ и шлемахъ выстроились люди девяти отрядовъ. Къ нимъ спустился съ горы капитанъ Немо.

— Первый отрядъ, выходи на посадку, — скомандовалъ онъ.

Шесть человѣкъ во главѣ съ Ранцевымъ отдѣлились отъ шеренги и пошли къ аэроплану.

У входа къ кабину капитанъ Немо молча пожалъ каждому руку.

— Можно пускать? — спросилъ Арановъ.

— Съ Богомъ!

Верхніе пропеллеры закрутились съ мягкимъ, едва слышнымъ шипѣніемъ. Сильный вихрь едва не сорвалъ съ Аранова шляпу. Аэропланъ безшумно отдѣлился отъ земли, отвѣсно поднялся надъ головами, ускорилъ свой полетъ вверхъ, черезъ мгновеніе онъ былъ уже надъ горою, сдѣлалъ красивый, плавный кругъ надъ Русскимъ флагомъ и серебряною, едва примѣтною въ небѣ точкою умчался на сѣверо-востокъ и исчезъ въ блистаніи солнечныхъ лучей въ розово-голубомъ утреннемъ небѣ.

И сейчасъ же изъ второго ангара на ту же точку сталъ аппаратъ № 2.

— Второй отрядъ выходи на посадку!

Такое же молчаливое пожатіе руки, сердечное: — «съ Богомъ» — и второй аэропланъ исчезъ, точно растворился въ безкрайнихъ небесныхъ просторахъ.

Девять отрядовъ, 54 человѣка команды и 18 летчиковъ улетѣли съ острова и стало на островѣ будто безлюдно и торжественно тихо.

Между часомъ и тремя у пріемника радіо аппарата игралъ оркестръ и пѣлъ хоръ Гласова. Ванечка Метелинъ надрывался въ радіо, съ изступленіемъ и страстью призывая Русскій народъ къ общему возстанію.

— Неужели, неужели нѣтъ, — кричалъ онъ съ внутреннимъ надрывомъ, красивымъ звучнымъ голосомъ,

— ни въ Россіи, ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Англіи людей честныхъ, серьезныхъ, умныхъ, которые пошли бы съ оружіемъ на коммунистовъ?... Неужели роковою силою, фатально, неминуемо, неизбѣжно, какимъ то рокомъ увлекаемая Европа и съ нею весь міръ катится, стремглавъ, въ пропасть? Неужели это неминуемо?... Неужели ни молитвы, ни добрая воля, ни разумъ, ни предвидѣніе, ничто не предотвратитъ катастрофы?... Нѣтъ!... Это не такъ!... Слушайте всѣ... Во всемъ мірѣ слушайте... Насталъ часъ Божіей мести. Всѣ люди въ кол-хозахъ будутъ заклеены антихристовой печатью... Кто посмѣетъ усмирять возставшихъ — смертію погибнетъ. Идите... Идите войною на коммунистовъ, иначе это они поведутъ васъ на войну съ цѣлымъ міромъ...

Потомъ увлекательно, молитвенно, несказанно красиво и съ большимъ подъемомъ Гласовскій хоръ пѣлъ: — «съ нами Богъ, разумѣйте, языки и покоряйтесь, яко съ нами Богъ»...

Отвѣсные лучи солнца упадавшіе на крышу навѣса давали внизу густую синюю тѣнь. Лица пѣвцовъ были сосредоточены и серьезны. Каждый понималъ, что подвигъ спасенія Родины начался. Передъ хористами былъ только черный кругъ радіо приѣмника — имъ казалось, что вся Россія, весь міръ ихъ слушали. Они никогда еще не испытывали такого нервнаго подъема. Никогда не было ихъ пѣніе такъ вдохновенно и не лилось такъ отъ самаго сердца. Имъ казалось, что ихъ голоса мчатся за тѣми серебряными птицами, что сегодня утромъ улетѣли на сѣверо-востокъ, что они догоняютъ ихъ, что они имъ помогаютъ, несутъ имъ силу и власть побѣды.

На другой день еще новая партія въ десять летательныхъ машинъ съ такою же торжественностью, молчаливою простотою направилась въ указанныя капитаномъ Немо мѣста.

Лагерь на острову Россійскомъ пустѣль.

XIV.

Съ отъѣздомъ «мужчинъ», какъ называла Ольга Сергѣевна мужа и сына, жизнь на виллѣ «Les Cocci-nelles» круто измѣнилась.

Физическій законъ, что природа не терпитъ пустоты, повидимому относился и къ пустымъ квартирамъ. Не прошло и недѣли послѣ отъѣзда Агафошкина, какъ въ его подвальную мастерскую вселилась французская семья Боннейлей, состоявшая изъ постоянно пьянаго мужа, беременной жены и двухъ маленькихъ дѣтей. А еще черезъ два дня хозяинъ сдалъ комнату-гробъ Мишеля Строгова молодой французенкѣ Софи Земпель, студенткѣ изъ Сорбонны.

— Конечно — жидовка, — сказала про новую жилищу Ольга Сергѣевна.

— Ну что же что еврейка, — сказала мамочка. — Былъ бы хорошій человекъ. И Леночка не такъ одинока будетъ. Можетъ съ нею и науками заинтересуется.

По «мужчинамъ», первое по крайней мѣрѣ время, не очень скучали. Было даже какъ то легче и свободнѣе. Полковникъ не раздражалъ Ольгу Сергѣевну своимъ параднымъ видомъ, Мишель Строговъ не мѣшалъ глупыми выходками. Мамочкѣ тоже стало легче: — можно было не готовить обѣда на всѣхъ, а ограничиваться кофе и круассанами. По настоящему скучала по полковнику только одна Топси. Она искренно скулила по нему, но ей не вѣрили.

— Это она щенятъ не можетъ забыть, — говорила мамочка.

Топси виновато, улыбалась и думала: — «дались имъ эти щенята, совсѣмъ они не понимаютъ собачьихъ чувствъ». Она по прежнему бѣгала по утрамъ за газетой, но теперь приносила газету мамочкѣ, которая равнодушно брала ее и откладывала до своего кофе. Было Топси скучно и безъ стараго Нифонта Ивановича. Собака чувствовала въ немъ вѣрнаго друга.

Софи Земпель какъ то очень скоро сумѣла втереть-

ся въ семью Нордековыхъ. Это была услужливая и любезная дѣвушка неопредѣленныхъ лѣтъ. Она съ интересомъ и охотою слушала Леночкины рассказы о жизни въ Совѣтской республикѣ, но ничему не возмущалась.

— Это потому, — говорила Ольга Сергѣевна, — что она не понимаетъ. Испытала бы на своей шкурѣ, такъ стала бы понимать.

— Все таки милая дѣвушка, — сказала мамочка. — Ты посмотри вотъ и еврейка, а какая услужливая. И въ лавку сходить, за трудъ себѣ не сочтетъ и Леночку обѣщала въ Сорбонну сводить. Все ума наберется скольконибудь. Наша бы, развѣ такъ поступила бы?

Наша — это разумѣлось — Русская.

Леночка была въ восторгѣ отъ новой подруги. Отъ дѣтства осталось у ней преклоненіе передъ иностранцами. Софи же была француженка и еще парижанка...

Въ эти дни, когда жизнь на виллѣ «Les Coccinelles» начала только утряхаться и вступать въ новую колею, мамочка за своимъ дневнымъ кофе прочла въ газетѣ, что на судахъ въ Атлантическомъ океанѣ было получено радіо, призывъ о помощи, подаваемый съ парохода «Немезида» отъ Антильскихъ острововъ. Сначала мамочка хотѣла утаить эту газету отъ Ольги Сергѣевны, а когда та спросить, чтобы читать на ночь, сказать ей, что газеты не было. Но вспомнила, что Ольга Сергѣевна видала, какъ собака утромъ принесла газету и рѣшила не только дать газету, но и показать мѣсто, гдѣ было напечатано о «Немезидѣ».

«Все равно», — думала она, — «это какъ «винтики». Отъ нихъ никто никуда не уйдетъ».

Ольга Сергѣевна довольно равнодушно прочла показанную ей мамочкой замѣтку.

— Ну что же? — сказала она, поднимая глаза отъ газеты.

— Такъ вѣдь ты, чай, слыхала, тогда въ газетахъ писали, что наши на какой то «Немезидѣ» поѣхали.

— Такъ постойте, мама. А гдѣ эти самые Антильскіе то острова находятся?...

— Я думаю, въ Великомъ океанѣ.

— Такъ наши-то не могли такъ скоро добраться до нихъ. «Немезида» для парохода слишкомъ обыкновенное имя. Мало-ли какія еще «Немезиды» могутъ быть. И опять же сигналы о бѣдствіи, это не значитъ, чтобы крушеніе, или что нибудь такое.

Какъ-то совсѣмъ не вмѣщалось въ ея головѣ представленіе о томъ, что полковника можетъ постигнуть какое-нибудь несчастье. Всѣ несчастья, такъ ей казалось, остались «тамъ», въ Россіи. Здѣсь, заграницей, они, наконецъ, обрѣли тихую пристань, гдѣ можно отдохнуть отъ неожиданныхъ смертей и опасностей.

И когда на другой день къ ней пришла растревоженная Лидія Петровна Парчевская, она такъ увѣренно говорила, что ничего съ ихъ мужьями не могло случиться, что это какая-то другая «Немезида», что «ихъ» «Немезида» никакъ не могла быть уже у Антильскихъ острововъ, что Лидія Петровна цѣловала Ольгу Сергѣевну и говорила:

— Ну, какъ я вамъ благодарна за это... Какъ вы меня успокоили. Я сегодня и на службѣ была сама не своя. Никакъ не могла заставить себя не думать объ этомъ.

Потомъ прошло два томительныхъ дня. Никакихъ ни подтвержденій, ни опроверженій тревожнаго радіо въ газетахъ не было. Теперь Ольга Сергѣевна сама дождалась Топси съ газетой и первая отбирала ее отъ нея. Она жадно проглядывала влажные листы и съ трепетомъ ожидала дальнѣйшихъ извѣстій.

На третій день въ газетѣ появилась большая замѣтка газетнаго освѣдомителя по совѣтскимъ дѣламъ. Онъ прямо и точно, такъ точно, будто онъ самъ присутствовалъ при крушеніи «Немезиды», описывалъ, что на пути къ Панамскому каналу, не доходя до Антильскихъ острововъ, при совершенно исключительныхъ и загадочныхъ обстоятельствахъ погибъ пароходъ, приобретенный анонимнымъ кинематографическимъ обществомъ «Атлантида». На этомъ пароходѣ, носившемъ наимено-

ваніе «Немезида», шло, не считая команды, около трехсотъ статистовъ кинематографическаго общества, почти исключительно «бѣлыхъ» офицеровъ. По отзывамъ товарищей все это были самые активно настроенные офицеры, непримиримѣйшіе противобольшевики. «Немезида» погибла тамъ, гдѣ вообще никогда никакихъ крушеній не отмѣчалось. Она, повидимому, затонула отъ неизвѣстной причины на большой глубинѣ. Ни подводныхъ скалъ, ни мелей тамъ не было. Послѣднее время не было и сколько-нибудь значительныхъ буръ въ Атлантическомъ океанѣ. Авторъ замѣтки, нѣкто Сергѣевъ, морской офицеръ, отмѣчалъ загадочность этого крушенія и писалъ, что оно должно быть отнесено къ числу такихъ же непонятныхъ и неразгаданныхъ явленій нашего времени, къ какимъ относится исчезновеніе среди бѣла дня изъ Парижа генерала Кутепова. Онъ писалъ, что ему извѣстно, какъ интересовались большевики кинематографическимъ обществомъ «Атлантида», какъ старались, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, попасть въ него... Въ томъ же номерѣ газеты, нѣсколькими строками ниже, было помѣщено сообщеніе, что примѣрно недѣли двѣ тому назадъ совѣтская подводная лодка находилась въ водахъ Гавра.

Ольга Сергѣевна прочла это извѣстіе и перечла его нѣсколько разъ и все-таки мысль ея отказывалась воспринять, что ея мужъ и сынъ погибли на днѣ океана. Уже слишкомъ все это казалось быстрымъ, неожиданнымъ и необыкновеннымъ. Она пошла на службу, добросовѣстно и, какъ всегда безъ ошибокъ, писала подъ диктовку своего патрона. Она вернулась домой и все была въ томъ же отупѣнніи. Мамочка не трогала ее. Леночка молчала. Обѣ какъ-то почтительно отнеслись къ ея горю. А она при всей своей пришибленности все не вѣрила въ то, что это могло случиться и думала о мужѣ и о сынѣ не какъ о мертвыхъ, но какъ о живыхъ.

Русскія газеты запестрѣли объявленіями въ черныхъ рамкахъ. Служили панихиды полковныя объединенія, служили «убитыя» горемъ вдовы и матери. Ольга Сергѣевна все не вѣрила.

Дня два газеты этимъ вопросомъ занимались, потомъ какъ-то быстро охладѣли и позабыли. Русское общество привыкло къ своему безправію. Еще со дня потопленія итальянскимъ пароходомъ на Константинопольскомъ рейдѣ яхты генерала Врангеля, потомъ послѣ осужденія Коверды, похищенія генерала Кутепова, Русское общество было научено молчать и «не рипаться». Оно и теперь замолчало. Другія, болѣе важныя событія заслонили гибель «Немезиды». Въ Испаніи была революція, Германія катилась къ какому-то странному банкротству среди изобилія, король Альфонсъ, Маура, Каталонцы, канцлеръ Брюнингъ, Хитлеръ, разѣзды премьеровъ по всему свѣту вытѣснили съ газетныхъ столбцовъ таинственную «Немезиду», на которой погибло до трехсотъ офицеровъ. Гибель Русскихъ людей заграницей была настолько привычнымъ явленіемъ, что уже никого не смущала. Молодежь умирала отъ переутомленія и чахотки, старики кончали съ собою отъ голода, безработицы и одиночества. Не хватало на всѣхъ жалости.

Кое-гдѣ, тамъ, гдѣ среди погибшихъ не было родственниковъ, даже злорадствовали. «Сунулись со своимъ Русскимъ суконнымъ рыломъ какіе-то таинственные Холливуды основывать. На островахъ Галапагосъ! Куда ихъ понесло! Не могли точно устроить студию хотя бы въ томъ же Медонѣ? Если въ сильный вѣтеръ Селу снимать и горизонтъ ловко поставить — не хуже океанской волны выйдетъ. Зря какую уймищу денегъ ухлопали... Вотъ на такія затѣи, на театры, оперы, на памятники балеринамъ деньги всегда найдутся, а дать заслуженнымъ старикамъ пенсію, поддержать стипендіями молодежь, помочь безработнымъ, или инвалидамъ, на это денегъ никогда не найдешь...»

Грусть и отчаяніе лишь постепенно овладѣвали Ольгою Сергѣевной и она только черезъ нѣсколько дней ощутила, осознала и поняла, что такое — неутѣшное горе.

XV.

Ольга Сергѣевна пришла въ воскресенье въ церковь рано, когда въ ней никого прихожанъ не было. Сторожъ, старикъ, «бывшій» генераль только что открылъ двери и медленно, шаркая слабыми ногами, ходилъ по церкви, стиралъ пыль и зажигалъ лампадки.

Посерединѣ на сколоченномъ изъ досокъ широкомъ налоѣ, покрытомъ чистымъ полотенцемъ, былъ поставленъ небольшой образъ Казанской Божіей Матери... Говорили: — чудотворный образъ. Его привезли вчера ко всенощной. Образъ былъ убранъ пучками нѣжныхъ бѣлыхъ нарциссовъ. На нихъ были положены кисти розовыхъ маленькихъ выющихся розочекъ. Несказанно нѣженъ, красивъ и дѣвственно чистъ былъ отъ этихъ цвѣтовъ уборъ «Невѣсты Невѣстной».

Ольга Сергѣевна подошла къ образу и опустилась на колѣни. Еще не склоняя головы, она оглянула церковь. Ей часто раньше представлялось, что это не настоящая церковь. Сейчасъ она поняла, что именно въ этой простотѣ нищенски бѣдно убраннаго храма съ простымъ холщевымъ иконостасомъ, съ печатанными на бумагѣ образами и есть свидѣтельство, что здѣсь незримо присутствуетъ Господь. Именно это и есть настоящая церковь. Она создана не тщеславіемъ людскимъ, не отъ избытка и изобилія, а отъ нищеты. Это лепта вдовицы, такъ благосклонно принятая Христомъ. Ее созидала грубокая вѣра. На нее давали, отказывая себѣ въ необходимомъ, украшать ее приходили люди, валившіеся съ ногъ отъ усталости послѣ дня, проведеннаго въ тяжелой, непосильной и непривычной работѣ.

Ольга Сергѣевна умилилась. Она нагнулась въ земномъ поклонѣ передъ Матерью Бога и поняла, что Богъ ее услышитъ. Она хотѣла молиться, но почувствовала, что не можетъ молиться, не покавшись. Она такъ была виновата передъ мужемъ и сыномъ.

«Онъ правъ... Онъ, а не я... И отступленія «по стратегическимъ соображеніямъ»... А, если и точно такъ на-

до было? Нельзя было иначе? Почему онъ виновать, когда всѣ такъ дѣлали. Такъ было надо.... Такъ было отъ Бога... Прости меня, Боже, Святая Матерь, попроси у Господа, Сына Твоего, мнѣ прощеніе. И пріятіе революціи... Какъ же онъ могъ не пріять ее, когда всѣ, и самъ Государь ее приняли?... Я... Я была не права. Господи прости меня. Георгій, ты слышишь, прости меня... И теперь эти ихъ полковыя объединенія, полковой музей, собранія, — это служеніе Родинѣ, а я только о себѣ и думала. Они себя забывали. Они отъ своего малого личного отдавали идеѣ... Они подлинно были герои. Господи, прости меня. Георгій, ты слышишь, Георгій, я... я была не права... Прости меня, Георгій».

Она прижалась лбомъ къ полу, гдѣ лежалъ маленький дешевый коврикъ и долго не разгибала спину. Она чувствовала боль въ поясницѣ. Эта боль ее радовала. Она приподняла голову, перекрестилась и подумала: — «и то, что Шура сталъ Мишелемъ Строговымъ, развѣ онъ виновать? Я не должна была его оставлять и, когда онъ вернулся, я должна была вліять на него... Я съ нимъ даже мало разговаривала. Все некогда.... Все устала... Раздражалъ онъ меня и не могла я съ нимъ спорить.... Шура, прости меня»...

Она, не поднимая головы, ощутила, какъ подлѣ нея кто-то тихо опустился на колѣни. И она знала, что это была Лидія Петровна. Она сквозь бѣгущія мысли и молитвы слышала движеніе въ храмѣ. Должно быть священникъ прошелъ въ алтарь, чтецъ на клиросѣ шелестѣлъ листами книгъ. Запахъ ладана сталъ заглушать благоуханіе нарциссовъ. Раздували въ алтарѣ кадило.

Ольга Сергѣевна, не вставая съ колѣнъ, выпрямилась. Большими, покрытыми слезною пленкой глазами она смотрѣла, какъ подлѣ нея Парчевская убирала принесенными свѣжими, и все бѣлыми, нарциссами образъ. Сзади Парчевской протянулась тоненькая худая ручка, и Ольга Сергѣевна по ней узнала — Анеля принесла пучекъ розъ. Было въ этомъ украшеніи цвѣтами образа что-то такое трогательное, красивое, удивительно милое

и полное такой чистой вѣры, что Ольга Сергѣевна съ трудомъ удержала рыданіе.

Когда служба кончилась, Парчевская и Ферфаксова подошли къ Ольгѣ Сергѣевнѣ. Онѣ предлагали отслужить общую панихиду. Хотя общество и обязалось въ случаѣ несчастія платить пенсію, но могло ли общество предвидѣть, что всѣ погибнуть? У нихъ не было письменнаго контракта и какъ и гдѣ искать съ общества, о которомъ онѣ ничего не знали. Будущее было неизвѣстно и нужно было быть экономными.

— Милая, вы ничего не имѣете противъ, отслужить сообща, вы, Анеля и я сейчасъ скромненько и безъ пѣвчихъ панихиду по нашимъ погибшимъ, — сказала Лидія Петровна.

— Конечно, конечно, — отвѣтила Ольга Сергѣевна. — Но, можетъ быть, это неправда. Газеты такъ много врутъ.

— Ахъ, милая, далъ бы Богъ! Но панихида и по живымъ, такъ говорятъ, никогда не повредитъ.

Въ опустѣвшей церкви онѣ служили панихиду. Батюшка возносилъ моленія проникновенно и красиво. Діаконъ — Ольга Сергѣевна теперь совсѣмъ забыла, что онъ уланскій штабсъ-ротмистръ, — пѣлъ за хоръ, не всегда въ тонъ и не все вѣрно, но съ такимъ чувствомъ, что Ольга Сергѣевна искренно и, уже не скрывая своихъ слезъ, плакала, и плакали съ нею Анеля и Лидія Петровна.

Когда діаконъ сладкимъ баскомъ заливался: «Бога никто же, видѣ нигдѣ же, на Него же ангельскія не смѣютъ взирати», Ольга Сергѣевна чувствовала трепеть во всемъ тѣлѣ. Она не видѣла Бога, но ощущала всею душою своею Его незримое присутствіе и понимала, какъ она ошибалась, считая, что это не настоящее. Все: и церковь и діаконъ было именно настоящее, такое, какъ надо, угодное Богу.

Она шла домой съ поднятою головой, увѣренная, что Господь услышалъ ея молитвы и что вотъ сейчасъ Онъ пошлетъ ей какое-то знаменіе и скажетъ ей, что самое ужасное, что можетъ быть въ жизни — уходъ че-

ловѣка близкаго н а в с е г д а, такъ что ужъ никогда и никакъ его и не увидишь, ее миновало.

Въ тупичкѣ ихъ переулка она встрѣтилась съ рѣдкимъ гостемъ виллы «Les Coccinelles» — почтальономъ. Онъ сказалъ, что у него для нея есть денежный переводъ, и вернулся съ нею на дачу.

Почтальонъ принесъ обусловленные пенсіонные тысячу франковъ за мужа и пятьсотъ за сына.

Ольга Сергѣевна приняла деньги, расписалась на карточкѣ, дала почтальону на чай и, не отвѣчая на разспросы мамочки, прошла въ свою комнату. Ей надо было собраться съ мыслями.

Что все это значило?.. Они погибли... Но тогда что же значила и чего стоила ея молитва? Они не могли погибнуть... Общество выплачиваетъ пенсіи... Что же это за такое честное и богатое общество, не стѣсняющееся въ расходахъ и, безъ напоминанія, безъ просьбъ, безъ суда платящее то, что обязалось, безъ писаннаго контракта? Если всѣ они погибли, такъ и концы въ воду. Кто же тогда платитъ? Это выходило совсѣмъ не по современному. Слишкомъ по старинному честно. Не практично честно. А что если ея первая догадка была правильна и общество «Атлантида» совсѣмъ не кинематографическое общество, но общество политическое, и она получаетъ пенсію за погубленныхъ людей... отъ большевиковъ... Большевики станутъ платить деньги за убитыхъ ими людей! О! Никогда!.. Ну, а если?.. Это нѣчто совсѣмъ непонятное, что-то вродѣ пресловутаго «треста?»..

Ольга Сергѣевна вынула изъ сумочки деньги и пересмотрѣла ихъ. Ей пришла въ голову дикая мысль, что большевицкія деньги должны быть особенныя. Но деньги были, какъ всегда деньги съ почты, — старенькіе, исколотые булавками, сотенные, пестрые, засаленные билеты и ничего въ нихъ страшнаго не было.

Но почему-то эти деньги укрѣпили зародившуюся въ Ольгѣ Сергѣевнѣ надежду, что ея мужъ и сынъ живы и увѣренность, что они поѣхали на большое политическое дѣло, о которомъ надо молчать.

XVI.

Леночка быстро сдружилась съ новой жилищей, Софи Земпель. Онѣ стали «ами». Это трогало Леночку. По предложенію Земпель онѣ вмѣстѣ ѣздили въ Сорбонну, и Леночка, изъ пятого въ десятое понимая то, что тамъ читалось, съ увлеченіемъ слушала самыя разнообразныя лекціи. Она просвѣщалась въ Ассиро-Вавилонскомъ искусствѣ, слушала о Португальской поэзіи, о банковскихъ операціяхъ и разъ даже прослушала лекцію о «кривыхъ второго порядка».

Эти лекціи, все исключительно матеріалистическія, — такой подборъ дѣлала Софи Земпель, — говорили Леночкѣ, что, если во Франціи и нѣтъ того богоборчества, которое она наблюдала въ совѣтской республикѣ, то есть, пожалуй, еще худшее, игнорированіе, забвеніе Бога, отрицаніе надобности въ Немъ, въ Его помощи. Наука все объясняла, наука до всего дошла и все собою покрывала.

Эта наука, безпорядочныя, безалаберныя лекціи, прослушанныя Леночкой въ Сорбоннѣ, упали на ея изуродованную душу, какъ дрожжи въ тѣсто. Въ ней произошелъ переломъ и создалась своя теорія жизни и смерти, тоже своего рода «винтики», какіе были у Неонилы Львовны. Много способствовалъ этому и кинематографъ, посѣщаемый ею по вечерамъ. Она видѣла говорящія тѣни на экранѣ. И ей становилось страшно. Особенно жутко было, когда она знала, что артистъ или артистка, показываемые на экранѣ, умерли. А она слышала ихъ голосъ, видѣла образъ, двигавшійся по полотну. Она выходила въ толпѣ изъ кинематографа, спѣшила на подземную дорогу, мчалась къ своему вокзалу, чтобы ѣхать домой, а сама брезгливо жалась отъ людей. Ей казалось, что она чувствуетъ запахъ тлѣнія ихъ тѣлъ, совсѣмъ, какъ тогда, когда она на салазкахъ везла полуразложившійся трупъ матери, чтобы зарыть его на кладбищѣ города Троицка. Ей казалось, что жизни собственно и нѣтъ. Это не живые люди ее окружаютъ, но

тѣни, какъ въ кинематографѣ. Людскія тѣни прошли и проходятъ безконечными вереницами по улицамъ мірового города, появляются и исчезаютъ. И вотъ тотъ, что только что, выходя изъ вагона, толкнулъ ее, онъ испарится въ ночномъ туманѣ и исчезнетъ навсегда. Изъ какой-то гадкой слизи возникали люди и разваливались, распадались опять въ вонючую слизь. Эта мысль стала ее преслѣдовать и уже было не до миллионѡвъ. Стало страшно жить.

На обширномъ дворѣ Сорбонны Леночка видѣла разноплеменную молодежь, съ веселымъ говоромъ разбѣгавшуюся по гулкимъ корридорамъ и обширнымъ аудиторіямъ. Она видѣла негровъ и китайцевъ, англичанокъ и американокъ, учившихся вмѣстѣ, слушавшихъ лекціи. Между многими было дружное товарищество. Ихъ шутки, ихъ смѣхъ, озабоченная бѣготня, вся ихъ шумная толпа напомнили Леночкѣ совѣтскіе ВУЗ-ы, но только не было среди нихъ совѣтскаго озлобленія. Всѣ были болѣе или менѣе хорошо одѣты, и шутки и шалости этой молодежи были приличны. Леночка поняла, что тутъ, хотя у многихъ были «ами», нельзя было съ ними обойтись просто и отдаться, какъ говорилось у совѣтской молодежи «безъ черемухи», или попросить сдѣлать ребенка.

Въ полдень Леночка и Софи мчались на громящемъ автобусѣ, или въ душномъ вагонѣ подземной дороги куда-то за Этуаль, въ недешевый ресторанъ, гдѣ ожидалъ ихъ «ами» Софи. Подлѣ Сорбонны, въ Латинскомъ кварталѣ, было сколько угодно маленькихъ и такихъ, казалось, Леночкѣ, симпатичныхъ студенческихъ ресторановъ и столовокъ, были и болѣе роскошные, но дешевые рестораны «Дюваля», но Софи и ея «ами» облюбовали Русскій ресторанъ и ѣхали въ него въ шумной полуденной Парижской толпѣ, торопящейся завтракать.

Онѣ высказывали у Этуали и, если шелъ дождь, забѣгали подъ громаду Триумфальной арки и стояли тамъ подлѣ каменной плиты, уложенной вянущими вѣнками и букетами. Леночка со страхомъ смотрѣла, какъ мета-

лось гдѣ-то въ глубинѣ неугасимое пламя. Ей казалось, что это душа солдата сгораетъ тамъ и не можетъ найти покоя. Она думала: «значить, душа-то есть».

Онѣ спускались по широкому проспекту круто внизъ и входили въ маленькую, тѣсную, узкую улочку. У панели длиннымъ рядомъ стояли машины такси. Черезъ тѣсную дверь онѣ попадали въ Русскій ресторанъ. За узкими, длинными столами вдоль стѣны на диванахъ-скамьяхъ рядами сидѣли люди. И было такъ тѣсно, какъ въ совѣтской столовкѣ. Было сумрачно и душно. Глухой гулъ и гомонъ голосовъ поражалъ послѣ притихшей въ полуденномъ отдыхѣ улочки. Отъ табачнаго дыма першило въ горлѣ. Но на столахъ были бѣлыя скатерти и вѣжливая прислуга во фракахъ — какъ эти фраки первое время казались смѣшными Леночкѣ — спрашивала, наклоняясь надъ ухомъ:

— Вамъ борща, или пирогъ съ вязигой? Какой напитокъ прикажете? Пиво или квась?

Жанъ, «ами» Софи, ожидалъ ихъ и берегъ имъ мѣста. Онъ кричалъ:

— Квась... квась... *Donnez-moi du kwass!*..

Станный человѣкъ былъ этотъ Жанъ. Онъ былъ французъ, но хорошо говорилъ по Русски и зналъ Россію. Онъ былъ темный брюнетъ и, какъ тщательно онъ ни брился, его щеки и подбородокъ были покрыты гладкой синевой. Подъ самыми ноздрями торчали двѣ крошечныя кисточки, точно не совсѣмъ опрятенъ былъ носъ. Лицо было безъ морщинъ, блѣдное съ нездоровыми пятнами и прыщами. Онъ носилъ большія круглыя очки въ черной роговой оправѣ. Прислуга ресторана называла его американцемъ и пыталась заговаривать съ нимъ по-англійски. Леночка никакъ не могла опредѣлить, ни сколько ему лѣтъ, ни правда-ли, что онъ былъ французъ. Ему можно было дать и двадцать пять и всѣ сорокъ. Леночка опредѣлила его по совѣтски: «комиссаръ» въ какомъ-нибудь хозяйственномъ учрежденіи. Здѣсь онъ могъ быть и адвокатомъ и приказчикомъ, могъ быть и просто спекулянтomъ, или бирже-

вымъ зайцемъ. Софи никогда не говорила, кто такое ея «ами». Леночка не рѣшалась спросить, кто онъ.

Сидѣли такъ тѣсно, что касались колѣнями другъ друга. Леночка оглядывала ресторанъ. Въ углу подъ аркой висѣла икона въ фольгѣ. Противъ Леночки, на стѣнѣ, въ рамочкахъ были развѣшаны раскрашенныя литографіи, изображавшія Русскихъ солдатъ въ старыхъ формахъ. Наискось отъ Леночки у стѣны сидѣлъ желчный человѣкъ, обросшій косматой, черной бородой, съ громадными, вѣрно выдавшими нечеловѣческія муки, страдающими глазами. Онъ волновался, что ему долго не подавали кофе. И кофе ему подали въ какомъ-то странномъ приборѣ изъ стекла, напоминавшемъ химическую колбу. Въ немъ на спиртовой лампочкѣ кипятили воду. Рядомъ съ Леночкой была хорошенькая свѣтлая блондинка съ подщипанными бровями и большими выпуклыми, карими Русскими глазами. Она рассказывала скромно одѣтой брюнеткѣ, сидѣвшей рядомъ съ нею, про какую-то Муру, устраивавшую прошлое Рождество елку, и какъ упала съ елки свѣча и сгорѣла скатерть на столѣ.

— Мура, конечно, очень огорчилась, — слышала Леночка свѣжій голосъ блондинки сквозь гулъ ресторана. — Понимаешь... Такая непріятность.... Надо выйти изъ положенія...

Желчный бородачъ дымящейся папиросой тыкалъ въ кофейный приборъ и сердито говорилъ лакею во фракѣ:

— Не закипаетъ вашъ кофе... А мнѣ ѣхать надо... Понимаете, ѣхать надо.

Пожилая, гладко причесанная женщина, съ такимъ пріятнымъ Русскимъ лицомъ, что Леночка заглядѣлась на нее, стояла въ глубинѣ, подъ иконой, у входа въ тѣсную гардеробную и внимательно смотрѣла, кто встаетъ, чтобы быстро подать пальто и шляпу съ тростью.

Въ этой тѣсотѣ, за тарелкой борща, на Леночку находила откровенность, и она охотно рассказывала Софи и ея «ами» про свою совѣтскую жизнь, про пріѣздъ въ Парижъ и какъ она все нашла въ Парижѣ не такимъ,

какъ ей казалось въ Ленинградѣ. Она рассказывала про бабушку съ ея «винтиками», про полковника и про Мишеля Строгова. Ей казалось теперь смѣшнымъ ея увлеченіе Мишелемъ и мечты о милліонахъ. Сорбонна съ ея лекціями показали ей другую жизнь. Она вдругъ умолкала и прислушивалась. Ей казалось, что на мгновеніе смолкалъ и гулъ многихъ голосовъ. Время на мигъ точно останавливалось.

«Если время подчинить себѣ», — думала Леночка, — «и допустимъ такъ: каждая секунда, что отбиваетъ пульсъ у меня въ рукѣ, есть годъ, но только для другихъ, а не для меня».

Она смотрѣла на Жана. Ей казалось, что она видитъ, какъ на ея глазахъ быстро старѣетъ лицо Жана. Оно покрывается морщинами, желтѣетъ; посядѣли и полысѣли виски, стали падать волосы и уже стало лицо мертвымъ, потемнѣло, стало облѣзать... Какое ужасное зрѣлище. Обнажаются кости. И нѣтъ ничего. Маленькая лужица слизи, не больше, какъ плевокъ. Это все, что былъ Жанъ. Это все, что осталось отъ Софи, отъ нея самой. Весь ресторанъ сталъ казаться призракомъ и было жутко касаться колѣнными колѣнъ Жана.

— Что вы на меня такъ смотрите? — второй разъ спросилъ Жанъ.

Леночка встряхнулась.

— Я?... Нѣтъ, ничего... Я такъ... Представьте, какія у меня мысли.

И она коротко и сбивчиво пересказала Жану тѣ мысли, что ее мучили.

— А да... Я это такъ понимаю, — сказалъ Жанъ и отложилъ въ сторону папиросу. — Это въ васъ говоритъ славянская душа... А какъ же тогда ваши мечты стать звѣздой экрана, заработать милліоны?

— Я эти мечты оставила. Мнѣ надоѣла жизнь. Знаете... На мигъ это даже не стоитъ, а вѣчнаго на свѣтѣ нѣтъ ничего. Да и какъ сдѣлать эти милліоны? Надо быстро, пока молода. Когда состарѣшься и милліоны ни къ чему.

— Но вы мнѣ говорили, что обладаете какою-то тайной.

— Да, говорила... Но я даже не знаю, какая это тайна! — политическая или кинематографическая.

— О, мадмуазелль, но это же двѣ большія разницы. Это совсѣмъ различные источники доходовъ, разная расцѣнка гонораровъ и иной рискъ.

Леночку смѣшило, какъ Жанъ говорилъ ей «мадмуазелль», совсѣмъ не по французски... Можетъ быть, онъ и, правда, американецъ, только прикидывается французомъ, чтобы его не эксплуатировали.

— Какой же рискъ?

— Какъ какой? Вы мнѣ рассказывали про кинематографическое общество «Атлантида», и вы мнѣ дали понять, что вы подозреваете, что это общество политическое. Такъ, по крайней мѣрѣ, вы слышали, какъ проговаривались вашъ дядя и ваша тетка. Допустимъ, что это такъ. Противъ кого можетъ быть направлено это общество?

— Противъ совѣтской республики, — не задумываясь, отвѣтила Леночка.

— Прекрасно. Но, если вы обладаете тайной, направленной противъ совѣтовъ, вы обязаны сказать объ этомъ французской полиціи или прямо въ полпредствѣ. Это вашъ долгъ.

— Почему это мой долгъ?

— Да вы какая гражданка?

— Я васъ не понимаю.

— По паспорту?

— Паспортъ у меня совѣтскій. Но это еще ничего не доказываетъ.

Барышня, рассказывавшая про Муру, какъ показалось Леночкѣ, что-то очень быстро собралась уходить. Она прошла мимо Леночки и брезгливо обошла ее. Это задѣло Леночку, и она съ нѣкоторымъ задоромъ и раздраженіемъ сказала:

— Кто и что мнѣ можетъ здѣсь во Франціи сдѣлать? Я никому не обязана доносить.

— Положимъ... Разъ вы совѣтская гражданка, то вы и обязаны исполнять всѣ совѣтскіе законы.

— Даже и во Франціи?

— Даже и во Франціи... Оставимъ этотъ разговоръ. Здѣсь не мѣсто объ этомъ говорить. Все это пустяки. Я сказалъ это, чтобы васъ подразнить. Все же это ерунда. Глупости. Тѣмъ болѣе, что «Немезида», на которой ѣхали участники этого кинематографического или политического общества, какъ мы знаемъ, погибла.

— Тетя не вѣритъ, что она погибла. И Лидія Петровна Парчевская тоже...

— Парчевская... Парчевская, — повторилъ въ какомъ-то раздумьи Жанъ. — Я что-то слыхалъ эту фамилію. Вы не можете мнѣ узнать, гдѣ живетъ госпожа Парчевская?

— Я знаю. Она живетъ тамъ же, гдѣ и мы. Я къ ней носила отъ тети книги.

— Ахъ, мнѣ точнаго адреса и не надо. Я ее разыщу и такъ. А... скажите?.. Вы не слышали про Пиксанова?

— Дядя что-то говорилъ... И Ферфаксовъ говорилъ... Онъ живетъ далеко, въ деревнѣ.

— А вы не знаете, именно гдѣ?

— Нѣтъ, — сухо сказала Леночка. «Если такъ будутъ выпрашивать у меня тайны, такъ что же я на нихъ заработаю? Этотъ Жанъ никогда даже какимъ-нибудь персикомъ не угостить, а все выпрашиваетъ».

Она рѣшила ничего не говорить больше Жану.

Жанъ, какъ бы самъ съ собою разговаривая или обращаясь къ безмолвной все это время Софи, сказалъ:

— Я слыхалъ про какое-то таинственное радіо... Мнѣ говорили о немъ знакомые французы специалисты.

Жанъ всталъ первый. Счета были уплачены. Каждый платилъ за себя. По товарищески. Они вышли. Жанъ подозвалъ такси и, простившись съ Софи и Леночкой, помчался вверхъ по переулку.

— Пойдемъ на метро, — сказала Софи.

— Нѣтъ, — возьми такси. Ёдемъ домой. Я не хорошо себя чувствую. Мнѣ страшно.

Леночка дрожала внутреннею дрожью и была, какъ въ лихорадкѣ. Она вдругъ поняла, что Сорбонна, этотъ прокуренный ресторанный Парижъ, Жанъ, все это вздоръ, мифъ, сонное видѣніе, призракъ, все это только кажется. Ничего этого нѣтъ. Она «совѣтская» и здѣсь она такъ же окружена, какъ въ совѣтской республикѣ сыскомъ и шпионажемъ. Здѣсь ее такъ же могутъ запросто «угробить», какъ угробили ее мать.

— Кто этотъ Жанъ? — спросила Леночка.

— Кто?.. Очень хорошій человѣкъ.

— Но гдѣ онъ служитъ?.. Гдѣ?.. Скажи мнѣ...

— Ахъ... Ну, какая ты глупая. Но почему я знаю? Онъ хорошо зарабатываетъ. Ты видала какіе у него галстуки?.. И какая брошь!

— Да... Но откуда, откуда все это? — съ тоскою проговорила Леночка. — Скорѣе возьми такси.

— *L'âme slave*, — снисходительно сказала Софи. — Только ты платишь.

Она подозвала такси.

ХVII.

Почти каждый день, вечеромъ, Лидія Петровна приходила къ Нордековой. Онѣ брали свои чашки съ чаемъ и по куску хлѣба и уходили въ комнату Ольги Сергѣевны. У нихъ были «секреты». Напрасная уловка. Мамочка ядовито улыбалась, дѣлала незамѣтный знакъ Леночкѣ и обѣ неслышно придвигали стулья ближе къ двери и прислушивались. Когда разговоры за дверью смолкали, онѣ начинали гремѣть посудой.

Сначала говорила Лидія Петровна и такъ тихо, что даже и черезъ картонную дверь ничего не было слышно. Потомъ шуршали разворачиваемыя газеты, принесенныя Парчевской, и Лидія Петровна говорила:

— Я не знаю, почему въ нашихъ парижскихъ газетахъ ничего этого не пишутъ.

Ольга Сергѣевна отвѣчала чуть слышнымъ шопотомъ:

— Я справлялась у нашего милого прокурора. Онъ говоритъ, что все это нуждается въ тщательной проверкѣ. Были случаи, что сами большевики нарочно пускали такіе слухи о возстаніяхъ, чтобы потомъ опровергнуть ихъ и, вызвавъ въ эмиграціи сначала надежды, потомъ вызвать депрессию.

— Да, конечно, отъ нихъ можно всего ожидать. Дьяволы какіе-то, — тихо сказала Лидія Петровна. — Но вотъ видите, въ Бѣлградской газетѣ опять пишутъ. Раньше было радіо «имени генерала Кутепова» и это радіо три раза въ недѣлю говорило самыя контръ-революціонныя рѣчи. Потомъ оно замолкло. А теперь вотъ уже больше мѣсяца немолчно звучитъ совсѣмъ непонятное радіо. Играетъ оркестръ «Боже царя храни» и поетъ прекрасный хоръ. Можете себѣ представить, какое это должно тамъ производить впечатлѣніе? И кто-то прекрасно разъясняетъ всю политику большевиковъ. Вы помните, милая, какъ намъ Амарантовъ говорилъ, что главное вниманіе у нихъ обращено на отчетливое исполненіе гимна и какъ-то особенно ставили инструменты, чтобы по радіо можно было передавать.

— Вы думаете?..

— Кто знаетъ.

Обѣ замолчали. Леночка и мамочка перетирали посуду.

— Какъ онѣ долго возятся съ посудой, — сказала Ольга Сергѣевна съ досадой.

— Хотите, я пойду помогу имъ.

— Ахъ, что вы, милая.

— Сегодня я получила черезъ наше полковое объединеніе Дальне-восточную газету. Тамъ еще болѣе поразительныя вещи пишутъ. Помните, въ Кубанской Области было возстаніе и усмиряли его воздушнымъ флотомъ. Такъ вотъ пишутъ, будто всѣ тѣ летчики, которые сбрасывали бомбы въ возставшія станицы, были найдены въ своихъ постеляхъ мертвыми и врачи совѣтскіе не могли опредѣлить, отъ чего послѣдовала смерть. И

такая же участь постигла и тѣхъ летчиковъ, что усмирили возстаніе въ Туркестанѣ. Странно.

— Да, очень странно. А что пишутъ по этому поводу въ Бѣлградской газетѣ?

— Будто еще какія-то странныя явленія происходятъ съ милицейскими, усмиряющими уличные беспорядки. Ихъ вдругъ одолѣваютъ слезы.

— Что же это возможно. Я читала, что въ Америкѣ для борьбы съ бутлегерами употребляютъ особыя ручныя бомбы, пускающія при разрывѣ слезоточивыя газы.

— Но откуда эти газы тамъ?

И опять замолчали, и слышно было только, какъ онѣ переворачивали газетные листы, должно быть обѣ читали газеты.

Мамочка и Леночка убрали посуду въ шкафъ.

Совсѣмъ громко сказала Лидія Петровна:

— Вы не обратили вниманія, милая, что все это пошло какъ разъ съ того времени, когда наши уѣхали сниматься.

— Ахъ, далъ бы Богъ. Вы знаете, что я уже перестала вѣрить въ возможность какой бы то ни было борьбы.

— Женя, уѣзжая, сказалъ мнѣ: «ты о насъ скоро и хорошо услышишь».

— Далъ бы Богъ. Я уже такъ молюсь Владычицѣ и Покровительницѣ Русской земли. Наша она теперь у насъ въ храмѣ... Казанская... Петербургская...

Лидія Петровна стала прощаться.

— До завтра, милая.

— Мы еще увидимся въ церкви. Я приду рано. Будемъ убирать цвѣтами икону.

— Такъ это красиво.

— Знаете, лучше всякихъ самоцвѣтныхъ камней.

— Каждый дѣлаетъ, что можетъ. Намъ камни то не по нашему бѣженскому карману. До свиданія, милая.

Мамочка и Леночка едва успѣли убрать стулья, на которыхъ сидѣли, какъ раскрылась дверь, и Парчевская, а за нею Ольга Сергѣевна вышли изъ комнаты.

Леночка пошла проводить Парчевскую до калитки.

Подслушанное ею уже не радовало ее, но тяготило страшною тайною, за которую можно отвѣтить и заплакаться. Ей было страшно за Парчевскую.

— Вы не боитесь такъ одна? — спросила она.

— Что вы, Леночка, во Франціи то! Я всегда одна хожу.

— Что же что во Франціи, — сказала печально Леночка. — А Кутеповъ?

— Ну я вѣдь не Кутеповъ. Какой во мнѣ интересъ для большевиковъ.

Парчевская бодро зашагала по *rue de la Gare*.

XVIII.

Въ это воскресенье какъ-то особенно хорошо было молиться въ ихъ скромномъ храмѣ. Ольга Сергѣевна долго стояла на колѣняхъ передъ убраннѣмъ бѣлыми и желтыми ромашками образомъ и молила о чудѣ. Она вѣрила, что Святая Дѣва, прекрасная не землею, красотою, ея родная «Казанская» пошлетъ ей это чудо просто и не замѣтно. Другіе скажутъ: «случай», но она будетъ знать, что это вымоленное ею чудо.

День былъ жаркій и солнечный. Природа сіяла. Маленькій ихъ тупичокъ съ жидкими палисадниками пестрѣлъ цвѣтами. Въ праздничномъ и радостномъ настроеніи Ольга Сергѣевна вернулась домой. Мамочка вынесла старое просиженное соломенное кресло изъ своей комнаты и сидѣла въ немъ въ палисадникѣ. Леночка возилась у газовой плиты. Семейство Боннейлей съ утра куда-то уѣхало. Софи Земпель была у окошка-балкона. Топси растянулась у ногъ мамочки. Она повиляла хвостомъ навстрѣчу Ольга Сергѣевнѣ, но не встала. Очень уже хорошо было лежать на пригрѣтомъ солнцемъ пескѣ.

Ольга Сергѣевна сѣла на каменные ступеньки

крыльца и благоговѣйно, отламывая маленькими кусочками и стараясь не уронить крошекъ на землю, ѣла принесенную ею просвиру.

Мамочка смотрѣла на нее съ иронической усмѣшкой. Эта усмѣшка — ее старалась не замѣчать Ольга Сергѣевна — раздражала ее. Мамочка это чувствовала. Она думала: «сама я ее учила когда-то этому: вотъ вѣдь дура-то пѣтая была! Вѣрила!... Чему тутъ вѣрить? Все теперь наукой объяснено, и ничего ни святого, ни страшнаго нѣтъ. Докторъ лучше здоровье пошлетъ, чѣмъ всѣ эти просвирики». Она наслаждалась, видя, какъ ея дочь краснѣетъ подъ ея взглядомъ.

— Ты бы, Леля, кусочекъ и Топси дала.

Ольга Сергѣевна не отвѣчала. Она старалась скорѣе доѣсть просвиру.

— Ничего что священная. И песь вѣдь Божія тварь.

— Не кощунствуйте, мама, — съ раздраженіемъ сказала Ольга Сергѣевна. — Грѣхъ это большой.

Она встала со ступеньки и хотѣла въ домъ. Но въ это время стукнула калитка ихъ переулка. Ольга Сергѣевна оглянулась на стукъ. Какой-то молодой высокій человѣкъ въ лѣтнемъ сѣромъ костюмѣ и новой модной шляпѣ съ широкими полями входилъ въ ихъ тупикъ. Было въ этомъ элегантномъ человѣкѣ что-то знакомое. Онъ увидалъ Ольгу Сергѣевну и, снявъ шляпу, низко и церемонно поклонился.

— Тетя, — крикнула сверху Леночка. — Михакло кланяется совсѣмъ какъ на картинкѣ котъ въ сапогахъ кланяется маркизу де Карабасъ.

Ольга Сергѣевна сейчасъ же узнала князя Ардаганскаго. Ей показалось, что князь выросъ за это время и сильно загорѣлъ красивымъ бронзовымъ загаромъ, какимъ загораютъ на горномъ солнцѣ жители горъ и летчики.

Но... приходъ сюда Ардаганскаго, одного изъ членовъ кинематографическаго общества «Атлантида», знаменовалъ, что «Немезида» не погибла и, значитъ, ея мужъ и сынъ живы.

Чудо, котораго она ждала и въ которое она вѣри-

ла, совершилось. И не въ силахъ себя сдерживать, она, широко улыбаясь, бѣгомъ побѣжала къ калиткѣ.

Не думая ни о чемъ, она крикнула:

— Князь, вы живы?..

— Какъ видите.

— А «Немезида»?

— И не думала тонуть.

Князь Ардаганскій былъ очень смущенъ. Три дня тому назадъ, когда замѣнившій Ранцева въ должности замѣстителя капитана Немо полковникъ Арановъ отправлялъ его въ Парижъ для сообщенія семьямъ, что ихъ главы живы, онъ говорилъ, какъ всегда невнятно и отрывисто. Про Аранова среди офицеровъ ходилъ анекдотъ, что онъ такъ ушелъ въ свои изобрѣтенія и математическія выкладки, что забылъ Русскій языкъ и умѣетъ говорить только два слова: «да, конечно». Арановъ говорилъ князю, что его выбрали, какъ самого молодого, а потому наименѣе примѣтнаго въ Парижской толпѣ. Его обязанность посѣтить всѣ семьи, и всюду засвидѣтельствовать, что всѣ живы и здоровы и просили кланяться. — «Но меня спрашивать будутъ»? — сказалъ князь. Арановъ, какъ и всегда, помолчалъ. Офицеры рассказывали, что въ это время онъ высчитываетъ кубическій корень изъ восьмизначнаго числа. — «Да, конечно», наконецъ, сказалъ онъ. — «Что же мнѣ говорить»? — «Ничего не говорите». — «Но это неудобно... Тамъ дамы»... Этого Арановъ совсѣмъ не понималъ и, когда князь пояснилъ ему все неудобство молчанія, когда васъ спрашиваютъ дамы, Арановъ послѣ долгой паузы сказалъ: — «да, конечно»... И потомъ добавилъ: — «Еще тутъ, можетъ быть... Письма тамъ какія... Такъ никакихъ чтобы писемъ»... Трудная была задача. Ардаганскій хотѣлъ было отказаться. Но отказаться лѣтъ!! Ле т ѣ т ь !! Одно это уже какъ прельщало его, лѣтъ въ Парижъ, гдѣ была его мать, гдѣ была та, кого онъ любилъ первую и такую чистою, почти неосознанною любовью, больше въ мечтахъ, чѣмъ сердцемъ, было выше его силъ, и онъ не отказался. Онъ все-таки высказалъ свои затрудненія Аранову. Тотъ криво усмѣхнул-

ся, потомъ сказалъ: — «Ну, врите тамъ что-нибудь.... Впрочемъ, можете и правду говорить. Все равно вамъ никто не повѣритъ». Получивъ приказаніе, деньги, указаніе, что онъ отнюдь не долженъ носить ихъ «Атлантической» формы, что вообще то «Немезида» для всѣхъ погибла, что онъ долженъ очень хорошо одѣться и походить возможно болѣе на француза, — князь же кончилъ французскій колледжъ, — что нигдѣ онъ не долженъ задерживаться, промелькнуть метеоромъ по всѣмъ домамъ, успокоить семьи, исполнить еще два, три порученія и сейчасъ же летѣть обратно, князь былъ отпущенъ изъ ангара полковника Аранова.

Когда въ лагерѣ стало извѣстно, куда и зачѣмъ летитъ князь, къ нему присталъ Мишель Строговъ. Онъ просилъ, чтобы князь передалъ его двоюродной сестрѣ, Леночкѣ Зобонецкой, совсѣмъ маленькую записочку. — «Вы понимаете, Михако, это дѣло любовное. Мнѣ очень надо ее успокоить и никто, кромѣ насъ двоихъ не долженъ этого знать».

Передача записки нарушала инструкціи, полученныя отъ Аранова княземъ. Но князю было очень трудно отказать въ этомъ пустякѣ Мишелю. Очень ужъ его просилъ объ этомъ Мишель. Уже очень, — такъ казалось доброму князю, — сердца то ихъ бились созвучно. Князю было, кромѣ всего этого, безконечно жаль Мишеля Строгова. Его отставленіе отъ полета съ отцомъ казалось ему чрезвычайно жестокою и несправедливою со стороны этого «педанта» Ранцева. Михако принадлежалъ къ молодому поколѣнію, выросшему и воспитавшемуся въ послѣ-военное время, когда въ обществѣ произошелъ нѣкоторый моральный сдвигъ, то, что называлось: «переоцѣнка цѣнностей». Точность въ исполненіи приказанія или порученія стала относительной, какъ стала относительной и подверглась сомнѣнію самая честность. Молодежь, даже такая прекрасная, какою былъ князь Ардаганскій, стала «разсуждать». Въ полученныя отъ старшихъ приказанія она вносила поправки, считая себя умнѣе стариковъ. Въ этой молодежи была и еще одна черта. Испытавъ въ жизни много,

видѣвъ въ самые нѣжные годы ея суровость, она какъ-то размякла и иногда, особенно когда ея интересы не были затронуты, она не умѣла настойчиво отказать.

Изъ старшихъ обитателей лагеря никто ни о чемъ не просилъ Ардаганскаго. Фирсъ хотѣлъ было написать «цидулю» паннѣ Зосѣ, но, когда князь несмѣло сказалъ, что онъ не имѣетъ права передавать никакихъ писемъ, Фирсъ махнулъ безпечно рукой и сказалъ: — «Ну, нельзя, такъ и нельзя. Передайте, ваше сіятельство, Зоськѣ, что я по прежнему ей вѣренъ, болѣе потому, что тутъ и измѣнить то ей не съ кѣмъ. Никакой даже чернокожей обезьяны дѣвичьяго рода тутъ нѣтъ. Такъ и передайте, чтобы значить не беспокоилась. А разыскать ее можете черезъ госпожу полковницу Ферфаксову. Онѣ общали о Зоськѣ позаботиться, чтобы не путалась съ кѣмъ не слѣдуетъ»... Старый Нифонтъ Ивановичъ просилъ, и очень трогательно, передать его поклонны генеральшѣ, полковницѣ и барышнѣ. «Топси пожмите лапку, скажите, чтобы не скулила. Помнить ее старый дѣдушка».

Все это было легко и просто тамъ, на островѣ Россійскомъ, но какъ оказался онъ противъ глубокихъ, полныхъ вѣры и печали глазъ Нордековой, какъ увидалъ маленькіе, сверлящіе буравчиками глазки Неонилы Львовны, почувствовалъ бѣдный Михако, что его дипломатическія способности очень невысокаго сорта. «Лучше всего говорить правду», — подумалъ онъ, — «не всю, конечно, правду. И отмалчиваться, а главное, поскорѣе уйти. Это не очень любезно, ну да поймутъ же и простятъ».

Сверху сбѣжала Леночка. Изъ окна комнаты Мишеля Строгова смотрѣла какая-то молодая брюнетка. Князь подозрительно покосился на нее.

— Не бойтесь, — сказала Ольга Сергѣевна, подмѣтившая его взглядъ, — это у насъ новая жилища. Она француженка, ничего по Русски не понимаетъ. Ну, какъ же они? Какъ мы наводновались по васъ! Панихиды даже служили. Ну, говорите... Только всю правду. Это вѣрно, всѣ живы и здоровы?

— Снимаетесь, — протянула, насмѣшливо улыбаясь, Неонила Львовна. — А не секретъ, сюжетъ вашей необычайной фильмы?

— А кто у васъ «старъ»? — спросила Леночка.

Вопросы сыпались, и это было хорошо для Ардаганскаго. Онъ могъ на нихъ не отвѣчать.

— Навѣрно они американку какую-нибудь взяли... Патриоты, — протянула мамочка.

— Пойдемте, пойдемте ко мнѣ, — звала Ольга Сергѣевна, — вы мнѣ все скажете. Что Шура? Все такимъ же дичкомъ? А Георгій Дмитріевичъ, не скучаетъ?

Въ комнатѣ еще былъ утренній беспорядокъ. Ольга Сергѣевна не успѣла прибрать ее. Она не замѣтила этого. Набросила одѣяло на постель и сѣла подлѣ смятой подушки.

— Князь, — сказала она, — не томите меня. Мы догадываемся. Мы знаемъ, что это не кинематографъ. Скажите мнѣ... Я никому ничего не скажу. Я же понимаю, какая это опасная тайна.

— Ольга Сергѣевна, — съ чувствомъ сказалъ князь, — я ничего не могу сказать. Я далъ честное слово никому ничего не говорить. Я могу вамъ тоже честнымъ словомъ завѣрить, что Георгій Дмитріевичъ и Шура въ добромъ здравіи.

— Гдѣ же они всѣ находятся? Вѣдь не на этихъ же глупыхъ островахъ Галапагосъ?

— Этого, Ольга Сергѣевна, я никакъ не могу сказать.

— Вы мнѣ не вѣрите?

— Нѣтъ, Ольга Сергѣевна, я вамъ очень вѣрю, но я не могу, и не могу.

Князь страдалъ подъ выразительнымъ взглядомъ прелестныхъ женскихъ глазъ. Беспорядокъ въ спальнѣ смущалъ его. Ему было неловко. Казалось, что онъ оскорбляетъ Ольгу Сергѣевну. Онъ чувствовалъ, что, если сейчасъ не уйдетъ, то размягчится и разболтаетъ.

Ольга Сергѣевна поняла его душевное состояніе и ей стало жалъ Ардаганскаго.

— Когда же вы уѣхали оттуда?

— Третьяго дня, — сказалъ Ардаганскій.

— Третьяго дня, — воскликнула Ольга Сергѣевна.

— Такъ недавно... Господи, да гдѣ же вы всѣ находитесь?

Князь Ардаганскій мучительно покраснѣлъ. Онъ уже проболтался.

— Ольга Сергѣевна, простите меня. Я сказалъ вамъ все, что могъ сказать. Сказалъ больше... Мнѣ надо спѣшить. Парижъ такъ великъ... Мнѣ же надо всѣхъ объѣхать.

— Да, я понимаю васъ, — съ печальнымъ упрекомъ говорила Ольга Сергѣевна, — провожая князя.

— Уже, — сказала не безъ язвительности Неонила Львовна. — Не долго же нагостили у насъ, молодой человекъ.

Надо было передать незамѣтно Леночкѣ письмо Мишеля. Леночка будто знала объ этомъ. Она побѣжала за нерѣшительно шедшимъ по тупичку Ардаганскимъ.

— Князь, — крикнула она. — Михако!

Ардаганскій остановился.

— Выйдемте за ворота, — тихо сказалъ онъ.

Изъ окна комнаты Мишеля Строгова, высунувшись по поясъ, за ними слѣдила французенка брюнетка. У калитки стояла Ольга Сергѣевна.

Ардаганскій досталъ маленькій конвертикъ и передалъ его Леночкѣ.

— Мишель Строговъ просилъ вамъ передать, — быстро сказалъ онъ и побѣжалъ внизъ по улицѣ, направляясь къ станціи желѣзной дороги.

Леночка взяла конвертъ и спрятала его на груди. «Вотъ она, тайна, которой никто не знаетъ. Тайна, за которую можно получить миллионы», — подумала она.

Но обладаніе этой тайной не радовало ее. Оно волновало ее и пугало.

XIX.

Это была правда, что князю Ардаганскому надо было спѣшить. Онъ долженъ былъ въ одинъ день объѣхать весь Парижъ съ пригородами. Всѣхъ застать, всѣмъ объяснить, что ихъ близкіе живы и здоровы. Отъ ненужныхъ разспросовъ отбояриться. Все это требовало времени. На другой день онъ долженъ былъ побывать у Пиксановыхъ. Это вышло, такъ казалось князю, совсѣмъ необыкновеннымъ образомъ. Заканчивая свои немногословныя объясненія, Арановъ сказалъ: — «Ну, и потомъ вы съѣздите къ Пиксанову. Вы знаете, гдѣ онъ живетъ?» — «Знаю», — сказалъ Ардаганскій, — «но у Пиксанова здѣсь нѣтъ никого близкихъ. Что передать ему прикажете?» — «Да, конечно,» — сказалъ, глядя куда-то вдаль, Арановъ, — «никого близкихъ. Но вы пріѣзжайте къ нему и тамъ уже узнаете зачѣмъ».

Князь Ардаганскій былъ окончательно смущенъ. Что же это за люди окружали капитана Немо? Они умѣли читать въ душахъ и въ сердцахъ людей. Какъ могъ Арановъ знать, что князь влюбленъ первою необыкновенною любовью въ Галину Пиксанову. Это же было совсѣмъ необычайно. Князь никому не говорилъ о своемъ чувствѣ.

Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ по порученію Раньева на Пиксановскую ферму. Потомъ ѣздилъ и самостоятельно. Его, чистаго, воспитаннаго матерью, вдовою разстрѣяннаго большевицами генерала, юношу необычайно потянуло къ Галинѣ. Все въ ней казалось такимъ несовременнымъ. Въ ней онъ нашелъ «Тургеневскую» дѣвушку, о какой писали тогда, что этотъ типъ вымеръ и не можетъ быть въ нынѣшней жизни. А увидалъ ее, окруженную молодыми курочками и кроликами, услышалъ, какъ нѣжными именами она звала свою мать и почувствовалъ, что газетные писатели не правы и что «Тургеневская» дѣвушка въ самомъ привлекательномъ ея видѣ можетъ быть и въ эмиграціи. И съ первыхъ встрѣчъ полюбилъ Галину такую чистою и большою

любовью, какою можно любить только въ неполные девятнадцать лѣтъ и когда жизнь видѣлъ со школьной скамьи, да изъ-подъ крыла любящей и вѣрующей матери.

Съ букетомъ цвѣтовъ и большою коробкою конфетъ — безсознательная вольность, дань времени, — князь Ардаганскій шелъ дождливымъ и хмурымъ туманнымъ утромъ на Пиксановскую ферму. Шесть километровъ, однако, пѣшкомъ, подъ дождемъ и по грязному, размытому и развѣзженному деревенскому шоссе! Его сѣрый элегантный костюмъ съ такою острою складкою на штанахъ, какую онъ видѣлъ у президента Думерга въ кинематографѣ, гдѣ онъ былъ изображенъ вмѣстѣ съ Бріаномъ на колониальной выставкѣ, размокъ.

Сѣрыя тучи дымными клочьями низко неслись надъ полями, гдѣ шла торопливая уборка пшеницы. Боялись, не загнили бы хлѣба на корню.

Ардаганскій миновалъ деревню съ узкими улицами и съ желтыми высокими стѣнами садовъ и огородовъ, дошелъ до завѣтной сѣрой калитки и дернулъ за ручку колокола.

— Qui est là?.. — сейчасъ же раздался милый звонкій голосокъ, и Галина — какъ она выросла за это недолгое время — появилась въ черной рамѣ раскрытой калитки. Мокрая прядь свѣтлыхъ волосъ легла на лобъ. Розовое ситцевое платье мягко обтягивало стройную ея дѣвичью фигурку.

— Идите скорѣе въ комнаты. Вы совсѣмъ промокли. И платье ваше испортится. Смотрите, складку совсѣмъ потеряли.

Серебряный смѣхъ сопровождалъ ея слова.

Отъ «президентской» складки ничего не осталось. Штаны висѣли двумя канализационными трубами, какъ у Бріана на томъ же снимкѣ. Совсѣмъ «демократическіе» стали штаны.

Галина пропустила князя въ калитку.

— У-у.... У-у..., съ высокой ноты на низкую закричала куда-то къ огороду Галина. Изъ-за каменной ограды

ей отвѣтило такое же мелодичное: «У-у....У-у...» Чудной музыкой казались эти звуки Ардаганскому.

Любовь Дмитриевна съ двумя кочанами капусты, прижатými къ груди, вышла изъ огорода.

— Князь, — воскликнула она, — наконецъ-то! Ерема будетъ такъ радъ. Онъ такъ васъ поджидалъ всѣ эти дни...

Пиксановъ, обтирая руки, запачканные землею, вышелъ вслѣдъ за женою.

— Бож-же мой, да вы совсѣмъ промокли, — сказалъ онъ. — Ну, слава Богу, наконецъ-то... Когда прилетѣли?...

Князь Ардаганскій сдѣлалъ круглые глаза.

— Отъ меня, князь, не скрывайтесь. Не нужно. Можете быть вполне открытымъ. Не людямъ — Богу и Родинѣ служимъ. Ну вы, — обратился онъ къ женѣ и дочери, — готовьте что-нибудь гостю, покормить его надо. Гость надолго. Да и согрѣть. Водки, князь, не хотите?

Князь совсѣмъ смутился. Водки онъ никогда не пилъ. Но отказаться ему, зачисленному въ гусарскій полкъ вольноопредѣляющимся, казалось невысказаннымъ. Онъ промолчалъ.

— Пойдемте наверхъ. Тамъ теплѣе, скорѣе просохнете. Галинка, къ тебѣ можно?

— Можно, папочка.

Какъ въ какое-то святое святыхъ поднимался князь въ комнату Галины по древней съ выбитыми ступенями лѣстницѣ, съ перилами, изъѣденными жучкомъ съ вѣвшейся пылью на стѣнахъ. Пиксановъ толкнулъ узкую дверь, и они вошли въ маленькую комнату. Почти всю переднюю стѣну занимало окно въ кружевныхъ занавѣскахъ. Оно было открыто. Отцвѣтшая липа въ шарикахъ сѣмянъ протягивала къ нему мокрая, пахнувшая свѣжестью вѣтви. И вся комната была полна этимъ точно дѣвичьимъ чистымъ ароматомъ. У стѣны стоялъ маленький диванъ, служившій Галинѣ постелью. На немъ лежали вышитыя шелковыя подушки. На каменномъ полу подлѣ дивана былъ разостланъ коврикъ изъ сѣра-

го кроличьяго нѣжнаго мѣха, подбитый сукномъ оливковаго цвѣта. Въ углу у образовъ теплилась лампада. Вся стѣна надъ диваномъ была увѣшана портретами, фотографіями, открытками, изображавшими Государя, Императрицу и Царскую семью. И было видно, что это были «пенаты» Галины. Они были украшены, гдѣ орденскою ленточкою, гдѣ свѣжими цвѣтами. Весь образъ Галины былъ въ этой комнатѣ такъ просто, но и такъ мило убранной. И этотъ образъ вполне отвѣчалъ той несказанной прелести идеальнаго о ней представленія, какое было у князя Ардаганскаго.

— Садитесь, князь — указаль на диванъ Пиксановъ.

Ардаганскій взялъ стулъ и сѣлъ на самый кончикъ. Онъ такъ боялся что-нибудь запачкать въ этой чистенькой горенкѣ.

— Ну какъ хотите, — сказалъ Пиксановъ и плотно усѣлся на постели дочери. — Когда вы летите обратно?

— Почему вы знаете?... Вѣдь это такая тайна... — округля испуганные глаза съ упрекомъ сказалъ Ардаганскій.

— А, да ну васъ, — съ грубоватой лаской сказалъ Пиксановъ. — Не отъ меня только эта тайна.... Я давно работаю съ вами. И до послѣднихъ дней былъ въ непрерывной связи съ капитаномъ Немо и Ранцевымъ. По радіо, конечно... Газеты то вамъ кто же читаль?.. Парижскія!.. А теперь не могу... Не смѣю... Мнѣ было сказано, что вы прилетите и чтобы я все вамъ изложилъ, такъ какъ вы сейчасъ же и обратно должны летѣть. Я вчера закрылъ радіо... По крайней мѣрѣ, на время. За мною слѣжка.... Поняли?.. Сегодня должны наѣхать жандармы... Меня предупредили объ этомъ... Пожалуй, хорошо, что вы тутъ. Во-первыхъ, сами увидите, какъ обстоитъ теперь дѣло здѣсь, а кромѣ того, вы съ цвѣтами и коробкой конфетъ — хорошая декорація мирной и далекой отъ всякой конспираціи жизни. Поняли меня. Кѣмъ вы будете?.. Моимъ племянникомъ?.. Нѣтъ... Лучшее... Племянникомъ моей жены.... Отчего?.. Зачѣмъ?.. Почему?.. Какая логика?.. Кто имъ донесъ?.. У большевиковъ, положимъ, большія деньги и еще большая наг-

лость... Ну и, конечно, реставраціей и реакціей пугаютъ, а это такіе жупелы для европейской демократіи, что при одномъ словѣ этомъ у нея ажъ глаза на лобъ лѣзутъ. Я давно зналъ, что рано или поздно Мандровская улавливательная станція должна нащупать насъ. Она же такъ недалеко отъ насъ. Надѣялся, что это будетъ поздно, а не рано... Кромѣ того, думалъ, что даже она и знаетъ, догадывается, въ чемъ дѣло... Это же не биржевые зайцы сговариваются, какъ лучше спекулировать... Вѣдь, если взять всю Францію, такъ всѣ шесть-десять милліоновъ французскаго народа за насъ и съ нами и только какихъ-нибудь, ну тамъ, нѣсколько сотъ тысячъ, вѣрятъ въ этотъ проклятый коммунизмъ. А вотъ подите, шестьдесятъ милліоновъ этихъ-то нѣсколько сотъ тысячъ какъ еще боятся... Коммунисты, гдѣ деньгами, гдѣ жидовскимъ окрикомъ и нахрапомъ добиваются своего. Теперь вотъ пактъ о ненападеніи придумали... Пактъ, слово-то какое глупое!... Имъ мало акта... Пактъ придумали... Чушь, конечно, ерунда, предательство, глупость... преступленіе... А вѣдь какъ клюнуло-то!... Разговариваютъ съ ними, подлецами, за столъ ихъ, мазуриковъ, съ собою сажаютъ... Ну и вотъ подъ вліяніемъ пактовъ то этихъ самыхъ наше «бѣлое» дѣло взято подъ подозрѣніе. Сегодня долженъ быть обыскъ въ деревнѣ. Гдѣ?.. Конечно, у меня... Я же одинъ здѣсь Русскій!... Ну и кромѣ того... Можетъ быть, слышали: того типа, что убилъ Великаго Князя въ 1918-мъ гсду, нашли мертвымъ въ мансардѣ. Никакихъ слѣдовъ, чтобы насильственная смерть, однако, догадываются, чьихъ рукъ дѣло. «Огонь поядающій» коснулся его. Когда похитителей Кутепова искали, такъ не нашли... Ну, а теперь всю эмиграцію наизнанку переворачиваютъ... Поняли меня?.. Такъ, когда вернетесь, скажите, что я принужденъ ради дѣла молчать пока налетѣвшая на насъ гроза не утихнетъ... Поняли мое положеніе... Вы когда летите обратно?

Князь Ардаганскій послѣ всей этой исповѣди понималъ, что скрывать что-нибудь бесполезно: Пиксановъ зналъ больше его. Онъ съ полнымъ довѣріемъ отвѣтилъ:

— Я завтра ѣду въ Шамониксъ отыскивать въ горахъ нашъ аэропланъ.

— Такъ... такъ... Отличное дѣло. Богъ въ помощь.

— Папочка, — раздался за дверью спокойный, но настойчивый голосъ Галинки, — ѣдутъ.

Пиксановъ всталъ и открылъ дверь. Галина въ платокъ и кофтушкѣ — совсѣмъ малороссійская дѣвушка крестьяночка, — съ корзинкой лукошкомъ на рукѣ, стояла у двери, на площадкѣ лѣстницы.

— Такъ я побѣгу, папочка.

— Бѣги, родная, бѣги и Богъ да поможетъ тебѣ.

Пиксановъ нѣжнымъ, князь Ардаганскій влюбленнымъ взглядами проводили Галину до калитки. Она шмыгнула въ нее и исчезла за каменнымъ заборомъ.

Во дворъ вѣзжали на гнѣдыхъ, дымящихъ дождевымъ паромъ лошадахъ жандармы въ черныхъ длинныхъ плащахъ и голубыхъ съ чернымъ широкимъ околышемъ фуражкахъ кострюлькой. Съ ними былъ какой-то штатскій, ведшій велосипедъ въ рукѣ. Жандармы слѣзли съ лошадей и привязали ихъ у воротъ. Всѣ трое направились къ Пиксанову и князю, ожидавшимъ ихъ у входа въ домъ.

Дождь пересталъ. Туманъ садился на землю.

XX.

Бригадиръ, съ узкимъ серебрянымъ галуномъ по краю фуражки и съ расшитыми рукавами однобортнаго чернаго мундира подошелъ къ Пиксанову.

— Colonel Piksanoft?...

— Oui, monsieur le brigadier...

Бригадиръ покровительственно и важно, какъ умѣютъ это дѣлать французы, протянулъ Пиксанову лѣвую руку въ мокрой, рыжей перчаткѣ.

— Мы просимъ насъ извинить.. Что дѣлать... Долгъ службы... Вы сами понимаете... Мы должны васъ побез-

покоить немного... Вотъ ордерокъ... Намъ надо осмотрѣть ваше жилище. Есть донесеніе, что у васъ есть станція беспроволочнаго телеграфа.

Пиксановъ изобразилъ на своемъ безстрастномъ рыбьемъ лицѣ крайнее удивленіе.

— Ты слышишь, Люба, — обратился онъ по-французски къ стоявшей у открытой двери женѣ. — У насъ станція беспроволочнаго телеграфа.

Любовь Дмитриевна пошла къ печкѣ, пожала плечами и сказала красивымъ низкимъ голосомъ:

— Пусть посмотрятъ.

Незванные гости пошли по комнатамъ. Домъ былъ старый, мѣстами развалившійся. Осмотрѣть его весь съ надворными постройками, конюшней, сараями, курятниками, сѣновалами и дня не хватило бы. Жандармы смотрѣли поверхностно, штатскій, маленькій кривоногій человѣкъ съ подшпиленными для велосипеда шпильками штанами, въ сѣрой рабочей каскеткѣ блиномъ и въ распахнутой черной кожаной курткѣ поверхъ пиджака всюду совалъ свой носъ и все допрашивалъ Пиксанова.

— Это піанино?.. А зачѣмъ вамъ піанино?..

— Жена поетъ и играетъ. Зимой, знаете, скучно безъ музыки.

— Но вы могли поставить радіо.

— Мы его не имѣемъ.хлопотно очень. Самимъ пріятнѣе, играешь и слушаешь, что хочешь, а не то, что даютъ...

Штатскій заглянулъ подъ кровать, приподнялъ «сомье», открывалъ шкапы. Бригадиръ и сопровождавшій его молодой жандармъ ходили безучастно. Бригадиръ подмигивалъ Пиксанову на старанія штатскаго.

— Былъ бы телеграфъ, — сказалъ онъ, наконецъ, — были бы мачты, антенны... Проволока, моторъ.... Ничего этого нигдѣ не видно.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, — огрызнулся штатскій, — теперь это такъ усовершенствовано, что ничего и не надо. Ящикъ не больше этого сундука. Вотъ и все. Что въ этомъ сундукѣ?

Пиксановъ поднялъ крышку.

— Грязное бѣлье, — сказалъ онъ.

— Хорошо-съ, — съ какимъ-то озлобленіемъ наскочилъ штатскій на Пиксанова, — а скажите мнѣ?... Вашъ патронъ?... Кто онъ такой?

— Инженеръ Долле.

— Что же онъ Русскій?

— Да.

— Почему у него французское имя?

— Когда у васъ была такая же революція, какъ у насъ теперь, и народъ казнилъ короля и истреблялъ дворянство, его предки бѣжали въ Россію.. Какъ мы теперь были принуждены бѣжать къ вамъ во Францію... *Chassée croisée*, знаете, такое вышло... Предки моего патрона остались въ Россіи. Имъ при нашихъ императорахъ очень хорошо жилось. А теперь... Пришла революція въ Россію и имъ пришлось бѣжать... Обрато во Францію... Отъ рабоче-крестьянской власти господъ большевиковъ.

— Это онъ тутъ арендовалъ въ лѣсу охоту?

— Да, онъ.

— Онъ охотился?

— Нѣтъ. Онъ снялъ охоту въ концѣ сезона, охотиться не успѣлъ, а теперь до конца сентября охота за-прещена.

— Онъ богатый человѣкъ?..

— Да... вѣроятно.... Я не имѣю обыкновенія считать въ чужихъ карманахъ деньги.

— Ну, оставьте, право, — обратился снова къ штатскому бригадиръ. — Сразу видно, вы введены въ заблужденіе, ничего тутъ и быть не можетъ. У нихъ даже электрическаго освѣщенія нѣтъ. Керосиновые лампы повсюду. Господинъ *ancien combattant*, занимается ку-роводствомъ. Какіе тутъ могутъ быть радіо.

— Я знаю, что дѣлаю и вы обязаны мнѣ помогать.

-- Да развѣ я вамъ мѣшаю?

— Ну и дайте обо всемъ разспросить... Въ лѣсу есть постройки?..

— Да, тамъ есть два дома лѣсниковъ и въ глубинѣ

лѣса развалина, должно быть стараго охотничьяго дома. Жандармы знаютъ.

Бригадиръ подтвердилъ слова Пиксанова.

— Кто живетъ въ домахъ?

— Лѣсники французы. Въ развалинѣ патронъ позволилъ поселиться одному старику монаху.

— Русскому?

— Да, Русскому.

— Это почему?

— Въ Россіи большевики уничтожили монастыри и разогнали монаховъ. Многіе уѣхали въ Югославію, въ Грецію, на Аѳонъ. Отецъ Θεодосій пріѣхалъ съ офицерами въ Парижъ. Дѣваться ему некуда. Ночевалъ на улицѣ... Подъ мостами... Патронъ его и пріютилъ.

Штатскій досталъ изъ-за пазухи большой кожаный бумажникъ, вынулъ изъ него карту, всю прочерченную пересѣкающимися красными и черными линіями, долго разглядывалъ ее, разложивъ на письменномъ столѣ Любви Дмитріевны и, наконецъ, сказалъ:

— Я хочу осмотрѣть лѣсъ. Наши координаты сходятся въ лѣсу.

— Но, мосье Рибо... Конечно, это какъ вамъ будетъ угодно... Но лѣсъ двадцать квадратныхъ километровъ. Его и въ мѣсяцъ не осмотришь.

— Я хочу провѣрить эту развалину, гдѣ Русскій монахъ. Это мое право и обязанность.

— Я считаю долгомъ предупредить васъ, — продолжалъ бригадиръ, — что въ лѣсу очень топко и грязно и вы тамъ на велосипедѣ далеко не вездѣ проѣдете.

— Гдѣ надо я пройду пѣшкомъ, — гордо сказалъ маленькій человѣкъ и сталъ спускаться внизъ.

— Это ваша жена? А кто этотъ молодой человѣкъ?

— Ея племянникъ.

Бригадиръ выразительно ткнулъ пальцемъ въ коробку конфетъ и букетъ цвѣтовъ, лежавшіе на большомъ кругломъ столѣ, и сказалъ:

— Полноте, мосье Рибо, не въ этой же коробкѣ радио-станція.

Рибо зашагалъ къ велосипеду. Жандармы прило-

жились ладонями къ прямымъ козырькамъ фуражекъ.

— Бонжуръ мосье, мадамъ...

Стали отвязывать лошадей.

Туманъ низко стоялъ надъ полями. Все кругомъ было сѣро и уныло, какъ бываетъ въ хмурый день поздною осенью.

XXI.

Обѣдали втроемъ. Князь Ардаганскій былъ взволнованъ. Онъ беспокоился о Галинѣ и не могъ этого скрыть. Его раздражало, что родители Галины не придавали значенія ея долгому отсутствію.

— Куда же пошла Галина? — наконецъ, спросилъ, мѣняясь въ лицѣ, дрожащимъ голосомъ князь.

— Въ лѣсъ. По грибы, — просто сказала Любовь Димитріевна.

Пиксановъ закурилъ папиросу.

— Слушайте, князь... Неужели не догадались? Галина пошла къ отцу Θεодосію... Надо же предупредить, чтобы старика не застали врасплохъ. Тамъ все-таки и прибрать кое-что надо. Поняли?.. Главное-то я давно припряталъ. Газеты кое-что проболтали про радіо. Сидите съ нами спокойно. Дождемся Галочки и послушаемъ, что она намъ расскажетъ про визитъ шпики. Имъ вѣдь интересно, чтобы не было станцій, передающихъ биржевые секреты... Все служба золотому тельцу. Ну, а мы... Жандармы то, можетъ быть, давно знали, что мы тутъ дѣлаемъ, да и станція тоже, да не трогали. Пока не явился этотъ. Рожа-то какая поганая!... По всему обличію или коммунистъ, или купленный большевицкимъ полпредствомъ... Хочетъ непременно доискаться. Ну, да увидимъ. Богъ не безъ милости.

Безконечно тянулся день. Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, какимъ бы счастьемъ былъ для князя этотъ день! Какъ досыта наговорился бы онъ съ милой дѣвочкой, разспросилъ бы ее обо всемъ! Теперь

всѣ молчали. Князя усадили у плиты сушиться. Любовь Димитріевна пошла чистить курятникъ. Князь сорвался было съ кресла.

— Позвольте я вамъ помогу.

Любовь Димитріевна улыбнулась снисходительно ласковой улыбкой.

— Ну, куда вамъ... Въ вашемъ-то костюмѣ. Ботинки въ разъ загубите. Вы знаете, что... Пока что, снимайте-ка костюмъ, да разгладьте его, я вамъ утюжокъ на фуръ поставлю. Ну, — уже въ дверяхъ сказала она, — пока!..

Въ пятомъ часу, въ полутемной комнатѣ — очень хмурый и тоскливый былъ день, — пили чай. Галины все не было.

— Ты не поѣдешь ей навстрѣчу? — спросила Любовь Димитріевна.

— Не къ чему. Она навѣрно пойдетъ напрямикъ лѣсомъ и мы только разминемся. Притомъ же неизвѣстно, что тамъ эти господа нашли. Моя поѣздка наведетъ ихъ на новыя подозрѣнія. Она навѣрно ожидаетъ ихъ отъѣзда, чтобы допросить отца Θεодосія и рассказать намъ все обстоятельно. Ты же ее знаешь.

Время шло. Колоколъ на деревенской колокольнѣ отбивалъ часы и получасы. Въ деревнѣ была тишина. Съ желѣзнымъ скрежетомъ, показавшимся князю ужаснымъ, двѣ пары бѣлыхъ громадныхъ воловъ протащили вальки по дорогѣ. Гдѣ-то далеко прогудѣлъ поѣздъ. Туманъ становился гуще. Надвигался тихій, сырой и теплый вечеръ. Набухшія дождемъ вѣтви липъ низко опустились къ дому. Пѣтухи собрались подъ ними тѣсной стаей и стояли нахохлившись. Начиналъ опять моросить мелкій дождь. Сердце князя разрывалось отъ тоски и безпокойства за Галину.

И какъ всегда, когда слишкомъ напряженно ожидаютъ, совсѣмъ не въ ту минуту, когда ждали, уже въ полутьмѣ, вдругъ скрипнула и открылась калитка, и Галина съ веселымъ смѣхомъ пробѣжала черезъ дворъ.

Ея туфельки были облѣплены грязью. Въ грязи были и стройныя, голыя ноги. Подолъ платья намокъ о траву, папоротникъ и кусты. Лукошко на рукѣ было

полно бѣлыхъ грибовъ. Лицо сіяло радостью и счастьемъ исполненнаго долга. Голубые глаза сверкали и играли огненными искорками, смѣхъ открывалъ милыя ямки на розовыхъ щекахъ.

— Мама!.. Папочка!.. Князь!.. — пробѣгая по двору, крикнула она. — Все такъ отлично... Ну такъ отлично... Очень даже хорошо все вышло. Лучше, право и не надо...

— Ты башмаки-то переодѣнь раньше... Простудишься, — сказала Любовь Димитріевна.

— Ну, мамулечка, — удивительно мило протянула Галина. — Переодѣнусь послѣ, раньше все расскажу.

— Да вѣдь ты ничего еще и не ѣла.

— Ничего и не ѣла, — точно сама на себя удивилась Галина.

— Ну такъ ѣшь раньше.

— Нѣтъ... Послѣ, папа... Это всегда успѣю. Раньше все по порядку.

Она не безъ гордости поставила корзинку съ грибами на столъ, сама сѣла подлѣ печки, гдѣ кипѣлъ и свистѣлъ чайникъ, вдругъ вообразившій себя заправскимъ самоваромъ, протянула ножки къ огню и начала.

— Ну-съ... Вышла я, и бѣгомъ, бѣгомъ, въ лѣсъ и къ отцу Θεодосію. Заперто... Ну, да знаю я его уловки. Стучу... Слышу, говоритъ: — «Господи, спаси Россію»... Я ему сейчасъ: «Коммунизмъ умретъ — Россія не умретъ»... Ну и открылась мнѣ его келійка. Мы скоренько за уборку. Моторъ... Еле стащили... Ну и тяжелый!.. Въ лабораторію, гдѣ нѣмецкая обезьяна была. Работали, хоть въ кинематографъ насъ снимай... Полъ заложили. Ковриками покрыли, травки набросали. Мачта была уже снята... Мы ее на цѣлую версту отнесли въ лѣсъ и спрятали въ папоротникахъ. Ни за что не найти! И только кончили, глядимъ — ѣдутъ. И тотъ типъ съ ними... На велосипедѣ... Я въ лѣсъ и по грибы. Да какъ долго же они были! Я цѣлое лукошко набрать успѣла. Наконецъ, слава Богу, уѣхали. Я сейчасъ, мамочка, къ отцу Θεодосію. Разспросить же его надо. И какъ же онъ хорошо все устроилъ.... Такой хитрый. Дверь, значить, оставилъ от-

крытой: входи, молъ, ничего запретнаго нѣтъ. Ну, тѣ и входятъ... Видятъ иконы... Лампадки затеплены... Свѣчи зажжены у наоя, книга раскрытая, лежитъ. Отецъ Θεодосій ихъ монастырскимъ поклономъ встрѣчаетъ, какъ самыхъ дорогихъ гостей. Жандармы шапки сняли, тотъ типъ такъ въ шапкѣ и расхаживаетъ. Отецъ Θεодосій, — онъ, мамочка, такъ все это забавно рассказывалъ, — на своемъ французскомъ языкѣ и говоритъ ему: — «снимите вашу каскеточку, тутъ домъ молитвы»... Снялъ... Ну что же, папа, рассказывать, ты самъ знаешь, если не знать всего устройства, можно годъ искать, ни до чего не доискаться. Однако, полѣзли наверхъ, ходили, нюхали, смотрѣли сверху на лѣсъ. По деревьямъ глазами шарили... Тотъ типъ все свою карту свѣрялъ, потомъ поѣхали къ лѣсникамъ. А я скорѣе домой, къ вамъ, съ докладомъ. Вѣдь далеко, мамулечка, да и дорога какая!.. Ужасъ...

Князь Ардаганскій съ такимъ откровеннымъ восхищеніемъ и обожаніемъ смотрѣлъ на Галину, что та смутилась.

Князя оставили ужинать. Да и поѣзда раньше не было. Уже ночью, всею семьею вышли его проводить. Все время разговоръ былъ о Галинѣ, объ удачно отбытомъ обыскѣ и всѣ жители фермы казались героями, хотя, вотъ онъ — подлинный герой — шелъ вмѣстѣ съ ними! Но Ардаганскій ни слова не говорилъ о томъ, что всего два дня тому назадъ онъ на громадной вышинѣ мчался на аэропланѣ надъ Атлантическимъ океаномъ, что страшный, совсѣмъ на земной, не похожій холодъ забирался въ ихъ особо приспособленную каюту, что днемъ лучи солнца слѣпили глаза, а ночью по-иному, чѣмъ привыкъ видѣть ихъ князь, свѣтили звѣзды и безшумно несли аэропланъ надъ землею, чтобы спуститься въ дикомъ, не посѣщаемомъ людьми мѣстѣ. По своей скромности князь объ этомъ не рассказывалъ, да ему и запрещено было говорить, какъ онъ попалъ во Францію.

Дождь пересталъ. Прояснило, луна молодякъ проткнулась сквозь тучи. Разстались за деревней и князь,

подобравъ на этотъ разъ концы своихъ штановъ, бодро зашагалъ на маленькую глухую станцію.

И когда вдругъ изъ ночной тьмы показался пустой поѣздъ съ ярко освѣщенными вагонами, и князь сѣлъ въ него и помчался черезъ ночь, онъ все думалъ о томъ, что онъ сейчасъ видѣлъ и слышалъ.

«Да, она героиня» — думалъ онъ. — «Настоящая героиня... Тургеневская дѣвушка... Какъ она все сдѣлала-то. И лѣса не боялась...»

Надъ Парижемъ желтое свѣтилось зарево. Тамъ, гдѣ была колоніальная выставка, ярко отражались въ небѣ огни, и лучи прожекторовъ свѣтили въ пространство. Князь сидѣлъ, какъ очарованный, смотрѣлъ въ окно и все думалъ: «она героиня... героиня моего романа»..

XXI.

Какъ и всегда, въ десятомъ часу утра почтальонъ на велосипедѣ бодро подкатилъ къ калиткѣ Пиксановской фермы и передалъ выбѣжавшей на его звонокъ Галинѣ газету.

Пиксановъ сидѣлъ дома. Дожди мѣшали работать въ огородѣ. Онъ развернулъ газету и сталъ ее читать. Всякая дребедень была теперь въ газетахъ. О главномъ, о Русскомъ, о томъ большомъ и больномъ, что заполняло думы всѣхъ читателей и волновало ихъ, или нельзя было писать, или не хотѣли писать и наполняли газетные листы рассказами о Джекѣ Куганѣ, о женахъ — сколько ихъ! — Шарло Чаплина, о его котелкѣ и башмакахъ... Писали о сумасбродствахъ богатыхъ людей, о милліонахъ, завѣщанныхъ любимой кошкѣ или попугаю. И заголовки газетъ были такіе, что можно было подумать, что выходили газеты въ сумасшедшемъ домѣ. «Женщина, оказавшаяся мужчиной»... «Полковникъ, оказавшійся женщиной»... «Подъ льдомъ къ сѣверному полюсу»...

Разсѣянно скользя по этимъ пустымъ извѣстіямъ, Пиксановъ увидалъ заголовокъ жирнымъ шрифтомъ: «Таинственный аэропланъ». Онъ сталъ читать.

...«Во французскихъ Альпахъ, въ районѣ Шамоник-са, туристы обнаружили на высотѣ 3.500 метровъ аэропланъ. Ни въ самомъ аппаратѣ, ни вокругъ него туристы не нашли летчиковъ, несмотря на усердные поиски. На снѣгу около аэроплана видны были большія пятна, которыя въ началѣ показались туристамъ кровью.

«При ближайшемъ разслѣдованіи, однако, оказалось, что пятна на снѣгу были сдѣланы какою-то жидкостью и имѣли форму правильныхъ круговъ: повидимому, въ этомъ мѣстѣ кто-то указалъ авіатору куда спуститься.

«Какъ попалъ аэропланъ въ эти мѣста и куда дѣвался летчикъ, — представляется весьма загадочнымъ.

«Жандармерія производитъ разслѣдованіе»...

Пиксановъ опустилъ газету. «А вѣдь это ихъ аэропланъ», — подумалъ онъ. «Успѣетъ ли милый князь и тѣ, кто прилетѣли съ нимъ, благополучно проскочить на этотъ аэропланъ и улетѣть, куда ему надо. И тамъ уже, какъ и у меня, жандармерія впуталась въ ихъ тайное дѣло и мѣшаетъ планомѣрной работѣ».

«Да, ужасно... Зачѣмъ, почему, отчего, какая логика въ томъ, что капиталистическія страны Европы такъ усиленно помогаютъ коммунистамъ разрушать ихъ же благосостояніе и такъ же старательно мѣшаютъ тѣмъ, кто борется за право и законъ?... И всюду шныряютъ теперь эти скучающіе, снобирующие туристы, и, кажется, нѣтъ теперь такой точки на земномъ шарѣ, куда не проникъ бы какой-нибудь джентльменъ въ дорогомъ «пулловерѣ», въ гетрахъ и вязаной шапкѣ и не остановился съ идиотской улыбкой разсматривать то, что такъ тщательно и съ такимъ рискомъ для жизни хотѣли отъ него скрыть. И какъ страшно, что и тамъ... Тоже... Какой-нибудь умирающій отъ скуки, задавленный своими милліонами американецъ, не наткнется въ своихъ плаваніяхъ на моторной яхтѣ на т о т ѣ островъ и не завопитъ о немъ въ газетахъ всего міра... Ужасно.... Эти мнѣ

снобы, бездѣльники, сами навязывающіе на собственную шею петлю коммунистической веревки!»..

Пиксановъ закурилъ дешевую папиросу и продолжалъ въ тяжкомъ раздумьи листать газету. Со двора доносилось кудахтанье куръ и звонкій голосъ Галины.

— Мамулечка, сегодня молодые курочки уже четвертое яйцо несутъ и все сто шестой номеръ...

«Да здѣсь жизнь», — со вздохомъ подумалъ Пиксановъ, — «тамъ противодѣйствіе жизни.... Ибо безъ Бога... ибо противъ Бога»...

Онъ углубился въ газету.

«Англійская свадьба въ Русской церкви»... Тоже снобъ какой-нибудь, ради моды сунулся въ Русскую церковь... Или наша какая-нибудь бѣдная дѣвушка продалась за англійскіе фунты... «Вчера въ 9 1/2 часовъ вечера въ Русской церкви состоялось по православному обряду бракосочетаніе капитана англійской службы Джемса Холливеля съ миссъ Анастасіей Гербертъ. Бракосочетаніе совершалъ...» На свадьбѣ, однако, не было никого Русскаго. Свадьба была чисто англійская... Но почему православная? «Тоже снобизмъ какой-нибудь, въ родѣ путешествія къ сѣверному полюсу на подводной лодкѣ»...

«Чествованіе»... Ну, конечно!... Мы безъ чествованій и праздниковъ обойтись никакъ не можемъ, хотя уже чего чествовать и что праздновать, когда я, гвардейскій полковникъ, принужденъ здѣсь куръ разводить»...

Пиксановъ выплюнулъ недокуренную папиросу, швырнулъ газету на полъ и вышелъ изъ полутемной комнаты на дворъ. Яркій солнечный свѣтъ его ослѣпилъ. Голубое небо было бездонно. На крышѣ ворковали, радуясь долгожданному солнцу голуби, воробьи, чирикали у навознаго ларя. Изъ курятника слышались звуки скребковъ. Любовь Димитріевна съ Галиной чистили птичникъ.

Пиксановъ посмотрѣлъ на небо. «Можетъ быть, князь и летитъ, и все обошлось благополучно. Славный юноша... И, видимо, сраженъ моей баловницей. Ну что

жъ, вотъ придемъ въ Россію, тогда и мы будемъ чествовать и праздновать, уже на законномъ основаніи и по праву, каждый въ мѣрѣ совершеннаго... А кто ничего? Ну ничего и не получить.. Ничего и есть ничего. И ноль всегда ноль, какъ его ни чествуй и ни величай»...

XXIII.

Получивъ отъ князя Ардаганскаго голубенькій пакетикъ съ посланіемъ Мишеля Строгова, Леночка не ощутила никакой радости. Тревога охватила ее сердце. Что въ этомъ посланіи? Какая тайна?... Сорбонна за эти мѣсяцы кое-чему научила Леночку. Она показала ей, что милліоны легко дѣлаютъ въ кинематографахъ, да въ романахъ, въ жизни совсѣмъ не такъ это просто. Если это кинематографическая тайна, какъ ее использовать?... Страшно подумать, если это тайна политическая. Мухомо былъ замкнуть и молчаливъ... На его лицѣ было такое выраженіе, какое Леночка видала въ кинематографахъ на лицахъ героевъ или преступниковъ. Послѣ разговоровъ съ Жаномъ Леночка поняла, что Парижъ съ его «ажанами» вовсе не безопасное мѣсто и здѣсь, если тайна касается совѣтской республики, можно такъ же влипнуть, какъ и въ какомъ-нибудь Троцкѣ.

Первымъ движеніемъ Леночки было вскрыть и сейчасъ же прочитать, что пишетъ ей Мишель Строговъ. Но она чувствовала себя подъ наблюденіемъ. Тетка стояла у калитки, Софи все глядѣла въ окно. Леночка зашла за уголь дома и тамъ спрятала конвертъ у себя на груди.

Надо было идти домой завтракать. Леночка надѣла на лицо привычную маску сдержанности. Въ совѣтской республикѣ безъ такой маски можно было пропасть. Она умѣла ее носить, и съ нею на лицѣ пошла къ дому небрежной вихляющей походкой, какою ходятъ париж-

скія манекенши и которую Леночка изучила въ кинематографѣ.

— Что вы тамъ съ княземъ шептались? — съ ласковою ворчливостью сказала Неонила Львовна. — Не пара онъ тебѣ. Гляди какъ вырядился! Все новенькое. Видать — въ хорошемъ магазинѣ куплено, и все у него тайна да тайна, какіе подумаешь, секретники выискались. Конспираторы!

— Спрашивала о Мишелечкѣ, — съ наивнымъ видомъ сказала Леночка.

— Можетъ быть, онъ тебѣ что про Шуру подробнѣе сказалъ, — съ волненіемъ въ голосѣ сказала Ольга Сергѣевна.

— Ничего особеннаго... Живъ... Здоровъ... Снимается... Мухоморъ, правда, сталъ очень уже въ секреты играть.

— Да, — протянула Неонила Львовна, — былъ милый человѣкъ, а теперь просто фификусъ какой-то.

Послѣ завтрака Леночка позвала Топси.

— Я, тетя, пойду немного погулять съ собакой.

На рыночной площади были скамейки. Леночка рѣшила тамъ прочесть посланіе Мишеля. Когда она была уже на площади ее догнала Софи.

— Что это за прекрасный человѣкъ былъ у васъ? — спросила Софи.

«Софи не помѣшаетъ, — подумала Леночка. — «Письмо написано по Русски. Она ничего не разберетъ».

— Это былъ молодой князь Ардаганскій.

Хотя совѣтская школа второй ступени и тщательно вытравила изъ головы Леночки понятіе о почетности княжескаго званія, она не безъ гордости назвала Ардаганскаго княземъ.

— Это твой «ами»?

Леночка неопредѣленно подернула плечомъ, понимай, молъ, какъ знаешь, отъ такого «ами» не хотѣлось отказываться.

— Давай, сядемъ. Мнѣ надо прочитать одно письмо. Ты позволишь?

— Ахъ, сдѣлай милость.

Они сѣли на желтую исчербленную скамейку. По другую сторону ея сидѣлъ какой-то старикъ. Въ немъ ничего не было подозрительнаго. Леночка вынула съ груди конвертъ и осторожно ноготкомъ вскрыла его. Софи нарочно стала смотрѣть въ сторону.

Крупнымъ корявымъ почеркомъ Мишеля — онъ совсѣмъ отвыкъ писать — было начертано:

«Леночка, дорогая, умоляю васъ, выручайте всѣхъ насъ изъ бѣды. Мы попали въ грязную исторію. Торопитесь... Можетъ быть, вы извлечете изъ моего сообщенія и пользу. Не знаю. Это самая обыкновенная бѣлогвардейская авантюра. Стопроцентная контръ-революція. Никакого общества «Атлантида» нѣтъ. Есть солдатчина, удушливые газы, аэропланы и пулеметы, направленные противъ большевиковъ цѣлаго свѣта. Вы понимаете, какое это безуміе. Опять война. Насъ надо разоблачить. Не знаю, гдѣ, въ Лигѣ Націй или прямо у большевиковъ, гдѣ больше дадутъ. Спасайте скорѣе, но и не продешевите... Наша военная база находится на вулканическомъ островѣ, лежащемъ на 2°10'11" южной широты и 22°32'18" западной долготы отъ Гринвича. Это очень важныя свѣдѣнія. Боюсь, что вы не сумѣете ихъ использовать. Храните ихъ тщательно»...

Записка была безъ подписи. Мишель зналъ, что дѣлалъ. Леночка опустила руки съ запиской на колѣни и смотрѣла вдаль. Она была такъ поражена, что ничего не видѣла. Она не видѣла, что Софи внимательно разглядывала записку.

«Тайна была политическая. Самъ Мишель Строговъ признавалъ ея значеніе и опасность. Что дѣлать?... Что дѣлать?...»

Леночка машинально спрятала записку на груди и тяжело вздохнула.

— Что-нибудь непріятное? — участливо спросила Софи.

— Ахъ... Нѣтъ...

Леночка поднялась.

— Пойдемъ домой.

Софи послушно встала и пошла съ подругой къ до-

му. Обѣ молчали. Холодные токи бѣжали по жиламъ Леночки. «Донести?... Сказать кому-то объ этомъ заговорѣ, объ этой «авантюрѣ»? Доносъ ее не страшилъ и не смущалъ. Она не думала, какія могутъ быть послѣдствія доноса для ея дяди и Мишеля. Она усвоила со школьной скамьи, что доносить не стыдно, не преступно, не гадко. Каждый обязанъ доносить. Ее смущало другое... Куда донести? А какъ съ этой запиской она сама попадется? Тутъ дѣло шло уже не о миллионахъ, которые кто и за что ей дастъ?... Не большевики же? Она знала, какъ и чѣмъ платили большевики доносчикамъ. Она знала и ихъ грубость и ихъ жестокость, и она боялась ихъ. Она теперь знала, что они были повсюду. И Жанъ былъ большевикъ. Надо ихъ остерегаться. Могутъ быть пытки, можетъ быть смерть.

Леночка не помнила, какъ она дошла до дома и простилась съ Софи.

— У меня голова болитъ, — жалобно сказала она подругѣ.

Она воспользовалась тѣмъ, что Неонила Львовна ушла куда-то и прошла къ Ольгѣ Сергѣевнѣ. Она не считала возможнымъ скрывать опасность, грозившую всѣмъ.

— Тетя, — сказала она, — князь мнѣ передалъ письмо отъ Мишеля.

Она подала записку Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Та прочла и перечла ее нѣсколько разъ. Она подняла глаза къ образу. Такъ вотъ оно чудо, которое она молила у образа Богоматери? Все обманъ! Всѣ ея прежнія чувства, все прошлое, притушенное разлукой недоброжелательство къ мужу вспыхнуло съ прежней силой. Онъ снова сталъ для нея «полковникомъ», Донъ-Кихотомъ. Она перечитывала и старалась вникнуть въ смыслъ того, что писалъ Шура.

«Онъ, старый офицеръ генеральнаго штаба, не увидалъ того, что увидалъ и понялъ Шура, кого всѣ они считали недоучкой и дуракомъ. Шура правъ. Конечно, — авантюра!... Ихъ триста человѣкъ, и они хотятъ бо-

роться со всѣмъ міромъ. Съ какого-то таинственнаго острова на экваторѣ? Безуміе».

Ольга Сергѣевна давно въ сердцѣ своемъ постановила, что большевики непобѣдимы. Отъ того и было такъ темно и мрачно на ея сердцѣ, что она-то знала, что никогда, никогда не вернется она въ Россію. Да и зачѣмъ? Тринадцатилѣтнее владычество большевиковъ не могло пройти незамѣтнымъ. Какую она найдетъ теперь тамъ Россію?

Весь праздникъ души, что торжественнымъ гимномъ пѣлъ въ ея сердцѣ, когда она узнала, что ея близкіе живы и здоровы, пропалъ и затихъ, какъ только она поняла, на какое дѣло они пошли.

Россіи они все равно не спасутъ, только сами погибнутъ.

— Порви, — сказала она Леночкѣ, не зная, что сказать, — порви эту записку... Нѣтъ, постой... Не рви... Она можетъ понадобиться. Можетъ быть, и правда все это надо разстроить... Просить вмѣшаться французовъ и остановить эту авантюру... Но храни ее бережно... Храни... Никому не показывай. Ты понимаешь... Ты тамъ сама жила... Ты знаешь, чѣмъ и какъ ты рискуешь, если кто не надо узнаетъ про нее. Хоть и Парижъ... У меня Кутеповъ передъ глазами... И никто за него не заступился...

Онѣ обѣ были, какъ заговорщицы. Отъ мамочки молчаливо рѣшили все скрыть. Но та видѣла огорченное лицо дочери и тревогу Леночки, видѣла, что отъ нея что-то скрываютъ, обижалась и ворчала вслухъ:

— Это, дѣти мои, какъ «винтики»... Какъ «винтики»... Куда повернуть, куда полетятъ, такъ тому и быть... Такъ тому и быть... — какъ ворона каркала она.

Тревога, волненіе и безпокойство и самый ужасный страхъ вошли въ бѣдныя каморки виллы «Les Cocci-nelles»...

XXIV.

На другой день Леночка не хотѣла ѣхать въ Сорбонну, но Софи пришла за нею, какъ всегда и сказала, что будетъ какая-то особенно интересная лекція про прошлое Парижа, будетъ читать знаменитость, и Леночка рѣшила, что опасности нѣтъ, если она поѣдетъ. Она при Софи запрятала поглубже на грудь голубенькій конвертикъ и онѣ поѣхали въ Сорбонну.

— Только, какъ тамъ хочешь, — сказала дорогой Леночка, — а завтракать мы пойдемъ куда-нибудь въ Латинскомъ кварталѣ. Я откровенно тебѣ скажу, я не хочу встрѣчаться съ Жаномъ. Ты на меня не обижайся. Мнѣ не нравится его манера все выпрашивать.

— Какъ хочешь, — спокойно сказала Софи.

Лекція и правда была интересная. Все прошлое Парижа встало передъ Леночкой. Улицы, острова, кварталы, все точно ожило, покрылось невидимыми тѣнями людей прошлаго и стали по новому интересными и красочными. Завтракали въ маленькомъ ресторанчикѣ во второмъ этажѣ, на площади Сень-Мишель. Низенькая комната стараго дома была полна молодежи, студентами и студентками. Веселый смѣхъ и шутки не смолкали. На Леночку поглядывали съ нескрытой симпатіей. Она нравилась восточною красотою. Леночка совсѣмъ разсѣялась, и ей стали казаться смѣшными ея страхи. Въ Парижѣ ничто не можетъ случиться и никакой большевикъ не посмѣетъ къ ней прикоснуться, какими бы тайнами она ни обладала. Эта милая молодежь за нее заступится и ее отстоитъ!

Послѣ завтрака Софи предложила Леночкѣ поѣхать вмѣстѣ съ нею къ ея портнихѣ. Это была давнишняя мечта Леночки. Софи была парижанка и какъ и гдѣ она одѣвается это было такъ интересно. Онѣ взяли такси и поѣхали куда-то очень далеко.

Домъ былъ сѣрый и невзрачный. Софи объяснила, что это совсѣмъ недорогая портниха, но она работаетъ на лучшіе дома Парижа. Онѣ поднимались на шестой

этажъ. Лифта не было. Леночка запыхалась, когда дошла до площадки, куда выходили три двери. Тишина стыла за ними. Софи позвонила у лѣвой двери и, какъ показалось Леночкѣ, позвонила какъ-то странно, нѣсколько разъ. Дверь открылась, и тотъ, кто открылъ ее, спрятался въ сосѣдней комнатѣ. Была темная крошечная комнатуха прихожей, куда несмѣло вошла Леночка за подругой. Едва она вошла, какъ чьи-то сильныя руки схватили ее за горло, въ полумракѣ Леночкѣ показалось, что она увидала искаженное лицо Жана, Софи набросилась на нее, разстегнула ея платье и выхватила завѣтную записку Мишеля Строгова. Это было одно мгновенье, въ слѣдующее, ее грубо повернули, съ силою толкнули къ лѣстницѣ, такъ, что она не могла удержать равновѣсія и покатилась по крутымъ ступенямъ. На верху дверь закрылась, и тамъ все стихло.

Леночка очнулась и оправилась отъ охватившаго ее страха только на площадкѣ пятаго этажа, куда она скатилась. Безумный страхъ владѣлъ ею. «Вотъ оно, вотъ оно», — думала она, — «большевики. Я попала къ нимъ въ ловушку».

Она подобрала платье, застегнула блузку и въ страхѣ, не отдавая себѣ отчета что дѣлаетъ, побѣжала внизъ по лѣстницѣ, выскочила изъ дома и пробѣжала нѣсколько кварталовъ, не замѣчая ни домовъ, ни улицъ. Она остановилась только у входа въ подземную дорогу. Тутъ были люди, и не было такъ страшно. Она поѣхала домой. У нея отъ ушиба и нервнаго потрясенія разболѣлась голова. Дома она съ трудомъ дозвонилась. «Мамочка» предавалась послѣобѣденному сну. Ольги Сергѣевны не было дома.

Неонила Львовна впустила Леночку и сейчасъ же снова завалилась на постель. Леночка прошла въ комнату Ольги Сергѣевны и легла. Въ головѣ шумѣло. Ее била лихорадка. Она смутно сознавала, что случилось нѣчто ужасное. Если Софи вырвала записку, она знала ея содержаніе. Она въ ней была заинтересована. Она знала по-Русски. Она и Жанъ не были французами, но были

Русскими большевиками, нарочно подосланными, чтобы слѣдить за ними.

Сквозь сильную головную боль мысль Леночки работала удивительно ясно и логично. Точно какой-то клубокъ распутывался передъ нею, и все становилось яснымъ. Во всемъ, во всемъ виновата та «авантюра», куда «влипли» полковникъ и Мишель Строговъ. Она была давно раскрыта большевиками и имъ надо было только добыть доказательства. Софи была подослана, чтобы слѣдить за ними. Они всѣ обречены. Тутъ мысли путались. Что же дальше дѣлать и какъ спастись? Прежде все надо дожидаться Софи и начисто объясниться съ нею. Сказать обо всемъ Ольгѣ Сергѣевнѣ или лучше не говорить? Нѣтъ, лучше пока молчать. Надо узнать все отъ Софи.

Леночку предательство подруги не возмущало. Въ школѣ второй ступени она и не такое предательство видала. Но здѣсь противъ предательства можно было бороться. Онѣ были не въ Совѣтской республикѣ, а въ Парижѣ, переполненномъ «бѣлыми» Русскими и, если она скажетъ имъ, кто такое Софи Земпель, ее заставятъ вернуть записку. Это были смѣлые и гордые планы. Они быстро и какъ-то совсѣмъ непослѣдовательно смѣнялись полнымъ упадкомъ духа и тогда Леночка тряслась въ лихорадкѣ и съ тревогою прислушивалась къ тому, что дѣлается на дворѣ. Ей слышались гудки автомобиля, грохотъ грузовика, людской гомонъ. Она въ тревогѣ поднималась на постели. Въ эти часы все было тихо въ этомъ мѣстечкѣ, всѣ жители были на работѣ или на службѣ въ Парижѣ и оно было пусто. Леночка ждала возвращенія Софи. Должна же будетъ она вернуться.

Софи не приходила. Ольга Сергѣевна вернулась усталая и раздраженная. Отъ ея вчерашняго праздничнаго настроенія и слѣда не осталось. Обѣдали молча. Скоро послѣ обѣда легли спать. Леночка не спала. Она все прислушивалась, когда вернется Софи. Ты не возвращалась.

Леночка рѣшила искать Софи въ Сорбоннѣ, ѣхать въ Русскій ресторанъ. Тамъ она скажетъ всѣмъ, что съ

нею сдѣлали, ее поймутъ и должны же они, Русскіе, ее защитить. Это же Парижъ!.. Парижъ!!.

Въ Сорбоннѣ Софи не оказалось. Леночка дождалась перерыва на завтракъ и поѣхала въ ресторанъ.

Смутно и невесело было у нея на душѣ. Рѣшимость изобличить Жана и Софи смѣнялись безотчетнымъ страхомъ и желаніемъ никогда не встрѣчаться съ ними.

XXV.

Уже издали Леночка увидала, что ихъ три мѣста были свободны. Прислуга берегла ихъ для постоянныхъ посѣтителей. Красивая блондинка посторонилась передъ Леночкой, давая ей мѣсто. Леночка, не думая, заказала себѣ что то. Она ѣла машинально. Противъ нея сидѣлъ лохматый бородачъ и, размахивая дымящейся папиросой и пуская дымъ въ лицо Леночкѣ, сердито говорилъ своему собесѣднику.

— Воинствующее безбожіе лучше, въ тысячу разъ лучше полного равнодушія и бойкота вѣры, овладѣвающихъ все болѣе и болѣе матеріалистическимъ міромъ Европейскихъ странъ. Воинствующее безбожіе возбуждаетъ въ населеніи протестъ, желаніе бороться. Вы посмотрите, какъ отвѣчаетъ населеніе на всѣ преслѣдованія христіанъ въ совѣтской Россіи. На мѣсто разрушаемыхъ, растутъ новые храмы и тамъ, гдѣ ихъ можно меньше всего ожидать: въ рабочихъ кварталахъ... Они распинаютъ Христа, а Христосъ воскресаетъ тамъ во всей славѣ своей. Тогда, какъ здѣсь, это лаическое воспитаніе дѣтей въ безбожьи ведетъ къ полному оскудѣнію вѣры, къ поразительному равнодушію, къ незнанію ея.. къ самому грубому матеріализму.

— Большевики въ роли возбудителей христіанства... Оригинальная мысль, Борисъ Николаевичъ.

Леночка дальше не слушала. Она отдавала блюдо за блюдомъ, почти не притрогиваясь къ нимъ.

— Барышня нездоровы, или ей что не нравится, — спросилъ ее подававшій ей молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, такъ... Дайте счетъ.

Она заплатила и пошла къ выходу. Когда проходила между столами съ тѣсно сидящими гостями ей показалось, что кто то, кажется, та блондинка, что рассказывала про Муру, сказала негромко: «совдепка»...

Леночкѣ это было все равно. Она вдругъ поняла, что ничего нѣтъ. Все призраки... И блондинка — призракъ... Развѣ есть такое имя Мура?.. Спалила на Рождествѣ скатерть и этимъ огорчалась... Слизь!.. Слизь! Просто дура!.. Леночка подымалась къ площади Этуали, и встрѣчные люди казались ей кинематографическими тѣнями. Собственно жизни нѣтъ. Все это только такъ кажется. И происшествіе, бывшее вчера и оскорбительность выталкиванія въ дверь — это все относительно, какъ посмотрѣть? Было больно, когда она упала на ступени лѣстницы, но боль бываетъ и сильнѣе. Ее могли и пытать? Могли убить!.. Убить.. Что такое убить? Сдѣлать ее слизью, какою она была нѣкогда... Воинствующее безбожіе, какъ все это глупо! Ничего нѣтъ!.. Ничего нѣтъ!

Леночка спускалась къ Сенѣ. Золотистый туманъ легкой дымкой стлался надъ городомъ. День былъ прекрасенъ. Впереди, какъ какое-то страшное безобразное чудовище, широко разставившее ноги, высилась къ голубому небу Эйфелева башня. Леночка вошла подъ нее.

На башню пускали. Заплатить нѣсколько франковъ и можно подняться почти на самый верхъ. На самую верхнюю площадку нельзя, тамъ радіо-телеграфъ.

Все въ томъ же задумчивомъ, точно полубредовомъ состояніи Леночка заплатила деньги и встала въ кабину подъемной машины. Земля стала уходить изъ-подъ ея ногъ. Парижъ открывался все шире и шире. На верху было всего двое посѣтителей. Какая-то молодая дама и съ ней молодой человѣкъ. Поднявшіеся съ Леночкой пассажиры разбрелись по площадкѣ. Леночка смотрѣла на нѣжныя дали, тонушія въ розовой дымкѣ. «Это такъ кажется... Тамъ старая Лютеція. О ней такъ пламенно

и страстно рассказывалъ вчера профессоръ. Тамъ ходили римляне... У Ключи были ихъ бани. Гдѣ они? Слизь? Изъ слизи вышли и въ слизь и обратились. И сколько ихъ!.. Этихъ Людовиковъ, что жили здѣсь и по своему любили Парижъ. И тамъ, гдѣ теперь широкое авеню Елисейскихъ полей съ непрерывнымъ рядомъ автомобильныхъ магазиновъ и такое людное, что трудно перейти черезъ него, когда-то собаками травили оленей. Все прошло. И Наполеоны и революція. Все случайные гости на одинъ мигъ. И она на одинъ мигъ. И, если ускорить этотъ мигъ — не будетъ и этого липкаго страха передъ большевиками и думъ, какъ устроить свою жизнь. Недавно она смотрѣла въ лицо Жана и думала, если годъ обратить въ секунду.. И на ея глазахъ лицо Жана старѣло, потомъ умерло, разложилось и обратилось въ слизь. Ну... ускорить».

Леночка нагибалась все болѣе и болѣе внизъ. Точно хотѣла она разсмотрѣть, кто тамъ ходитъ подъ саемыми ногами башни. Кровь приливала къ головѣ и пространство тянуло ее въ бездну.

Она нагнулась еще больше. Мокрое желѣзо периль холодило животъ сквозь тонкую матерію платья.

Это случилось какъ-то вдругъ и совсѣмъ непонятно. Голова сладко закружилась. Леночка услышала, какъ кто-то, можетъ быть, это была даже и она, или та молодая дама, что стояла недалеко отъ нея, закричалъ тонкимъ, все удаляющимся и замирающимъ голосомъ: а-а-а!..

И потомъ наступила страшная тишина. Въ ушахъ шумѣло.... Какой-то ударъ, и все исчезло въ небытіи.

.....

То, что было Леночкой, кровавой слизью лежало точно мѣшокъ съ чѣмъ-то мокрымъ, на панели. Начиная собираться народъ. Полицейскій громко и залиvisto подаль свистокъ. Какіе-то люди принесли брезентъ. Имъ накрыли Леночку отъ любопытныхъ взглядовъ. Какъ-то очень скоро примчался автомобиль съ краснымъ флажкомъ на крышѣ. Изъ него вышли санитары. Они уложили Леночку на носилки и погрузили на авто-

мобиль. Въ госпиталѣ, куда привезли тѣло Леночки, его раздѣли, осмотрѣли и, не найдя никакихъ документовъ, или примѣтъ, по которымъ можно было признать, кто была Леночка, отмѣтили «*inconnue*» и отправили въ моргъ.

Эту ночь на виллѣ «*Les Coccinelles*» Ольга Сергѣевна не ложилась спать. Она ожидала Леночку. Но пришло солнечное, яркое лѣтнее утро, Леночка не вернулась. Сильное безпокойство охватило Ольгу Сергѣевну, но надо было идти на службу. Это время хозяева такъ легко разсчитывали служащихъ, что надо было быть на чеку и ничѣмъ не возбудить недовольства патрона. Вернувшись, она первымъ дѣломъ спросила «мачочку», вернулась - ли Леночка.

Леночки не было. Теперь забеспокоилась и Неонила Львовна. Но прошелъ и еще день, пока Ольга Сергѣевна рѣшилась пойти въ полицейскій комиссаріатъ. Тамъ ее разспросили, записали ея адресъ и сказали, что если на ушедшей не было ея «*carte d'identité*», отыскать будетъ очень трудно, почти невозможно.

— Какъ же такъ?... — сказала Ольга Сергѣевна. Ея лицо изобразило страданіе.

— Въ Парижѣ, мадамъ, примѣрно пять тысячъ челоуѣкъ ежегодно безъ вѣсти пропадаетъ, — любезно сказалъ чиновникъ. — Однако, это вовсе не обозначаетъ, что всѣ они непременно гибнутъ. Мало ли причинъ, по какимъ люди скрываются изъ своихъ домовъ, никому объ этомъ не заявляя. Особенно молодыя дѣвушки.

— Но у ней, повидимому, никого не было, съ кѣмъ она могла бѣжать.

— Но вы говорите, что одновременно съ нею изъ вашего дома исчезла мадемуазель Земпель. Наконецъ, допустимъ, что могло быть уличное происшествіе, она могла попасть подъ автомобиль или трамвай. Ее отвезли бы въ госпиталь и какъ только она пришла бы въ себя, она назвалась бы и сказала свой адресъ и васъ по нему увѣдомили бы. Это въ интересахъ самого госпиталя. Если она задавлена совѣмъ — ищите ее въ моргѣ. Можетъ быть, ее еще не похоронили.

Ольга Сергѣевна рассказала все это Неонилѣ Львовнѣ.

Старуха подняла на дочь глаза.

— Искать въ моргѣ... Зачѣмъ, — медленно проговорила она. — Зачѣмъ намъ мертвая Леночка?..

— Ахъ, мамочка, надо же ее похоронить, какъ слѣдуетъ.

— Похоронить, какъ слѣдуетъ, — строго сказала старуха. — А ты, милая, знаешь, что это значить — похоронить, какъ слѣдуетъ?... Что Леночка - то вѣрила въ твоего Бога?.. Ты только подумай, сколько расходовъ, сколько совсѣмъ ненужнаго безпокойства сдѣлаетъ то, что ты называешь — похоронить, какъ слѣдуетъ!.. Что она-то сама свою мать, какъ слѣдуетъ, хоронила?.. Небось, закопала, да и все. Леночка пришла къ намъ незванная, непрощенная, такъ и ушла... Такова ея судьба.

Жестокая, но и неотразимая логика была въ словахъ «мамочки». Въ ней говорила та бѣженская мудрость, которой не была чужда и сама Ольга Сергѣевна. Она наклонила голову и молча вышла изъ комнаты.

«Да... Было бы это дома... Въ Россіи... Совсѣмъ другой разговоръ былъ бы. Тамъ мы все знали... Здѣсь... пять тысячъ человѣкъ ежегодно пропадаетъ въ Парижѣ и никого это не удивляетъ».

Она прислушалась. Ей показалось, что въ сосѣдней комнатѣ ходитъ Леночка и напѣваетъ вполголоса:

— Жила была Россія

Великая держава.

Враги ее боялись —

Была и честь, и слава...

— Ни чести, ни славы, — прошептала Ольга Сергѣевна, — такъ что ужъ... гдѣ ужъ... Молчать надо и терпѣть... Такъ Богу угодно.....

Нежданная и незванная явилась Леночка изъ той невѣдомой и страшной страны, которая была Россіей и такъ же неожиданно и таинственно исчезла... Какъ исчезаетъ пять тысячъ человѣкъ въ Парижѣ, какъ столько

и столько исчезло за это время ея близкихъ и знакомыхъ... Такой значить вѣкъ... Время такое... На все воля Божія.

XXVI.

Газеты, помѣстившія замѣтку о свадьбѣ мистера Холливель и миссъ Гербертъ въ православной церкви, написали вѣрно. Но это не было англійскимъ снобизмомъ, какъ о томъ подумали Пиксановъ и многіе другіе. Это вытекало изъ самаго происхожденія миссъ Гербертъ, о чемъ никто не зналъ.

Когда капитанъ Холливель въ самой изысканной и красивой формѣ сдѣлалъ Анѣ Гербертъ предложеніе и просилъ ея руки и сердца, Ана подняла на него свои прекрасные сине-голубые глаза — въ нихъ точно играла морская волна — и сказала въ тихомъ раздумьи:

— Прежде чѣмъ дать вамъ мой отвѣтъ, Джемсъ, я должна вамъ сказать, кто я.

Она сдѣлала паузу. Она, казалось, ждала вопросовъ. Ихъ не послѣдовало.

— Я не англичанка, какъ вы думаете. Я Русская.

Она внимательно посмотрѣла въ глаза мистера Холливеля. Въ нихъ не было ничего. Лицо молодого капитана было какъ всегда холодно. Онъ ждалъ, что скажетъ его нареченная.

— Я не миссъ Гербертъ. Я только удочерена Гербертами и потому ношу ихъ фамилію. Я дочь Русскаго офицера — Ранцева. Душа у меня Русская, хотя, конечно, по воспитанію я болѣе англичанка, чѣмъ Русская.

Она замолчала.

— Я объ этомъ имѣлъ случай догадываться. Это ничего не мѣняетъ, и я повторяю вамъ то, что сказалъ только что: — я прошу васъ быть моею женой.

Ана густо покраснѣла и тихо сказала.

— Поговорите объ этомъ съ моею матерью. Что касается до меня — я согласна. Но я прошу, чтобы вѣнчаніе было, какъ въ англиканской, такъ и въ православ-

ной церквахъ. Я очень предана, люблю и уважаю вѣру моихъ родителей.

Мистеръ Холливель молча нагнулъ голову, выражая этимъ полное согласіе съ желаніемъ невѣсты.

Бракъ былъ, какъ всѣ браки этого вѣка, этого послѣ военнаго времени, когда у людей измѣнились понятія и произошла «переоцѣнка цѣнностей». Наружно — бракъ хоть куда. Въ англійскій романъ или въ кинематографъ — лучше не надо. Моднѣе, лучше, красивѣе ничего не придумаешь.

Женихъ высокаго роста, чисто бритый, черноволосый, съ прической, точно лакомъ покрытой, на проборъ, съ сухимъ, замкнутымъ, волевымъ лицомъ, съ тонкими губами и холодными, узко поставленными стальными глазами. Ему было за тридцать. Онъ повидалъ войну, и орденская ленточка украшала петлицу его костюма. Всегда безукоризненно и со знаніемъ мужской моды и того, гдѣ что надѣть, одѣтый, съ умѣло подобранными въ тонъ и цвѣтъ галстукомъ и платочкомъ, онъ былъ всегда и вездѣ примѣтенъ. Никто не умѣлъ такъ красиво носить фракъ, такъ одѣться на морскомъ пляжѣ въ пижаму, такъ быть хорошъ въ теннисныхъ трусикахъ и фуфайкѣ, какъ Джемсъ Холливель. Самый изящный мужчина англійской колоніи въ Парижѣ! Не было, казалось, спорта, котораго онъ не зналъ бы. Онъ плѣнилъ Ану своей прекрасной верховой ѣздой и знаніемъ лошади. На площадкѣ «Багатель» въ Булонскомъ лѣсу онъ былъ непобѣдимъ въ полло. Онъ прекрасно игралъ въ теннисъ и былъ постояннымъ партнеромъ миссъ Аны. Онъ отлично игралъ въ гольфъ и былъ благородно красивъ въ игрѣ въ бриджъ. Онъ умѣлъ править автомобилемъ и, кажется, леталъ на аэропланѣ. Совершеннѣйшій герой романа второй четверти двадцатаго вѣка и мудроено ли, что Ана такъ легко согласилась быть его женой? Она была ему достойной во всѣхъ отношеніяхъ парой. Красавица въ первомъ цвѣтеніи красоты, изящная, стройная, строго воспитанная, прекрасная спортсменка, она не отставала ни въ чемъ отъ жениха. Она ѣздила безупречно, играла въ теннисъ и

бриджъ и на дняхъ добилась завѣтной мечты — получила картъ розъ на право управлять автомобилемъ.

Ана подъ руководствомъ той Русской барышни, съ кѣмъ она проходила уроки Русскаго языка, читала романа Тургенева и Гончарова. Героинь этихъ романовъ она не понимала. Онѣ казались ей скучными и вялыми. Разсужденія героевъ ей представлялись ненужными. Джемсъ Холливель вполнѣ удовлетворялъ ея вкусу. Она была очень молода и ея мать говорила ей, что можно бы и подождать съ бракомъ, но для чего ждать? Она была дѣвушкой своего вѣка. У нея былъ современный взглядъ на бракъ. Въ немъ бракъ открывалъ ей свободу и давалъ возможность выявить свое «я». Бракъ, хотя она и настаивала на его церковности и смутно вѣрила, что это «таинство», все таки былъ для нея нѣчто въ родѣ торговаго договора, гдѣ честность предполагалась съ обѣихъ сторонъ. Для Аны мистеръ Холливель былъ джентельменъ. Онъ былъ офицеромъ. Ана выросла въ уваженіи къ этому званію. Ея названный братъ былъ убитъ на войнѣ. Ея отецъ былъ на этой же войнѣ тяжело раненъ. Въ офицерѣ, въ представленіи Аны, было достаточно благородства, чтобы безтрепетно отдать свою судьбу въ руки офицера Королевской арміи.

Въ ихъ кругу было принято послѣ свадьбы совершать путешествіе, и Ана мечтала поѣхать на сѣверъ, куда нибудь въ фіорды Норвегіи, или даже въ Россію, недоступную для Русскихъ, но вполнѣ удобную для «интуристовъ». Это было бы такъ любопытно посмотреть страну своихъ настоящихъ родителей. Ее тянула и Манчжурія, гдѣ на постовой квартирѣ Русскаго офицера она родилась. Голосъ крови говорилъ въ ней. Но ея мужъ былъ связанъ дѣлами въ Парижѣ и какъ разъ въ это время онъ получилъ важное служебное порученіе, мѣшавшее ему покинуть Парижъ. Мать предложила имъ устроиться на ея квартирѣ на avenue Henri Martin, а сама уѣхала на морской курортъ въ Бретани. Она прислала свой прекрасный Пакхардтъ своей дочери и дала его въ полное ея распоряженіе.

Такъ въ старыхъ привычныхъ рамкахъ началась для Аны новая замужняя жизнь. Кое отъ чего ей хотѣлось

бы отмахнуться и забыть. И, когда оставалась она одна, а это бывало каждое утро послѣ прогулки верхомъ, она начинала сознавать, что все таки для брака, кромѣ всей этой красивой внѣшности, ее окружавшей, нужна была еще и какая то особенная всепрощающая и все принимающая любовь. Ее у нея не было. И, можетъ быть, Тургеневскія героини, кого она не понимала, были счастливые ея. Но было поздно. Тогда начала она задумываться надъ жизнью, заниматься самоанализомъ и невольно слѣдить за мужемъ.

Онъ былъ джентльменомъ и безупречнымъ мужемъ, но онъ былъ далекъ отъ нея. Она всю себя, со всѣми своими чувствами, думами, переживаніями и вопросами отдала ему. У нея ничего не было скрытаго отъ него. Онъ былъ замкнутъ, и она, его жена, не знала даже, гдѣ и чѣмъ онъ служить. Онъ капитанъ королевской арміи. Но гдѣ его полкъ? Онъ не состоитъ военнымъ атташе. Но онъ занятъ, онъ не въ отпуску. Онъ служить. У него есть портфель съ бумагами, всегда закрытый на ключъ, и этотъ ключикъ онъ носитъ на тонкой цѣпочкѣ на груди. Его часто и даже ночью вызываютъ къ телефону и когда онъ говоритъ, онъ прикрываетъ дверь кабинета и говоритъ въ полголоса. Онъ получаетъ много газетъ и писемъ. Онъ получаетъ телеграммы и не любитъ, чтобы въ его отсутствіе она, его жена, ихъ распечатывала. Телеграммы служебныя и часто шифрованные. Послѣ нихъ онъ бываетъ озабоченъ и какъ ни хорошо онъ скрываетъ свои чувства, она видитъ, что онъ обезпокоенъ. Это ее обижало. Можетъ быть потому, что она была Русскою, и въ сердцѣ своемъ носила другое понятіе объ отношеніи мужа къ женѣ.

Утромъ они ѣздили верхомъ. Потомъ мужъ передѣлвалъ и уѣзжалъ иногда до самого обѣда. Она играла на роялѣ. Въ четыре часа въ громадной столовой накрывали чайный столъ, наставляли пирожныя, варенья и конфеты. Кто нибудь приходилъ. Подруги по консерваторіи, игроки въ теннисъ. Шелъ пустой свѣтскій разговоръ. Говорили о политическихъ новостяхъ, о паденіи рабочаго министерства въ Англіи, о планахъ Макдональда, о его высокомъ патріотизмѣ. Ее это не интере-

совало. Тогда говорили о новыхъ фильмахъ, о постановкахъ въ театрѣ, о колониальной выставкѣ. Это было ей болѣе по душѣ. Она полюбила колониальную выставку и почти каждый день, когда была хорошая погода, по вечерамъ ѣздила съ мужемъ на нее. Ей тамъ казалось, что всѣ эти арабы, негры, аннамиты, китайцы знаютъ какую то другую жизнь и что эта ихъ жизнь полнѣе и счастливѣе жизни Парижанъ, толпящихся тамъ.

Однажды къ ней пришелъ въ ея чайные часы безупречно одѣтый русскій князь. Онъ хорошо говорилъ по-англійски. Онъ мило бесѣдовалъ съ ея гостями и, пересидѣвъ ихъ всѣхъ, сказалъ ей, что извѣстіе о гибели «Немезиды» — она и не слышала объ этомъ — невѣрно, что всѣ, гость подчеркнулъ слово всѣ, живы и здоровы и что все у нихъ идетъ хорошо. Тогда Ана поняла, о чемъ говоритъ этотъ милый застѣнчивый молодой человѣкъ. Она покраснѣла и горячо благодарила его за извѣстіе. Въ этотъ день она поняла, что есть на свѣтѣ люди, болѣе ей дорогіе, чѣмъ ея безупречный мужъ.

Вечеромъ, возвращаясь съ выставки, они мчались на автомобилѣ по горящимъ безчисленными огнями вывѣсокъ и рекламъ улицамъ Парижа. По троттуарамъ сплошной черной рѣкой текли люди. Ана смотрѣла на нихъ. Ей было скучно. Она жалѣла эту толпу. Что у нея, какіе интересы? Она думала о тѣхъ, кто теперь на тиниственномъ островѣ ведетъ громадную патріотическую работу для спасенія Родины. Тамъ былъ ея отецъ, тамъ былъ этотъ старый человѣкъ, нравившійся ей больше молодыхъ, кто разсказалъ ей ея прошлое и кто сказалъ ей, что будетъ день, когда она будетъ гордиться отцомъ, какъ ни одна дочь еще не гордилась.

«Да... Тамъ живые... Здѣсь вся эта суета... Здѣсь мертвые»...

Она косила глаза на мужа. Онъ во всемъ своемъ аристократическомъ великолѣпіи, всею своею банальною фигурою, точно соскочившею съ рекламы моднаго портного или съ афиши кинематографа, казался ей не настоящимъ, но тѣнью, сошедшею съ экрана. Тѣни города окружали ее.

Было страшно и до тошноты, до отвращенія скучно.

XXVII.

На колониальной выставкѣ, на открытой сценѣ, гдѣ публика сидѣла подѣ жидкими акаціями, Лаосскія танцовщицы, оперно драматическая труппа изъ Кохинхины и балетъ изъ Камбоджи давали короткія, принаровленные для нетерпѣливой Европейской толпы, представленія.

Холливели взяли первыя мѣста. Развязный молодой человѣкъ, французъ, провелъ ихъ къ глубокимъ мягкимъ кожанымъ кресламъ и усадилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сцены.

Открытая небольшая деревянная платформа, устланная коврами, сзади была драпирована шелковою занавѣсью, расшитою золотымъ узоромъ. Вправо отъ платформы, на низкихъ табуретахъ сѣли музыканты, для каждаго спектакля свои. Смугло желтые люди, серьезные, молчаливые, невозмутимые, молодые, густо и черноволосые и старыя сѣдые, человѣкъ двѣнадцать, въ пестрыхъ розовыхъ, голубыхъ и зеленыхъ шелковыхъ шароварахъ и черныхъ курткахъ, прикрытыхъ европейскими пиджаками, — было свѣжо и они непривычные къ Парижскому климату ежились, — разбирали инструменты, большіе длинные барабаны, ряды связанныхъ вмѣстѣ камышевыхъ флейточекъ и подобіе скрипокъ.

Они сейчасъ же и заиграли. Мѣрно билъ барабанъ, ему вторили флейты и однообразный мотивъ журчалъ усыпляюще, какъ горный ручей.

Ана внимательно слушала музыку. Она не казалась ей ни скверной, ни скучной. Она понимала ея своеобразную мелодію и старалась своимъ Европейскимъ ухомъ запомнить ее. У нея въ рукахъ была афиша, гдѣ по-французски было сказано то, что будутъ играть на сценѣ. Шла «Фаворитка короля». У самой занавѣси, посрединѣ эстрады, въ высокихъ креслахъ съ налокотниками и спинками, сѣли двѣ расшитыя въ золото и шелка женщины, одна постарше съ желтымъ лицомъ, другая молодая, нарумяненная и набѣленная, какъ кукла. Ана

всматривалась въ нихъ. Онѣ изображали королевъ. Все время дѣйствія онѣ просидѣли неподвижно, молодая пропѣла небольшую арію, а между тѣмъ, Ана видѣла, что онѣ играли и что игра ихъ была тонка и серьезна. Она заключалась лишь въ перемѣнѣ выраженія глазъ, въ легкомъ кивкѣ головою, то отрицательномъ, то положительномъ. У ихъ ногъ разыгрывалась драма. Король Нонъ-Тонъ былъ уличенъ въ связи съ дочерью своего перваго министра, и эти женщины, королевы, требовали, чтобы онъ приговорилъ свою возлюбленную къ смерти. Актриса, игравшая фаворитку короля, изнывала отъ страсти, отъ любви къ королю, отъ признанія своей вины и отъ пониманія, что смерть для нея неизбѣжна. И Нонъ-Тонъ и его фаворитка пѣли по очереди, иногда въ сильныхъ мѣстахъ, вдругъ изъ за оркестра, поднимутъ головы сидящія тамъ женщины и пропоютъ одну двѣ фразы, какъ бы утверждая то, что происходитъ между королемъ и его возлюбленной.

Жалобная пѣсня раскручивалась, какъ шелковый клубокъ, вилась, свивалась, терзала сердце и томила.

— Кошачій концертъ какой то, — пробормоталъ Джемсъ.

Ана оглянула публику. Черезъ два мѣста отъ нея старикъ сладко спалъ въ удобномъ креслѣ. Публика смотрѣла снисходительно - равнодушно, какъ смотрятъ дѣтскій театръ маріонетокъ въ скверѣ у Елисейскихъ полей. Для нея это была экзотическая Азіатчина, на которую можно было смотрѣть, какъ на что то дѣтское, наивное, но чѣмъ нельзя было серьезно увлекаться. Ана увлекалась пьесой. Она ей что то напоминала. Ана знала, что когда то, въ дни ея дѣтства, у нея была няня китаянка, что она даже была въ китайскомъ театрѣ, но не могли же далекія, далекія дѣтскія воспоминанія отразиться въ ся душѣ и запомниться? Но это было такъ. Китайскій театръ ее увлекалъ, и она переживала и понимала игру артистовъ.

Маленькія балерины изъ Камбоджи начали танцы. Ана смотрѣла на ихъ кошачьи движенія, на ходьбу бо-

сыми ногами на всю ступню, на ихъ бѣло оливковыя толстыя икры и на умильную грацію движенія и изломъ рукъ въ прямой ладони. Онѣ ей нравились.

Жалобная пѣсня раскручивалась, какъ шелковый клубокъ. Вдругъ мистеръ Холливель легкимъ движеніемъ руки коснулся ея перчатки. Она повернулась къ нему.

— Не правда ли, милая моя Ана, въ этихъ танцахъ, въ этомъ пѣніи, даже въ костюмахъ есть что то, что напоминаетъ мнѣ тѣхъ казаковъ, бѣдныхъ Русскихъ, кого мы слушали недавно въ ресторанѣ.

Ана вздрогнула. Она вспомнила пестрые шаравары изъ подъ черныхъ и цвѣтныхъ черкесокъ, танцы съ мягкими движеніями, удары въ ладони, ритмичное пѣніе и вскрикиванія, выкручиваніе ладони въ кисти при танцѣ, — дѣйствительно что то общее было. Но это что то было такое неуловимое, что можно было его отыскать и въ любомъ танцѣ. Она этого не замѣтила. Онъ подмѣтилъ. То, что онъ сказалъ, ей сдѣлало больно.

Они сейчасъ встали и пошли къ выходу. Индо китайская музыка разстраивала нервы мистеру Холливелю. Ана шла впереди, пробираясь черезъ толпу, наполнявшую выставку. Она низко опустила голову. Кровь бурно колотила ей въ виски. Ей хотѣлось скорѣе остаться одной, наединѣ съ самою собою.

Всю дорогу они молчали. Дома Джемса ждали дѣла, и онъ заперся въ кабинетѣ. Ана переодѣлась въ домашнее удобное платье и сѣла въ будуарѣ съ книгой въ рукахъ. Она не читала. Она вновь и вновь переживала то, что было на выставкѣ. Этотъ примитивный китайскій театръ, пѣніе и музыка, — они журчали и переливались въ ея ушахъ и сейчасъ — и сравненіе мужа съ Русской музыкой и танцами неожиданно глубоко ее задѣвшее, почти оскорбившее были въ ея мысляхъ.

«Развѣ я Русская?... Я не помню Россіи... Я никогда въ ней и не была... Родилась въ Китаѣ, воспитывалась въ Англіи... И тѣмъ не менѣе, какъ смѣлъ онъ мнѣ это сказать!?... Онъ не подумалъ, что это можетъ быть мнѣ непріятно... Нѣтъ, онъ никогда ничего на вѣтеръ, зря не скажетъ. Онъ хотѣлъ задѣть, или испытать меня... Онъ испыталъ... Какъ все это странно!... Можетъ быть, это вліяніе барышни, которая занимается со мною или

результатъ тѣхъ волнующихъ разговоровъ, что я вела съ инженеромъ Долле, но я Русская... Это голосъ крови... Голосъ моего отца Петра Сергѣевича Ранцева и моей матери Валентины Петровны, но я Русская, Русская и этого не сотрете никакимъ воспитаніемъ»...

Ана подошла къ зеркалу, посмотрѣла на отраженіе прекрасной и тонкой, стройной своей фигуры и еще разъ уже громко сказала:

— Я — Русская...

Это сознаніе наполнило ея душу гордымъ восторгомъ.

XXVIII.

Незамѣтно подошла Парижская зима. Въ холодномъ туманѣ рождался день безъ солнца и умиралъ за дождевою сѣткой. Какъ зеркало блистали, отражая огни автомобильныхъ фонарей и рекламы вывѣсокъ, черные асфальты улицъ, и самыя улицы казались рѣками съ застывшими водами.

Въ этой умирающей, плачущей природѣ шла небывало напряженная людская жизнь. Происходили ужасныя событія. «Огонь поядающій» коснулся людей, невидимая рука чертила на стѣнахъ домовъ среди огненныхъ рекламъ страшныя, сакраментальныя слова, предвѣщавшія гибель. Газеты были полны необычайныхъ заголовковъ. Были взрывы, катастрофы, люди гибли массами тамъ, гдѣ казалось бы они были въ полной безопасности. Шли совѣщанія, министры опять раскатывали по всѣмъ странамъ, Лига Націй непрерывно засѣдала. Мужъ Аны въ связи со всѣмъ этимъ былъ очень занятъ, озабоченъ и встревоженъ.

Ана ничего не замѣчала. Она все еще была ребенкомъ и жила растительною жизнью. Утреннія прогулки изъ за погоды были сокращены. Скакать было нельзя: — Джемсъ берегъ свой костюмъ и не хотѣлъ быть забрызганнымъ грязью. Ъздили шагомъ и рысью. Дорожки

Булонскаго лѣса были мокры. Дома въ комнатахъ было такъ темно, что съ утра зажигали электричество.

У Аны оставалось одно удовольствіе: — она каталась на автомобилѣ, которымъ сама правила.

Она проѣхала благополучно черезъ площадь Этуаль и выѣхала на авеню Victor Hugo. У вѣзда на него остановился трамвай. Никто не выходилъ и никто не входилъ. Ана продолжала ѣхать. У панели стояло два полицейскихъ съ велосипедами. Они были въ большихъ темно-синихъ англійскаго фасона фуражкахъ въ темно-синихъ курткахъ и съ револьверами на широкихъ черныхъ поясахъ. Одинъ изъ нихъ сдѣлалъ знакъ, чтобы Ана остановила машину. Ана повиновалась. Полицейскій подошелъ къ ней.

У Аны быстро забилося сердце. Румянецъ покрылъ ее щеки.

— Почему мадамъ не остановила машину на остановкѣ трамвая?

— Потому что никто не входилъ и не выходилъ, — отвѣтила Ана. Она была увѣрена въ своей правотѣ.

— Все равно вы должны были остановить. Пожалуйте вашу карту. Гдѣ вы живете?

Ана достала изъ кожанаго кармана въ автомобилѣ документы и подала ихъ полицейскому. Онъ отмѣтилъ что-то въ своей книжкѣ.

— Можете ѣхать, мадамъ.

Ана пустила автомобиль. Шофферъ, сидѣвшій рядомъ съ нею, сказалъ спокойно:

— Вамъ придется заплатить маленькій штрафъ.

За дневнымъ чаемъ Ана рассказала о приключеніи — оно все еще волновало ее — своимъ подругамъ французенкамъ и англичанкамъ. Она не утаила отъ нихъ, что это ее разстроило. Надъ нею посмѣялись.

— Конечно, ажанъ былъ правъ. Вы кругомъ не правы. Да, это такіе пустяки. Съ нами это бываетъ по сто разъ въ годъ...

Для нея это не были пустяки. Можетъ быть, потому, что она была Русская, и ей тѣ пѣвицы и танцовщицы, кого она видѣла въ Лаосскомъ театрѣ на выставкѣ

ближе, чѣмъ всѣ эти холодно, слишкомъ холодно вѣжливые полицейскіе агенты.

Разговоръ о ея «аксиданѣ» прекратился. Заговорили о томъ, что теперь всѣхъ такъ волновало. О борьбѣ съ коммунистами, шедшей во всемъ мірѣ.

— Вамъ, мадамъ Холливель, теперь должно быть особенно интересно жить, — сказала молодая француженка. — Вы у самого источника всего новаго.

Ана широко раскрытыми глазами посмотрѣла на говорившую. — «Почему», было въ ея взглядѣ.

— Ахъ, милая наша Ана еще такой ребенокъ, — сказала старая англичанка. — Я думаю, Ана, вамъ временами должно быть страшно за мужа.

Ана искренно ничего не понимала. Старая англичанка пояснила ей.

— Дорогой Джемсъ служить въ «Intelligence Service». Это всегда было опасно. Теперь это такая великая, полная самопожертвованія служба.

Ана просила поясненій. Старая англичанка снисходительно посмотрѣла на нее и сказала:

— Лучше спросите вашего мужа...

На другой день утромъ Ана собралась ѣхать къ портнихѣ. Въ закрытой шляпкѣ, — изъ-подъ нея видны были только низъ щекъ и подбородокъ, — въ дорогой шубкѣ, легко облегающей ея тонкое, стройное, тѣло, она подошла къ зеркалу. Ея Русская борзая слѣдовала за нею. Сѣрый мѣхъ красилъ лицо Аны. Черезъ плечо Ана посмотрѣла на себя.

«Да, очень хорошо. И собака такъ идетъ къ ея изящной и длинной фигурѣ. Она дополняетъ ее».

Ана погладила собаку. Она ждала мужа. Онъ долженъ былъ ѣхать съ нею.

«Intelligence Service» — думала Ана. — «Это на Downing Street въ Лондонѣ. Развѣдка обо всемъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Говорятъ... Много преступленій...»

Вчера вечеромъ она сказала это мужу.

Онъ сначала разсмѣялся.

— А гдѣ въ мірѣ нѣтъ преступленій? И что преступленіе, что нѣтъ, кто скажетъ?

— Господь Богъ, — тихо сказала Ана.

— Господь Богъ, — отвѣтилъ послѣ нѣкотораго раздумья Джемсъ. — Это очень хорошо тамъ... На небѣ... На землѣ?.. Боюсь, на землѣ нужны другіе приемы.

— Преступленія?..

— Можетъ быть, и то, что при извѣстномъ взглядѣ, люди сочтутъ за преступленіе. То, что выгодно... То, что нужно...

Онъ прервалъ разговоръ. Всю ночь онъ не спалъ и былъ очень задумчивъ. Утромъ онъ не ѣздилъ верхомъ. Ана ѣздила одна съ наѣзникомъ мадамъ Ленсманъ мистеромъ Томпсономъ. Почему-то вспоминала, какъ она ѣздила съ эльзасцемъ мосье Пьеромъ и какъ хорошо тотъ ѣздилъ и какъ почему - то былъ ей дорогъ и милъ.

Она еще разъ посмотрѣла на себя.

«Да, правда, очень хороша... Но развѣ это жизнь?.. Я хочу... я хочу... Я хочу жизни, а не прозябанія... Я хочу подвига... Это вѣрно потому, что во мнѣ течетъ Русская кровь. Я хочу любви настоящей, какъ любила Анна Каренина, о которой мы теперь читаемъ съ маленькой и милой княжной.

«Эта княжна посвятила меня въ свою тайну. Она «сестра Братства Русской Правды». И я вотъ уже нѣсколько недѣль тоже сестра. Я даю деньги на ту работу, что ведутъ они... и мой отецъ... У меня... На мнѣ ихъ простой братскій крестъ... Тутъ подвигъ, тамъ преступленіе. Тутъ говорятъ о спасеніи родины, тамъ о томъ, что выгодно... Выгодно?.. кому?...»

Ана гордо подняла голову.

— Я — Русская.

Дверь тихо раскрылась. Въ ея спальню безъ предварительнаго стука вошелъ ея мужъ. Она повернулась къ нему.

— Что тебѣ? — холодно и строго сказала она.

Джемсъ былъ очень хорошъ. «Что и я хороша?.. Не правда-ли?.. Что же ты ничего не скажешь?.. Ты видишь... И шубка, и шляпка, и собака... Все стиль... Я

твоя... Твоя жена... Ну прижми меня къ себѣ.... Поцѣлуй, хоть разъ въ неурочное время. Восхитись. Сними твою холодную красивую маску», — говорили ея глаза.

Сложная игра ея чувствъ отражалась въ ея глазахъ. Джемсъ Холливель ничего этого не видѣлъ. Онъ былъ чѣмъ-то сильно занятъ и озабоченъ. Безпокойный пламень горѣлъ въ его суровыхъ стальныхъ глазахъ. Ана не замѣчала этого. Можетъ быть, она надѣялась побѣдить его своею красотою и съ безсознательнымъ, милымъ, дѣтскимъ кокетствомъ она сказала:

— Отчего ты не постучалъ?.. Я могла быть не одѣта.

— Я къ тебѣ... По дѣлу, — холодно и строго сказалъ Холливель.

— По дѣлу?.. Я слушаю.

— Я, откровенно говоря, не хотѣлъ путать тебя въ эту исторію. Я понимаю, что у тебя могутъ быть свои чувства... Н-но... другихъ путей не вижу... Найти помимо тебя не удалось... Ты должна мнѣ помочь и какъ англичанка Англіи и какъ жена мужа.

— Не говори такими загадками... Я ничего не понимаю, — сказала Ана. Ея глаза расширились отъ удивленія. «Вотъ какъ», — думала она. — «То я была куклой, ребенкомъ, придаткомъ, и едва ли нужнымъ, къ таинственной жизни капитана Холливеля, имѣющаго секретный портфель съ ключикомъ на шеѣ... Теперь я понадобилась... Ему... И Англіи... Не слишкомъ ли торжественно это звучитъ?.. У меня теперь тоже есть своя тайна. Русская княжна меня посвятила въ общество, у котораго есть такіе крестики. И тамъ написано: «Господи спаси Россію»... Россію... Не Англію... Посмотримъ»...

— Я слушаю.

— Тутъ неудобно говорить. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ.

Ана наклонила голову и покорно прошла въ рабочий кабинетъ мужа, гдѣ на большомъ столѣ, среди груды газетъ и бумагъ, лежалъ таинственный портфель. Дверь въ прихожую была притворена, другую дверь въ столовую капитанъ Холливель плотно заперъ.

Холливель подошелъ къ столу и оперся рукою на портфель. Ана стала у двери въ прихожую.

— Ну-съ... Ана, я говорю серьезно... И я прошу тебя понять то, что я скажу тебѣ и отвѣтить мнѣ со всею серьезностью. Довольно ребячества.

Ана нагнула голову. Это движеніе могло обозначать и готовность слушать и согласіе отвѣтить на всѣ вопросы.

— Ана, пока событія не выходили, такъ сказать, изъ Русскихъ рамокъ, не затрагивали міровой политики — «Downing Street» могло молчать. Теперь это вышло за предѣлы Русскихъ интересовъ. И намъ приходится властно вмѣшаться въ это дѣло. Ибо оно затрагиваетъ интересы Англіи.

Мистеръ Холливель сдѣлалъ паузу. Онъ хотѣлъ, чтобы его жена сосредоточилась и поняла его. Лицо Аны стало серьезно. Что-то дѣтски молитвенное появилось на немъ.

— Въ Россіи большевики гибнутъ... Возможно, что власть отъ нихъ перейдетъ въ руки Русскаго національнаго правительства... Возможно — къ Императору...

— Слава Богу!

— Ты не понимаешь, что говоришь, — съ жестокою рѣзкостью сказалъ Холливель.

— Нѣтъ, — воскликнула Ана. Она скрестила руки на груди. Ея глаза сіяли и горѣли внутренними огнями, въ голосѣ дрожали слезы. — Нѣтъ... Я все отлично понимаю. Будетъ Императоръ! Не будетъ большевиковъ! Отлично понимаю. Это значитъ — прекратятся невѣроятныя, неисчислимыя страданія Русскаго народа, и милліоны рабовъ станутъ свободными. Это значитъ — прекратится неслыханное жестокое гоненіе на христіанъ и преслѣдованіе православной вѣры... Не будетъ пытокъ... Разстрѣловъ невинныхъ... Совращенія дѣтей... Всѣхъ этихъ ужасовъ, которые слишкомъ долго терпѣлъ цивилизованный міръ.

— Глупости говоришь Ана... Наслушалась эмигрантскихъ бредней. Россіи быть не должно... Счастливымъ случаемъ... Ловкимъ ходомъ Германской дипломатіи

Россіи были навязаны большевики. Никто тогда не ожидалъ, что это такъ удастся. Большевиками Россія стирается съ лица земли. Никогда не будетъ она не только сильной, но никакой Россіи не будетъ. У европейскихъ народовъ развязываются руки для свободной, никѣмъ не стѣсненной политики на Востокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ громадная первобытная страна открывается для колонизаціи... Русскихъ ожидаетъ участь негровъ. Уничтоженіе Россіи — это величайшая проблема второй четверти двадцатаго вѣка. Это разрѣшеніе всѣхъ нынѣшнихъ кризисовъ, устраненіе безработицы, голода, отъ котораго страдаютъ народы Западной Европы и въ первую очередь Англія. И вдругъ теперь, когда, казалось, большевики навсегда и безповоротно поработили Русскій народъ, ведутъ его къ физическому уничтоженію и постепенно сами подчиняются Европѣ, рабы поднялись противъ поработителей... На сѣверѣ Россіи формируется армія... По всѣмъ городамъ идутъ возстанія... Ихъ уже не могутъ усмирять. Доведенная до отчаянія совѣтская республика обратилась къ европейскимъ странамъ за помощью. Ей рѣшено помочь. Она должна всѣмъ Европейскимъ банкамъ и надо выручить тѣ деньги, тѣ миллиарды фунтовъ и марокъ, которые даны совѣтской республикѣ. Въ Берлинѣ на Беренъ-штрассе, въ банкѣ, гдѣ въ кладовыхъ хранились международные капиталы въ золотѣ и валютѣ, собралось совѣщаніе международныхъ банкировъ для обсужденія мѣръ помощи совѣтской республикѣ. И вдругъ во время засѣданія неизвѣстнымъ составомъ, весь этотъ банкъ со всѣми его кладовыми, съ банкирами и служащими былъ выжженъ до тла... Дальше идти некуда... Это же война всему міру!..

— Это война большевикамъ и тѣмъ, кто имъ помогаетъ, — твердо сказала Ана.

Холливель пожалъ плечами.

— Прекрасно-съ. Война. Идти съ войсками бессмыслица. Да и никакія войска въ Россію не пойдутъ... Гиблое мѣсто... Но... мы узнали, откуда это все идетъ... У нихъ... у тѣхъ Русскихъ, кто все это безобразіе дѣлаетъ, есть вожди и база. Надо уничтожить эту базу. Ли-

шенное помощи и руководства извнѣ возстаніе затихнетъ и большевики смогутъ его подавить своими силами. Но вотъ въ чемъ бѣда. Наше безподобное «Intelligence Service» опредѣлило, что работу противъ большевиковъ ведутъ, — Холливель помолчалъ, выпрямился во весь ростъ и, устремивъ глаза прямо въ голу-бо-зеленые ясные глаза Аны, съ силою сказалъ:

— Главарями этого возстанія, его руководителями... инженеръ Долле и... т в о й о т е ц ъ р о т м и с т р ъ Р а н ц е в ъ... Но гдѣ они устроили свою базу со всѣми этими неслыханно ужасными смертоносными снарядами, намъ раскрыть до сего времени не удалось. Ты, Ана, должна мнѣ помочь въ этомъ... Во имя Англіи... Ради моей карьеры.

— Я этого не знаю.

Ана низко опустила голову. Ея грудь часто поднималась. Волненіе ея было такъ сильно, что она едва стояла на ногахъ. Она приложила обѣ руки къ груди, чтобы утишить біеніе сердца. Ея лицо было очень блѣдно. Только что она думала о Россіи и о подвигѣ и вотъ и Россія и подвигъ встали передъ нею въ страшной близости. Россія блистала подвигомъ борьбы и побѣды, и въ этомъ блескѣ на первомъ мѣстѣ стояло имя ея отца. Она не видѣла, да если бы и увидала, не обратила бы вниманія какимъ гнѣвомъ зажглись глаза ея мужа при ея отвѣтѣ.

— Неправда... Ты лжешь, — уже не сдерживаясь, закричалъ капитанъ Холливель.

— Я не лгу... И я попрошу тебя не кричать на меня... Я къ этому не привыкла.

— Ты лжешь, — повторилъ, съ трудомъ справляясь съ собою, Холливель. — За двѣ недѣли до того, какъ я сдѣлалъ тебѣ предложеніе, на верховой прогулкѣ въ Булонскомъ лѣсу къ тебѣ подѣхалъ человѣкъ на бурой лошади.

Ана еще ниже опустила голову.

— Вы говорили по-Русски, не стѣсняясь меня... Такъ знай же, — вдругъ переходя на Русскій языкъ и снова

повышая голосъ, продолжалъ Холливель — я прекрасно знаю этотъ языкъ... Кто подъѣзжалъ къ тебѣ и кого ты мнѣ представила, такъ невнятно назвавъ его фамилію?..

Ана молчала.

— Я скажу тебѣ кто. Инженеръ Долле. Тотъ самый, за кѣмъ мы давно слѣдимъ и кто послѣдніе годы велъ двойную жизнь и то былъ инженеромъ Долле, то таинственнымъ капитаномъ Немо. Все намъ извѣстно. Не думай, что своимъ укрывательствомъ ты кого-нибудь спасешь или поможешь дѣлу. Ты сдѣлаешь лишь то, что тайну раскроетъ кто-то другой, а не я — твой мужъ. Раскрытіе этой тайны — это не только карьера въ нашемъ вѣдомствѣ, но и большая награда. Это имя. Это стать знаменитостью... Ты понимаешь это... Намъ выгодно это... В ы г о д н о... Этимъ все сказано... Выгодно... Что же ты молчишь?.. Ты Русская, или англичанка?..

— Я — Русская, — глухимъ, придушеннымъ голосомъ сказала Ана. — Я не знаю, гдѣ они... Да, если бы и знала... Вотъ пытай меня, жги живою все равно никогда, никому и ни за что не выдамъ. Я всею душою съ ними... И я люблю сперва Россію, которой не знаю и потомъ Англію, гдѣ я выросла и воспиталась и которой я столько обязана.

— А.. Русская, — съ глубочайшимъ презрѣніемъ сказалъ капитанъ Холливель.

Онъ прошелся по кабинету. Никогда онъ не выходилъ такъ изъ себя. Въ углу, на полкѣ лежали разныя вещи, вывезенныя имъ изъ Закавказья, когда онъ былъ въ Батумѣ на оккупации. Холливель остановился у полки. Его глаза загорѣлись безумнымъ огнемъ. Онъ увидалъ кавказскую серебряную въ черни плетку. Онъ схватилъ ее и, сжимая въ стальной рукѣ, подошелъ къ Анѣ.

— А, Русская, — въ страшномъ гнѣвѣ повторилъ онъ. — Рабыня!.. Ты понимаешь только языкъ кнута. Я заставлю тебя говорить... Гдѣ скрылись инженеръ Долле и этотъ... Петръ Ранцевъ?..

Онъ поднялъ надъ головою нагайку.

— Я тебѣ говорю, — грубо крикнулъ онъ, — от-
вѣчай...

Его рука медленно опустилась. Ана встрѣтила его гнѣвный взглядъ такимъ пристальнымъ взглядомъ глубоко-зеленыхъ глазъ, что онъ не смогъ выдержать его. Изъ нихъ излучалась вся прекрасная ея душа. Холливель понялъ, что въ этотъ мигъ онъ все потерялъ. Онъ сжался, какъ сжимается звѣрь подъ взглядомъ укротителя.

Пятясь бокомъ, не спуская глазъ съ мужа, Ана подошла къ двери въ прихожую, выскользнула въ нее, быстро открыла наружную дверь и выбѣжала на лѣстницу. Собака, поднявшая шерсть дыбомъ, слѣдовала за нею. Холливель провелъ рукою по волосамъ и быстро пошелъ къ дверямъ. Ана уже сбѣжала внизъ. Преслѣдовать было смѣшно. «Консьержъ... Что онъ подумаетъ?.. Вернется... Тогда поговоримъ»...

Шофферъ молча открылъ передъ Аной дверь. Ана вскочила въ карету. Шофферъ сѣлъ у руля.

— Куда прикажете?..

— Въ La Vaule, по Орлеанской дорогѣ.

— У насъ не хватитъ эссенціи.

— Возьмемъ по дорогѣ.

— Мосье приказалъ къ пяти часамъ подать машину. Я не поспѣю.

— Кому вы служите?

— Слушаюсь, мадамъ....

Машина мягко тронулась и понеслась, спускаясь къ набережной Сены. Въ большой каретѣ, въ глубокихъ мягкихъ подушкахъ, совсѣмъ утонула худенькая, стройная женщина, забившаяся въ неистовой тоскѣ въ самый уголъ. У ногъ ея, уткнувъ морду въ ея башмаки, легла стройная Русская борзая. У задняго окошка безпомощно мотался «фетишъ» — арлекинъ въ бѣломъ колпакѣ.

Сквозь мучительную боль оскорбленія, тревогу и заботу о близкихъ и дорогихъ и о своемъ будущемъ,

неясно, неосознанно, кротко и радостно вставало воспоминаніе о темномъ, тяжеломъ желѣзномъ восьмиконечномъ крестикѣ, висѣвшемъ у нея на шеѣ, гдѣ на темномъ металлѣ блистала четкая надпись чеканными бѣлыми буквами:

«Господи, спаси Россію»...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОГОНЬ ПОЯДАЮЩИЙ

...«И внемли скорбѣти ми призвахъ Господа и къ Богу моему возвахъ: услыша отъ храма своего своего гласъ мой и вопль мой предъ Нимъ внидетъ во уши Его.

«И подрижесе и трепетна бысть земля и основанія горъ смятошася и подвигошесе яко прогнѣвася на ны Богъ.

«Взыде дымъ гнѣвомъ его и огонь отъ Лица Его воспламенится: угліе возгорѣся отъ Него.

«Избавитъ мя отъ враговъ моихъ сильныхъ и отъ ненавидящихъ мя: яко утвердишася паче мене»...

«Въ тѣснотѣ моей я призвалъ Господа и къ Богу моему воззвалъ. И Онъ услышалъ отъ чертога Своего голосъ, и вопль мой дошелъ до слуха Его.

«Потряслась и всколебалась земля, дрогнули и подвиглись основанія горъ; ибо разгнѣвался Богъ.

«Поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его огонь поядающій; горячіе угли сыпались отъ Него.

«Избавилъ меня отъ врага моего сильного и отъ ненавидящихъ меня, которые были сильнѣе меня»...

Псаломъ Давида 17. ст. 7, 8, 9 и 18.

I.

Въ одномъ нѣмецкомъ, маленькомъ, чистенькомъ, отчасти даже курортномъ городкѣ на большихъ круглыхъ тумбахъ, стоявшихъ на углахъ улицъ, гдѣ висѣли обыкновенно программы курзальнаго оркестра, объявленія гостинницъ, ресторановъ и кафе, изображенія розоваго, сѣдоусаго, блаженно улыбающагося человѣка съ чашкою дымящагося кофе въ рукахъ и съ надписью «Kaffe Naag» и всякая подобная реклама мирнаго, домашняго вида, появились однажды блѣдно-желтыя афиши. Ими объявлялось, что въ самомъ лучшемъ кинематографѣ городка «Олимпіи» будетъ всего только два раза показана знаменитая фильма: «Panzer Kreuzer Potemkin». Былъ обѣщанъ «Ton-film» въ постановкѣ самого Эйзенштейна. Публика приглашалась посмотреть, какъ взбунтовавшіеся матросы будутъ убивать своихъ офицеровъ. Ей обѣщали гулъ и ревъ толпы, звуки музыки, революціонныя пѣсни, крики и стоны отчаянія. Ей обѣщали, что первый разъ эта фильма пойдетъ безъ всякихъ цензурныхъ урѣзковъ и пропусковъ. Скандалъ былъ еще въ томъ, что по требованію Имперскаго Reichs-Wehr-а эта фильма вообще была запрещена къ постановкѣ въ государствахъ нѣмецкаго союза, кромѣ именно того маленькаго бывшаго герцогства, гдѣ былъ этотъ городокъ. Соціалистическое правительство во имя свободъ не нашло возможнымъ запретить постановку революціонной фильмы совѣтскаго производства самого Эйзенштейна.

На другой день послѣ появленія афишъ подлѣ нихъ были наклеены маленькія бѣлыя афишки, гдѣ крупно было напечатано, что граждане города приглашаются не ходить на это представленіе и не посѣщать совѣтскихъ фильмовъ во избѣжаніе непріятныхъ переживаній. Подъ этимъ приглашеніемъ стояли три никому непонятныя и никѣмъ не расшифрованныя буквы: «B.R.W.»

Эти маленькія афишки кѣмъ-то срывались по но-

чамъ, но неизмѣнно къ утру на ихъ мѣстѣ появлялись новыя. Полиція и жители городка ломали головы надъ тѣмъ, кто могъ ихъ напечатать. Шрифтъ приглашенія былъ такой, какого не было въ единственной мѣстной типографіи. Это былъ старинный тяжелый готическій шрифтъ, точно соскочившій съ деревяннаго набора Гуттенберга. Такіе шрифты еще можно было найти въ Іенѣ или въ Лейпцигѣ. Сначала подозрѣніе упало на Хитлеровцевъ. Но отъ этого скоро пришлось отказаться. Хитлеровцы непременно поставили бы сверху свой поруганный крестъ «свастику», да и анонимныя воззванія не были въ ходу у нихъ.

Эти афиши, какъ большія, большевицкія на желтой бумагѣ, такъ и маленькія, предостерегающія, анонимныя, сдѣлали то, что въ день показа фильмы, несмотря на удвоенныя цѣны, кинематографъ ломился отъ зрителей. Не только приставныя мѣста были всѣ заняты, но и сзади стояла большая толпа. Много было мѣстной молодежи въ рабочихъ каскеткахъ, въ рубашкахъ съ небрежно повязанными красными галстухами, со значками серпа и молота на булавкахъ, въ распахнутыхъ пиджакахъ, а то и совсѣмъ безъ нихъ и стриженныхъ дѣвицъ съ жирными ляжками и толстыми голыми икрами въ короткихъ обтянутыхъ платьяхъ. Но, сзади въ ложахъ и въ «шперръ зицъ», была и болѣе солидная публика. Тамъ сидѣли богато одѣтыя дамы, мужчины въ смокингахъ и черныхъ визиткахъ... Это были снобирующие иностранцы, кого, какъ породистую собаку на гниющую пададь, влекли такого рода зрѣлища, гдѣ пахло политическимъ скандаломъ.

Въ зрительномъ залѣ стоялъ глухой гулъ. Весь залъ имѣлъ видъ «гала» представленія. Несмотря на то, что по стѣнамъ висѣли плакаты: **«rauchen ist polizeisch verboten»**, впереди вздымались дымки и попыхивали вонючія папироски. Совѣтская фильма еще не началась, а уже разлагающе дѣйствовала на толпу. Смѣхъ, нечеловѣческое фыркание и точно ржаніе раздавались въ театрѣ. Ждали совсѣмъ особеннаго наслажденія зрѣлищемъ звѣрскихъ убійствъ.

Фильма началась при полной тишинѣ. Зрители увидели прекрасный броненосецъ, чистыхъ, щеголевато одѣтыхъ матросовъ въ ихъ характерныхъ Русскихъ безкозырькахъ съ ленточками, красивыхъ, ловкихъ офицеровъ и капитана съ благообразнымъ лицомъ въ черной сѣдѣющей бородѣ. Шли обычныя утреннія работы на броненосцѣ. Раздавались команды, звонили склянки, свистали боцманскія дудки. Миръ и тишина были на кораблѣ. Яркая панорама бѣлой, лѣзущей на гору Одессы, залитой солнечными лучами, стояла за нимъ.

Все это казалось красивой сказкой невозвратнаго прошлаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ каждый чувствовалъ, что это то и была подлинная правда старой «Царской» жизни Русскаго военнаго корабля. Среди зрителей даже удивлялись, что совѣты могли такъ поставить.

Потомъ... Что-то тревожное прошло по кораблю. Щелкая босыми пятками, пробѣжали матросы. Дѣловито прошелъ каптенармусъ, боцманъ побѣждалъ съ докладомъ, слышались, какъ всегда въ звуковой фильмѣ, неестественные глухіе, точно и нечеловѣческіе голоса, кто-то сочно выругался и въ переднихъ мѣстахъ театра раздался довольный смѣхъ и гоготаніе. На кухню, въ кубрикъ, неторопливой походкой прошелъ судовой врачъ, загримированный подъ Чехова. За нимъ шелъ, пожимая плечами, старшій офицеръ.

Въ привезенномъ для обѣда матросамъ мясѣ копошились крупные черви.

Все нарастая шелъ по броненосцу гулъ возбужденной толпы. Матросы выбѣгали на бакъ. Грозные выкрики раздавались оттуда. Фильма была поставлена на нѣмецкомъ языкѣ и значеніе угрозъ было понятно зрителямъ. Офицеры собрались на палубѣ. Команды неторопливо и съ ропотомъ строились. Боцмана и каптенармусы стали на правомъ флангѣ. Вышелъ командиръ и обходилъ команду. Шелъ опросъ. Все было такъ, какъ должно было итти на всякомъ благоустроенномъ кораблѣ, ибо вездѣ въ жаркую погоду могло произойти такое досадное происшествіе.

Матросы не удовлетворились заявленіемъ капита-

на. Надъ разорвавшимся строемъ поднялись черные кулаки и кто-то изъ команды сталъ говорить страстную возбуждающую рѣчь. Офицеры взошли на мостикъ. Былъ вызванъ караулъ. Отдана команда стрѣлять по взбунтовавшимся матросамъ... И вдругъ изъ тысячи глотокъ грянулъ «интернаціональ»... Настала напряженнѣйшая минута представленія. Зрители живо переживали ее. Въ переднихъ мѣстахъ подпѣвали интернаціоналу. Съ минуты на минуту ожидали кровавой расправы матросовъ надъ офицерами. Караулъ опустилъ ружья. Въ матросской толпѣ появились вооруженные люди, и какой-то штатскій на языкѣ, отзывавшемъ жаргономъ, началъ говорить рѣчь. Ея смыслъ былъ — убійство и бунтъ...

И вотъ тутъ-то и произошло нѣчто странное. Сзади, тамъ, гдѣ тѣсною толпою стояли люди, кто-то весело, отъ души разсмѣялся.

На него злобно шикнули. Раздались негодующіе, озлобленные выкрики. Но къ смѣющемуся присоединился другой, третій и черезъ какую-нибудь минуту, — пѣніе на экранѣ «интернаціонала» еще не успѣло смолкнуть, — весь залъ хохоталъ какимъ-то спазматическимъ, ненатуральнымъ страннымъ смѣхомъ. Хохоталъ и операторъ. Моторъ остановился. Интернаціональ умолкъ. Изображеніе матросской толпы застыло и исчезло. Хохочущая, хватающаяся отъ смѣха за животъ дѣвица-капельдинеръ, догадалась пустить свѣтъ.

Странное, дикое зрѣлище представлялъ изъ себя зрительный залъ. Всѣ въ немъ хохотали. Одни, недвижно откинувшись на спинки креселъ, другіе, чуть не катаясь отъ смѣха. Поняли, что это смѣхъ болѣзненный, чѣмъ-то вызванный.

Потомъ, на допросъ, нѣкоторые показывали, что будто чѣмъ-то кислымъ пахнуло, и они тогда не могли сдержать вдругъ подступившаго припадка смѣха. Щеки свело спазмой, ротъ непроизвольно открылся и смѣхъ до слезъ овладѣлъ ими.

Представленіе было прервано. Публика, все продолжая неудержимо хохотать, выходила изъ театра. И дол-

го по тихимъ улицамъ городка, раздавалось на разные тона, то грубое мужское: «хо-хо-хо», то визгливое, истерическое женское: «хи-хи-хи»...

Совѣтскій фильмъ былъ сорванъ. Другое его представленіе не состоялось.

Не было никакого сомнѣнія, что кто-то пустилъ въ залъ газъ, вызывающій смѣхъ. Но кто?.. Хитлеровцы?.. Католики?.. Не въ мѣру усердный офицеръ Рейхсвера?..

Въ тѣ дни Германія раздиралась партійною борьбою, и отъ каждой партіи можно было ожидать такой выходки.

Это было во взбудораженной Германіи, утратившей хладнокровіе и чувство порядка. Но такіе болѣзненные припадки смѣха стали овладѣвать зрителями вездѣ, гдѣ ставили совѣтскія filmy. Такъ же точно до неприличія дико смѣялись въ Парижѣ, на Елисейскихъ поляхъ, гдѣ вздумали показывать «Бурю надъ Азіей», такъ же хохотали на большихъ бульварахъ на «Желтомъ билетѣ» и на «Деревнѣ грѣха». Будто въ видѣ бесплатнаго приложенія къ совѣтской фильму давалась большая порція совѣсмъ нездороваго смѣха, послѣ котораго приходилось долго и основательно лѣчиться.

Фильмы «Сов-кино» исчезли изъ репертуара Европейскихъ кинематографовъ.

II.

Эти странныя исторіи не только съ фильмами, но и вообще со всѣми предметами совѣтскаго производства стали происходить повсюду и охватывать положительно всѣ отрасли совѣтской промышленности.

Люди, «покушавшіе» совѣтской свѣжей, или паюсной икры, точно вдругъ приняли здоровую порцію касторового масла. Дѣйствіе бывало почти моментальное, что при многочисленныхъ парадныхъ обѣдахъ и собраніяхъ, съ дамами и барышнями, и въ большихъ рестора-

нахъ вызывало скандальныя катастрофы. Пробовали посылать жестянки съ икрою на химическое изслѣдованіе, но ничего не могли обнаружить. Такое же дѣйствіе оказывали конфеты «Моссельпрома», консервы фабрики «Пищевикъ», наливки «Старъ», словомъ, все то, что ввозили въ Европу «Аркосъ», всевозможные «Амторги», «Дерутра» и просто совѣтскія Торгпредства. И не только продукты пищевые были гдѣ-то заражены и испорчены, но были испорчены и такіе, казалось бы громадныя предметы, какъ бревна. Ихъ ставили подъ дорогія механическія пилы. Пила врѣзалась въ нихъ, какъ въ масло и вдругъ разлеталась на куски, какъ стеклянная. Глубоко въ бревно былъ забить стальной клинъ. Совѣтская нефть сама воспламенялась — и были случаи гибели аэроплановъ и подводныхъ лодокъ, были пожары на судахъ и страшныя крушенія автомобилей. Совѣтская торговля замерла.

У нея оказались «вредители».

И это уже не были вредители инженеры, кого совѣтская власть привлекала къ показательному суду и беспощадно разстрѣливала, это не были маленькія группы совѣтскихъ ученыхъ, не могшихъ преодолѣть развала совѣтскаго производства, — это были невидимые, неуловимые вредители, вся масса совѣтскихъ гражданъ рабочихъ.

Гдѣ-то... Гдѣ?... Вездѣ... На промыслахъ и фабрикахъ... Въ упаковочныхъ мастерскихъ... На товарныхъ станціяхъ... Въ вагонахъ желѣзной дороги, въ товарныхъ складахъ... Въ пароходныхъ трюмахъ... Въ иностранныхъ складахъ или въ лавкахъ... Чортъ ихъ знаетъ гдѣ.. Возможно — вездѣ — сидѣли люди, такъ искусно портившіе товары совѣтскаго производства, что никто не могъ ихъ поймать. Кто были эти люди?... Ихъ, очевидно, были тысячи... Это былъ весь Русскій народъ, ненавидящій лютой ненавистью большевиковъ. Эта ненависть коммунистическихъ рабовъ къ своимъ господамъ не была новостью для совѣтскаго правительства. Оно ее знало. Оно, сознавая ее, обезвредило народъ. Прикрѣпило его къ фабрикамъ и заводамъ, загнало въ

крѣпостные кол-хозовъ. Большевики отлично понимали, что народъ ничего не можетъ сдѣлать вреднаго для нихъ безъ основательной помощи извнѣ. Кто-то, значитъ, извнѣ снабжалъ эти тысячи вредителей совсѣмъ особенной, утонченной, еще никому неизвѣстной «химіей». Кто-то снабжалъ политическихъ каторжанъ на лѣсныхъ разработкахъ стальными клиньями и научилъ ихъ незамѣтно загонять въ дерево. Кто-то, притомъ же совершенно невидимый и неуловимый, заграницей ходилъ по кинематографамъ и пускалъ газы. Кто-то подмѣшивалъ къ нефти составъ, заставлявшій ее взрывать-ся. Этотъ невидимый «кто-то» былъ вездѣ.

Были ли это «капиталисты», вздумавшіе такимъ образомъ бороться съ надобѣвшимъ и подрывавшимъ ихъ торговлю дампингомъ, были ли это «бѣло-бандиты», было это таинственное Братство Русской Правды?.. Совѣтское внутреннее и заграничное Гепеу разрывались на части въ поискахъ виновныхъ. Совѣтское правительство снеслось съ «Intelligence Service» въ Лондонѣ и съ «Sureté Générale» во Франціи, прося ихъ оказать содѣйствіе.

Въ самый разгаръ разслѣдованій, не приводившихъ ни къ какимъ результатамъ, опытный англійскій агентъ, капитанъ Холливель, прилетѣвшій всего на два часа изъ Парижа въ Лондонъ на аэропланѣ, сдѣлалъ на Downing Street докладъ, гдѣ доказалъ, что между отплытіемъ изъ Сень-Назера парохода «Немезида» съ статистами трупы кинематографическаго общества «Атлантида» и событіями, въ корень подрывавшими торговлю и международный авторитетъ Совѣтской республики есть несомнѣнная связь. По его мнѣнію, — «Немезида» не могла погибнуть. Гибель ея была инсценирована, ибо, если бы въ Атлантическомъ океанѣ погибло такое большое судно, гдѣ-нибудь, въ водахъ ли, на берегу ли, были бы найдены какіе-нибудь предметы съ погибшаго парохода: спасательные буйки, трупы утонувшихъ людей, скамейки, шлюпки и т. п. «Немезида» же исчезла, не оставивъ по себѣ слѣда. По его настоянію были обысканы острова Галапагосъ. Но и тамъ не было найдено

ничего подозрительнаго. Капитанъ Холливель настаивалъ на необходимости во что бы то ни стало отыскать, куда же дѣвались люди такъ таинственно исчезнувшіе.

Докладъ капитана Холливеля произвелъ впечатлѣніе. Какъ ни мала была группа статистовъ общества «Атлантида», она оказывала большое дѣйствіе. Она разрушала Совѣтскую республику. Въ Европѣ понимали, что гибель большевиковъ въ Россіи могла предвѣщать возстановленіе Россійской Имперіи. Этого нельзя было допустить. Съ уничтоженіемъ въ Россіи большевицкаго режима падала вся проблема спасенія рабочихъ Европейскихъ странъ. Они теряли громадную, уже вымирающую страну, подлежащую заселенію. Еще того болѣе были взволнованы капиталисты и банкиры. Крахъ громадныхъ предпріятій, связанныхъ съ совѣтами, пугалъ Европейскія правительства. Были созваны чрезвычайныя конференціи для разрѣшенія вопроса помощи большевикамъ и выручки ихъ.

III.

Въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» Достоевскаго описана страшная «Николаевская» каторга. Нельзя безъ содроганія читать эту книгу. Бритыя наполовину головы каторжниковъ, клейменные лбы, спины, исполосованныя ударами палокъ и плетей, рубцы, проступающіе въ банѣ, на пару, какъ свѣжія раны, звонъ кандаловъ... И за всѣ годы каторги, сколько бы ихъ ни было, чело-вѣкъ ни на одну минуту не остается одинъ... «На работѣ всегда подъ конвоемъ, дома съ двумя стами товарищей и ни разу, ни разу — одинъ»... «Кромѣ вынужденной работы, въ каторжной жизни есть одна мука, чуть ли не сильнѣйшая, чѣмъ всѣ другія. Это в ы н у ж д е н н о е о б щ е е с о ж и т е л ь с т в о. Общее сожительство, конечно, есть и въ другихъ мѣстахъ, но въ острогъ-то приходятъ такіе люди», — пишетъ Ѳ. М. До-

стоевскій, — «что не всякому хотѣлось бы сживатьъ съ ними, и я увѣренъ, всякій каторжный чувствовалъ эту муку, хотя, конечно, большею частью, безсознательно.» ...Для лицъ образованнаго класса, семейнаго воспитанія, культуры, если и не очень утонченной, то все-таки не каторжной, ко всему этому прибавлялись совершенно особыя — именно каторжныя, ужасныя, нравственныя мученія. — ...«Скажу одно: — что нравственныя лишенія тяжелѣе всѣхъ мукъ физическихъ. Простолудинъ, идущій на каторгу, приходитъ въ свое общество, даже, можетъ быть, еще въ болѣе развитое. Онъ потерялъ, конечно, много — Родину, семью, все, но среда его остается та же. Человѣкъ, образованный, подвергающійся по законамъ одинаковому наказанію съ простолудиномъ, теряетъ часто несравненно больше его. Онъ долженъ задавить въ себѣ всѣ свои потребности, всѣ привычки, перейти въ среду для него недостаточную, долженъ приучиться дышать не тѣмъ воздухомъ. Это рыба, вытасченная изъ воды на песокъ... И часто для всѣхъ одинаковое по закону наказаніе обращается для него въ десятеро мучительнѣйшее. Это истина.. Даже если бы дѣло касалось однихъ матеріальныхъ привычекъ, которыми надо пожертвовать»...

Но все-таки «Мертвый домъ» былъ прежде всего д о м ъ, и притомъ населенный живыми людьми. Въ немъ были комнаты, или палаты, въ немъ были покои, отдѣльныя кухни и въ нихъ старшіе изъ арестантовъ и надсмотрщики - инвалиды. Въ покаяхъ были деревянные нары, на которыя не запрещалось положить тюфячокъ и подушку, завести себѣ с в о е одѣяло. У каторжниковъ была собственность — сундучки съ замками, гдѣ хранилось ихъ благопріобрѣтенное имущество и кое-какой инструментъ, потому что всѣ каторжники въ свободное время, а зимою особенно его было достаточно, занимались своимъ дѣломъ. Они зарабатывали свои деньги. Они были въ теплѣ и сыты. Пища была достаточная и приличная, а хлѣбъ славился и за острогомъ. Они были одѣты въ каторжное платье, они ходили въ ужасную баню, и когда доходило дѣло до какой-

то черты — они, — правда, съ опасностью наказанія — «гуляли», то-есть пьянствовали...

Да... «шумъ, гамъ, хохоть, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и копотъ, бритыя головы, клейменыя лица, лоскутныя платья, все — обруганное, ошельмованное... да, живучъ человѣкъ... Человѣкъ есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его опредѣленіе»...

Въ «Мертвомъ Домѣ» были люди, знавшіе за собою вину, совершившіе преступленіе. Можетъ быть, не сознавшіеся въ немъ, не раскаявшіеся и не раскаянные, какъ они сами про себя говорили: — «мы — народъ грамотный».... «мы погибшій народъ».... Не умѣлъ на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣряй ряды.... Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры. Не хотѣлъ шить золотомъ, теперь бей камни молотомъ». Какъ ни куражились они, какъ ни фанфаронили, ни «держали свою линію», какъ ни форсили — душа ихъ была надломлена преступленіемъ — «арестанты почти всѣ говорили ночью и бредили. Ругательства, воровскія слова, ножи, топоры чаще всего приходили имъ въ бреду на языкъ. «Мы народъ битый», — говорили они — «у насъ нутро отбитое, оттого и кричимъ по ночамъ»...

Собранные на каторгу со всей Россіи они не сживались никогда, и сплетни, клеветы, интриги и доносы между ними процвѣтали. «Чортъ трое лаптей сносилъ, прежде чѣмъ насъ собралъ въ одну кучу», — говорили они про себя сами, а потому сплетни, интриги, бабы наговоры, зависть, свара, злость были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жизни. Никакая баба не въ состояніи была быть такой бабой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ»... «Въ острогѣ доносчикъ не подвергается ни малѣйшему униженію, негодованіе къ нему даже немыслимо. Его не чуждаются, съ нимъ водятъ дружбу, такъ что, если бы вы стали въ острогѣ доказывать всю гадость доноса, то васъ бы совершенно не поняли»...

Таковъ былъ «Мертвый домъ», описанный Достоевскимъ.

«Человѣкъ есть существо, ко всему привыкающее» — но къ тому, что творилось на большевицкой каторгѣ, никто и никогда не могъ привыкнуть. Это не былъ даже «Мертвый домъ», — и прежде всего потому, что по существу никакого тутъ д о м а и не было.

На берегу широкой, полноводной, холодной рѣки, быстрыми, зеленоватыми струями несущейся къ студеному морю, большую часть года замерзшей, на опушкѣ громаднаго лѣса, наскоро, грубо и криво были накопаны ушедшія въ землю землянки. Жалкія трубы жалкихъ печей не могли прогрѣть ихъ холодную сырость, и въ нихъ было всегда холодно и мглисто. Зимой вода въ нихъ замерзала. Арестанты согрѣвались животнымъ тепломъ. Въ этихъ землянкахъ было нѣкоторое подобіе нарѣ, но этихъ нарѣ не хватало и на половину помѣщенныхъ въ нихъ людей, и арестанты валялись вездѣ: на полу, въ проходахъ, подъ нарами. Если въ «Мертвомъ домѣ», описанномъ Достоевскимъ, воздухъ былъ ужасенъ «какой-то мефическій», особенно по утрамъ, то здѣсь по настоящему не было воздуха. Его не хватало на всѣхъ обитателей землянокъ. Страшный смрадъ и вонь стояли въ землянкахъ. Отъ нихъ на смерть задыхались люди... Не было утра, когда изъ землянки не таскали бы умершихъ. Здѣсь жизнь была невозможна. Люди, шатаясь, выходили по утрамъ на работы, они получали урокъ, и они знали, что имъ никогда не выполнить этого урока. Онъ былъ выше ихъ силъ. И тогда — сѣченіе каленымъ шомполомъ, клейменіе горячимъ желѣзомъ, звѣрскія убійства, сопровождаемыя такими кошмарными подробностями, когда разстрѣлъ уже считался роскошью.

И ни минуты наединѣ!.. Тутъ было не двѣ сотни арестантовъ, какъ въ «Мертвомъ домѣ», но въ такихъ же холодныхъ, сырыхъ и смрадныхъ землянкахъ помѣщались десятки тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Населеніе цѣлой губерніи было собрано со всей Россіи и брошено сюда на умираніе.

Теплая вода съ капустными листьями, съ плавающей въ ней вонючей воблой, окаменѣлый, похожій на глину, даже и въ водѣ не размякающій хлѣбъ — были ихъ пищей. Они не имѣли ничего своего и не могли заниматься своими работами. Ихъ одѣвали въ платье и бѣлье, снятое съ загнивающихъ труповъ, надъ ними издѣвались надсмотрщики чекисты. Среди чекистовъ было щегольствомъ, своеобразнымъ шикомъ, выдумать особенное нравственное мученіе, изобрѣсти острую физическую боль, унижить и оплевать человѣка.

Чекисты складывали обнаженные трупы у входа въ женскую уборную и держали ихъ тамъ до полного гніенія. Они тщательно наблюдали за поднадзорными и, если замѣчали какой-то проблескъ радости у арестанта, — они доискивались причины ея и уничтожали ее.

Это было совершенное подобіе ада. Никакая фантазія не могла выдумать болѣе совершенныхъ мученій для человѣка. Самъ дьяволъ смутился бы отъ совершенства человѣческой подлости и гнусности, отъ смѣси жестокости и наглости, изобрѣтенныхъ большевиками для своихъ каторжанъ.

Когда въ мутномъ сѣверномъ разсвѣтѣ, босые, въ опоркахъ, въ лаптяхъ, въ какихъ-то остаткахъ бывшей когда-то обуви эти люди, звеня кандалами, тянулись въ лѣсъ, чтобы рубить и пилить деревья, и кругомъ нихъ шли чекисты охраны съ ружьями, въ теплыхъ полушубкахъ и шапкахъ — казалось, что идутъ одни чекисты, а между ними страшнымъ призракомъ тянется сѣрое видѣніе изможденной толпы мучениковъ, скользить и колеблется, будто безплотное. Странно было думать, что эти люди идутъ работать. Какъ могли они работать, когда, казалось, въ нихъ не оставалось и малой искры жизни?

У каторги «Мертваго дома» были свои пѣсни, она даже устраивала спектакли. Эта каторга не пѣла. Она не слагала своихъ арестантскихъ каторжныхъ пѣсенъ. Она никогда и никакъ не «гуляла». Она быстро и вѣрно вымирала, и одни, хороня другихъ, знали, что и ихъ

ждетъ такое же закапываніе въ землю безъ обряда и молитвы, какъ падали.

И при всемъ томъ всѣ они сознавали, что они то мѣнѣе всего походили на каторжниковъ. За ними не было никакого преступленія, и никакъ не могли они себя называть въ этомъ отношеніи: «г р а м о т ѣ н ы м и». Они не были «погибшимъ народомъ», они умѣли — и еще какъ! — жить на волѣ. Были среди нихъ богатые, степенные мужики, крѣпкіе хозяева, трудолюбивые земледѣльцы, купцы и ремесленники, были офицеры, инженеры, профессора, учителя... Они «слушались отца и матери» — за что же выпало на ихъ долю теперь — слушаться «барабанной шкуры»? Они «шили золотомъ» — они работали и трудились — такъ за что же ихъ теперь послали «бить камни молотомъ»?..

Жестокая эта несправедливость, зло, казалось, вопіющее къ небу ихъ постоянно мучило, терзало и оскорбляло, но оно же давало неизсякаемую надежду, чистую, глубокую вѣру, что все это простое недоразумѣніе и что это неизбѣжно должно имѣть конецъ. Добро должно восторжествовать надъ зломъ. Они были сосланы на большіе сроки и видѣли, что тутъ рѣдко кто и годъ выживаетъ, а все ждали правды Божіей, своего — просто чудеснаго освобожденія. Наканунъ смерти изсохшій, изголодавшійся совѣтскій каторжникъ, трясущійся въ послѣдней лихорадкѣ, жадно глядѣлъ вдаль, за рѣку, гдѣ по низкому берегу ледяной вѣтеръ мель песокъ и шевелилъ голыми прутьями жидкой осоки, и ждалъ, ждалъ, ждалъ чуда освобожденія, прихода созданныхъ долгими мечтами «бѣлыхъ»...

IV.

И все-таки тутъ — жили.

Въ три часа ночи, когда вся казарма-землянка была погружена въ мертвый, кошмарный сонъ, когда воздухъ былъ такъ тяжелъ и густъ, что, казалось, выпреть

узкія, запотѣлыя стекла изъ рамъ, или подниметь тяжелую, землею заваленную крышу, въ углу казармы внезапно чиркала спичка, вспыхивала синимъ бродячимъ пламенемъ совѣтская сѣрянка, мигала, качаясь и разгораясь и, наконецъ, зажигала свѣчу.

Это Оома Оомичъ Ооминъ садился читать запрещенную книгу — Библію. И сейчасъ же, точно, кто ихъ растолкалъ, поднимались его сосѣди — Веніаминъ Германовичъ Коровай, Бруно Карловичъ Бруншъ, Сергѣй Степановичъ Несвигъ, Гуго Фердинандовичъ Пельзандъ, Владиміръ Егоровичъ Селиверстовъ и Селифонть Богдановичъ Востротинъ.

И здѣсь, какъ въ «Мертвомъ домѣ», не было принято говорить, за что кто сидѣлъ, но совсѣмъ по другой причинѣ. Прежде всего почти никто и самъ не зналъ, за что его сослали. Здѣсь тоже доносы, интриги и сплетни процвѣтали, а многіе тутъ жили подъ чужими именами и тщательно скрывали свое прошлое, ибо весьма часто это прошлое грозило смертью. Такъ Коровай никому не открывался, что въ прошломъ онъ былъ уѣзднымъ исправникомъ, Бруншъ никому не рассказывалъ, что онъ — профессоръ физики, юноша, мальчикъ Несвигъ — братъ Русской Правды, у Пельзандта былъ свой аптекарскій магазинъ, Селиверстовъ въ Великую войну командовалъ батареей, а Востротинъ былъ богатый и домовитый казакъ.

Къ этой зажигаемой въ глубокой ночи Ооминимъ свѣчкѣ ихъ всѣхъ влекла жажда услышать какое-то другое слово, а не вѣчную дневную ругань и свары каторжанъ и чекистовъ. Ихъ влекъ къ себѣ и особенный, не похожій на другихъ характеръ Оомы Оомича. Ооминъ никого и ничего не боялся, открыто говорилъ всякому все, что было у него на душѣ и полнымъ равнодушіемъ, даже какимъ-то восторженнымъ отношеніемъ къ пыткамъ и наказаніямъ сражалъ самыхъ свирѣпыхъ чекистовъ. Съ нимъ было пріятно поговорить, онъ такъ просто и откровенно высказывалъ и «исповѣдывалъ» свою ничѣмъ непоколебимую вѣру въ Бога и Его милосер-

діе. Онъ все говорилъ безъ совѣтской утайки, безъ вранья и оглядки.

Онъ появился на каторгѣ только лѣтомъ, и не всѣ знали его исторію.

— Вы спросите его, Бруно Карловичъ, — шепнулъ профессору Коровай, — какъ онъ сюда попалъ. Кажалось бы простая совѣтская исторія, а такъ онъ ее расскажетъ — театра никакого не надо.

— А онъ не обидится?

— Что вы! Простой совсѣмъ человѣкъ. Очень объясательный.

Профессоръ спросилъ.

— Я то съ?.. Вы спрашиваете за что? — быстро и дѣйствительно очень охотно отозвался Ѳоминъ. Все его лицо, въ сѣдыхъ космахъ бороды, освѣщенное снизу свѣчою, покрылось сѣтью маленькихъ морщинъ. — Прежде всего, сударь, надо вамъ сказать, кто я есть? Ибо съ этого моего происхожденія и вышла вся моя печальная исторія. А есть я — Ѳома Ѳомичъ Ѳоминъ, и наше имя во всѣ роды черезъ ѳиту писалось... И родитель мой и всѣ наши были, что называется, съ ѳитою. Сестрица у меня Ѳекла, а дѣдушка Ѳедоръ, сами, при своемъ образованіи, понимаете, какъ должны такіа имена изображаться. Вотъ съ этой самой ѳиты и начались всѣ мои несчастія.

Ѳома Ѳомичъ помолчалъ немного, пожевалъ губами и добавилъ съ какою-то печальною укоризною:

— Они меня, знаете, черезъ ферта прописали.

— Ну и что же дальше? — сказалъ профессоръ, когда Ѳоминъ не сталъ продолжать свой рассказъ.

— Такъ вотъ въ виду, знаете, такой ихъ неделикатности, пошелъ я въ комиссаріатъ объясняться. Тамъ, знаете, молодой такой человѣкъ и говоритъ мнѣ, что ѳита, молъ, еще при временномъ правительствѣ упразднена, нѣтъ, значитъ, совсѣмъ ѳиты. Я, васъ гражданинъ, спрошу, что развѣ можно человѣка упразднить, если онъ, и отецъ его, и весь родъ его съ ѳиты начинается?.. Конечно же нельзя. Всякій это понимаетъ. Я имъ все это и разъяснилъ. А тотъ, знаете, человѣкъ, что онъ про

себя изображаетъ, Богъ одинъ знаетъ, грубо и нагло, съ нахрапомъ сталъ на меня кричать: — «мы можемъ и тебя самого упразднить, ежели много тутъ разговаривать будешь». Я имъ и говорю: «отлично я васъ понимаю, что вы можете къ стѣнкѣ поставить и человѣка вывести въ расходъ, но фамиліи уничтожить вы никакъ не можете, на это у васъ уже нѣтъ власти, и она какъ была, такъ и остаться должна съ еитою... Вотъ съ этого и стали они, знаете, меня преслѣдовать. Не понравился видно, я имъ. Кто я? Кронштадскій мѣщанинъ и имѣлъ даже свою мелочную лавочку на Зеленой улицѣ. Скажите, можно развѣ упразднить и то, что я мѣщанинъ? Это можетъ сдѣлать только царь или, если по суду — лишеніе правъ. Они, знаете, мою лавку упразднили, можно сказать, въ два счета-съ. Просто сказать — разграбили. Это мнѣ очень даже понятно. Когда революція, когда генералы царя арестовали — тогда что же!.. Мелочную лавку разграбить тогда за милую душу, конечно, можно. На это у меня къ нимъ претензіи никакой даже нѣтъ. Народъ, значитъ, гуляетъ, свои права взялъ. Мнѣ его права очень понятны: гуляй, пьянствуй, на твоей улицѣ праздникъ. Капиталъ у меня, однако, былъ припрятанъ. Я перемогся, выждалъ, знаю, все одно безъ меня никогда не обойдутся. Какъ можетъ быть государство безъ мѣщанина? Вижу, съ голоду пухнетъ по городамъ народъ. Торговля — мнѣ дѣло съ измалолѣтства знакомое. Занялся я мѣщечничествомъ. Черезъ короткое, значитъ, время и этого оказывается нельзя. На вокзалахъ пошли обыски, даже, правду сказать, разстрѣливали за это... Значить — упразднили они и мѣщечниковъ.. Я опять малое время перебился, потому понимаю, что все это временно и безъ торговли они все равно никакъ не проживутъ. И точно-съ скоро появились то, что называется «частники». Ну и я сталъ, значитъ, «частникомъ»... Названія какія ни придумывай, дѣло остается одно — торговля, дѣло мнѣ хорошо знакомое. Я свое дѣло понималъ, кому надо дать — давалъ, нельзя въ нашемъ дѣлѣ безъ этого.. Но-о, — Тома Томичъ тяжело вздохнулъ, — но, упразднили они, значитъ,

и частника. Остался я безъ дѣла и сталъ по завѣту отцовъ и дѣдовъ нашихъ писаніе читать. Опять же книгу священную Библію читать надо умѣючи. Вотъ они говорятъ, — Оома Оомичъ кивнулъ на профессора Брунша, что это есть только исторія Еврейскаго народа.... Это по ихъ, такъ сказать, свободомыслію такъ только имъ представляется. Эта книга есть пророческая, и на всѣ времена и вѣки отвѣчающая книга. Не всякому, конечно, дано понимать, что къ чему отношеніе имѣеть, однако, имѣлъ я случай убѣдиться, что тамъ и всѣ наши теперешнія дѣла ранѣе предусмотрѣны.

— Вы намъ прочтите, что вы тамъ про Сталина и Ленина нашли.

— Это Веніаминъ Германовичъ, я съ большимъ даже удовольствіемъ прочту, потому, что такъ оно и будетъ. Непреложная это истина.

Оома Оомичъ досталъ изъ подъ тряпья довольно отрепанную книгу, перекрестился, поцѣловалъ ее, отлиснулъ, видимо хорошо ему знакомое мѣсто и, нагнувшись къ страницамъ, приготовился читать, но вдругъ поднялъ голову. Блаженно счастливая улыбка появилась на его изборожденномъ морщинами лицѣ.

— Мнѣ это мѣсто очень даже памятно, потому я за это самое мѣсто и здѣшнюю каторгу отбываю. Какъ, значить, прочелъ я его, меня словно что окрылило. Долженъ я или нѣтъ властямъ предержащимъ предупреденіе сдѣлать о томъ, какая имъ опасность угрожаетъ. Вотъ, знаете, взялъ я Библію и пошелъ въ Райсовѣтъ нашего центрального района, въ камеру помпрокурора, на Гражданскую улицу, въ № 26. Приняли меня незамедлительно, потому я прямо сказалъ, что имѣю доложить объ опасности, угрожающей властямъ предержащимъ. Развернулъ я книгу и сталъ имъ читать и толковать.

Оома Оомичъ нагнулся надъ Библіей и началъ торжественно и тихо читать, медленно выговаривая слово за словомъ:

— «Валтасаръ царь сотвори вечерю вѣлію вельможамъ своимъ тысящи мужемъ. Предъ тысящею же віно,

и пія Валтасаръ рече при вкушеніи віна, еже принести сосуды златы и сребряны, яже изнесе Навуходоносоръ отецъ его изъ храма Господа Бога, иже въ Іерусалимѣ, и да піють въ нихъ цари и вельможи его, и наложницы его и возлежащія окрестъ его...»

Өома Өомичъ поднялъ голову отъ книги и сказалъ:

— Въ тѣ дни и раньше производилось по приказанію еще Ленина изъятіе церковныхъ сосудовъ изъ церквей и ободраніе иконъ. Я и сказалъ помпрокурору: — «а знаете вы, гражданинъ, что ожидаетъ за сіе самого товарища Сталина?...». Онъ мнѣ говоритъ, «что имѣете сказать — говорите». Я и прочелъ имъ: — «Въ той часъ изыдоша персты руки чловѣчи и писаху противу лампы на повапленіи стѣны дому царева, и царь видяще персты руки пишушія. Тогда царю зракъ измѣнися, и размышленія его смущаху его, и соузы чреслъ его разслабляхуся, и колѣна его сражастася....». Тутъ, значить, они меня перебили и говорятъ: — «переходите, товарищъ ближе къ дѣлу. Бросьте вашу книгу, говорите, что знаете». Я имъ докладываю; — «это не я знаю, это сказалъ пророкъ Даніилъ и сказалъ про нынѣшнія времена». Тутъ одинъ сталъ говорить: «гоните его въ шею», а помпрокурора сказалъ: — нѣтъ, пусть сдѣлаетъ заявку до конца». И я сталъ читать. «Царю! Богъ вышній царство и величество, и честь, и славу даде Навуходоносору, отцу твоему, и отъ величества еже ему даде, вси людіе, племена, языци бяху трепещуще и боящеся отъ лица его: и ихъ же хотяше убиваше, и ихъ же хотяше біяше, и ихъ же хотяше возвышаше, ихъ же хотяше той смиряше. И егда вознесетъ сердце его и утвердится духъ его еже прозорствовать, сведетъ отъ престола царства, и слава и честь отъясся отъ него. И отъ чловѣкъ отгнася, и сердце его со звѣрьми отдася, и житіе его со дивими ослы, и травою аки вола питаху его, и отъ росы небесныя оросися тѣло его, дондеже уразумѣ, яко владѣтъ Богъ Вышній царствомъ чловѣческимъ, и ему же хощетъ дастъ е... И говорю я имъ: — все сіе написано про Владиміра Ильича Ленина, ибо власть его была подобна власти Навуходоносора царя. И кого хотѣлъ

разстрѣливалъ и кого хотѣлъ возвышалъ, въ послѣдніе же дни жизни своей совсѣмъ оскотинѣлъ и, извините за подробность, — калъ изъ подъ себя бралъ и ѣлъ... Они на меня закричали и стали угрожать мнѣ. Но меня не испугали, ибо Духъ Господень былъ на мнѣ. Я выждалъ, когда утихъ гнѣвъ ихъ и дочиталъ имъ: «Сего ради отъ лица Его послани быша персты ручнии и писаніе сіе вчиниша. Се же есть писаніе вчиненое: м а н и, ѳ е к е л, ф а р е с. Се сказаніе глагола: м а н и, измѣри Богъ царство твое и сконча е. ѳ е к е лъ, поставися въ мѣрилѣхъ и обрѣтется лишаемо. Ф а р е с, раздѣлится царство твое и дадеся Мидомъ и Персомъ»^{*)}). Вотъ, говорю я имъ, — печальная участь самого Сталина. Раздѣлится царство Россійское и отдано будетъ японцамъ и полякамъ. А самъ Сталинъ смертію умереть. Меня, знаете, хотѣли тутъ же и заточить, но помпрокурора сказалъ: — «оставьте гражданина, потому что онъ есть сумасшедшій и дуракъ». Придя домой, впалъ я, однако, въ большое сокрушеніе. Ибо зналъ я, что за слова мои непремѣнная и неизбѣжная меня ожидаетъ кара. Смерти я не такъ боялся, зналъ, что счастье принять смерть за исповѣданіе вѣры, но боялся я заточенія, ибо тогда мнѣ придется лишиться главнаго утѣшенія и улады жизни моей — библии. Книга эта есть святая книга, но какъ, знаете, въ союзѣ совѣтскихъ республикъ все святое упразднено, оставлено одно поганое и, простите за слово — одна похабщина, то и имѣлъ я страхъ, что, какъ упразднили они «ѳиту», какъ упразднили мою лавку, какъ упразднили мѣшечниковъ, частниковъ, такъ могутъ они упразднить и мою библию.

Ѳома Ѳомичъ помолчалъ немного, точно ожидая какихъ то возраженій, но какъ никто ему не возражалъ, онъ перевелъ дыханіе и продолжалъ торжественнымъ «библейскимъ» стилемъ: —

— Былъ у меня помощникъ Исай Лукичъ, — съ позволенія сказать-съ — жидъ-съ. Однако, человѣкъ это

^{*)} Книга пророка Даніила, Гл. 5, ст. 1, 2, 5, 6, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 27 и 28.

былъ золотой и вѣрности необычайной. Я и сказалъ ему: — «Исай Лукичъ, эта книга есть библия, книга и вамъ и мнѣ священная, но по нашимъ совѣтскимъ законамъ это есть книга запрещенная. Чувствую я, что меня, если не выведутъ въ расходъ, то загонять, куда Макарь телятъ не гонялъ. У меня есть просьба до васъ, если что со мною такое произойдетъ, сохраните мнѣ эту книгу, не дайте ее на поруганіе. Золотое сердце было у Исая Лукича. Онъ принялъ библию и говоритъ: — «не извольте беспокоиться, Ёома Ёомичъ, если васъ куда пошлютъ, я запеку эту книгу въ хлѣбецъ и дамъ вамъ, какъ передачу, никто и не узнаетъ ничего. А вамъ бы надо беречь себя и гдѣ ни на есть укрыться. Гдѣ же скрываться? Развѣ отъ Божьей воли куда уйдетъ человѣкъ? Я ждалъ своей участи съ молитвой и упованіемъ на Божіе милосердіе. Лѣтомъ меня, значитъ, и взяли. Допытывались моей вины. Но какъ никакой вины я за собою не зналъ, то и молчалъ. Тогда меня пытали. Зажимали пальцы между дверьми и дробили суставы.

Ёома Ёомичъ показалъ свои руки съ исковерканными пальцами.

— При пыткахъ я молчалъ, а когда становилось не въ моготу, славилъ Господа, что посылаетъ мнѣ мученія. Послѣ многихъ мукъ, посадили меня въ вагонъ. Вы знаете, что на каждомъ вагонѣ царскаго правительства осталась надпись: «сорокъ человѣкъ, восемь лошадей». Такъ въ тотъ вагонъ насъ набили поболѣе ста человѣкъ! Ни тебѣ сѣсть, ни тебѣ лечь. Дыбомъ стояли всю дорогу, въ тѣснотѣ и, извините-ся, въ нестерпимой вони. Утромъ сунули намъ ведро воды. Произошла большая давка и не только что лицо ополоснуть, но и напиться никому не удалось — расплескали всю воду. Ёды же намъ совсѣмъ ничего не давали. Я свой хлѣбецъ берегъ до чернаго дня, ибо зналъ, какая радость запечена мнѣ въ томъ хлѣбцѣ — радость вѣчная. На третій день такого нашего путешествія остановился нашъ поѣздъ, открыли двери и кричатъ намъ чекисты: — «выкидайся»... Ну, кто живъ былъ — тотъ самъ выкинулся, а кто умеръ въ такой дорогѣ, его уже выкинули другіе и какъ падалъ закопали возлѣ полотна. Вотъ такъ то я и попалъ сюда.

Тутъ взрѣзалъ я хлѣбецъ и обрѣлъ вѣчное счастье и радость въ утѣшительномъ словѣ святой книги.

Өома Өомичъ благоговѣнно закрылъ книгу и поцѣловалъ ея покрышку. Онъ погасилъ огарокъ. Сѣрый свѣтъ стоялъ за окнами. Арестанты начинали подниматься. Каторжный рабочій день наступалъ.

V

Днемъ припархивалъ мелкій снѣжокъ. Онъ ложился на мохъ красивыми звѣздочками и не таялъ. Мохъ былъ холодный и ломкій, и въ глуби его арестанты находили на длинныхъ и крѣпкихъ нитяхъ-стебляхъ алую, крупную клюкву. Небо было синее и было непонятно, откуда падалъ алмазный сверкающій снѣгъ. И потому ли, что погода была очень ужъ хорошая, тихая, ясная и въ лѣсу пахло смолою, хвоею и можжевельникомъ, потому ли, что осень несла сокращеніе работъ — какъ то тихо было на душѣ у арестантовъ. Ругань и крики не были такъ злобны, какъ всегда. До радости было далеко. Радоваться въ Россіи перестали съ того дня, какъ арестовали Царя, и на улицу вышла шумная гульбивая толпа. Но солнце, голубизна високаго неба, порхающія въ воздухѣ, алмазами вспыхивающія снѣжинки наполняли сердца арестантовъ какою-то вдругъ народившейся надеждою, что должна же случиться въ ихъ судьбѣ перемѣна.

Въ этотъ день Өома Өомичъ особенно сіялъ. Точно онъ зналъ новость радостную для всѣхъ, точно прослышалъ про что то и хочетъ сказать, на весь каторжный міръ крикнуть. Но... кругомъ, какъ и всегда, была охрана, чекисты прислушивались къ каждому слову, сказанному арестантомъ, свои сплетники и наушники готовы были за корку черстваго хлѣба предать. На душѣ постепенно послѣ утра, давашаго какія то невозможныя, несбыточныя надежды, становилось тоскливо и жутко. Несвита утромъ арестовали. Въ одномъ изъ древесныхъ

стволовъ былъ найденъ загнанный туда стальной клинъ. И хотя стволъ этотъ былъ далеко отъ того мѣста, гдѣ работалъ Несвиль, при обыскѣ обнаружили у него, на веревочномъ крученомъ гайтанчикѣ небольшой желѣзный восьмиконечный крестъ и на немъ надпись: — «Господи, спаси Россію». Вотъ за этотъ то крестъ, за эту надпись и озвѣрѣли на него чекисты.

— Ишь ты, какой гадъ... Россію надумалъ... Ты бы еще, буржуй, про царя помянулъ... Настоящій буржуй... Истребляешь ихъ, истребляешь, а они все одно, какъ вошь какая, такъ отовсюду и лѣзутъ...

Несвиль на допросѣ твердо и смѣло заявилъ, что это не онъ загонялъ клинъ въ дерево, но что, если бы у него такой клинъ былъ, онъ непременно его загналъ бы... «Такъ вамъ, кровопійцамъ, и надо», сказалъ онъ.

Всѣ понимали, чѣмъ это должно было кончиться: — на разсвѣтѣ должны были Несвита разстрѣлять. И потому въ компаніи, окружавшей Оому Оомича было особенное, разслабленное настроеніе, какое бываетъ всегда, когда есть въ домѣ умирающій, тяжело больной человекъ и еще того болѣе, когда въ домѣ ожидаютъ смертной казни близкаго человека.

Только самого Оому Оомича это настроеніе точно не коснулось. Онъ, какъ зарядился съ утра своею веселою жизнерадостностью, такъ съ нею и остался до ночи. Когда уgomонился баракъ-землянка и темная душная ночь стала кругомъ сторожить тревожный, тяжкій сонъ каторжанъ, Оома Оомичъ поднялся со своего мѣста и засвѣтилъ огарокъ. Онъ не сталъ читать самъ, но дождавшись, пока всѣ обычные его слушатели приблизились къ нему, передалъ книгу старому Востротину и сказалъ мягко и умиленно: —

— Попрошу васъ, Селифонтъ Богдановичъ, читать намъ о видѣніи Іезекіиловомъ, а я вамъ доложу, какое и мнѣ сегодня видѣніе привидѣлось.

Востротинъ благоговѣнно принялъ книгу отъ Оомы Оомича, поцѣловалъ ее, открылъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было заложено Ооминымъ и мягкимъ «церковнымъ» притушеннымъ баскомъ началъ читать: —

— «И бысть въ тридесятое лѣто, въ четвертый мѣсяць, въ пятый день мѣсяца, и азъ быхъ посредѣ плѣненія при рѣцѣ Ховарь: и отверзошася небеса, и видѣхъ видѣнія Божія».

Въ землянкѣ было темно и смрадно. Густой храпъ, всхлипыванія, икота, присвистъ тысячи людей, задыхающихся въ душномъ воздухѣ, въ тяжеломъ снѣ, сливались въ страшную музыку и сопровождали медлительное, торжественное чтеніе Востротина.

— «И видѣхъ, и се, духъ воздвизаяйся грядяще отъ сѣвера...»

— Да, такъ оно и было, — прошепталъ Оома Оомичъ, — отъ сѣвера...

— И облакъ великій на немъ, и свѣтъ окрестъ его, и огонь блистаяся. И посредѣ его, яко видѣніе илектра посредѣ огня, и свѣтъ въ немъ: и посредѣ яко подобіе четырехъ животныхъ. И сіе видѣніе ихъ, яко подобіе челоуѣка въ нихъ...».

— Яко подобіе челоуѣка въ нихъ, — повторилъ Оома Оомичъ.

Востротинъ читалъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ прочитывалъ видѣніе пророка Іезекииля, торжественнѣе и умиленнѣе становилось лицо Оомина. Онъ кивалъ головою въ ритмъ чтенія, смахивалъ слезу и шопотомъ повторялъ прочитанное.

— «И внигда шествовати животнымъ, шествоваху и колеса держащеся ихъ: и внигда воздвизатися животнымъ отъ земли, воздвизахуся и колеса»...

— Такъ оно и было: внигда воздвизатися животнымъ отъ земли воздвизахуся и колеса. Такъ точно и я видѣлъ.

И опять шло мѣрное торжественное чтеніе стараго казака, стихъ за стихомъ описывалось необыкновенное явленіе, видѣнное пророкомъ и имъ описанное.

— «И надъ твердію, яже надъ главою ихъ, яко видѣніе камни сапфіра, подобіе престола на немъ, и на

подобіи престола подобіе якоже видѣ человѣчь сверху»*)).

— То былъ — аэропланъ, — сказалъ съ рѣшительной увѣренностью Оома Оомичъ.

— Позвольте, — сказалъ Бруншъ. — Какой, гдѣ аэропланъ?.. Когда жилъ пророкъ Іезекииль и какой могъ онъ и гдѣ видѣть аэропланъ?

— Господу доступно показать своему пророку все, что было и все, что будетъ, — сказалъ Оома Оомичъ.

— А дѣйствительно странно, — сказалъ Селиверстовъ, — пророкъ Іезекииль словами своего времени и тѣми понятіями, какія были тогда, совершенно точно описалъ аэропланъ. Колеса, поднимающіеся вмѣстѣ съ крыльями, сводъ, шумъ пропеллера — и слышавъ гласъ криль ихъ, внегода паряху, яко гласъ водъ многихъ, яко гласъ Бога Саддаі: внегода ходити имъ, гласъ слова, яко гласъ полка: и внегода стояти имъ почиваху крила ихъ». — Не работалъ пропеллеръ и не было слышно шума. Просто поразительно. Точно и правда пророкъ Іезекииль видѣлъ когда то аэропланъ...

— Да точно и видѣлъ, — убѣжденно сказалъ Ооминъ.

— Подлинно священная книга, — прошепталъ съ глубокимъ волненіемъ Каравай.

— Такъ вотъ я вамъ и скажу, что и мнѣ «посредѣ плѣненія при рѣцѣ нашей», тоже было видѣніе аэроплана... Я работалъ сегодня далеко отсюда, знаете, гдѣ лѣсъ становится рѣже, гдѣ падинка образуетъ маленькую балочку и тамъ лысое, голое мѣсто. И работалъ я одинъ, отъ сучьевъ стволы освобождалъ. Работа легкая, снѣжокъ припархиваетъ, Несвита арестовали, повели его смерть принимать за вѣру Божескую, арестуютъ и меня, и мнѣ Господь пошлетъ смерть однажды и отъ всего этого стало мнѣ на душѣ легко и ясно. Чекисты далеко. Вблизи и арестантовъ никого нѣтъ, тихо въ лѣсу, никакая птица не поетъ, и я словами Давида ко Господу воззвалъ: — «услыша отъ храма святого своего гласъ мой

*) Пророка Іезекиіля. Глава I, ст. 1, 4, 5, 19 и 26.

и вопль мой предъ Нимъ внидетъ во уши Его... И подвижеса и трепетна бысть земля и основанія горъ смятошася и подвигошеся яко прогнѣвася на ны Богъ. Взыде дымъ гнѣвомъ Его и огонь отъ лица Его воспламенится: угліе возгорѣся отъ Него. Избавить мя отъ враговъ моихъ сильныхъ и отъ ненавидящихъ мя: яко утвердишася паче мене»*). Избавить мя, избавить мя отъ враговъ моихъ сильныхъ!.. такъ повторялъ я въ моленіи моемъ и «се духъ воздвизаяйся грядяще отъ сѣвера и облакъ великій въ немъ». Вотъ такъ, значить, я стою на молитвѣ въ пади, снѣжинки алмазиками порхаютъ, свѣтъ тихій съ неба льется и вижу ростеть и ростеть на моихъ глазахъ снѣжинка, становится громадною будто птицею и тихо безшумно падаетъ шагахъ въ ста отъ меня. И вижу — аэропланъ садится на землю.

— Аэропланъ?.. Безшумно?.. — сказалъ Селиверстовъ.

— Если человѣку привидѣлось, все можетъ быть, — сказалъ Пельзандъ.

— Нѣтъ, граждане, въ томъ то и дѣло, что это не привидѣлось, а и точно съ неба тихо и плавно опустился аэропланъ. Видалъ я самолеты не разъ. И на корпусномъ аэродромѣ у Вологодско-Ямской слободы и на комендантскомъ полѣ у Коломягъ не разъ я видывалъ, какъ приземливаются наши летчики. Такъ это, граждане, было совсѣмъ по иному и аэропланъ на наши никакъ не походилъ. Свѣтлый, серебряный, не видимый и не слышный.

— Могли и такой изобрѣсти, — сказалъ Бруншъ. — Нѣмцы у насъ хорошо работаютъ. Удивительнаго ничего нѣтъ. Странно, что никто ничего такъ и не видѣлъ и не слышалъ.

— Можетъ быть и еще кто видѣлъ, да не говоритъ, боится, — сказалъ Селиверстовъ.

— Такъ вотъ, граждане, стою я, притаившись, и смотрю, и вижу выскакиваютъ напередъ четыре человѣка и разбѣжались по угламъ пади и стали какъ бы на

*) Псаломъ Давида, 17 ст. 7, 8, 9 и 18.

сторожѣ, а за ними еще двое. Одѣты въ кожаныхъ курткахъ, видно, — на мѣху и сапоги кожаные добротные, не иначе, какъ въ Москвѣ или Ленинградѣ въ Торсинѣ получили.

— Чекисты, — съ глубокимъ разочарованіемъ проговорилъ Бруншъ. — А вы то насъ готовили къ чему то чудесному. Вѣрно, опять новая регистрація, а за нею допросы, пытки и казни...

— Не думаю, чтобы чекисты... Уже очень я крѣпко и съ большою вѣрою молился. Огонь поядающій сошелъ съ неба. Вотъ какъ я думаю.

— Да почему? — спросилъ Востротинъ. Онъ внимательнѣе и все съ большею и большею вѣрою слушалъ то, что говорилъThetaThetaмичъ.

— Прежде всего — съ лица очень чистые. Чекисты такіе не бываютъ. Одинъ, что впереди пошелъ, высокій, осанка такая гордая, прямой и сѣдой, а лицо молодое. Другой лицомъ темный, загорѣлый и идетъ за первымъ, какъ добрая собака идетъ за охотникомъ, глазъ съ него не спускаетъ... Сразу, граждане, видно, что это настоящіе, царскіе офицеры.

— Ну мало ли царскихъ офицеровъ у нихъ въ чекистахъ то служить, — сказалъ Пельзандъ.

— Служать, служить, это точно, Гуго Фердинандовичъ, а только у тѣхъ, кто у нихъ служить, всегда есть что то въ лицѣ подловатое и идетъ такой, такъ всегда словно сжимается. Точно вѣчно надъ нимъ совѣсть.

— Ну! у такихъ!.. Искать совѣсть!.. — сказалъ Селиверстовъ.

— И съ лица оба красивые. Между прочимъ, — изъ коммунистовъ кто же красивый?.. Взять Ленина, Калинина, Троцкого, рожи такіе, что, простите за грубое слово, въ три дня не А эти...

— Но, позвольте, — сказалъ Бруншъ, — есть и между коммунистами красивые. Блюхеръ, да тотъ же Луначарскій или Дзержинскій...

— Оставьте, пожалуйста, — сказалъ Коровай, — Дзержинскій, — я близко его видѣлъ... Точно — херувимъ вербный, а взгляните въ его газельи глаза. Діа-

воль, сатана, чортъ... Нѣтъ, только уже не Дзержинскій.

— Такъ что же вы, Ёома Ёомичъ, думаете? — спросилъ Селиверстовъ.

— Я думаю, что такая молитва, какъ была моя, не можетъ быть не услышанной Господомъ. Я думаю: — огонь поядающій... Вы слышите, какъ тихо, а между прочимъ свѣтаеть-съ.

— Ну, такъ что же, что свѣтаеть, — сказалъ Бруншъ.

— А какъ что же?.. Не слышно, чтобы Несвита разстрѣляли... Не приходили опять же людей брать, могилу копать.

— Положатъ у женскаго отхожаго мѣста... Что имъ...

Однако, всѣ призадумались. И точно, наступалъ часъ подъема. Ёома Ёомичъ задулъ огарокъ, припряталъ библию и продолжалъ сидѣть въ полумракѣ на нарахъ. Въ землянкѣ предъутреннимъ особымъ крѣпкимъ сномъ гудѣли, храпѣли и сопѣли люди. Смрадь становился нестерпимымъ. За окнами въ сѣрыхъ неясныхъ туманахъ нарождался день... Кругомъ въ лѣсу стыла утренняя тишина.

— Можетъ быть еще Сергѣя Степановича пытатъ повели, — со вздохомъ сказалъ Востротинъ, — потому и не слышно выстрѣловъ.

Всѣ сидѣли молча и неподвижно. Сырая землянка казалась настоящимъ адомъ.

VI

Пришло время открывать казармы, выгонять людей на работы, выдавать кипятокъ и хлѣбъ, но никто не являлся въ землянку.

Проснувшіеся отъ духоты арестанты шумѣли.

— Покель гноить то насъ будете, — раздавались

голоса болѣе смѣлыхъ. Покель не подохнемъ всѣ. И васъ за то не похвалятъ и намъ не въ моготу дольше.

— Заснули что ли, архангелы!

— Просыпайтесь, товарищи, выгоняйте насъ что ли, а то и точно подохнемъ.

— Имъ что. Имъ, можетъ, такой приказъ отъ начальства вышелъ, подушить насъ всѣхъ.

Никто не отзывался. Блѣдное утро загоралось огнями солнечнаго восхода и сѣдало туманъ. Маленькія окна землянки были, какъ въ золотѣ. Казарма кишѣла поднявшимися людьми. Одни мѣшали другимъ, одни наступали на другихъ. Шумъ и говоръ нарастали.

— Полегче, гражданинъ, вы мнѣ на голову едва не наступили.

— А вы чего разлеглись на дорогѣ...

— А гдѣ мнѣ лечь прикажете, когда мѣста нигдѣ нѣтъ.

Внезапно, точно по командѣ, голоса и крики стихли. Въ казармѣ стали прислушиваться къ тому, что происходитъ въ лѣсу.

— Постойте, товарищи, не шумите такъ.

— Что тамъ такое?.. Какой сонъ ихъ одолѣлъ.

— Перепились, что ли, какъ тотъ разъ.

Въ лѣсу стояла полная торжественная тишина. Ясный, солнечный и, должно быть, теплый день, одинъ изъ послѣднихъ прекраснаго бабьяго лѣта наступалъ и несъ съ собою нѣчто необычайное, странное, и, конечно, гадкое и жуткое, отвратительное, какую то новую придумку палачей чекистовъ.

— Не подыхать намъ всѣмъ изъ за васъ, — раздался чей то отчаянный голосъ. Человѣкъ и крикнулъ это и боялся, что сосѣдъ увидитъ и скажетъ на него потомъ. Но уже волна отчаянія захватила толпу. Съ трескомъ и звономъ разсыпалось отъ сильнаго удара узкое оконце и нѣсколько головъ приникло къ отверстію, жадно ловя чистый воздухъ.

— Братцы!.. Чудеса!.. Никого и стражи нѣтъ.

Тогда, точно какое то опьяненіе нашло на людей. Страхи были забыты. Дружно навалились на двери и

стали выламывать. Доски гнулись, подлѣ дверей соплѣли, напрягаясь, люди.

— Полегче, граждане, дышать совсѣмъ нечѣмъ.

— Ты, Артемовъ, плечомъ навались.

— Граждане, пустите, Ерохина. Ерохинъ, тотъ сдвинетъ.

Наконецъ, дверь вылетѣла изъ рамы. Люди стали выбѣгать наружу.

Тамъ, гдѣ обыкновенно была стража, не было никого. Было видно, какъ изъ сосѣднихъ землянокъ тоже выбѣгали люди и, точно почуявъ вольную волю, останавливались въ недоумѣніи и страхѣ. Нѣсколько чело-вѣкъ, старшины казармы, въ ихъ числѣ Селиверстовъ и Коровай, пошли къ особому городку, гдѣ въ теплыхъ, отапливаемыхъ баракахъ, по барски, жили чекисты и администрація каторги. Тамъ былъ красный клубъ чекистовъ. Этотъ городокъ былъ окруженъ высокимъ заборомъ изъ заостренныхъ наверху бревень, «палями». Впереди палей была еще устроена проволочная загородка. Ворота въ ней были открыты, и самыя главныя ворота въ паляхъ были распахнуты настежь. Часовыхъ не было.

Изъ за палей былъ слышенъ чей то сильный, начальнической голось. На него дружно отвѣчали, должно быть построенные во фронтъ чекисты.

— Понимаемъ... Понимаемъ... Слушаемъ... — неслось изъ за палей.

Арестанты остановились. Чекисты были живы. Ихъ преступленіе — сломанныя въ землянкѣ двери и выбитыя окна, сейчасъ будутъ обнаружены и жесточайшія кары послѣдуютъ за самовольный уходъ изъ казармы. Шедшіе къ палямъ стали пятиться назадъ.

— Подыхать надо было намъ, а не своевольничать, — съ тяжелымъ вздохомъ прошепталъ Коровай.

— Все одно, тамъ ли, тутъ ли, подохнуть, всегда успѣемъ.

Селиверстовъ и съ нимъ два чело-вѣка изъ другой землянки, кто былъ посмѣлѣе, вошли за проволоку и, крадучись по надъ заборомъ, направились къ главнымъ

воротамъ. Они заглянули въ нихъ. Кажется, и правда — ничего особеннаго не произошло.

Внѣшняя охрана, около сотни дюжихъ парней, набранныхъ изъ проштрафившихся чекистовъ, все больше уголовники, убійцы, воры, грабители, насильники, посланные сюда, чтобы издѣвательствомъ надъ совѣтскими каторжанами смыть свои преступленія и доказать вѣрность совѣтской власти, народъ до нельзя грубый и развращенный властью надъ жизнью и смертью тысячъ подчиненныхъ имъ каторжанъ, люди крѣпкіе и здоровые, стояли въ двѣ шеренги на вытяжку. Противъ ихъ фронта, похаживалъ высокій, статный человѣкъ съ сѣдыми волосами, въ кожаной курткѣ, хорошо, ладно одѣтый, вѣроятно, тотъ старшій чекистъ или самъ комиссаръ, кого видѣлъ Тома Томичъ прилетѣвшимъ на аэропланъ. Сзади него, какъ помощникъ или секретарь, былъ такой же высокій стройный человѣкъ съ сильно загорѣлымъ лицомъ. На немъ была написана четкая офицерская исполнительность. Селиверстовъ опытнымъ, наметаннымъ глазомъ, сейчасъ же опредѣлилъ: — изъ старыхъ кадровыхъ офицеровъ. «Эти», — подумалъ онъ, — «хуже всего. Исполнительны, вѣрны и безстрастны».

Но дѣло было сдѣлано. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ. Любопытство было сильнѣе страха, и Селиверстовъ сталъ прислушиваться къ тому, что говорилъ прилетѣвшій вчера. Это было нетрудно. Высокій сѣдой человѣкъ говорилъ, какъ власть имущій, громко и рѣзко, отчетливо выговаривая слова, какъ, бывало, въ Императорской арміи отдавали приказанія полку хорошіе полковые командиры. Да и самъ онъ умѣло держался передъ фронтомъ. Пройдетъ тихо вдоль него, остановится, оглянетъ людей и продолжаетъ говорить. И это не рѣчь, нѣтъ, отнюдь не рѣчь съ ея неизмѣннымъ и часто дешевымъ краснорѣчіемъ, но это приказанія и угрозы.

— Вы видѣли, что было въ комиссарской казармѣ, — говорилъ сѣдой человѣкъ. — Еще худшее будетъ съ вами при малѣйшей вашей попыткѣ сопротивляться или при неисполненіи моихъ приказаній. Я васъ такой смертію казню, какая даже и вамъ не снилась...

— Понимаемъ, — глухо прокатилось по шеренгамъ.

— Потрудитесь снять ваши револьверы и патронташи и сложить ваши винтовки и все оружіе вотъ на этомъ мѣстѣ подъ охрану... Подъ охрану...

Сѣдой человѣкъ смѣло подошелъ къ фронту и, взявъ одного изъ чекистовъ за воротникъ, спросилъ: —

— Ты гдѣ служилъ при Государѣ Императорѣ?

— Въ Морочненскомъ полку... Призыва 1916 года.

— Какъ твоя фамилія?

— Кабашниковъ, ваше скородіе.

— Вотъ ты и станешь часовымъ... Ты мнѣ отвѣтишь за все... Самъ понимаешь, какъ...

— Понимаю, вашескородіе.

— Дальше... Въ казармѣ комиссаровъ, издали, камнями выбить окна и близко къ тому дому не подходить и никого не подпускать, пока всѣ газы не выйдутъ, а то и сами подохнете, какъ они. Когда я прикажу, тогда и приберете тамошнюю падаль.

— Понимаемъ, — раздался мрачный и глухой отвѣтъ.

— Сдавайте оружіе и идите строить и разбирать ссыльныхъ, какъ я вамъ это указалъ.

Чекисты, вытянувшись длинною очередью, сдавали ружья и, снявъ револьверы, складывали ихъ въ кучу. Около кучи, заправскимъ часовымъ, сталъ Кабашниковъ.

Несомнѣнно, что то произошло и произошло нѣчто необычайное, никогда здѣсь небывалое, точно и не совѣтское. «Государѣ Императорѣ», «ваше скородіе», все это очень запомнилось тѣмъ, кто подслушивалъ у воротъ.

Селиверстовъ побѣждалъ къ ожидавшимъ его у землянки арестантамъ и издали уже кричалъ: —

— Строиться, строиться, граждане, новая власть пріѣхала... Новая охрана идетъ совсѣмъ безоружная...

VII.

Охрана была старая. Но то, что она была безъ винтовокъ и револьверовъ, сдѣлало ее иною. Чекисты не смѣло подходили къ выстроившимся каторжанамъ. Они не окрикивали, какъ обычно, безмолвныхъ шеренгъ, не издѣвались здорованьемъ съ оскорбительными кличками: «здорово, баржуи», на что требовалось разомъ и точно вороньимъ карканіемъ отвѣтить: — «здр-р-ра».

Они шли робко и, подойдя, говорили ласково заискивающе, называя то: «граждане», то «господа». Чувствовалось, что ихъ праздникъ кончился, и пришла какая-то новая власть, совсѣмъ не похожая на прежнюю совѣтскую.

— Господа, прошу выслушать приказъ.

«Господа», трясущіеся на осеннемъ вѣтру, въ зашивѣвшемъ бѣльѣ, въ рваной одеждѣ, босые, оборванные, отрепанные, кто въ подобіи шапокъ, кто съ обмотанной платкомъ головою, кто и вовсе безъ ничего съ краснымъ лысымъ черепомъ, съ большими исхудалыми, изможденными лицами, съ воспаленными, распухшими, красными глазами, заросшіе неопрятными косматыми волосами, торчащими колтунами, тянули впередъ черныя жилистыя шеи и, казалось, не понимали того, что имъ говорили.

Уже не новая-ли какая провокація, а за нею пытки и смерть, не новыя ли издѣвательства, насмѣшки и оскорбленія ихъ ожидали? И только то, что имъ наскоро успѣлъ разказать Селиверстовъ, да сконфуженный видъ подходившихъ къ нимъ чекистовъ, похожихъ на ошипанныхъ пѣтуховъ, не позволилъ имъ скрыть такъ до сихъ поръ тщательно даже другъ передъ другомъ скрываемое прошлое.

— Кто служилъ въ офицерскихъ чинахъ, въ Императорской арміи, — вызывалъ чекистскій старшина, — выходи впередъ и становись противъ праваго фланга. Кто состоитъ въ Братствѣ Русской Правды, которые есть инженеры, архитекторы, кто хлѣбникъ, мясникъ,

портной, сапожникъ, становись по родамъ своихъ ремесль.

По новому верстали людей. Не вызывали, какъ обычно, — партійцевъ, комсомольцевъ, эсъ-дековъ, эсъ-эровъ, ка-детовъ, монархистовъ, кулаковъ, подкулачниковъ, вредителей, частниковъ, сопровождая каждый вызовъ грязными насмѣшками и прибаутками чекистскаго тона. Звали по трудовымъ признакамъ, звали по специальностямъ. Зачѣмъ въ каторгѣ понадобились «спецы», въ каторгѣ всѣ равны?

Изъ отобранныхъ по всѣмъ казармамъ группъ вызвали старшихъ годами, чинами, или положеніемъ, или знаніями и повели къ комендатурѣ.

Этимъ старшимъ роздали оружіе и имъ подчинили чекистовъ.

Потомъ ихъ построили и прилетѣвшій вчера на аэропланѣ неизвѣстный, одѣтый по комиссарски чело-вѣкъ, сказалъ:

— Прежде всего, господа, вы свободные люди. Но, такъ какъ вамъ, да еще такую массою, нельзя покинуть этихъ мѣстъ, пока вся Россія не освободится отъ коммунистовъ...

— Развѣ освободилась отъ коммунистовъ хотя часть Русской земли? — робко перебилъ Селиверстовъ.

— Вы стоите на свободной землѣ, — спокойно, острымъ взглядомъ ясныхъ сѣрыхъ глазъ глядя въ глаза Селиверстову, сказалъ чело-вѣкъ и показалъ на флагштокъ комендатуры.

На высококомъ древкѣ вмѣсто вылинявшаго буро-го флага съ серпомъ и молотомъ тихо рѣялъ въ блѣдно-голубомъ бездонномъ небѣ Русскій бѣло-сине-красный большой новый флагъ. Нѣсколько секундъ Селиверстовъ съ открытымъ ртомъ, не вѣря своимъ глазамъ, смотрѣлъ на него.

— Та-акъ, — протянулъ онъ. На него точно какой-то столбнякъ нашелъ. Теперь онъ ничего не понималъ. Да что же, наконецъ, случилось?

— Такъ какъ вамъ, хотя и свободнымъ людямъ, нельзя уѣхать отсюда, — продолжалъ пріѣзжій, — вамъ

надо устроить вашу жизнь по-человѣчески. Господа инженеры и архитекторы, вамъ надлежитъ выбрать мѣсто и немедленно приступить къ постройкѣ городка для проживанія... Портные и сапожники, вамъ надо открыть мастерскія, чтобы по-человѣчески всѣхъ одѣть. Промышленники, организуйте промысла, чтобы кормить людей, какъ слѣдуетъ. Васъ надо вылѣчить, одѣть, накормить, дать вамъ отдохнуть и поправиться, набраться силъ... Съ бывшими офицерами надо начать формировать новыя воинскія части. Генераль Броневскій, — обратился этотъ человѣкъ къ стоявшему нѣсколько въ сторонѣ еще крѣпкому старику, внѣшнимъ видомъ отнюдь не походившему на генерала, но скорѣе на нищаго бродягу. — Вы чѣмъ командовали въ Великую войну?

— Старо-Муринскимъ пѣхотнымъ полкомъ, — хриплымъ, основательно простуженнымъ голосомъ отвѣтилъ тотъ, кого называли генераломъ Броневскимъ.

— Вамъ поручается... На васъ возлагается обязанность изъ всей массы ссыльныхъ отобрать все крѣпкое, могущее стать подъ знамена, молодое и смѣлое и составить... роту ли... батальонъ... полкъ, словомъ, что наберется. Назначите офицеровъ и унтеръ-офицеровъ... Создадите учебныя команды... Я вамъ доставлю уставы, наставленія и учебники... Когда наладится дѣло, пришлю и оружіе. Позаботьтесь о выдѣленіи артиллеристовъ для формированія батарей... Потомъ подумаемъ и о конницѣ... Все постепенно...

— Слушаю... Позвольте, однако, спросить васъ, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Мягкая, милая и привѣтливая улыбка освѣтила суровое лицо сѣдого человѣка.

— Я, ваше превосходительство, никто... Я только передатчикъ воли будущаго Императора, что, соглашаюсь, звучитъ не совсѣмъ убѣдительно.

— Мнѣ понятно, — пробурчалъ генераль Броневскій.

— Передатчикъ воли... вѣрнѣе подготовитель пути тому, кого изберетъ Русскій народъ, чтобы царство-

валъ на Руси... Я же только... ротмистръ... Ротмистръ Ранцевъ...

— Слушаю, ротмистръ... Передайте кому надо, я вашу мысль понимаю и усвоилъ. Для будущаго Императора все, что въ моихъ силахъ и съ этимъ матеріаломъ, — генераль сдѣлалъ жестъ въ сторону каторжныхъ землянокъ, гдѣ становилось все шумнѣе и шумнѣе, — я сдѣлаю. Я надѣюсь дня черезъ два доложить вамъ для доклада кому слѣдуетъ, какую часть можетъ выставить наша Песковско-Ямская совѣтская каторга...

VIII.

Чрезъ три дня Ранцевъ проходилъ съ генераломъ Броневскимъ по комиссарскому городку. Они выбирали мѣсто для штаба отряда и для офицерскихъ классовъ. Въ это время особо назначенные люди подъ наблюдениемъ старшихъ вмѣстѣ съ бывшими чекистами выносили трупы изъ комендантскаго дома. По еще сохранившемуся совѣтскому обычаю трупы были раздѣты до бѣлья. Ранцевъ, онъ шелъ съ Ферфаксовымъ, подумалъ, что онъ бросилъ въ ту ночь газовую бомбу въ это зданіе, гдѣ помѣщалось управленіе каторгой, не зная, кто тамъ и что тамъ за люди. Но на войнѣ, развѣ знаешь, кого поражаютъ снаряды и бьютъ пули?

— Вы знали этихъ людей, ваше превосходительство? — спросилъ Ранцевъ, направляясь къ выложеннымъ для отправки для погребенія мертвецамъ..

— А какъ же. Я вѣдь можно сказать здѣшній старожилъ. Съ самага основанія этой каторги я на ней, какъ злостный саботажникъ и вредитель. Вотъ это Борухъ Самулевичъ, комендантъ и комиссаръ. Человѣкъ, знаете, ничего себѣ. Онъ попался въ какомъ-то хищеніи и былъ присланъ править и владѣть нами. Съ нимъ бы можно было поладить. Человѣкъ онъ мягкій, типичный

интеллигентъ, кажется, даже хорошо ученый, университетъ, но при немъ былъ вотъ этотъ...

Ранцеву не надо было называть, кто былъ «вотъ этотъ». Его трупъ сказалъ ему свое имя. На землѣ, покрытой чахлой, померзшей, примятой травой лежалъ на спинѣ, длинный, несуразый человѣкъ съ худымъ, землистаго, бураго цвѣта лицомъ, изборожденнымъ многими морщинами, поросшимъ клочьями рыже-сѣдой косматой бороды. Непомѣрно длинныя руки касались колѣнъ. Голова склонилась на бокъ. Полуприкрытые вѣками глаза тускло отсвѣчивали и, казалось, поглядывали сбоку. Ротъ былъ полуоткрытъ, и желтые крѣпкіе зубы были видны изъ-подъ мертвой синевы губъ. Что-то страшное было въ этомъ покойникѣ. Казалось, что онъ не мертвъ, но только притворяется мертвымъ и вотъ вскочить и бросится на тѣхъ, кто смотрѣлъ на него.

— Я ручаюсь, — тихо сказалъ Ранцеву, въ раздумьи стоявшему надъ трупомъ Ферфаксовъ, — я ручаюсь, что именно этого человѣка я видѣлъ на Шадринской заимкѣ, когда такъ неудачно попалъ на нее.

«Съ нимъ ушла тайна похищенія Настеньки», — думалъ Ранцевъ. — «Съ нимъ вмѣстѣ ушла и тайна убійства Портоса, доставившая мнѣ столько несчастій и, можетъ быть, только онъ могъ бы мнѣ сказать, что-нибудь про участь моей безконечно любимой Али. Слепой случай далъ мнѣ его въ руки и тотъ же случай далъ его мертвымъ... Можетъ быть, даже это и къ лучшему...»

Какъ сквозь дремоту, точно у него были заложены уши, Ранцевъ слушалъ, что говорилъ ему генераль Броневскій.

— Это былъ настоящій аспидъ. Не было пытки, какую бы онъ ни придумалъ. А, говорятъ, изобрѣтатель... Химикъ... Звали его тоже по странному... Ермакратъ... Я даже усумнился есть ли такое имя... Не исковерканное ли это слово «демократъ»?... Но мнѣ тутъ ссыльный одинъ, Тома Томичъ, богословски начитанный человѣкъ, разъяснилъ, что подлинно такое имя есть, и празднуется тотъ святой іюля 26-го. Былъ онъ въ совѣтскомъ

судѣ и занималъ большое мѣсто, говорятъ помощникомъ самого Крыленки состоялъ. Помните было дѣло о Федоровской сектѣ, такъ онъ тогда обвинителемъ былъ... Ну а потомъ проштрафился... Большой ходокъ, несмотря на этакую рожу, оказался по женской части и хотя на это у насъ какъ-то просто смотрятъ, онъ уже очень себя показалъ и былъ сосланъ сюда... Ну онъ и тутъ не скучалъ. Женщинъ на каторгѣ не мало... Онъ ихъ всѣхъ перепортилъ...

Ранцевъ старался не слушать того, что говорилъ Броневскій. Онъ медленно шелъ къ крыльцу большого дома, занятаго раньше комендатурой каторги. Въ его памяти пронеслось то время, когда онъ, молодой, — однако, какъ незамѣтно двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, — послѣ скачки на Императорскій призъ, счастливый отъ одержанной побѣды, наканунѣ отправленія въ Поставы на парфорсныя охоты, гдѣ столько ожидалъ онъ радостей, зашелъ къ капитану Долле на пороховые заводы и тамъ въ первый разъ увидалъ этого человѣка. Въ тотъ вечеръ у него были непріятныя ощущенія на пароходѣ, перевозившемъ его черезъ Неву, когда какой-то матросъ умышленно не отдавалъ ему чести и рабочіе, переѣзжавшіе на этомъ же пароходикѣ, смѣялись и радовались униженію офицера, тогда въ первый разъ въ жизни ощутилъ онъ липкое прикосновеніе оскорбленія не отомщеннаго и такого, какое не легко отомстить, тогда первый разъ компромиссъ всталъ передъ нимъ и омрачилъ праздникъ, бывшій у него на душѣ. Точно одно мимолетное знакомство съ этимъ человѣкомъ уже наложило какую-то жуткую печать. Потомъ Ранцевъ слышалъ, что этого человѣка подозрѣвали въ убійствѣ Портоса, его товарища и бывшего любовника его жены, еще тогда, когда она была въ первомъ бракѣ съ профессоромъ Тропаревымъ. Тяжкія были это воспоминанія! Этотъ человѣкъ, возможно, похитилъ его дочь Настеньку. Онъ являлся, и всякій разъ случалось что-нибудь жуткое и гадкое съ нимъ. Теперь онъ появился въ послѣдній разъ, уже мертвымъ... Что знаменовало его появленіе?...

Ранцевъ вспомнилъ, какъ въ ту ночь, онъ съ Ферфаксовымъ подошелъ къ воротамъ и на окрикъ часового, начальническимъ тономъ спросилъ, «гдѣ комендатура?» Онъ вспомнилъ, какъ на ихъ стукъ, несмѣло пріоткрылась дверь, и они увидали при свѣтѣ керосиновыхъ лампъ два ломберныхъ стола, бутылки и карты на нихъ, и людей въ кожаныхъ курткахъ кругомъ. Одни встали, другіе остались сидѣть. Ранцевъ плохо тогда видѣлъ лица этихъ людей... Если бы тогда узналъ Ермократа, взялъ бы его для вопроса... Сталъ бы его пытаться? Придумалъ бы для него какую-нибудь особо мучительную смерть?... Нѣтъ... Не офицерское это дѣло... Ранцевъ былъ и остался офицеромъ... можетъ быть, такъ и лучше было. Они бросили тогда свои бомбы и быстро захлопнули двери. Стоя за дверьми, они прислушались. Они услышали, какъ «пш-ш-ши» съ особымъ свистящимъ звукомъ лопнули бомбы и сейчасъ стали слышны глухіе удары падающихъ тѣлъ и грохотъ стульевъ, ими поваленныхъ....

— Всѣхъ вынесли? — спросилъ онъ у чекиста, выходившаго изъ дверей.

— Однако, всѣхъ, — по сибирски отвѣтилъ чекистъ.

Въ комнатѣ еще оставался трупный запахъ. И безпорядокъ поваленныхъ столовъ и стульевъ и разбросанныхъ картъ говорилъ о той страшной ночи. Ранцевъ овладѣлъ собою и спокойнымъ голосомъ давалъ указанія, гдѣ и что должно быть устроено и помѣщено.

Когда они вышли изъ дома, день сіялъ солнечными лучами. Морозъ сталъ меньше. Простившись съ Броневскимъ, Ранцевъ съ Ферфаксовымъ, сопровождаемые почтительно слѣдовавшимъ за ними дежурнымъ, направились вдоль рѣки. Ферфаксовъ осторожно и, даже какъ будто робко, заглянулъ въ лицо Ранцева и, густо покраснѣвъ, сказалъ:

— Ты думаешь, Петръ Сергѣевичъ, о Валентинѣ Петровнѣ, о командиршѣ?

— Я никогда не переставалъ и не перестану думать о ней, — тихо отвѣтилъ Ранцевъ. Въ его голосѣ были

мягкость и задушевность, какихъ не ожидалъ Ферфаксовъ. — Но я думаю, что ея нѣтъ больше на свѣтѣ.

— Почему ты такъ думаешь?

— Прошло тринадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Неужели за эти тринадцать лѣтъ, если бы она была жива, она не нашла бы способа написать мнѣ, или выбратья оттуда и искать меня? Она же любила меня.

— А, если и она думала такъ же, какъ и ты, что тебя нѣтъ въ живыхъ. У ней то было больше оснований думать, что ты погибъ.

— Можетъ быть... Не надо объ этомъ говорить... И думать о ней... это большая роскошь, которую я не имѣю права позволять себѣ... Смотри, что насъ ожидаетъ... Какая работа! Мнѣ вспоминается жена одного японскаго офицера, самурая. Ея мужъ отправился на войну. Она пошла къ домашнему алтарю и передъ богами открыла себѣ ножомъ животъ. При ней нашли записку, что она поступаетъ такъ, чтобы не мѣшать мужу заботами о ней исполнить свой долгъ передъ Родиной. Я мечтаю... Но я не позволяю себѣ мечтать... Я молюсь... Но я не позволяю думать объ этомъ заслонять главное, то, что нужно для Родины.

Они дошли до широкой просѣки, подъ прямымъ угломъ отъ рѣки углублявшейся въ лѣсъ. Тысячи топовъ стучали, тысячи пилъ скрипѣли тамъ и гомонила много-тысячная толпа рабочихъ. Тамъ рушили лѣсъ и заготовляли бревна не для отправки за границу, но для постройки сносныхъ жилищъ для обитателей бывшей Песковско-Ямской совѣтской каторги.

Ранцевъ показалъ на рядъ пестрыхъ реекъ, провѣсившихъ линію проспекта.

— Смотри... Намъ приходится повторять дѣла Петра Великаго и въ невѣдомой странѣ ставить полковья свѣтлицы... Дѣла такъ много... Русскаго, живого дѣла, что нельзя думать о своемъ, личномъ, какъ бы дорого и мило оно намъ ни было....

IX.

Этотъ край... что это за чудный, прекрасный, здоровый былъ край! Съ какими крѣпкими душистыми, морозными въ началѣ августа ночами и румяными, ясными, долгими зорями, когда точно не торопится народиться солнце и съ какими жаркими подъ низко плывущимъ по небу румянымъ солнцемъ днями.

Когда Ранцевъ подъ зноемъ экваторіальнаго солнца на Россійскомъ острову вглядывался въ громадныя пространства карты, покрытыя, кое-гдѣ блѣдно-зеленой краской и видѣлъ тонкій узоръ, неувѣренно бѣгущихъ къ студеному морю рѣкъ — его воображенію рисовалась тундра, безконечныя равнины, покрытыя замерзшимъ болотомъ, съ низкимъ и ломкимъ голубовато сѣрымъ мохомъ, съ кочками, поросшими жалкими кустиками голубики, съ кое-гдѣ торчащими пахучими деревцами терпкаго въ восковыхъ цвѣтахъ можжевельника, поросли тонкихъ низкихъ карявыхъ съ розовыми стволами березокъ и жидкихъ полярныхъ сѣрыхъ сосенъ. Онъ ожидалъ найти здѣсь рѣдкія становища самоѣдскихъ чумовъ изъ оленьихъ шкуръ, легкія санки съ полозьями изъ мамонтовой кости, запряженныя сѣрыми оленями съ раскидистыми рогами и полное отсутствіе Русскихъ.

Онъ думалъ тогда: какъ же работать?... Кого найдеть онъ тамъ для созданія Русской арміи?

Онъ вышелъ изъ двухъярусной бревенчатой просторной избы на воздухъ. Маленькій палисадникъ съ деревяннымъ узорнымъ заборчикомъ, съ березами въ золотѣ осенней опадающей листвы отдѣлялъ его отъ пыльнаго немощенаго широкаго тракта. На сѣверъ и на югъ тянулись сѣрые столбы съ двумя проволоками телеграфа. На сѣверъ до самаго океана телеграфъ работалъ, на югъ сообщеніе было прервано. Телеграфъ, телефонъ, радіо, всѣ средства связи съ Совѣтской республикой по распоряженію Ранцева были сняты. Громадный край, больше Европейскаго материка, былъ отрѣзанъ отъ

своего центра. Этотъ край висѣлъ какъ бы на ниточкѣ.

Эта ниточка — широкая и веселая рѣка неслась теперь передъ Ранцевымъ въ низкихъ берегахъ. Подуваль ледяной вѣтерокъ навстрѣчу теченію и вздымалъ рѣзвыя волны, покрытыя бѣлопѣнными гребешками. Въ этой пустынной рѣкѣ было нѣчто бодрящее и въ то же время что-то точно неземное, потустороннее. Она напоминала рѣки, описанныя Эдгаромъ Поэ, рѣки фантастическихъ странъ, гдѣ по лугамъ растутъ асфодели и гдѣ время стоитъ неподвижно. Рѣка была широка и глубока. Песчаный берегъ круто уходилъ въ ея прозрачныя зеленныя волны. На немъ лежали камни, гранитные и гнейсовые валуны. Въ ихъ розовыхъ и сѣрыхъ бокахъ, испещренныхъ бѣлыми и черными крапинами кварцевъ, въ пупырышкахъ зеленого мха, выпуклыми подушечками покрывавшихъ ихъ, была какая-то особенная яркость... Противоположный берегъ вздымался крутымъ обрывомъ. На немъ росъ темный безкрайній лѣсъ.

За трактовой дорогой, на берегу, сѣрымъ кружевомъ висѣли повѣшенные на кольяхъ рыболовныя сѣти... Село рядомъ большихъ бревенчатыхъ, похожихъ одна на другую, избъ протянулось вдоль берега. На окраинѣ его была высокая деревянная церковь и погостъ въ пестромъ нарядѣ осеннихъ березъ, рябинъ и осинъ. И, когда смотрѣлъ Ранцевъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ, онъ видѣлъ, какъ къ небу тянулись бѣлые дымы другихъ селъ и деревень. Вѣтеръ срывалъ эти дымы, несъ ихъ къ блѣдному небу и съ гуломъ телеграфной проволоки казалось доносился и шумъ бившей тамъ Русской, не совѣтской жизни.

Просторная лодка-баркасъ косила съ того берега. На ней гребли бабы въ пестрыхъ и яркихъ платкахъ и кофтахъ и ихъ веселый и громкій говоръ отдавался на берегу.

Въ избѣ, откуда только что вышелъ Ранцевъ, висѣли портреты «вождей» — идиотская харя Ленина, косматая бородатая морда Карла Маркса, — очень она здѣсь кстати приходилась на бревнахъ Русской избы — и портреты какихъ-то, должно быть, комиссаровъ... Ран-

цевъ приказалъ ихъ снять, протереть стѣны святою водою и повѣсить тѣ иконы, которыя раньше висѣли на этомъ мѣстѣ. Теперь тамъ шумно возились и плескались бабы.

Тройка мелкихъ, но крѣпкихъ и ладныхъ лошадей, звеня бубенцами, подкатила къ крыльцу простую нерессорную телѣгу. Ранцевъ сѣлъ въ нее. Онъ ѣхалъ въ объѣздъ.

— Вы вотъ съ бубенцами, да съ колокольчикомъ, — сказалъ, оборачиваясь къ Ранцеву, мужикъ ямщикъ, а тѣ боялись. Молчкомъ ѣздили, да все съ охраной.

Жизнь кипѣла въ этомъ вдругъ разбуженномъ краю. «Гекторъ», бывшая «Немезида», вмѣстѣ съ совѣтскимъ леодоколомъ стоялъ въ устьѣ рѣки и спѣшно разгружался. Капитанъ Ольсоне надѣялся еще успѣть сдѣлать до ледостава два рейса и привезти все заказанное Ранцевымъ Дріанскому.

Ранцевъ зналъ, что эта Русская жизнь была только вдоль рѣки. Какъ ягоды смородины висятъ на тонкомъ и нѣжномъ зеленомъ стеблѣ, такъ и села и деревни висѣли только вдоль стержня рѣки... Отъ рѣки на тысячу двѣсти верстъ до другой такой же рѣки не было ничего... Или такъ казалось, что тамъ ничего не было? Туда не было ни трактовыхъ, ни проселочныхъ дорогъ. Коегдѣ попадались тамъ самоѣдскіе чумы, небольшія зимки, потомъ все это замыкалось лѣсной и тундровою пустыней, никому неизвѣстной и никѣмъ необслѣдованной.

Ранцевъ леталъ въ этотъ край на аэропланѣ. Въ самой лѣсной глуши онъ нашелъ большія села. Онъ спустился къ нимъ. Бревенчатыя избы хранили вѣковой Петровскій укладъ. Ранцева встрѣтили спокойно и радушно. Предки этихъ людей были еще Петровскими землепроходцами, поселенными мудрою волею Великаго Императора и съ тѣхъ поръ забытыми всѣми. Дороги, протоптанныя ими, заросли лѣсомъ, и никто сотни лѣтъ къ нимъ не ѣздилъ. Поколѣніе смѣняло поколѣніе, внѣшняя жизнь къ нимъ не шла. Эти люди, въ старыхъ Петровскихъ старшинскихъ цѣпяхъ встрѣтившіе Ранце-

ва, ничего не слыхали ни о Великой войнѣ, ни о революціи. Они не знали о существованіи желѣзныхъ дорогъ, и культуру они восприняли прямо съ аэроплана. Къ Ранцеву вышли рослые, крѣпкіе бородатые люди въ длинныхъ шубахъ съ высокими воротниками, точно соскочившіе съ картинъ Маковского. Они говорили на старомъ полуславянскомъ языкѣ. Всѣ они были старообразцы и имѣли свои молельни и своихъ начетчиковъ. Они пригласили Ранцева въ избу, куда онъ просилъ собрать всѣхъ стариковъ.

Какъ длинную, хитрую сказку слушали они въ разсказѣ Ранцева исторію Россіи за два вѣка.

— Вы понимаете, старики, безъ Царя Россіи не быть, — сказалъ въ заключеніе своего разсказа Ранцевъ.

— Какъ не понимать... Вѣстимо, не быть.

— Новому Царю надо войско крѣпкихъ и вѣрныхъ людей. Мнѣ и повелѣно такихъ людей набирать.

— Безъ вѣрнаго войска Царю не быть.... Надо, старики, намъ помочь стать опять Московскому Государству... Порадѣть надо намъ о Москвѣ. — сказалъ старшина.

Старики закивали головами.

— Рекрутовъ поставимъ тебѣ отмѣнныхъ, самъ увидишь какихъ. На медвѣдя въ одиночку хаживали.

Ранцевъ видѣлъ ихъ старыя кремневая ружья и предвкушалъ удовольствіе выдавать имъ новенькія французской работы трехлинейныя винтовки.

Послѣ долгой, спокойной и мудрой бесѣды было постановлено, что эти люди оповѣстятъ и другія, такія же затерянные въ лѣсной глуши села и поставятъ рекрутовъ на «большую рѣку» какъ только выпадетъ снѣгъ и можно будетъ идти на лыжахъ.

— Чтобы намъ отъ долга своего отказываться, никогда того у насъ и въ мысляхъ не было, да вишь ты какъ сложилось, никакая власть къ намъ не пріѣзжала. Годовъ тридцать тому назадъ собаками исправникъ ѣхалъ отъ воеводы главнаго, да не доѣхалъ, волки порвали его. А ты ловко это на какой машинѣ по воздуху прилетѣлъ.

Раздавъ подарки старшинамъ и осмотрѣвъ рекрутовъ — на диво былъ народъ, хотя сейчасъ въ гвардію и совсѣмъ нетронутые парни — Ранцевъ полетѣлъ обратно.

Въ этотъ забытый край онъ послалъ экспедицію строить дорогу и установить связь по радіо, чтобы слѣдить за правильной посылкой рекрутъ и поставкой всего нужнаго для войска.

Вернувшись, онъ нашелъ генерала Броневского въ хлопотахъ. По всѣмъ селамъ и деревнямъ уже были расквартированы роты. Къ устью были наряжены тысячи подводъ, везли съ «Гектора» обмундированіе, снаряженіе, уставы, пособія и оружіе. По деревнямъ были посланы ремонтеры набирать лошадей для кавалеріи, артиллеріи и обоза. Повсюду шла муштра и ученіе. Тутъ было не до думъ, не до сладостныхъ и печальныхъ воспоминаній и Ферфаксовъ, во всемъ помогавшій Ранцеву, понялъ, какъ былъ правъ Ранцевъ, что не позволялъ себѣ думать о Валентинѣ Петровнѣ.

Не обошлось и безъ наказаній. Кое-кто сидѣлъ въ холодныхъ карцерахъ на хлѣбѣ и водѣ. Человѣкъ десять за коммунистическую пропаганду пошли подъ полевой судъ и на зарѣ были разстрѣляны.

Все это населенію нравилось. И наказанія, и судъ, и разстрѣлъ не вызвали осужденія.

— Нельзя безъ этого. Строгость нужна прежде всего. Люди стали совсѣмъ ни къ чему. Озорные стали люди. Оскотинѣлъ народъ. Нельзя съ ними безъ острости. Которые изъ комсомольцевъ такъ и совсѣмъ языки распустили. Ты ему слово, а онъ тебѣ десять въ отвѣтъ, а чтобы дѣло какое дѣлать, — тутъ слѣдовалъ безнадежный жестъ рукою.

Нравилось народу и то, что за прошлое не взыскивали и прошлаго не поминали. Кое-кого изъ вчерашнихъ чекистовъ взяли опять на службу, нашили имъ на погоны «лычки» и они, вспомнивъ былую унтеръ-офицерскую школу, съ усердіемъ и добросовѣстно стали помогать офицерамъ.

Команды, барабанный бой, а вскорѣ и учебная стрѣльба не смолкали по деревнямъ и селамъ.

Не обошлось и безъ войны. Только пока сражались не новыя войска. Совѣтскій центръ, не получая отвѣтовъ ни изъ городовъ, ни изъ селъ, ни изъ каторжныхъ поселеній, послалъ развѣдку. Она погибла по неизвѣстной причинѣ гдѣ-то на трактѣ. Посланы были аэропланы. Они тоже вдругъ вспыхнули въ небѣ и огненнымъ доскутомъ упали на землю.

Тѣ тридцать прекрасныхъ безшумныхъ аэроплановъ, что вылетѣли въ разныя мѣста Россіи съ Россійскаго острова, были сосредоточены у Ранцева, въ его распоряженія. По всей границѣ были установлены слуховые посты, улавливающіе приближеніе совѣтскихъ летательныхъ машинъ, и прежде чѣмъ аэропланы съ краснымъ кругомъ и серпомъ и молотомъ на крыльяхъ, достигали новаго края, зажившаго такою кипучею жизнью, имъ навстрѣчу вылетали безшумные и быстролетные самолеты Аранова. Управляемые по радіо со слуховыхъ постовъ они легко находили аэропланы большевиковъ, выпускали изъ кормового аппарата летучую мину и взрывали ихъ въ вышинѣ. Занятый Ранцевымъ край былъ совершенно изолированъ отъ Совѣтскаго союза.

На весну въ немъ намѣчалось открытіе порта въ устьѣ той рѣки, гдѣ была каторга. Тамъ спѣшно готовили пристани и молы и туда везли продукты промысловъ этого края: мѣха, медвѣжьи и оленье шкуры, мамонтову кость, рѣчной жемчугъ, мороженое оленье мясо, дичь, рыбу и золото. Тамъ готовила свои торговыя операціи торговая контора, учрежденная Дріанскимъ. Тамъ же ставили и рыбо-копильный и консервный заводы. Готовились жить, ни отъ кого не завися, все приготавливая свое.

Подъ дыханіемъ порядка и свободы мертвый и холодный край оживалъ.

Былъ конецъ октября. Ранцевъ съ Ферфаксовымъ возвращались изъ служебной поѣздки.

Ферфаксовъ высунулъ носъ изъ дохи и повернулъ лицо къ Ранцеву.

— Знаешь, Петръ Сергѣевичъ, сколько сегодня было градусовъ, когда мы выѣзжали изъ Покровскаго?

— Ну...

— Сорокъ ниже ноля.

— Я и не замѣтилъ.... Что значить въ напряженной работѣ и вниманіи къ своему дѣлу... Да безвѣтряный морозъ — не морозъ.

Лошади съ заиндевѣлою, закурчавившеюся шерстью бойко бѣжали по крѣпкому промерзшему снѣгу. Зимнія сумерки стили кругомъ. Вдали показались огни освѣщенныхъ оконъ селенія.

— А тамъ, — помолчавъ, сказалъ Ранцевъ, — на Россійскомъ острову, пожалуй, теперь всѣ сорокъ градусовъ выше ноля, и бѣдный нашъ Ричардъ Васильевичъ томится поди-ка цѣлыми сутками у радіо-аппарата. Пойду сейчасъ порадовать его успѣхами организаціи Россійскаго войска. Вѣдь мы сегодня смотрѣли первые эскадроны, сформированные здѣсь!...

Х.

Хмурю, іюльскою, безлунною ночью аэропланъ, на которомъ летѣли Нордековъ съ Парчевскимъ, приземился на окраинѣ деревни Коломягъ на зацвѣтающемъ картофельномъ полѣ. Нордековъ, Парчевскій и четверо специалистовъ по газовой оборонѣ выпрыгнули изъ кабины и стали вытаскивать ящики и корзины.

— Ну... Храни васъ Господь, — приподнимая авіаторскій шлемъ, сказалъ летчикъ.

— Спасибо... Летите? — сказалъ Нордековъ. Его таки укачало во время полета. На душѣ было невыразимо тоскливо. Жуткій страхъ охватилъ его. Онъ съ трудомъ сдерживалъ волненіе. Зубы ляскали по зубамъ.

— А какъ же. Оборони Богъ, не увидалъ бы кто.

Аэропланъ дрогнулъ и безшумно взмылъ къ темно-

му въ дождевыхъ тучахъ небу. Шесть человѣкъ остались на полѣ.

Они оглядѣлись. Тихая, полная тумана, точно настороженная ночь была кругомъ. Картофельное поле полого спускалось въ неглубокій оврагъ. Надъ головами было черное небо. Вдали въ немъ отражалось розовое зарево огней Петербурга. Въ воздухѣ было холодно и сыро — вотъ вотъ польетъ дождь.

Парчевскій, —окъ видѣлъ, что Нордековъ еще не пришелъ въ себя и не можетъ распоряжаться, — послалъ двоихъ на развѣдку, поискать какую-нибудь крышу. Прошло около часу. Наконецъ раздались осторожные шаги.

— Вы, Голубевъ? — окликнулъ подходившаго Парчевскій.

— Я, господинъ полковникъ. Пожалуйста, идемте.

— Я останусь при вещахъ. Георгій Димитріевичъ пойдетъ съ вами.

— Не извольте беспокоиться. Вотъ они и наши люди. Они все заберутъ.

Накрапывалъ дождь. По мокрой картофельной листвѣ, спотыкаясь о гряды, спустились въ оврагъ, перешли его и на другой сторонѣ увидали, какъ сквозь доски большой риги просвѣчивалъ свѣтъ дорожного электрическаго фонарика.

— Помѣщеніе хоть куда, пока другого въ городѣ не присмотримъ, — сказалъ, оглядывая чистую пустую ригу, Парчевскій. — Видно не все еще товарищи растащили. Вы куда же, Голубевъ?

— Я пойду съ Карнеевымъ лучевыя завѣсы поставлю, моторъ установлю. Вамъ покойнѣе будетъ, а Ломовъ съ Дубровниковымъ вамъ койки поставятъ, да чайку согрѣютъ.

При свѣтѣ одинокой свѣчи, вставленной въ дорожный подсвѣчникъ, ужинали. Мѣрный и крупный обложной дождь барабанилъ по тесовой крышѣ. Въ углу протекало. Тамъ лилась тонкая струйка воды и звенѣла съ тихою грустью въ накопившейся лужицѣ.

— Ну что-то Богъ завтра дастъ, — потягиваясь, ска-

залъ Парчевскій, — вѣдь я родился и выросъ здѣсь, Георгій Димитріевичъ. Въ Саперномъ переулкѣ моя Родина. Найду ли я свой домъ?... Какъ странно, странно... «Опять на Родинѣ... Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ отшельникомъ три года незамѣтныхъ». Помните, Георгій Димитріевичъ, у Пушкина... «Здравствуй племя, младое, незнакомое»... Какое-то племя насъ завтра встрѣтитъ?... Боже мой!... Коломяги!... Сколько лѣтъ дѣтьми мы проводили здѣсь на дачѣ. Кажется, вчера выѣхалъ только. И паркъ Орлова Денисова помню съ его озерами и бѣлыми лодками, и дворецъ съ пушками, отнятыми у французовъ въ двѣнадцатомъ году и танцульку съ полукруглой раковиной для музыкантовъ... Кажется, вчера танцевалъ я тамъ съ розовенькими гимназисточками вальсъ и польку... А теперь вотъ ни вальса, ни польки никто и не танцуетъ. И тамъ же подлѣ площадки по кустамъ и лужайкамъ играли мы весело въ «казаки и разбойники».

Ломовъ, разставлявшій койки, прислушался къ тому, что говорилъ Парчевскій, поднялъ голову и сказалъ:

— Въ игрѣ этой, господинъ полковникъ, помните, былъ «домъ» и кто добѣжалъ до дома, того уже и «пятнать» нельзя. Вотъ, и у васъ такой домъ будетъ.

— Да, добѣжать бы только, — съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ Нордековъ. Онъ послѣ выпитаго чая отошелъ немного. — Что же, господа, будемъ ложиться. Утро вечера мудренѣе.

— Штрафъ, господинъ полковникъ, — сказалъ Ломовъ. — Эка вы «господъ» вспомнили. Въ Ленинградѣ-то!

— Вы тоже хороши. «Господинъ полковникъ»!

— Да уже, простите, больно противно «товарищемъ» васъ называть.

— Вотъ какъ обернулось, за каламбуръ можно посчитать. Хорошо, если «господинъ полковникъ» не обидится.

— Ну, полноте, — смутился Ломовъ.

— Такъ кѣмъ же мы будемъ? — зѣвая, сказалъ Парчевскій, стягивавшій съ ногъ сапоги.

— Думаю, какъ придется, — залѣзая въ кожаный мѣшокъ, сказалъ Нордековъ. — И казаками и разбойниками. А пріятно, знаете, устроить и себѣ тоже своего рода экстерриториальность... Совсѣмъ я теперь въ родѣ какого-то совѣтскаго полпреда оказываюсь. Ну-ка, товарищи, суньтесь!

— Боюсь, что погибнуть просто невинные дачники. Пойдутъ по грибы, попадутъ вотъ подъ этакій дождище, кинутся къ ригѣ, а ихъ тутъ Голубовъ своими газами и прихлопнетъ.

— А какъ же иначе, — лѣнивымъ барскимъ голосомъ проговорилъ Нордековъ. — Пустика ихъ сюда!.. Мигомъ донесутъ. Вѣдь одна такая жестянка — онъ показалъ на жестянку съ французскимъ печеньемъ, — къ стѣнкѣ и никакихъ гвоздей!..

— Гдѣ лѣсъ рубятъ — щепки летятъ, — сказалъ спокойно Парчевскій.

— Мы, товарищъ, «капучій» не пустимъ. Зачѣмъ? Увидимъ — дачники, ну и пустимъ «смѣхачъ». Пусть немного посмѣются, а то, говорятъ, здѣсь люди и смѣяться совсѣмъ разучились, — сказалъ Ломовъ.

— Кто у аппарата? — спросилъ Нордековъ.

— До четырехъ часовъ Голубовъ, послѣ я.

— Не проспите?

— Не беспокойтесь, «товарищъ». Я во время полета, почитай, все время спалъ.

— А я никакъ не могъ, — жалобно изъ-подъ одеяла сказалъ Нордековъ. — Меня совсѣмъ укачало. И сейчасъ голова трещить, какъ послѣ большого загула... Ахъ, было времячко, гуливали мы таки на маневрахъ подъ этимъ самымъ Санктъ-Петербургомъ.

— А странно опять вотъ эдакъ заснуть въ ригѣ подъ самымъ Петербургомъ. Точно и правда на маневрахъ. И дождь какой родной! Шумить, миляга. Какое все родное: — Коломяги, а тамъ Шувалово и лѣсъ... Тамъ дальше Парголовскія высоты — Петербургская Швейцарія, Левашово, Токсово и повернуть назадъ — Мурино, Ручьи, Гражданка и Лѣсной... Боже мой, Боже

мой, неужели завтра я увижу эти мѣста? Завтра въ Петербургѣ?... Засну ли я?... Сколько воспоминаній!

— Спокойной ночи, — сказалъ Нордековъ.

— Спокойной ночи, — отвѣтилъ Парчевскій.

Ломовъ погасилъ свѣчу и вышелъ изъ риги. Онъ сталъ подъ краемъ крыши. Ночь была темна. Ни зги не было видно. Кругомъ шумѣлъ холодный, обложной Санктъ-Петербургскій дождь.

ХІ.

Къ утру дождь пересталъ. Серебристый туманъ стлался надъ землею. Едва свѣтало, когда всѣ спавшіе въ ригѣ встали, вернувшійся съ поста Голубовъ сготовилъ чаю, всѣ обрядились въ костюмы для развѣдки.

— Н-да, кавалеры... Въ такихъ на *avenue de l'Opéra* самое мѣсто, — сказалъ, оглядывая свои босые ноги въ опоркахъ, Парчевскій.

— Молодчина все-таки этотъ Дріянскій, здорово обрядилъ насъ, — сказалъ Нордековъ. — Я и бороду, какъ сѣлъ на аэропланъ, такъ и не брилъ. Парчевскій, дай-ка зеркало. Поди, хорошъ.

— Настоящій совѣтскій гражданинъ, буржуемъ ничуть не пахнетъ.

Парчевскій вышелъ изъ риги.

— Какъ странно быть безъ галстука... Глупая привычка. А какъ-то будто неловко.

Онъ потянулъ носомъ.

— Какой воздухъ!.. Не даромъ сказалъ Карамзинъ: — «Родина мила сердцу нашему не мѣстными красотоми, не благодатнымъ климатомъ»...

— Да ужъ климатъ. Селедка пять копѣекъ, — сказалъ Голубовъ.

— Хорошо, товарищъ, кабы такъ. Поди хорошей-то селедки только въ магазинъ для интуристовъ и най-

дешь, а намъ теперь переходи на положеніе лишенцевъ, клади зубы на полку.

Туманъ густѣлъ, садясь на землю. Студеная роса холодила лицо.

Парчевскій провелъ ладонями по щекамъ.

— Роса-то душистая какая! И умываться не надо.

— Что вы, — сказалъ вышедшій изъ риги спеціалистъ по газамъ Дубровниковъ. — Да какой же совѣтскій гражданинъ когда умывается.

— Да привыкать надо къ «тутѣшнимъ» порядкамъ. Это не отель «модернъ» съ проведенной холодной и горячей водой, съ газомъ и электричествомъ. Теперь станемъ жить по Зоценкѣ.

На ихъ глазахъ точно съѣдало туманъ. Онъ осыпался мелкимъ дождикомъ. Наверху вдругъ открылись голубые просторы и брызнуло оттуда золотыми слѣпящими глаза солнечными лучами. Внизу пелена тумана была еще густа и надъ ея поверхностью, точно на сѣромъ, спокойномъ морѣ плыли дачныя крыши, верхушки кудрявыхъ березъ, палисадниковъ и «линій» Коломягъ.

Когда Парчевскій и Нордековъ дошли до деревни, они разстались. У каждого была своя задача, своя явка. По одиночкѣ казалось безопаснѣе, да и если погибнетъ, попадетъ, — попадетъ одинъ, а не два. У каждого на такой случай было въ боковомъ карманѣ механическое вѣчное перо, которымъ ихъ снабдилъ профессоръ Вундерлихъ. Это «стило» было дешеваго, совсѣмъ «совѣтскаго» вида. Оно было сдѣлано по образцамъ, полученнымъ отъ «акціонернаго общества» «Международная книга», фабрики «Союзъ». Въ немъ было сдѣлано особое приспособленіе и, если нажать пружинку, то на того, кто вздумалъ бы арестовать кого-нибудь изъ нихъ, найдетъ, примѣрно, на полчаса столбнякъ, онъ потеряетъ способность соображать что-либо и двигаться. А за полчаса можно быть далеко.

Парчевскій, огибая Удѣльный паркъ, пошелъ по Маріинской улицѣ къ Финляндской желѣзной дорогѣ. Онъ рѣшилъ ѣхать поѣздомъ. Нордековъ бодро шагаль

по Коломяжскому шоссе къ Новой деревнѣ.... Совѣтскія опорки ловко сидѣли на босой ногѣ — хорошо ихъ пригналъ Нифонтъ Ивановичъ на Россійскомъ островѣ, — ноги сами шли. Волненіе бурлило кровь. Все тѣло стало напряженнымъ и сильнымъ, голова работала съ поразительною ясностью.

Маленькія таратайки, запряженные пузатыми съ сѣннымъ брюхомъ чухонскими лошадьми обгоняли Нордекова. Коломяжскія крестьянки везли въ жестяныхъ кувшинахъ молоко въ городъ. Онѣ были такія же какъ ихъ съ дѣтства помчилъ Нордековъ. На тонкихъ и широкихъ дугахъ тихо позванивали колокольчики. Изъ-подъ пестрыхъ потрепанныхъ платковъ сурово смотрѣли загорѣлыя красныя лица.

Нордековъ перешелъ Строгановскій мостъ, пересѣкъ Каменный островъ и вошелъ на улицу «Красныхъ зорь». Нева синѣла и золотыми искорками горѣли ея маленькія волны, поднимавшіяся отъ набѣгавшаго вѣтерка. По рѣкѣ скользили шлюпки. Полуголые молодые люди въ трусикахъ гребли на нихъ мѣрчо и сильно, спортивнымъ, любительскимъ ритмомъ. Надъ рѣкою съ Коломяжскаго аэродрома пролетѣлъ аэропланъ. Первые трамваи — 2-й и 31-й номера обогнали Нордекова. Онъ не рискнулъ сѣсть въ нихъ. Они были биткомъ набиты людьми. Люди стояли на площадкахъ и на ступенькахъ. Городъ просыпался. Совслужащіе спѣшили по мѣстамъ.

Нордековъ шелъ по хорошо зчакому проспекту. Какъ и раньше дома стояли тѣснымъ рядомъ. Кое-гдѣ пооблупилась штукатурка, но окна блестѣли на солнцѣ, и, казалось, за ними былъ тотъ Петербургскій уютъ и тепло, которые такъ любилъ Нордековъ. Сердце щемило воспоминаніями. Здѣсь познакомился онъ съ Лелей Олтабасовой и здѣсь протекла ихъ нѣжная и горячая любовь. По этому проспекту, по этой мостовой, мимо этихъ домовъ, онъ ѣздилъ съ ней на лихачѣ. Онъ вспомнилъ ихъ медовый мѣсяцъ и уютные завтраки на Каменномъ островѣ у Куба-Фелисьена. Да, все это было, но какъ будто и есть. Не такимъ представлялъ себѣ

Петербургъ Нордековъ по эмигрантскимъ газетамъ. Ему казалось, что онъ долженъ идти между разломанныхъ домовъ, съ разбитыми стеклами, по улицамъ пустынно мертвымъ, гдѣ нѣтъ никого и гдѣ изъ-за cadaго угла смотритъ смерть. Ничего этого не было. Городъ жилъ утренней жизнью, какъ жили и другіе европейскіе города. Немного острѣе былъ запахъ помоевъ, грязнѣе троттуары, и на мостовой вѣтеръ сушилъ вчерашнія лужи.

Молодой человѣкъ съ открытымъ улыбающимся лицомъ, въ рубашкѣ безъ галстука, въ пестрыхъ въ полоску штанахъ, съ книгами подъ мышкой, безъ шляпы, стриженный по модѣ, какъ и его Мишель Строговъ стригся, на темени кустъ торчащихъ волосъ и бритые виски шелъ, направляясь прямо на Нордекова.

— Гражданинъ, скажите, какъ пройти на улицу товарища Скороходова?

Нордековъ остановился. Недоумѣніе было на его лицѣ. Студентъ?... Нордековъ привыкъ видѣть студентовъ въ формѣ, быть можетъ, и бѣдно, но опрятно одѣтыхъ, этотъ... Кто онъ? И вспомнилъ — Вузовецъ.

— Можетъ, не знаете, раньше была Большая Монетная?

Нордековъ совсѣмъ смутился. Онъ прекрасно зналъ, гдѣ была Большая Монетная. Пройти еще шаговъ пятьсотъ и проспектъ пересѣчетъ эта улица. Но признать, что онъ знаетъ Большую Монетную и не знаетъ улицы «товарища Скороходова», — показать, что онъ пріѣзжій. Въ каждомъ встрѣчномъ Нордековъ видѣлъ агента Гепеу, шпіона, доносчика. Кто этотъ веселый молодой человѣкъ съ быстрыми насмѣшливыми глазами? Дѣйствительно Вузовецъ, или... Нордековъ уже взялся за стило.

— Не знаю, гражданинъ, не знаю-съ, — быстро сказалъ онъ.

«Приподнимать каскетку или нѣтъ», — мелькнуло въ головѣ. «Провалился... пропалъ... Первый блинъ комомъ», — думалъ онъ и не зналъ, что же дѣлать, но Вузовецъ быстро кинулъ:

— Извиняюсь, — и пошелъ дальше.

«Вотъ она и Большая Монетная, а вѣдь тотъ молодой человѣкъ идетъ въ противоположную сторону. Позвать его?.. Нѣтъ, онъ уже далеко. Чего добраго завяжется разговоръ, ну и влипну»...

На углу стояла желѣзная тумба для окурковъ и бумагъ. Шесть съ вывѣской, гдѣ было написано: — «улица имени тов. Скороходова» и указатель номеровъ домовъ торчалъ сбоку. Совсѣмъ какъ въ Берлинѣ!

Солнце пригрѣвало. Отъ мокрыхъ асфальтовъ поднимался прозрачный паръ. Нордековъ выбрался на Невскій. Здѣсь было чище. Кое-гдѣ яркая раскраска домовъ и громадныя аляповатыя въ кубистическомъ стилѣ наклеенныя афиши на круглыхъ будкахъ рѣзали глаза, но это былъ тотъ же Невскій, какимъ зналъ его Нордековъ. Онъ читалъ вывѣски. «Промбанкъ», «Ленинградскій коммунальный банкъ», «Ленинградское соединенное общество взаимнаго кредита»... Какъ-то не совмѣщалось это съ представленіемъ о государствѣ, гдѣ капиталъ отмѣненъ. Въ окнахъ книжнаго магазина были разложены книги. Нордековъ остановился передъ ними. Надъ магазиномъ была вывѣска: «Рабочее издательство «Прибой». Нордековъ зналъ эти книги. Ястребовъ показывалъ и заставлялъ учить ихъ. «Библіотека для всѣхъ», «Ленинская библіотека», «Коммунистическій Университетъ на дому», «Ленинскій Комсомоль», «Искра»... Все это за зеркальнымъ стекломъ магазина показалось Нордекову особенно внушительнымъ. Нордековъ отошелъ отъ окна и посмотрѣлъ еще разъ на Невскій. Онъ былъ все тотъ же милый, родной Невскій. Такой, какъ былъ во времена воспѣвшихъ его Пушкина и Гоголя. И каланча надъ Думой и вдали, надъ зеленою полосой Александровскаго сада, Адмиралтейская игла съ золотымъ корабликомъ. Панели Пудожскаго камня, асфальтовые троттуары и перевернутый для ремонта торецъ, съ рогатками по сторонамъ. Звонили трамваи. Они неслись цѣлою чередой: 12-й, 23-й, 14-й и 7-й. Все было какъ и прежде.

Нѣтъ, это только такъ казалось. Городъ остался. Дома остались, трамваи остались, но былъ городъ точно

завоеванъ непріятелемъ. Толпа на Невскомъ была не та. Нордековъ долго подбиралъ сравненіе. Точно пожаръ выгналъ на улицу обитателей гостинницы, и они выскочили, кто во что успѣлъ одѣться. Пожилой человѣкъ съ пухлымъ, бритымъ актерскимъ лицомъ шелъ навстрѣчу. На немъ была рубашка, желтоватые, просторные штаны съ помочами и обнаженная лысая голова. Онъ шелъ медленно. Его костюмъ не стѣснялъ. Какъ не стѣснялъ онъ никого здѣсь. Блузки, небрежно подоткнутыя подъ юбки, короткія платья, мало кто изъ женщинъ былъ въ чулкахъ, мало кто въ шляпкѣ, какъ и мужчины — большинство безъ шляпъ. Во всѣхъ какое-то «опрошеніе», какое-то «наплевательство» надъ костюмомъ и модой и будто вызовъ самимъ приличіямъ. Бѣдность? Нѣтъ, не только бѣдность, но и умыселъ. И такъ это было странно видѣть въ Державномъ, всегда такомъ подтянутомъ Петербургѣ!

Встрѣчались и красноармейцы и, должно быть, курсанты. Они казались щеголевато и хорошо одѣтыми. Но когда взглянулъ въ нихъ Нордековъ, онъ понялъ, что они только к а з а л и с ь хорошо одѣтыми, казались на фонѣ этой грязной и бѣдной толпы. Ихъ смятые фуражки съ небрежно пришпиленной красной звѣздой, ихъ шаровары съ уродливыми «бриджами», пузатыми на короткихъ нестройныхъ ногахъ, ихъ плохо одернутыя рубашки и грубый ремень: все это было низко-сортное и отнюдь не щегольское.

Вдали, какъ видѣніе прошлаго, какъ призракъ стараго Петербурга, шла старуха. На ней была большая старомодная черная шляпа, длинная юбка спускалась до самыхъ носковъ. Тонкій, горбатый носъ на блѣдномъ, цвѣта слоновой кости лицѣ заострился, какъ у мертвеца, голодные складки легли вдоль щекъ. По нимъ шли нездоровыя коричневые пятна... Человѣкъ, несшій передъ нею корзину сливъ, обронилъ одну и она упала въ грязь и разбилась. Старуха быстро оглянулась и, хищнымъ движеніемъ нагнувшись, подобрала и спрятала сливу въ рукавъ. Дѣвушки съ молодыми людьми увидали ея движеніе. Они злобно покосились на старуху, ос-

калили молодые крѣпкіе зубы и скуластая дѣвица съ гадкой усмѣшкой крикнула на всю улицу:

— Поди изъ графьевъ какихъ!... Барыня была!... Побируха старая!..

Вся компанія захохотала.

Ее, этотъ призракъ стараго, умершаго Петербурга они только терпѣли. Они — завоеватели!... Строители новой, прекрасной жизни!

Нордековъ вспомнилъ, какъ однажды сказалъ его сынъ, Шура, его тещѣ, что людей старше шестидесяти лѣтъ надо усыплять... Эту не усыпили... Ей дали жить... Но... какъ!!.

Холодные струи побѣжали по спинѣ Нордекова. Стало страшно. Онъ ускорилъ шаги. Думскіе часы показывали приближеніе часа, когда еще на Россійскомъ острову было условлено свиданіе съ мѣстнымъ «братомъ Русской Правды»...

ХП.

Было воскресенье. Въ церкви, куда вошелъ Нордековъ, шла литургія. И тутъ было не то, чего ожидалъ Нордековъ. Церковь не была полна. Она не «ломилась» отъ молящихся, но она и не была пуста. И не были въ ней только старики и старухи. Много было и молодежи, Вузовскаго и рабочаго вида. Стройно и хорошо пѣлъ маленькій хоръ изъ восьми человекъ. Старый священникъ служилъ съ умиленною вѣрою.

Обѣдня приходила къ концу. Причетникъ вынесъ маленькую скамеечку — будетъ колѣнопреклоненная молитва. Кто опустился на колѣни, кто остался стоять. Нордековъ не преклонилъ колѣнъ: — такъ легче оглядѣть прихожанъ.

На священникъ старая, очень потертыя ризы. Онъ съ большими страдающими, изступленными глазами, не-

ровной торопливой походкой прошелъ на середину храма.

— «О, премилосердный, всеильный и челоуѣколюбивѣйшій Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, Церкви Зиждителю и Хранителю», — началъ онъ въ мертвой молитвенной тишинѣ храма. Чуть раздалися вздохи и кто то едва слышно всхлипнулъ.

— «Воззри благосерднымъ окомъ Твоимъ на сію люто обуреваемую напастей бурею.

«Ты бо реклъ еси, Господи: «Созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ Ю».

Нордековъ чувствовалъ старый, такъ привычный «церковный» запахъ кругомъ. Этому запаху воска, лампаднаго масла и ладана — вѣка. Онъ вошелъ и впитался въ самыя стѣны. Онъ точно отѣнялъ и усиливалъ слова, такъ сильно звучавшія на славянскомъ языкѣ и по старинному говорившія о близкомъ, сегодняшнемъ.

— «Помяни обѣщаніе Твое не ложное: — «Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка», — со знойною, страстною вѣрою выкрикнулъ священникъ.

«Буди съ нами неотступно, буди намъ милостивъ, — молитъ Тя многострадальная Церковь Твоя, — укрѣпи насъ въ правотѣри и любви къ Тебѣ, благодатию и любовію Твоею заблуждающіе обрати, отступльшіе вразуми, ожесточенные умягчи.

«Подаждь, Господи, во власти сущимъ разумъ и страхъ Божій и вложи въ сердца ихъ благая и мирная о Церкви Твоей.

«Всякое развращеніе и жизнь, несогласную христіанскому благочестію, направи. Сотвори, да вси свято и непорочно проживемъ, и тако спасательная вѣра укоренится и плодоносна въ сердцахъ нашихъ пребудетъ.

«Не отврати Лица Твоего отъ насъ, не до конца гнѣвающийся Господи. Воздаждь намъ радость спасенія Твоего.

«Всяку нужду и скорбь людей Твоихъ, огради насъ всемогущею силою Твоею отъ напастей, гоненій, изгнаній, заключеній и озлобленій, да Тобою спасаеми, достигнемъ пристанища Твоего небеснаго и тамо съ Лики

чистѣйшихъ небесныхъ силъ прославимъ Тебѣ, Господа и Спасителя Нашего со Отцомъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ»...

Во время чтенія этой новой и показавшейся Нордекову необычайно смѣлой молитвы, онъ разсмотрѣлъ пожилого человѣка, стоявшаго у иконы Божіей Матери на колѣняхъ. Онъ былъ въ свѣтлыхъ штанахъ, въ темной рубашкѣ и башмакахъ на босу ногу. Такъ онъ и былъ описанъ Ястребовымъ на Россійскомъ острову.

Священникъ вышелъ читать заамвонную молитву. Молящіеся начинали выходить. Нордековъ подошелъ къ образу Божіей Матери и опустилсѣ на колѣни подлѣ человѣка въ темной рубашкѣ. Тотъ искоса взглянулъ на Нордекова и согнулся въ земномъ поклонѣ. Въ тотъ же мигъ изъ за ворота его рубашки выскочилъ небольшой темный крестъ. Нордековъ успѣлъ увидѣть — «братскій крестъ». Незнакомецъ поспѣшно спряталъ его за пазуху.

Все шло, какъ по писанному. Это ободрило Нордекова. Онъ нагнулся къ полу и прошепталъ:

— Коммунизмъ умереть — Россія не умереть.

Незнакомецъ не дрогнулъ, что называется «и ухомъ не повелъ». Онъ сталъ еще сильнѣе креститься и съ страстнымъ надрывомъ, истово, склоняясь въ земномъ поклонѣ, въ молитвенномъ экстазѣ довольно громко сказалъ:

— Господи, спаси Россію!

И сейчасъ же, не глядя на Нордекова всталъ съ колѣнъ и пошелъ изъ церкви. Нордековъ пошелъ за нимъ. Онъ нагналъ его на улицѣ идущимъ съ низко опущенной головой. Они свернули въ переулокъ. Тутъ было безлюдно. Человѣкъ въ темной рубашкѣ повернулся лицомъ къ Нордекову и быстро и нервно бросилъ:

— Давайте!

Нордековъ подаль ему отрѣзокъ игральной карты съ кривымъ завиткомъ. Незнакомецъ сличилъ его съ достаннымъ имъ изъ кармана другимъ отрѣзкомъ карты, облегченно вздохнулъ и сказалъ:

— Пойдемте вмѣстѣ. Только не въ ногу. Вы идите своимъ шагомъ... Я пойду частымъ. И пока молчите.

Такъ прошли они долго, избѣгая большихъ улицъ, и вышли, наконецъ, на набережную Невы. У гранитной скамьи на полукругломъ выступѣ, гдѣ никого не было и вообще мѣсто было тихое незнакомецъ предложилъ Нордекову сѣсть.

— Не устали? Мы то привыкли ходить. Бѣгунами сдѣлались. Ничего что на камнѣ?... Говорятъ не хорошо, да мѣсто за то тихое. И мильтонъ далеко.

Передъ ними были запущенныя зданія большихъ дворцовъ. Сзади тихо плескала Нева. Свѣжій вѣтерокъ набѣгалъ съ моря. Чѣмъ то роднымъ и милымъ вѣяло отъ него Нордекову. Вдали немолчно шумѣлъ и греготалъ городъ... Родной городъ Санктъ-Петербургъ, или хужой — Ленинградъ?

ХІІІ.

— Ну что, посмотрѣли нашу столицу?... Прекрасную нашу Сѣверную Пальмиру, — началъ незнакомецъ. — Уже маленькаго, поверхностнаго взгляда достаточно, — вы вѣдь не интуристъ, — сами Петербуржцы, такъ поймете что это такое!... Сумасшедшій домъ!... Въ немъ еще кое-гдѣ бродятъ призраки... Тѣни прошлаго... Ихъ мало... Этого прошлаго, какъ огня боятся... Его — не было. Понимаете, ни Николая Второго, ни Александровъ, ни Екатерины какъ бы не существовало. Они только Петра I кое какъ допускаютъ. Они его революционеромъ считаютъ, тоже въ родѣ какъ бы большевикомъ. А впрочемъ вообще то у нихъ исторія съ «октября» начинается. «Рысыфысыры», а потомъ эти самые совѣты. Больше ничего. Какъ поется у насъ: — «во и во, ну и больше ничево»... Такъ имъ старики то эти самые вотъ какъ еще опасны. Они помнятъ, а помнитъ теперь запрещено. У насъ — молодежь. Она ничего не знаетъ, ничего не видала. Тѣ, кому было три года, когда пришла эта самая совѣтская власть. Вотъ эти то и есть самые ихъ горячіе поклонники. Что они видали?

Они, какъ прозрѣли — увидали себя въ совѣтской школѣ второй ступени. Они учились въ холодныхъ классахъ, гдѣ замерзали чернила, учились безъ пособій, учебниковъ, безъ тетрадей, часто безъ карандашей. Въ молодые годы я бывалъ въ Китаѣ. Я видалъ тамъ такія же школы. Голодные китайчата въ холодной фанзѣ хоромъ повторяли за учителемъ какія то фразы... Такъ вотъ тогда это въ Китаѣ было нормально и никого не удивляло. Здѣсь это удивляетъ только насъ, старыхъ людей, — молодымъ это такъ же нормально, какъ китайцамъ нормальной казалась ихъ холодная школа. Поэтому Вуз'ы... Голодное и холодное существованіе въ уплотненныхъ квартирахъ, или еще того хуже въ общежитіяхъ. Это, гражданинъ, каторга. Принудительно жить въ тѣснотѣ, валяться на однихъ постеляхъ съ людьми, съ которыми ничего общаго не имѣешь — это же, повторяю, самая жестокая каторга. Притомъ самая лютая классовая ненависть между ними. Молодые люди и дѣвушки живутъ вмѣстѣ, любовь, ревность, страсть выкинуты изъ ихъ обихода — буржуазные предрасудки!... Одинъ «актъ», или, какъ съ жестокимъ остроуміемъ, съ каторжнымъ остроуміемъ, сказалъ нашъ совѣтскій писатель: — «стаканъ воды»... Адъ!

— Какъ должны въ этомъ аду ненавидѣть большевиковъ, — сказалъ тихимъ голосомъ Нордековъ.

— Вы думаете? — незнакомецъ прищурилъ глаза и острымъ, неприятнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Нордекова. — У васъ сигареты навѣрно имѣются?... Поди еще и съ заграничнымъ табачкомъ... Угостите по přátельски. А то мнѣ эти наши «Тракторы», «Совѣты» да «Пушки» 25 штукъ — сорокъ копѣекъ до тошноты надоѣли. Только горло дерутъ... А когда то славились табачкомъ, между прочимъ... Богдановскія, Месаксуды... Да было! Было же!

Онъ долго и со вкусомъ раскуривалъ предложенную Нордековымъ папиросу, потомъ продолжалъ съ жуткимъ спокойствіемъ, такъ не отвѣчавшимъ смыслу его рѣчи.

— Ненавидятъ всякую власть. И чѣмъ благороднѣе, выше, доступнѣе, скажемъ — красивѣе она, — тѣмъ

болѣе лютой ненавистью ее ненавидятъ. Нашего прекраснаго Государя Императора, которому клялись въ «безпредѣльной преданности», котораго «обожали» — умѣли еще и какъ! ненавидѣть... Охотились за нимъ.

— Особые люди. Не тѣ, кто обожалъ его.

— Нѣтъ, гражданинъ, тѣ же самые люди. Потому что онъ — власть! Потому что онъ — Государь... Вотъ поэтому онъ слишкомъ двѣсти лѣтъ взялъ подъ подозрѣніе и облѣпленъ самою гнусною клеветой... Что, — вскрикнулъ незнакомецъ, — точно боялся, что Нордековъ возразитъ ему, — неправда?!... Кто всякія гнусности писалъ и съ кафедры говорилъ про Домъ Романовыхъ?... Профессора, историки, публицисты, адвокаты... Эти «безпредѣльно преданные» благоговѣли передъ Герценомъ, Крапоткинымъ, Чернышевскимъ... Самые лучшіе наши поэты и писатели не прочь были изъ подъ полы написать гадкіе стишки, сказать гнусность!... А вѣдь ядъ то ея остается. Сто съ лишнимъ лѣтъ благоговѣли передъ мужикомъ, ходили въ народъ... На демократію молились. Соціализмомъ смѣнили христіанство. Вспахали и удобрили ниву и бросили въ нее сѣмена. Теперь — собирайте урожай... Наша молодежь свою совѣтскую власть обожаетъ. Тоже — «безпредѣльно ей предана». Молодежь воспитана въ слѣпотѣ и она слѣпа. Что говорить слѣпорожденному о красотѣ природы и объ игрѣ красокъ на солнечномъ лучѣ — онъ не пойметъ вашихъ восторговъ...

Незнакомецъ притушилъ папиросу о гранитный паплетъ набережной и послѣ нѣкотораго молчанія тихо и очень сердечно сказалъ:

— Вы присланы, чтобы поднять здѣсь возстаніе... Вывести народъ на улицу...

Нордековъ не отвѣчалъ.

— Я понимаю ваше молчаніе... Цѣню его... И крестъ Братскій вы на мнѣ видали... За этотъ крестъ, если найдутъ — разстрѣливаютъ... И отрѣзокъ карты я вамъ предъявилъ и все со мною вышло, какъ вамъ сказали тамъ, гдѣ дали явку на меня, а вы все не вѣрите. Правильно... Что жъ и я бы такъ же поступилъ... Здѣсь самому себѣ иной разъ не вѣришь... А вдругъ встанешь,

да и пойдешь самъ на себя доносить, потому что надоѣстъ скрываться.

— Нѣтъ, помилуйте... Отчего же, — какъ то смущенно заговорилъ Нордековъ. — Но, согласитесь, вашъ вопросъ... Здѣсь... Меня прямо огородшилъ...

— Ахъ да... Милътонъ недалеко... И Гороховая, не за горами... А гдѣ же говорить то?... Возстаніе?... Вы хотите заставить потечь рѣку снова по тому же руслу. Студенты, массовки... Рабочіе, митинги!... Армія, безпорядки... И надъ всѣмъ, какъ руководитель — интеллигенція!... Либералы, народовольцы, нигилисты, социалисты, большевики!... Н-да... Задача. Прежде всего интеллигенціи — нѣтъ... Была, да вся вышла. Выведена въ расходъ... Съ «бѣлой» арміей ушла за границу, убита, забита, загнана въ тар-тарары. А кто остался изъ этихъ «соціалистовъ», пошелъ съ ними. И какъ было ему не пойти? Онъ воспитывался въ ненависти и презрѣніи къ религіи — большевики ему дали воинствующее безбожіе. Онъ ненавидѣлъ Императорскую власть — ему преподнесли такую ненависть, какая ему и не снилась въ самыя злыя минуты его жизни. Онъ презиралъ и не любилъ Россію, ну такъ вотъ ея нѣтъ, вы понимаете, это выдумать надо: — нѣтъ Россіи!... Слышите, ни Россіи, ни Русскихъ нѣтъ, есть — Совѣты и есть совѣтскіе... Какъ же этимъ то такую власть не обожать? У насъ не только совѣтскій патріотизмъ, у насъ самый махровый совѣтскій шовинизмъ...

— А кровь?... Какъ же они, въ большинствѣ Толстовцы и непротивленцы, переварили всю большевистскую кровь, — сказалъ съ убѣдительною силою Нордековъ.

— Ахъ, кровь?... Но ему давно вдолбили въ голову, что при Царскомъ правительствѣ въ сто разъ было больше крови, разстрѣловъ, пытокъ, казней и мученій, въ сто разъ больше крови лилось. Открыли архивы и доказали, понимаете, доказали, что это такъ... Не забудьте, что тутъ такая ложь, такая клевета, какой и самъ чортъ не придумаетъ. И голодъ и нищета при «Царизмѣ» были въ сто разъ хуже!... Попробуйте сказать, что это неправда. Кто скажетъ?... Все боится, все «без-

предѣльно предано»... Въ прежнее время все начиналось со студента. Кажется это въ «Бѣсахъ» я читалъ, какъ «отъ Москвы и до Ташкента вся Россія ждетъ студента». Вы были студентомъ?

— Не имѣлъ такой чести.

— Значить изъ юнкеровъ, военщина... Ну, можетъ быть, слыхали и вы. Тогда... Землячества и сходки... Стаканы съ чаемъ и съ пивомъ. Стриженные курсистки, теперь этимъ не удивишь никого, а тогда стриженная дѣвка была пугало... И пѣсни... Чего чего только не пѣли мы. И «Дубинушку», и «Солнце всходитъ и заходитъ», «Нагаечку», «Варшавянку» и про Байкаль и этотъ самый «Интернаціональ», будь онъ трижды проклятъ, орали съ дикимъ восторгомъ. «Вставай проклятемъ заклеймленный»... Въ облакахъ сквернаго табачнаго дыма, въ запахѣ пива и водки и это звучало прямо великолѣпно. И представьте ни мало не боялись дворниковъ, и «шпиковъ». Море по колѣно... Устраивали сходки въ стѣнахъ самого университета. Университетъ автономенъ! Подъ прикрытіемъ ректоровъ, профессоровъ и декановъ разбодили такую революцію, что дальше идти некуда... И уже развѣ слишкомъ разоремся: — «долой самодержавіе», придетъ полиція и мирно заберетъ всѣхъ въ манежъ для разборки... Ну вышлютъ кого въ мѣста не столь отдаленныя, такъ вѣдь за то — какіе герои!... Вотъ эти то студенты, наэлектризованные сходками, массовками, рѣчами и пѣснями шли на фабрики и вели рабочія толпы на улицы... Такъ вотъ этого студента больше нѣтъ. Который былъ, того угробили. Въмѣсто него — Вуз'овецъ...

Нордековъ слушалъ и думалъ, что все это онъ зналъ и раньше изъ лекцій Ястребова и Субботина, все это онъ читалъ и въ эмигрантскихъ газетахъ, но какъ то совсѣмъ это по иному звучало здѣсь, на набережной Невы, когда только что онъ своими глазами видалъ и говорилъ съ этимъ самымъ Вуз'овцемъ. Все было значительнѣе и грознѣе. Онъ волновался предстоящей ему задачей, онъ не зналъ, какъ ему къ ней приступить, онъ ожидалъ, что тотъ, кто долженъ посвятить его въ работу его ободрить, а онъ, вонъ какія рѣчи заговорилъ!

Незнакомецъ продолжалъ, понизивъ голосъ.

— Вотъ мы съ вами, по костюму и по всему, — ну пролетаріи, а, можетъ быть, просто лишенцы какіенибудь, чтобы поговорить должны сидѣть на вольномъ воздухѣ, ибо въ домахъ стѣны слышать и стѣны доносятъ, а какъ же хотите, чтобы они то собрали такую массовку, такую сходку, какія собирались при «проклятомъ Царизмѣ» подъ жесточайшимъ полицейскимъ гнетомъ? И мы говоримъ съ вами и боимся, боимся, боимся, а вдругъ какойнибудь проклятый ершъ въ Невѣ да слушаетъ наши заговорныя рѣчи и поплыветъ и донесетъ. Такъ какъ же вы хотите, чтобы совѣтскій то Вузъ-овецъ устроилъ собесѣдованіе, ну хоть съ вами?... Гдѣ?... На совѣтской уплотненной квартирѣ, гдѣ сидятъ такіе «хамусъ вульгарисъ», при которыхъ ни о чемъ говорить нельзя?... Соберите теперешнихъ студентовъ, да никто и рта при нихъ не откроетъ, ибо никто не знаетъ, который изъ товарищей служить «сексотомъ» у Гепеу. Какъ вы настроите толпу пѣснями, когда мы и пѣсень то никакихъ не знаемъ? Не «Боже Царя храни» намъ пѣть?... Надо еще эти то свои героическія, душу поднимающія пѣсни создать.

— А частушки? — сказалъ Нордековъ, — въ нихъ такъ много ироніи и насмѣшки надъ большевиками.

— Да ироніи и насмѣшки, только больше надъ самими собою, чѣмъ надъ большевиками. И плаксивости русской въ нихъ тоже не мало. Самый задоръ то ихъ какой то жалующійся... Нѣтъ, не это намъ надо. Нужна пѣсня героическая, чтобы сама на бой толкала, чтобы на улицу звала, чтобы въ ней и барабанный бой и звуки трубъ слышались, такой пѣсни нѣтъ у насъ... Не поютъ, да и не смѣютъ пѣть. Ну, скажемъ, и соберутся наши вузовцы, такъ они то несчастные никогда не знаютъ кто донесетъ, но всегда знаютъ, что кто-то донесетъ навѣрно. Не запоешь при такихъ условіяхъ героической пѣсни. Хожденіе въ народъ?... Да, поиди, — угрожать за милую душу... Повсюду комсомольцы, повсюду сель-коры — безъ лести преданные официальные доносчики... Нѣтъ не рассчитывайте на нынѣшняго студента. Не негодуйте на него, что онъ не бунтуетъ.

Онъ не виноватъ. Онъ воспитанъ въ «китайской» холодной школѣ, затвердилъ Ленинизмъ и въ Ленинизмъ эгомъ вся его религія. Онъ тупъ и необразованъ. Мертвой хваткой хватился онъ за скудную науку, которую ему преподносятъ замерзающіе профессора, дрожащіе за свою шкуру и съ упорствомъ тупицы лѣзетъ въ люди. Стараются стать «выдвиженцемъ». Звѣринымъ инстинктомъ понимаетъ онъ, что знанія его ничтожны, что онъ дуракъ и невѣжда и что дорога ему открыта только при совѣтской власти. Только при ней подхалимствомъ и доносами можетъ онъ и со своимъ скуднымъ багажомъ чего то достигнуть. Онъ понимаетъ, что всяческіе «уклоны» вредны и опасны, надо быть стопроцентнымъ коммунистомъ и тогда: — качай! валяй!... Такъ, какъ же заставите вы Вузовца кричать: — «долой совѣтскую власть». Она для него все. Въ ней его карьера, его будущее... А что касается до чувства справедливости, свойственного молодежи, ахъ, оставьте, пожалуйста, давно это стало буржуазнымъ предразсудкомъ. Можетъ быть, въ какой нибудь другой молодежи оно и есть, у насъ — «ударники» — то есть безъ лести присданные совѣтской власти, вотъ кто царить надъ умами...

Незнакомецъ поежилъ плечами, протянулъ руку, прося у Нордекова папироску и, закуривая ее, сказалъ:

— Знаете что... Мы что то все сидимъ на одномъ мѣстѣ и бесѣда наша подозрительно долга. Мильтонъ второй разъ идетъ мимо насъ. Простимся безъ лапанія, это здѣсь не принято и разойдемся. Пройдемте въ «садъ трудящихся»... Чувствуете всю глубину чисто Уэлльсовской сентиментальной пошлости названій нашихъ: «садъ трудящихся» — улица «красныхъ зорь», а, каково! Пошлѣе ничего не придумаешь, а нашимъ швейкамъ и пишмашкамъ очень даже нравится. Какъ же хотите вы повернуть опять къ старому Державному Санктъ-Петербургу, къ блистательному Граду святого Петра, къ временамъ Екатерины, Александровъ и Николаевъ, къ Растрелли и Ворониныхъ, къ Эрмитажамъ и Этюпамъ... Это уже Ленинградъ — и навсегда... Итакъ въ «саду трудящихся» вы найдете меня у памятника Пржевальскому, знаете, гдѣ у гранитной скалы лежитъ навьюченный

верблюды, а наверху генеральскій бюстъ генеральской работы генерала Бильдерлинга... Ну-съ... Съ коммунистическимъ привѣтомъ!... Пока!...

Незнакомецъ всталъ и пошелъ, широко разворачивая носки своихъ старыхъ кожаныхъ туфель и чуть раскачиваясь. Онъ шелъ самой безпечной походкой. На всей его фигурѣ было написано, что ему самъ чортъ не братъ и что онъ въ этомъ самомъ Ленинградѣ подлѣ мильтоновъ и чекистовъ чувствуетъ себя прекрасно. Нордековъ подождалъ немного и, перейдя набережную, вошелъ въ Александровскій садъ.

XIV.

Какъ все здѣсь напомнило ему его дѣтство! Такъ же какъ и тогда плѣнительный ароматъ кустовъ, скошенной травы и цвѣтовъ, свѣжесть испаряющейся росы, запахъ старыхъ цвѣтущихъ липъ встрѣтилъ Нордекова въ «саду трудящихся». За рѣшеткой и густою зарослью кустовъ звонили трамваи, изрѣдка, дребезжа разбитыми рессорами, проносился автомобиль такси, и издали, съ площади грубымъ нечеловѣческимъ голосомъ объявлялъ что то громкоговоритель... Гуляющихъ было мало. Часъ былъ обѣденный. Только дѣти играли недалеко отъ памятника. Надъ кустами въ просвѣтѣ площади высились купола Исаакіевскаго собора. Ихъ тусклое, облѣзлое золото такъ много говорило сердцу Нордекова.

Незнакомецъ издали увидалъ Нордекова. Онъ всталъ со скамьи, гдѣ усѣлся въ ожиданіи, пошелъ навстрѣчу полковнику, взялъ его подъ руку и зашепталъ на ухо:

— Надо отдать справедливость, васъ тамъ удивительно одѣли и загримировали. Васъ выдаютъ только глаза.

— А что въ нихъ? — не безъ тревоги спросилъ Нордековъ.

— Очень они у васъ живые и въ тоже время спокойные. Тутъ или мертвые, какъ у уснувшей рыбы, или горящие сумасшедшимъ огнемъ, полные революціоннаго пафоса. Середины и, главное, спокойствія нѣтъ. Или комсомольскій сумасшедшій экстазъ и восторгъ, или унылая голодная напряженность безпартійнаго. Сядемъ здѣсь... Какая тишина!... Никого кругомъ. Развѣ только воробыи донесутъ на насъ... Не безпокойтесь и они съумѣютъ это сдѣлать... Вотъ эта то тишина и кажущееся безлюдье и обманываютъ иностранныхъ посѣтителей Ленинграда. Отсюда и идетъ легенда о мертвомъ и пустомъ Петербургѣ... Ничего не пустой... Жизнь бьется и клокочетъ въ немъ. Не та, конечно, жизнь, къ какой мы съ вами привыкли... Жизнь молодая... Людей страшно сказать: б у д у щ а г о!... Этихъ свѣтлыхъ строителей райской жизни, какая настанетъ, когда удастся «пятилѣтка». Случалось вамъ бывать раннею весною въ заброшенномъ лѣсу? Оранжевые папоротники покрыли его. Все мертво подъ ними. Ихъ переплеть сломанныхъ вѣтвей и старыхъ почернѣвшихъ листьевъ, кажется, все заглушилъ. И ничего здѣсь не будетъ больше во вѣки вѣковъ. А зайдите черезъ нѣсколько дней. Какая буйная, густая поросль новыхъ побѣговъ вытѣснила стариковъ. Все кругомъ зелено и лишь кое гдѣ на самой землѣ вы можете найти черные остатки прошлогоднихъ папоротниковъ. Смерти въ природѣ нѣтъ — есть вѣчное торжество и побѣда жизни надъ смертью, «еще не умереть — не оживетъ». Жизнь торжествуетъ черезъ смерть и черезъ убійство. Старога рабочаго, что съ тоскою въ сердцѣ ждалъ, какъ и чему его научить студентъ вы не найдете на заводахъ. Новый никого не станетъ слушать. Онъ объѣлся «политграмотой» и у него нѣтъ охоты слушать чьихъ бы то ни было рѣчей. Да и зачѣмъ? Теперѣ самое разрѣшенное и есть самое запрещенное. Смачная ругань противъ Бога и религіи, порнографія ничѣмъ не прикрытая — вотъ что дала ему власть... И... спортъ... Есть отъ чего съума спятить. Глаза на лобъ лѣзутъ отъ всей этой жизни, гдѣ нѣтъ ни минуты покоя.

— Но онъ рабъ.

— Какъ сказать... Да, конечно, больше чѣмъ рабъ.

Но онъ этого не понимаетъ. Ему некогда надъ этимъ задуматься. Напротивъ онъ опьяненъ свободой. Это не парадоксъ... Непрерывка... Пятидневка... Онъ строитель «пятилѣтки». Поэты въ его честь слагаютъ стихи, такіе сумасшедшіе, что и понять ихъ нельзя. Ясно одно: — въ е г о честь. Онъ герой. Онъ хозяинъ. Лестъ... Ахъ чего только не сдѣлаетъ лестъ. Да еще на такія свѣжія нетронутыя дрожжи... Посмотрите, что дѣлается лѣтомъ на пригородныхъ дорогахъ, и не въ праздникъ, праздниковъ нѣтъ, а благодаря пятидневкамъ и непрерывкамъ каждый день! Толпа, давка. Все стремится за городъ, какъ бывало мы, Петербуржцы, говорили:— «ins grüne». Парки и сады, дворцы и затѣи Петергофа, «Детскаго» села, Стрѣльны, Ораніенбаума, Гатчины открыты для этой шумной толпы. Все больше молодежь, ничего не знающая, ничего не выдавшая. Она врывается въ Императорскія спальни, въ молельни, пялитъ глаза на семейныя, намоленные иконы и слушаетъ объясненія. Ей говорятъ: — «васъ никогда и близко сюда не пускали. Тутъ стояли часовые, стража, васъ какъ собакъ шелудивыхъ гоняли отсюда — теперь это ваше — народное, потому что народъ взялъ въ свои руки власть, потому что вы и есть власть». «На этомъ столѣ такой то Императоръ подписалъ такіе то смертные приговоры. Здѣсь пытали декабристовъ, здѣсь мучили Русскій народъ». И толпа вѣритъ, ибо что она знаетъ? Въ паркахъ на зеленыхъ газонахъ развеселая «пьянка». На берегу залива полно голыхъ тѣлъ. Мужчины и женщины купаются въ пережку. «Долой стыдъ»!... То, что раньше блудливо подглядывали въ щели женскихъ купалень — открыто теперь для общаго обозрѣнія. Какія словечки, какія соленыя шутки, какіе шлепки по голому тѣлу, какой звѣриный хохотъ вы услышите здѣсь! Какіе поцѣлуи!... Не хватаетъ кустовъ укрывать то, что должно быть укрыто. Звѣриный бытъ, звѣриная жизнь, но и звѣриная тоже радость... Уханье, визгъ, вопли, крики, пьяная ругань — ничего святого, ничего чистаго — подлинный адъ... А нравится... Свобода!... Повсюду устроены стадіоны, физ-культура процвѣтаетъ. Рабочихъ обучаютъ гимнастикѣ, легкой атлетикѣ, молодежь увлечена фут-

боломъ. Устраиваютъ матчи и состязанія. И, если это въ солнечный день, — подлинное счастье у этихъ людси. Имъ сказано — и они этому крѣпко повѣрили — придетъ другая власть, она все это отъ нихъ отберетъ... Рабскій трудъ... но и какой скверный, съ постоянными прогромами, со штрафными листами и съ такою небрежностью во всемъ, что иностранные инженеры только руками разводять. Наше бывшее «кое какъ» возведено теперь въ кубъ что ли?... И тутъ же поощренія, красныя знамена, ордена имени Ленина — это не медали съ Царскимъ портретомъ — это дается всѣмъ, коллективу, это празднуется и это цѣнится... Пишутъ въ газетахъ, восхваляютъ въ стихахъ. Мы когда то смѣялись надъ Третьяковскимъ — «придворный пѣнта». Теперь Демьяны Бѣдные, Маяковскіе, Есенины, и прочая полуграмотная дрянь льстятъ, какъ никакой придворный льстецъ и льстить то не посмѣлъ бы — народъ все сожретъ!.. Такъ чѣмъ же, какими посулами вы свернете рабочего отъ такой жизни? Европейская, а болѣе того, христіанская мораль съ ея воздержаніемъ и постами покажется ему самыми тяжкими цѣпями. Совѣсть?... Да онъ выросъ безъ совѣсти. Да, бываетъ... Находить иногда раздумье, сомнѣніе, больше на дѣвушекъ... И стрѣляются и топятъ и вѣшаютъ отъ тоски лютой. Ихъ не жалѣютъ. Самоубійство не въ фаворѣ. Оно показываетъ слабость духа, а новый челсвѣкъ долженъ быть силенъ. Самоубійцы презираютъ. Жизнь молодежи несется какою то бѣшеною сарабандой. Только поспѣвай. Всегда на людяхъ. Все общественное, вездѣ толпа. Въ столовыхъ, въ уборныхъ, всюду стадомъ, всюду вмѣстѣ. Никогда наединѣ. И вездѣ доносчики. На заводѣ, на службѣ, въ комиссаріатѣ, въ очередяхъ у лавки, на партійномъ собраніи, въ народномъ университетѣ, въ танцулькѣ, на спортивной площадкѣ, въ киношкѣ, въ театрѣ, въ бардакѣ... Вездѣ толпа... Подлинно пиръ Валтасара!

— Какой тамъ пиръ, — вставилъ Нордековъ. — Голодные люди.

— Они къ этому привыкли. Врачи ихъ убѣдили, что ѣсть много вредно. И нашимъ, какъ китайцамъ — щепотка риса и довольно. Голодный паекъ. Они вѣдь съ

дѣтства ничего другого и не видали, такъ что имъ! Это мы обѣдъ менѣ чѣмъ изъ трехъ блюдъ и въ обѣдъ не считасмъ. Имъ съ утра и до вечера твердятъ о лютомъ голодѣ заграницей.

— Ну ужъ!...

— Подите вы, такъ увѣрили. Всѣ думаютъ, что провизію и заграницей получаютъ по квиткамъ, вездѣ пухнуть отъ голода.

— Полноте, какъ можно этому повѣрить?

— Я старый уже человѣкъ и въ свое время живавшій заграницей, а, порою, и я колеблюсь. Всѣ уши намъ этимъ прожужжали... Нѣтъ, бросьте, рабочаго вы никакъ не свернете... «Наша власть» — затвердилъ это и знать ничего не хочетъ. Вѣрить въ пятилѣтку и въ грядущій рай. Онъ вѣритъ въ то, что Совѣты покорятъ весь міръ, что вездѣ будетъ третій интернаціоналъ. Это религія и какая сильная!... Онъ готовъ и на войну за это... Однако, знаете что, перемѣстимтесь опять, а то и правда воробыи на насъ донесутъ... Вы Петроградъ хорошо знаете?

— Прекрасно... Я въ немъ родился и выросъ. Да и служилъ почти всегда въ немъ.

— Ну многого теперь и не узнаете. Одно разрушено, другое настроено. Одни прекрасные памятники сняты, другіе омерзительные наставлены. Стало больше садовъ. Цвѣтниками пустыри позасаживали, дѣтскихъ площадокъ понадѣлали. Въ носъ, знаете, шибаетъ — вотъ она, смотрите, какая у насъ культура... Любимое слово, между прочимъ, у нашихъ дикарей. Водопроводы не дѣйствуютъ, на дворъ за нуждою бѣгаютъ, какъ при царѣ Горохѣ, электричество то и дѣло пошаливаетъ, а левкоевъ и флоксовъ на пустопорожнихъ мѣстахъ понатыкали и рады, какъ дѣти... Какъ дикари... Нѣтъ... какъ сумасшедшіе. Итакъ черезъ полчаса на «полѣ жертвъ революціи». Тоже названье!... У могилы борцовъ революціи, гдѣ пока тихо обваливается каменная краденая ограда, созданная по проекту архитектора Руднева и гдѣ закопаны, не хочу сказать погребены, — Володарскій, Урицкій, Нахимсонъ, Сиверсъ, Толмачевъ, финскіе коммунисты и прочіе красавцы, да то было,

которое создавало «февраль» и «октябрь»... Тамъ меня и ищите... Съ товарищескимъ привѣтомъ!... Пока!...

На этотъ разъ незнакомецъ пожалъ и даже потрясъ руку Нордекову и тою же найденною развалистою походкою пошелъ черезъ садъ къ Невскому проспекту.

XV.

Нордековъ не узналъ Марсова поля. Оно слилось съ Лѣтнимъ и Михайловскимъ садами и стало громаднымъ паркомъ, полнымъ лужаекъ, кустовъ и цвѣточныхъ клумбъ. Здѣсь шумъ города былъ не такъ слышенъ и воробьи верещащими стаями переносились съ мѣста на мѣсто. Воздухъ былъ нѣженъ и прохладенъ. Съ Невы несло водянымъ запахомъ. На травѣ тутъ и тамъ лежали отдыхающія парочки.

Со стороны Лѣтняго сада доносились мѣрные крики гимнастическихъ командъ. Нордековъ сейчасъ же отыскалъ памятникъ. Его закладка была еще при немъ. Это Временное Правительство канонизировало бунтовщиковъ и погребло ихъ въ красныхъ гробахъ на Марсовомъ полѣ.

Незнакомецъ ходилъ, осматривая рѣшетку.

— А, наконецъ, вы, — онъ увлекъ Нордекова къ Лѣтнему саду.

— Знаете, что то много тутъ всякой публики шагаетъ. Пойдемте къ Фонтанкѣ. Тамъ всегда какъ то меньше народа бываетъ.

— Что это тамъ за крики? — спросилъ Нордековъ.

— Физ-культурники упражняются. Вы покидали Петербургъ, когда спортомъ занимались аристократическія барышни, да немного офицеры... Теперь весь «молоднякъ» зараженъ спортомъ. Въ каждомъ городскомъ районѣ свои кружки физ-культуры при предпріятіяхъ и учрежденіяхъ. Казалось бы что общаго между спортомъ и Акушерскимъ техникумомъ, или Госметеографіей, или Глухонѣмыми, а вотъ у cadaго есть свой кружокъ спор-

та. Каждая фабрика, школа, большой магазинъ, типографія заняты спортомъ. Какихъ только клубовъ у насъ нѣтъ! Авто-мото-вело клубъ, Горно лыжный клубъ на Гярголовскихъ высотахъ, четыре гребныхъ клуба, два парусныхъ, теннисъ, шахматы — и все для всѣхъ, конечно, для партійцевъ прежде всего. Видите, какія достиженія! Есть отъ чего мозгамъ на бекрень свернуться... У насъ и говорятъ: — «безъ Бога, безъ Царя и безъ Россіи куда веселѣе живется»... Такъ вотъ какъ... Ну что же продолжимъ. Я имѣю приказъ информировать васъ о всемъ... Мнѣ сказали, что у васъ, у эмиграции, большія надежды на красную армію. Вы какъ то не можете повѣрить, что красная армія не Русская армія, что она не наслѣдница славы и доблести Русской Императорской арміи?... Не такъ ли?...

— Да, это такъ. Мы, старые Русскіе офицеры, знающіе и любящіе Русскую армію и Русскаго солдата, не можемъ понять, какъ это такъ, чтобы Русскіе люди не желали имѣть прежней побѣдоносной Христіанской арміи.

— Такъ такъ... Когда то и я отбывалъ воинскую повинность и былъ вотъ въ этихъ самыхъ Павловскихъ казармахъ, что называется — вольноперомъ. Видалъ я тогдашнихъ новобранцевъ. Новобранецъ Императорской арміи приходилъ изъ богобоязненной семьи. Онъ боялся военной службы. Приступалъ онъ къ ней съ молитвой. Сколько, бывало, свѣчей наставлятъ новобранцы передъ ротнымъ образомъ, сколько поклоновъ отобьютъ. Новобранецъ не терялъ связи съ семьею и домомъ. Письма изъ дома — радость. Побывка домой — мечта. Въ казармѣ его встрѣчалъ окрикъ. Онъ сразу сжимался отъ внѣшней дисциплины. Отданіе чести, отгѣты на привѣтствіе, чистота тѣла и одежды... ну тамъ еще барабанъ и учебный шагъ. Въ старой арміи умѣли муштровать и дѣлать солдата. И вездѣ грезится кулакъ... Не сладкая, знаете, греза.

— Въ нашей арміи не били.

— Офицеры, да, можетъ быть... Вѣрнѣе — переставали бить. Но унтеръ - офицеры?... Во всякомъ случаѣ грозили побить. «Я тебя подъ арестомъ сгною»... «Я

тебѣ морду набью, будешь помнить»... Вѣдь такъ?...

Нордековъ промолчалъ.

— Да не въ этомъ дѣло. Въ старой нашей арміи, при всемъ казарменномъ утѣсненіи и угнетеніи была — свобода... Были дни и часы, когда въ казармы безпрепятственно допускались посѣтителі. Они садились на койки и что говорили они, что дѣлали, что приносили. никому до этого не было дѣла. Въ нашей старой казармѣ была — д е л и к а т н о с т ь . Солдаты ходили въ отпускъ. Больше въ Апраксинъ дворъ за покупками, но за ними никто не слѣдовалъ по пятамъ и никто не слѣдилъ... Была, значитъ, возможность пропаганды въ войскахъ, и пропаганда шла. Теперь совсѣмъ другое. Красноармеецъ приходитъ изъ разрушенной семьи, съ поколебленнымъ родительскимъ авторитетомъ. Въ Бога онъ не вѣритъ. Онъ еще въ деревнѣ побывалъ и въ безбожникахъ и въ комсомолѣ, ему на все плевать. Онъ никого и ничего не боится. Для него авторитетовъ нѣтъ. Голодный, оборванный, босой, шапка на затылокъ, въ глазахъ заячій страхъ и наглость безъ мѣры — вотъ современный красный новобранецъ. Онъ повидалъ Все-военнобучъ еще въ деревнѣ и военной службы онъ не боится. Его одѣнуть, не Богъ вѣсть какъ, много хуже, чѣмъ одѣвали въ Императорской арміи, но много лучше, чѣмъ одѣта толпа. Да вѣдь нашего то, стараго, онъ ничего не видалъ. У него сравненіе только съ окружающимъ и это сравненіе ему говоритъ, что онъ прекрасно одѣтъ и ѣстъ такъ, какъ рядовому обывателю и не снится. Онъ зараженъ стремленіемъ воевать. «Даешь Варшаву»!... «Даешь Парижъ»! Отъ Варшавы то они драпали въ два счета, да вѣдь этого имъ не говорятъ. Въ нихъ насаждаютъ красноармейскій шовинизмъ. И этотъ шовинизмъ и вы въ своихъ эмигрантскихъ газетахъ поддерживаете. Красная армія первая въ мірѣ!...

Незнакомецъ сплюнулъ на сторону и послѣ короткаго молчанія какимъ то рывкомъ кинулъ:

— Ни черта она не стоитъ ихъ красная армія. Дермо, какъ и вся совѣтская страна. Ложь и обманъ. Пусканіе пыли въ глаза и юнкерское фанфаронство.

Онъ окончательно замолчалъ, и Нордекову приш-

лось напомнить ему, что онъ говорилъ о красной арміи.

— Да такъ вотъ... Учеба не трудная... Выѣшность на второмъ планѣ. За всякое стараніе — поощреніе, за всякую провинность наказаніе. Онъ наружно совершенно свободенъ. Въ службы, гуляй гдѣ хочешь — запрета никуда нѣтъ. Но онъ никогда ни на одну минуту не бываетъ одинъ. Въ танцульку гурьбой, въ кинематографъ толпой, въ публичный домъ и то всѣ вмѣстѣ. Не голько слова, но самыя его мысли извѣстны товарищамъ. Вездѣ есть невидимая коммунистическая ячейка безъ лести преданныхъ совѣтамъ людей, готовыхъ доносить. Какъ поведете вы при такихъ условіяхъ пропаганду?... Черезъ само начальство? Но, начальство изъ бывшихъ Царскихъ офицеровъ спитъ въ землѣ сырой. Разстрѣляно, выгнано со службы, лишено всѣхъ правъ и сгноено голодомъ и холодомъ. Остались тѣ, кто повѣрилъ въ цѣлесообразность такого строя, кто заразился сумасшедшимъ пафосомъ большевизма и служить на совѣсть, да еще тѣ, кто навѣки такъ запуганъ, что и головы поднять не смѣетъ. Крѣпость неприступная наша красная армія. Подойдите заговорить къ одному — васъ обступитъ пять, десять товарищей, положить руки на плечи, приближать уши, уставятъ на васъ не былые телячьи глаза старыхъ новобранцевъ, а умные, наглые, хулигански смѣлые глаза... Что у нихъ на душѣ? Кто свой, кто коммунистъ?... Мнѣ пришлось въ прошломъ году быть по служебнымъ дѣламъ на Румынской границѣ. Надо быть такому грѣху, что у румынъ, по ту сторону Днѣстра, стоялъ на охранѣ гусарскій полкъ Императора Николая II. У нихъ вензеля на погонахъ. Надо было видѣть, какая ярость охватывала нашихъ красныхъ пограничниковъ, когда они увидятъ этихъ солдатъ.. Злобный фоксъ на кошку такъ свирѣпѣетъ, какъ свирѣпѣли они. Кулаками машутъ, режутъ по звѣриному, кроютъ такими словами, что удивляешься, какъ воздухъ выносить такую ругань. Орутъ: — «погодите, дайте намъ только до васъ дорваться, въ ключья васъ порвемъ... Мы вамъ эти вензеля каленымъ желѣзомъ на причинномъ мѣстѣ выжжемъ»... За что?... Откуда такая ненависть?... Молодые вѣдь все парни, изъ деревни.

Когда убили Государя имъ было шесть, семь лѣтъ... Что могли они знать о немъ?... Да все оттуда же — изъ этого сумасшедшаго дома, гдѣ непрерывно, слышите, н е п р е р ы в н о, въ школѣ, въ клубѣ, въ избѣ читальнѣ, въ казармѣ, на урокъ полит-грамоты, въ постели съ совѣтской дѣвкой это внушаютъ. Старыя книги отобраны, сожжены или хранятся за семью замками для посвященныхъ... Какъ?... Съ чѣмъ?... вы придете въ красноармейскую казарму... Нѣтъ... Невозможное дѣло... Были попытки и всѣ плачевно кончались.

Они шли медленно по тѣнистой аллеѣ. Влѣво были темныя воды Фонтанки. Нордековъ забывалъ свой костюмъ, старался не глядѣть на незнакомца, не слушать и не вѣрить его безнадежнымъ словамъ. Картины прошлаго вставали передъ нимъ. Ужели все это навсегда ушло?... Ужели это никогда не вернется?...

Низкіе двухъэтажные дома училища правовѣдѣнія и Педагогическаго музея тянулись на противоположной сторонѣ... Тамъ, вдоль набережной, стояли ломовыя койки, запряженные крупными битюгами. Слышалось звонкое щелканье бросаемыхъ швырковыхъ дровъ. Такъ было при Петрѣ, при Екатеринѣ, при Александрѣ I, такъ было въ дни его дѣтства, такъ есть и теперь... Почему же такъ страшенъ рассказъ незнакомца...

— Прежде, — тихо, понизивъ голосъ почти до шопота, продолжалъ незнакомецъ, — опорой Русскаго быта была Русская женщина. Она строила семью. Няня... Довѣренная горничная-наперсница — помните Лиза у Софьи Фамусовой... Ну тамъ еще и усадьба полагалась, и въ этой усадьбѣ такая, знаете, Тургеневская дѣвушка, кисейное созданіе, прелестное душою и тѣломъ... Ли за Калитина тамъ какая нибудь... Барышня... Институтка... Наивное существо, думающее, что французскія булочки растутъ на деревьяхъ, а дѣтей находять подъ капустнымъ листомъ... Гдѣ же все это?... Все миновало, какъ сладкій сонъ. Старыхъ нянь угробили. А какія и сами померли или съ вами въ эмиграцію уѣхали — «господъ» не покинули. А какія остались тоже «свои права взяли» не хуже другихъ. Горничныхъ нѣтъ — есть «уборщицы»... О Тургеневской дѣвушкѣ говорить не приходит-

ся, ибо помѣщичьи усадьбы сожжены еще при первой Думѣ Герценштейнами и ему подобными иллюминаторами Россійскаго горизонта. Вѣдь еще отъ этой самой первой Думы, вотъ откуда уже большевицкимъ дерьмомъ потянуло... Нѣтъ и институтовъ, да нѣтъ и бабышень... Современная совѣтская дѣвушка прежде всего не дѣвушка... Все испытать, все знать ей надо со школьной скамьи. Чтобы жить... просто, грубо жить, ѣсть, пить, ну и одѣться какъ нибудь — она должна работать, какъ волъ съ утра и до ночи. Секретарши, пишмашки, стенотипистки, продавщицы, мильтонши, кондукторши, ген-штабистки, куда только не пролѣзла она. Чтобы въ нашемъ сумасшедшемъ домѣ женщинѣ чего нибудь добиться, чтобы кобели въ штанахъ не сдѣлали ее рабыней, ей надо и крѣпкіе кулаки имѣть и здоровую глотку. Надо на зубокъ знать «Ленинизмъ» и имъ бить насильниковъ Чубаровцевъ... Природа знаетъ, что надо дѣлать. Лучшіе физ-культурницы — женщины. Безсознательно, можетъ быть, иная и мечтаетъ о семьѣ, сознаетъ ненормальность и скотство своей жизни, да кому она про это скажетъ?... А вѣдь во времена борьбы съ проклятымъ «царизмомъ» это женщина шла во главѣ «освободительнаго» движенія. Софіи Перовскія, Вѣры Засуличъ не послѣднюю роль въ немъ играли. И въ каждомъ такомъ комплотѣ уже непременно была какая нибудь Рахиль или Геся...

Они дошли до края и повернули назадъ. И точно этотъ поворотъ перевернулъ мысли незнакомца.

— Рахили, Геси, Сони, — съ надрывнымъ вздохомъ сказалъ незнакомецъ, — вотъ кто посылалъ нашу шаткую молодежь на борьбу. Жиды!... О, какъ они способны на все это!... Точно специально созданы для бунтовъ!... Если бы да они были съ нами!?... Теперь они наверху. Они вездѣ на командныхъ высотахъ. Чего еще имъ надо? Зачѣмъ имъ свергать правительство, столь къ нимъ благосклонное? Вы поняли меня теперь... Безнадежно! Это же гибель Россіи! Это гибель христіанской культуры во всемъ мірѣ! Когда эта армія сумасшедшихъ, бѣсноватыхъ, бѣсами одержимыхъ, тупыхъ, скотски сладострастныхъ, жадныхъ, небрезгли-

выхъ, жестокихъ, глупыхъ, неприхотливыхъ, закаленныхъ въ борьбѣ за жизнь, не боящихся ни холода, ни голода, снабженныхъ самыми дьявольскими газами, аэропланами, Цеппелинами, этимъ своимъ Осо-авіохимомъ, воспитанные во Все-воен-обучѣ бросится на Европу жечь и грабить, убивать и насиловать — никакое культурное войско передъ ними не устоитъ.

Незнакомецъ остановился и поднялъ голову. До этого онъ не смотрѣлъ въ лицо Нордекову. Теперь, посмотрѣвъ, онъ испугался. Такъ было оно блѣдно, такая нечеловѣческая тоска и боль была въ его глазахъ, что незнакомцу стало страшно. Онъ зналъ — видалъ это выраженіе, за этимъ — самоубійство. Онъ взялъ своею жестокою, въ мозоляхъ и цапкахъ рукою руку полковника и, крѣпко пожимая ее, сказалъ:

— Ну, полноте... Не вѣрьте мнѣ... Я ошибаюсь... Я обобщаю. Сгущаю краски... Есть красные командиры, которые со своими женами убираютъ церкви и поютъ въ время богослуженія. Есть подвижники. Это не Содомъ, гдѣ не нашлось ни одного праведника. Тутъ ихъ многіе милліоны. Вы и представить не можете, какіе святые, чистые люди, подлинныя христіане живутъ въ Совѣтскомъ Союзѣ, какіе пламенные патріоты... Они неслышно и невидимо готовятъ спасеніе Россіи. Какія есть матери. Потихоньку онѣ учатъ дѣтей вѣрѣ въ Бога и любви къ старой нашей Россіи... Вы знаете, я иногда думаю, не безъ гордости думаю, что лучшіе то люди не съ вами ушли въ эмиграцію, на хорошее и спокойное житіе, а остались здѣсь и несутъ подвигъ спасенія Россіи, работая для нея въ сумасшедшемъ домѣ. А посмотрите въ какихъ ужасающихъ условіяхъ наши профессора ведутъ и двигаютъ Русскую науку! А наука — это путь, и вѣрный, къ спасенію... Сколько ихъ погибло!... И притомъ я не говорилъ про деревню. Я ее не знаю... Думаю, что тамъ все-таки легче работать. Нѣтъ... Нѣтъ... Не теряйте духа... Я говорилъ вамъ, чтобы вы знали, какъ трудно, но трудно — не значить, что невозможно...

Онъ еще разъ пожалъ и потрясъ руку Нордекова.
— Простите, намъ разстаться надо. Часто встрѣ-

чатся боюсь, а видѣться какъ то надо. Черезъ два дня, въ десять утра въ саду Урицкаго, у большого озера, противъ дворца. Идетъ?...

— Это... въ Таврическомъ саду?...

— Ну да, конечно. Теперь вездѣ новые герои и они спѣшатъ, спѣшатъ и спѣшатъ и памятники себѣ ставить, и города, веси и улицы своими именами поганить, ибо знаютъ каналы, что недолговѣчна ихъ слава и проклянетъ ихъ потомство... Коммунизмъ умереть — Россія не умереть. Пока!...

Незнакомецъ кивнулъ головою и они разстались.

XVI.

Уже поздно вечеромъ и что называется «безъ заднихъ ногъ» вернулся Нордековъ въ ригу за деревней Коломягами, гдѣ былъ ихъ «домъ» и гдѣ онъ могъ чувствовать себя въ полной безопасности. Парчевскій былъ уже тамъ, а Голубовъ, Дубровниковъ и Карнеевъ заканчивали установку радио аппарата и регулировали безшумный моторъ. Ужинъ былъ готовъ.

Нордековъ ѣлъ молча. Онъ снова былъ во власти того самага безволія и отчаянія, какое овладѣло имъ послѣ лекціи Стасскаго и довело его до покушенія на самоубійство. Но тогда это была только эмигрантская лекція и ей можно было вѣрить или не вѣрить, теперь же это былъ разговоръ съ человѣкомъ, тринадцать лѣтъ жившимъ въ совѣтской республикѣ и хорошо изучившимъ всѣ возможности. И онъ сказалъ: — «безнадежно»... Надо кончать съ собою. Все равно ничего не выйдетъ. Только теперь это не будутъ волны чужой Сены, а можно будетъ кончить съ собою со славой, кончить подвигомъ убійства какого нибудь ихъ совѣтскихъ гадовъ.

Парчевскій, какъ всегда былъ веселъ и полонъ бодрости.

— Ну, какъ твоя развѣдка?... Нашелъ свою явку?...

Или неудача?... Что ты такой, какъ въ воду опущенный... Разсказывай. Или усталъ?... Я самъ братъ, ногъ подъ собою не чувствую, хотя и рискнулъ и въ трамваяхъ ѣздить и сюда по желѣзной дорогѣ добрался.

— Усталъ... Ахъ, если бы только усталъ! Да я усталъ тѣломъ, но въ тысячу разъ больше я усталъ душою. Все то, что я услышалъ сегодня въ первый день моего пребыванія на родинѣ такъ... безнадежно.

И Нордековъ слово за словомъ разсказалъ Парчевскому все то, что передалъ ему незнакомецъ.

— Ты понимаешь, если тѣ, кто разрушали Императорскую Россію работали безъ малаго двѣсти лѣтъ, если считать отъ Бакунина и первыхъ декабристовъ — намъ предстоитъ работать четыреста лѣтъ... Ты понимаешь это?... Я не могу... не могу больше, Парчевскій!... Прости меня, но я ѣхалъ сюда, чтобы увидѣть и добиться настоящей Россіи.

— Ты ее и увидишь.

— Когда?... Еще четыреста лѣтъ!... Быть пионерами въ этой безконечной работѣ, словъ нѣтъ — это очень почетно, но какъ это грустно и тяжело. Не знаю, хватитъ ли у меня силъ на это...

— Четыреста лѣтъ... Зачѣмъ?... Какая глупость!... Тѣ, кто разрушалъ Россію, разрушали организмъ, которому было тысячу лѣтъ, государство съ устоявшимся бытомъ, съ твердыми устоями... Они не разрушили сго. Это — все-таки Россія. То, что ты видѣлъ была пошлая намалеванная варваромъ скверными, жидкими красками картина на прочной старинной фрескѣ большого мастера. Придетъ реставраторъ и смоетъ дикую мазню невѣжды и проявитъ міру всю красоту настоящей фрески.

— Проявитъ міру всю красоту настоящей фрески, — повторилъ за Парчевскимъ Нордековъ. — Но, когда это все будетъ?... Черезъ четыреста лѣтъ!...

— Почти двѣсти лѣтъ понадобилось, чтобы до основанія потрясти тысячелѣтнее строеніе Россіи... Большевизму минуло всего тринадцать лѣтъ. Правда, корни у него цѣпкіе, но они не проникли въ самую толщу народной жизни. Они разрушили тѣло, но не могли и ни-

когда не смогут разрушить Русскую душу. Все то, что ты видѣлъ и что тебѣ говорилъ незнакомецъ... Незнакомецъ... Да уже не провокаторъ ли то былъ? Можетъ быть просто запуганный интеллигентъ, самъ ставшій сек-сотомъ? Соціалисты и народовольцы работали, допустимъ, около двухсотъ лѣтъ. Такъ вѣдь, какъ имъ приходилось работать! Имъ надо было самимъ ходить въ народъ, свои идеи распространять потаенно въ маленькихъ кружкахъ. Прокламации они печатали на гектографѣ и рѣдко когда имъ удавалось литографировать ихъ, они бросали самодѣльные динамитныя бомбы... Кустарная работа самоучекъ! Съ нами идетъ удивительная техника второй четверти двадцатаго вѣка, такъ тщательно собранная и снаряженная капитаномъ Немо. У насъ кинематографъ, телевизоръ и громкоговорители, у насъ радіо и наше слово и образы, нами рисуемые распространяются просто таки чудеснымъ образомъ по всей Россіи. Съ нами газы разныхъ степеней и качествъ, съ нами паника, которую мы нагонимъ на толпу... Тѣхъ разгоняли нагайками... Къ намъ никто не посмѣетъ приступить-ся. И потому имъ понадобились сотни лѣтъ... Намъ?... Нѣсколько дней.

— Завидую тебѣ, Парчевскій... Неисправимый оптимистъ!

— Это не оптимизмъ. Это знаніе и офицерская бод-рость, заповѣданная намъ Суворовымъ.

— Оставь... Я все это слышалъ еще въ Петроградѣ... Большевики — это на двѣ недѣли, не больше. Я это слышалъ и въ Югославіи, тамъ все ждали и вѣрили въ какую то организацію... Я слышалъ это и въ Парижѣ, гдѣ насъ призывали къ объединенію и вѣрѣ въ вождей. А вожди не вели, а стояли на мѣстѣ. Я знаю это хорошо: — «тѣмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ»... И мы все себя возвышали и возвышали и какъ пришлось падать, охъ какъ больно мы расшиблись! Ну скажи, твои сегодняшнія впечатлѣнія... Гдѣ ты былъ?

— Я былъ у Ястребова.

— А?.. Ну что же онъ?... Благополучно спустился? — вяло и безразлично спросилъ Нордековъ.

— Спустился, какъ и мы совершенно благополучно за Гатчиной, на прогалинѣ въ громадномъ лѣсу и работаетъ.

— Работаетъ?... Что же онъ дѣлаетъ?...

— Онъ готовитъ достойный отвѣтъ твоему незнакомцу. Онъ не отпустилъ своего аэроплана. Онъ его надежно укрылъ въ лѣсу. Завтра надъ всѣмъ Петроградомъ будутъ разбросаны листовки и призывы Братства Русской Правды и завтра же... Впрочем... Не буду тебѣ говорить ничего. Ты самъ скоро увидишь, какъ высока наша техника. Намъ есть чѣмъ гордиться и мы не ошиблись, когда пошли къ капитану Немо.

— Господинъ полковникъ, — доложилъ Нордекову Голубовъ, — аппаратъ готовъ, можете говорить съ Россійскимъ островомъ.

Нордековъ, полураздѣтый укладывался въ свой гуттаперчевый мѣшокъ. Онъ завернулся въ его полы, положилъ голову на надувную подушку.

— Милый, — томнымъ, разслабленнымъ голосомъ обратился онъ къ Парчевскому. — Доложи за меня все ты. Я самъ не знаю, что нашло на меня. Я такъ ослабѣлъ. Голова не работаетъ, двухъ словъ не свяжу... — Онъ протяжно зѣвнулъ. — А какъ это мнѣ напоминаетъ наши былые маневры. Такъ и кажется, что вотъ вотъ запищитъ телефонъ и услышу донесеніе отъ заставъ, что Конно-гренадеры наступаютъ на наши посты и полевые караулы... Такъ, пожалуйста, милый, ты все слышалъ. Доложи за меня.

— Ладно... Ты вспомнилъ о телефонѣ, который будетъ тебѣ передавать донесеніе заставъ, расположенныхъ у Пелгола, Пеккоземьяки со склоновъ Кирхгофа на твою штабъ квартиру у Горской... Такъ! я буду говорить изъ подъ Петербурга на таинственный Россійскій островъ, находящійся въ глухомъ углу Атлантическаго океана подъ самымъ экваторомъ. Не говоритъ ли это тебѣ, какъ далеко шагнула техника за эти какіе нибудь двадцать лѣтъ? Смѣю тебя увѣрить, что послѣзавтра мы покажемъ здѣсь, въ этомъ сумасшедшемъ домѣ такія картины, что и самые буйные сумасшедшіе призадумаются.

— Далъ бы Богъ, — томно протянулъ Нордековъ. — Я попробую уснуть. Очень уже тяжело у меня на сердцѣ. Жутко и страшно... Тысячеголовая гидра навалилась на меня. И вся тысяча ея голосъ — сумасшедшая.

Нордековъ накрылъ голову краями одѣяла и сквозь него слышалъ, какъ Парчевскій бодро и смѣло говорилъ:

— Алло... Алло... Говоритъ Парчевскій изъ подъ Петербурга, отъ деревни Коломягъ. Вчера въ двѣнадцатомъ часу ночи спустились благополучно. База устроена... Сегодня съ разсвѣтомъ Нордековъ и я ходили въ Петербургъ...

Дальше Нордековъ не слышалъ. Сонъ мягко навалился на него, заложилъ уши, и ему снился какой то громадный аппаратъ, на которомъ онъ долженъ былъ летѣть въ Персію. Въ этомъ аппаратѣ были большія спальни и ванныя комнаты и въ одной изъ ваннхъ комнатъ капитанъ Немо заставлялъ его вертѣть въ формѣ мороженое. Глупый былъ сонъ, но онъ разсѣивалъ и укрѣплялъ Нордекова.

XVII.

Какъ это вышло потомъ никто толкомъ не могъ объяснить, но въ этотъ день, при посредствѣ ассоціаціи Революціонной кинематографіи по театрамъ, находящимся въ вѣдѣніи Ленинградгубоно, по многимъ частнымъ театрамъ и даже совсѣмъ маленькимъ кинематографамъ при Домпросвѣтахъ, рабочихъ клубахъ, государственныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ была разослана для проэкціи фильма и все, что къ ней полагается — то есть афиши, плакаты и программы.

Такимъ образомъ было то, чего раньше не бывало: — въ «Астартѣ», «Ампирѣ», «Великанѣ», «Гигантѣ», «Колизеѣ», «Свѣтлой Лентѣ», «Теремкѣ», «Демонѣ», «Домѣ красной арміи и флота», «Лѣшемъ», «Рабкорѣ», и еще кое гдѣ шла одна и таже фильма — «Приключенія ударника въ заграничной поѣздкѣ на пароходѣ «Ук-

раина». Ни заглавіемъ, ни внѣшнимъ видомъ, ни афишами и анонсами она никакихъ подозрѣній не внушала и была всюду принята съ полнымъ довѣріемъ. На ней были клейма «Гос-кино». Она была «тонъ фильмой».

Нордековъ и Парчевскій не безъ волненія входили въ громадный кинематографъ «Солейль» на проспектъ 25-го октября противъ Гостиного Двора.

Все тутъ было совершенно такое же, какъ въ кинематографахъ Парижа, Берлина и другихъ большихъ городовъ. У входа горѣли яркія электрическія вывѣски. Толпа была на улицѣ. Милицейскій стоялъ для порядка. У кассы былъ хвостъ, въ дверяхъ давка. Громадный залъ, какъ вездѣ въ кинематографахъ былъ пестро раскрашенъ въ какомъ то дурящемъ голову кубистическомъ стилѣ. Только у публики костюмы были много проще, чѣмъ въ Европейскихъ городахъ. Толстовки, красноармейскія гимнастерки, пиджаки на рубашкахъ безъ воротниковъ и галстуховъ, просто рубашки, простоволосыя, стриженныя дѣвицы съ голыми ногами въ башмакахъ, все это было, какъ и на улицѣ и знаменовало и бѣдность и подчеркнутое опрощеніе. И пахло не такъ чтобы хорошо: — давно не мытымъ тѣломъ, потомъ, сквернымъ табакомъ, виннымъ перегаромъ... Иногда проходила струя духовъ и душистой пудры и еще сильнѣе подчеркивала общій дурной запахъ, шедшій отъ Ленинградской толпы. Больше было развязности въ толпѣ, чѣмъ это привыкъ видѣть въ кинематографахъ такого рода Нордековъ. «Зощенкой пахнетъ», — шепнулъ ему на ухо Парчевскій, котораго не покидало его хорошее настроеніе духа. Но ничего страшнаго или особеннаго не было въ этой толпѣ. Впереди Нордекова дѣвицы угощались «ирисками», отъ нихъ пахло ванилью и Нордековъ невольно вспомнилъ лекціи полковника Субботина на Россійскомъ островѣ.

И какъ вездѣ, когда наступила темнота, на экранѣ появились обычные заголовки названій фирмы, авторовъ, артистовъ.

«Госкино» показывало снимки, снятые заграницей. Жизнь буржуазіи въ капиталистическихъ государствахъ, лишенныхъ большевицкаго разума и свободы.

Громкоговоритель давалъ поясненія, иногда самъ герой фильмы вставлялъ свои рѣчи и рассказывалъ о своихъ впечатлѣнїяхъ въ городахъ Западно-европейскихъ государствъ.

«Ударникъ» рабочій Мартынъ Галеркинъ, — онъ игралъ подъ Шарло Чаплина, — былъ оттертъ Лондонскою толпою отъ своихъ товарищей и заблудился въ Лондонѣ.

Къ великому удивленію Нордековъ скоро призналъ въ ударникѣ никого другого, какъ Фирса Агафошкина.

Мартынъ Галеркинъ пояснилъ, что съ нимъ происходило:

— Зашелъ, граждане, въ банкъ. Даю совѣтскіе червнцы, чтобы размѣнять, значить, на ихніе фунты, надо мною смѣются... Не принимаютъ въ ихнемъ буржуазномъ банкѣ нашихъ трудовыхъ рабочихъ сигнацій... Жрать охота, кругомъ рестораны, пожалуй что и почище нашихъ столовокъ, тутъ тебѣ магазины и въ нихъ — окорока, колбасы, гуси, куры, утки, откуда только все это берется? Не иначе, какъ нашъ рабочій союзъ имъ это все посылаетъ черезъ Внѣш-торгъ. Гляжу — сыръ... Ну, граждане, и до чего хитра эта самая буржуазія на обманы. Сыръ въ колесо, разрѣзанъ пополамъ и вѣрите ли товарищи, весь онъ чисто въ дыркахъ и ѣсть въ немъ просто нечего — одна дыра. Языка ихняго я не знаю, «ни бе, ни ме», хоть и въ школѣ второй ступени обучался. Лѣзу къ нимъ: — «товарищъ», — говорю, — «укажите мнѣ дорогу на нашу краснофлотскую «Украину». Потому, какъ я ударникъ Мартынъ Галеркинъ отъ своихъ отбился, не пропадать же мнѣ съ вами. Еще и на кораблѣ, гляди, попадетъ, что такъ одинъ шатаюсь, а чѣмъ я виноватъ?» Такъ говорю, чисто даже плачу. Они мнѣ все: — «Исай, да Исай». А какой я тамъ Исай — когда я Мартынъ... Мартынъ Галеркинъ, совѣтскій гражданинъ... Ничего они граждане, не понимаютъ ну, чисто, несознательные буржуи...

Въ публикѣ смѣялись, сочувствовали Галеркину. Да и игралъ Фирсъ, Нордековъ даже удивлялся — съ громаднымъ природнымъ юморомъ. И ничего пока не бы-

ло въ этой фильмѣ, что могло бы возбудить подозрѣніе въ томъ, что это не совѣтская фильма.

Мартынъ Галеркинъ толкался по Лондону, стоялъ передъ витринами громадныхъ магазиновъ бѣлья и платья. Толпа сновала кругомъ и было видно, какъ она одѣта. Галеркинъ былъ въ ней пятномъ. Онъ попадалъ и въ рабочіе кварталы, и публика видѣла англійскихъ рабочихъ, о комъ ей говорили, что они съ голода умираютъ и живутъ много хуже совѣтскихъ. Наконецъ, какой то не то англичанинъ, не то Русскій эмигрантъ, — это было неясно въ фильмѣ, принялъ участіе въ Галеркинѣ, снабдилъ его англійскими фунтами и узналъ для него, что «Украина» ушла во Францію и потомъ должна пойти въ Италію. Онъ научилъ Галеркина, какъ ему догонять свой совѣтскій пароходъ.

Галеркинъ пустился въ свободное путешествіе. На экранѣ появились чистые, красивые пароходы, совершающіе рейсы между Дувромъ и Калэ, прекрасный Парижскій поѣздъ и, наконецъ, Парижъ во всемъ его великолѣпіи. Публика видѣла толчею автомобилей у площади Оперы, городского со свисткомъ останавливающего движеніе для прохода нарядной толпы пѣшихъ. Въ этой толпѣ, какъ замороженный шагаль въ своей грязной толстовкѣ и въ небрежно намотанномъ на шею шарфѣ Галеркинъ. Онъ всему теперь удивлялся, но не менѣе его удивлялась тому, что видѣла, и публика.

Галеркинъ пришелъ къ заключенію, что ему тоже нужно купить «буржуазный» костюмъ. Онъ свободно мѣняетъ фунты на франки.

— Это тебѣ не совѣтскій червонецъ, — съ горькой ироніей восклицаетъ онъ.

Въ магазинѣ онъ мѣняетъ платье.

— И какъ это у нихъ, граждане, все просто. Никакихъ тебѣ квитковъ, или профкарточекъ, никакихъ тебѣ очередей. Въ полчаса такъ обрядили, что подошелъ къ зеркалу и себя не узналъ: — чисто буржуй мериканскій.

Нордековъ видѣлъ изображеніе на экранѣ магазина «Самаритѣнъ», заваленнаго товарами, платьями, пальто, галстуками, воротничками, рубашками, матеріями,

кружевами, башмаками, чулками, мужскими и дамскими шляпами, его громадный базаръ на улицѣ въ толчѣ сытаго и празднаго народа и видно народа небогатаго, простого, рабочихъ и ремесленниковъ.

— Глянь, братокъ, — прошепталъ сзади Нордекова какой то молодой человекъ, — товаровъ то навалено и никто ничего не сопретъ... Удивительно какая это буржуазная, значить, культура...

Нордековъ оглянулся на говорившаго. Тотъ жадными глазами уставился на экранъ. Въ темнотѣ его глаза блистали.

Когда Галеркинъ примѣрялъ и получалъ костюмъ, сосѣдъ Нордекова сказалъ:

— Однако просто у нихъ, какъ у насъ въ довоенное время у Эсдерса или у Мандля.

Галеркинъ попадалъ на пищевой рынокъ Парижа. Раннее утро. Громадные возы, запряженные тройками и четвериками слоподобныхъ лошадей, холеныхъ и красивыхъ въ ихъ тяжелыхъ окованныхъ мѣдью хомутахъ, подвозили горы цвѣтной капусты, мясныя туши, раздѣланныхъ свиней, корзины съ рыбой. Между ними проѣзжали грузовики, везли зелень, цвѣты, хлѣба, фрукты... Носильщики не успѣвали сгружать. Народъ сновалъ кругомъ. Торгъ шелъ во всю.

Глухой гулъ голосовъ шелъ по театру. Видѣнная, непридуманная правда была въ глаза своимъ страшнымъ контрастомъ буржуазнаго изобилія передъ большевической нищетой.

У чекистовъ, у власть имущихъ, у секретныхъ сотрудниковъ начало закрадываться подозрѣніе, да точно ли это постановка Гос-кино?... Уже не провокація, не новое неслыханное до сей поры «вредительство» тутъ происходитъ? И кое кто, кто желалъ выслужиться, побѣжалъ на телефонъ доложить о своихъ впечатлѣніяхъ.

Сеансъ представленія продолжался при все болѣе и болѣе напряженномъ вниманіи зрителей.

XVIII.

Совершенно преобразенный въ европейскомъ костюмѣ, выбритый и вымытый, въ рубашкѣ съ воротничкомъ и галстухомъ, въ котелкѣ и башмакахъ съ суконными гетрами, настоящій «Шарло» — Галеркинъ пріѣхалъ въ поискахъ «Украины» въ Италію, и въ Римѣ попалъ на смотръ молодыхъ фашистовъ Муссолини. Красивые, сытые, хорошо упитанные, отлично выправленные, одѣтые въ синюю матросскую форму въ синихъ беретахъ мальчики держали специально для нихъ сдѣланные, совсѣмъ какъ настоящія ружья «на караулъ».

— Что твои «ком-сомольцы», — одобрительно замѣтилъ Галеркинъ, и зрители всѣмъ нутромъ своимъ поняли глубокую иронию этого замѣчанія. Молодые фашисты когортами и центуріями маршировали мимо Муссолини, щеголяя выправкой и однообразной одеждой. Никакого подобія не было съ голоднымъ, вороватымъ, съ испытанными пороками лицами хулиганскимъ ком-сомоломъ...

На экранѣ вмѣсто Римскаго пейзажа появилась морная доска и на ней были начертаны золотомъ: — «Заповѣди фашиста». Галеркинъ стоялъ сбоку и внимательно разсматривалъ ихъ. Эта картина надолго застыла на экранѣ, чтобы зрители могли запомнить и оцѣнить заповѣди фашиста и сравнить ихъ съ тѣмъ, чему ихъ обучаютъ коммунисты.

— Намъ говорили, все одно — фашистъ - коммунистъ, — сказалъ сосѣдъ Нордекова, ни къ кому не обращаясь, — а между прочимъ видать разница огромная.

На экранѣ сверкали золотомъ изображенные слова:

- «1) Богъ и Родина. Все остальное послѣ этого.

- «2) Кто не готовъ отдаться Родинѣ и Дуче душой и тѣломъ безъ всякихъ оговорокъ — не достоинъ черной рубашки фашиста. Фашизмъ не для посредственности.

- «3) Понимай приказанія и съ охотой и рвеніемъ ихъ исполняй.

«4) Дисциплина для солдатъ — она же и для фашистовъ.

«5) Плохой сынъ и плохой школьникъ — не фашисты.

«6) Работа для тебя радость, а игра — дѣло.

«7) Страдай, не жалуясь, будь щедръ, ничего самъ не прся, служи другимъ безкорыстно.

«8) Доброе дѣло и военная доблесть не дѣлаются наполовину.

«9) Въ виду смертельной опасности спасеніе въ доблестномъ дерзновеніи.

«10) Благодарю Бога ежедневно, что Онъ создалъ тебя итальянцемъ и фашистомъ».

Галеркинъ дочиталъ до конца надписи и, повернувшись къ зрителямъ, сказалъ, снимая котелокъ.

— Прочиталъ... Конечно, не по нашему коммунистическому, а между прочимъ тоже здорово пущено... Потрясли все нутро мое... Совсѣмъ бы сразили, да вспомнилъ я, какъ мой ветхозавѣтный старорежимный папаша, отъ котораго я отрекся и даже въ газетахъ о томъ пропечаталъ, училъ меня когда то Суворовскимъ завѣтамъ. Я ихъ совершенно запамятовалъ, а вотъ сейчасъ почему то они мнѣ вспоминаются, просто какъ огнемъ жгутъ меня.

На экранѣ еще стояла доска съ заповѣдями фашиста, когда вдругъ тоненькой огненной ленточкой гдѣ то вдали загорѣлась строчка, она стала быстро накатываться, приближаясь, становясь все ярче и больше и вмѣсто первой заповѣди фашиста стала большая огненная надпись:

1) За вѣру, Царя и Отечество. Все остальное суета суетъ.

Галеркинъ прочелъ эти слова и низко поклонился имъ.

— Святые между прочимъ слова, — прошепталъ онъ, — давно забытыя, а какія чудныя слова!

И сейчасъ же въ глубинѣ народилась и понеслась на экранъ другая, за ней третья, тамъ четвертая и дальше строчки и стали выстраиваться на мѣсто заповѣдей фашиста.

2) До издыханія будь вѣренъ Государю и Отечеству. Убѣгай роскоши, праздности и корыстолюбія, ищи славу черезъ истину и добродѣтель.

3) Два воинскихъ искусства: — первое — глазомѣръ, второе — быстрота.

4) Зри въ части семью, въ начальникъ отца, въ товарищахъ братьевъ.

5) Родство и свойство съ долгомъ моимъ: — Богъ, Государь, Отечество.

6) Работать быстро, споро, по Русски.

7) Терпи! На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся.

8) Смотри на дѣло въ цѣломъ.

9) Дерзай.

10) Помилуй Богъ! Мы Русскіе! Возстановимъ по прежнему вѣру въ Бога Милостиваго! Очистимъ беззаконіе! Вы — Русскіе!

Эти надписи, крупныя, яркія, огнями горящія, четкія, ясныя, не вызывающія никакихъ сомнѣній кричали о самой подлинной контръ-революціи. Всѣ растерялись сидѣли какъ пришибленные, ждали громовъ, но вмѣсто нихъ въ театрѣ стала мертвая, напряженная, жуткая тишина.

Въ эту тишину внушительно и страшно, потрясая до самаго сердца вошли громко сказанныя съ экрана Галеркинымъ слова:

— Вы русскіе!!...

XIX.

«Гос-кино показываетъ новое изобрѣтеніе: — телевизоръ. Тонъ фильмъ».

На экранѣ былъ радостный свѣтлый видъ. Розовыя скалы и горы, кусты кактусовъ и алоэ, и между ними въ Русскихъ красивыхъ старинныхъ костюмахъ Царскихъ сокольниковъ стоялъ хоръ. Нордековъ сейчасъ же при-

зналъ и видъ — то былъ Россійскій островъ, и хоръ — это былъ ихъ Гласовскій хоръ.

Теноръ Кобылинъ, — какъ было не узнать его и его нѣжнаго, за душу берущаго голоса! — вышелъ впередъ и звонко и нѣжно, протяженно, сжимая сердце сладкимъ восторгомъ произнесъ:

— Сто-ро-онисы!...

Басы и баритоны великолѣпнаго хора подхватили дружно и мягко:

-- Ты дороги той...

Пѣшій, конный не пройдетъ живой.

Могучій, красивый басъ — какъ напомнилъ онъ Шаляпина! — завелъ пѣсню, ясно выговаривая слова:

— Тамъ, гдѣ сосны растутъ, тамъ гдѣ птицы поютъ,
Тамъ въ дремучемъ лѣсу партизаны живутъ.

Берегись ты дороги той —

Пѣшій, конный не пройдетъ живой...

Голоса хора еще звенѣли, когда запѣвало продолжалъ пѣсню:

— Разъ вечерней порой — комиссаръ молодой
Велъ отрядъ свой лихой — по дорогѣ лѣсной...

Хоръ дружно взялъ:

— Берегись ты дороги той.

Пѣшій, конный не пройдетъ живой.

Въ жуткой, могильной тишинѣ, гдѣ въ смертельномъ страхѣ замерли люди, гдѣ холодѣли отъ ужаса сердца былъ зловѣще спокоенъ голосъ красоты несказанной.

— Наши братчики тамъ — залегли по кустамъ.

Каждый взялъ на прицѣлъ — дружно залпъ прогремѣлъ...

Хоръ пѣлъ припѣвъ. Въ залѣ съ затаеннымъ дыханіемъ ожидали продолженія безумно смѣлой пѣсни.

— Въ Гепеу говорятъ: — сгинулъ красный отрядъ.
Въ эту чашу зайдешь — безъ слѣда пропадешь...

Кое-кто тихонько, согнувшись, по темному корридору крался къ выходу. Сверкнула свѣтомъ пріоткрытая дверь. Въ догонку уходившимъ отъ грѣха подальше несло:

— Не вернется домой — комиссаръ молодой.
Гдѣ убить, гдѣ зарыть — только вѣтеръ шумить...*)).

Теноръ запѣлъ сладкимъ стономъ.

— Сто-ро-онись...

Глухой говоръ и возмущенные крики покрыли голоса хора:

— Довольно!...

— Бросить надо!... Гады!...

— Буржуйская пѣсня!

— Это, граждане, что же за провокація такая. Чего же это милиція такое допускаетъ?

— Имъ это шутки для собственнаго самоуслажденія, а намъ отвѣтъ держать придется.

Пустили свѣтъ. Зрители поднимались темнымъ валомъ. Крики возмущенія не прекращались. Визжали советскія барышни. Испуганнымъ стадомъ публика шархнулась къ выходамъ. Кто то грозно крикнулъ величественнымъ «полицейскимъ» басомъ:

— Чего выпускаютъ зря?... Обыскивать надо!

Этотъ крикъ увеличилъ панику и смятеніе.

По стѣнамъ кинематографа, ярко и пестро расписаннымъ футуристическимъ узоромъ, на высотѣ человеческого роста вилась лента изъ наклеенныхъ бумажныхъ Русскихъ флажковъ. Въ ихъ лѣвыхъ верхнихъ углахъ были изображенія восьмиконечнаго православнаго

*) Изъ пѣсень Братства Русской Правды. Взята изъ журнала «Братская Правда» за май — іюнь 1931-го года.

креста со славянскими буквами надписью: — «Господи спаси Россію». На бѣлой полосѣ было напечатано: — «Коммунизмъ умереть — Россія не умереть», и наискось черезъ каждый флажокъ: — «Братство Русской Правды».

Парчевскій былъ правъ въ своемъ оптимизмѣ: — и здѣсь работало невидимое, и тайное «Братство»...

Милицейскій пытался задержать толпу. Его опрокинули. По пустынному, зловѣщему, точно настороженному и таящему страшныя опасности, проспекту 25-го октября люди шли потрясенные, раздавленные, угнетенные, пришибленные непонятнымъ страхомъ и молчали, молчали, молчали... Внизу подъ самымъ сердцемъ шевелилось какое то новое чувство, точно совѣсть говорила о чемъ то далекомъ и основательно позабытомъ, о чемъ нельзя, не нужно, о чемъ просто — страшно думать. Точно тамъ встала Россія, забытая, выкинутая изъ души и сердца, «угробленная», и... воскресшая.

И такія же молчаливыя, придавленные толпы шли навстрѣчу изъ «Паризіаны», «Колизея», «Пикадилли», «Светлой Ленты», и другихъ кинематографовъ Невского проспекта.

Какой то подгулявшій зритель, по виду рабочій, впрочемъ, Нордековъ здѣсь никакъ еще не могъ разбирать людей по профессіямъ, вѣроятно, стопроцентный коммунистъ, не боящійся никого, вышелъ на торецъ иостовой, заелозилъ стоптанными грязными башмаками по мокрымъ торцамъ и, выражая то, что происходило въ душахъ прохожихъ запѣлъ на всю улицу:

— Безъ меня меня женили,
Я на мельницѣ былъ...

XX.

На другой день по распоряженію Гепеу всѣ кинематографы Ленинграда были закрыты. У всѣхъ стояли гаряды полиціи. Шли обыски. Кинооператоры были арестованы.

А еще черезъ день по всему городу пошелъ невидимый, неизвѣстно кѣмъ пущенный слухокъ, что начальники, руководившіе обысками и арестами были найдены въ своихъ квартирахъ мертвыми. Врачи не могли установить причину смерти. Но ясно, что она была насильственная. И въ народѣ ее какъ то связали съ тѣмъ, что было въ кинематографахъ, съ обысками и арестами. Это была месть. Божіе наказаніе. «Огонь поядоущій» сошелъ съ неба и пожралъ тѣхъ, кто помогаль коммунистамъ угнетать Русскій народъ.

Каждый день какой то невидимый и неслышный аэропланъ разбрасываль по городу листовки, слова и ноты новыхъ пѣсень. Тѣхъ пѣсень, что слышали въ кинематографѣ въ ту ночь, слова тѣхъ заповѣдей, что заповѣдалъ Русскому народу его великій Суворовъ и которыя были показаны въ фильмѣ рядомъ съ заповѣдями фашиста. Эти листки и ноты боялись подбирать и все таки, потаясь, подхватывали, «чтобы отнести въ милицію», а по пути читали и заучивали наизусть.

Кинематографы, громкоговорители и радіо были закрыты и опечатаны. Вездѣ искали контръ-революцію и модное «вредительство». Но ищущіе, дѣлающіе выемки, обыски и опросы чекисты, дѣлали это несмѣло, безъ обычной наглости. Передъ ними стояли призраки людей, внезапно погибшихъ послѣ такихъ же обысковъ. Какая то сила высшая, чѣмъ сила коммунистовъ появилась и распоряжалась съ неумолимою справедливостью. Въ работѣ Гепеу, до этого времени такой точной, безстрастной и жестокой начались перебои и послабленія.

Лишенный зрѣлищъ и развлеченій голодный народъ волновался. Увеличилось пьянство. Самые необыкновенные слухи рождались въ праздной, никѣмъ не руководимой толпѣ.

Говорили... Гдѣ-то на Волгѣ нашли въ родникѣ вырѣзанное изъ дерева изображеніе Христа. И будто ходившіе къ этому роднику богомольцы рассказывали, что видѣли въ водѣ колодца подлѣ этого родника св. Николая Чудотворца на конѣ. И то, что никогда св. Николая Чудотворца не изображали коннымъ, толковалось богомольцами, какъ особое предзнаменованіе.

Св. Николай Чудотворецъ всегда почитался, какъ защитникъ и печальникъ о Русской землѣ и то, что онъ сѣлъ на коня, показывало, что онъ ополчился на брань за Русскій народъ. И говорили, что коммунистамъ пришелъ конецъ...

Все это было очень непріятно и тревожно для управленія Петрокоммуны. Приближалось 25-ое октября. День знаменательный, день захвата власти большевиками и по установленному обычаю день — табельный и нарочито празднуемый въ Ленинградѣ. Къ этому дню готовились шествія. Совѣтскіе служащіе и рабочіе должны были собираться по районно и идти со своими красными знаменами торжественной процессіей къ могиламъ жертвъ революціи. Проспектъ 25-го октября убирали флагами и плакатами, мели и чистили, но обычного, хотя и принудительнаго подъема въ населеніи не ощущалось. Ждали въ этотъ день чего-то особеннаго и боялись идти.

Была во всемъ городѣ придавленность и страхъ событий, надвигавшихся и неотвратимыхъ. Много говорили о Богѣ, о Его силѣ и Его гнѣвѣ. Въ церквахъ было больше, чѣмъ обыкновенно, молящихся.

XXI.

Октябрьскій день былъ темень и хмуръ. Морозило и была гололедка. Съ утра попархиваль снѣжокъ. Черныя, чугунныя статуи на Аничковскомъ мосту были точно тонкимъ Оренбургскимъ пухозымъ платкомъ, накрыты снѣговымъ узоромъ. Было холодно, скользко, но сухо. Мостовыя были покрыты зеленоватою жесткою грязью. Весь Ленинградъ, и старые и малые, сгонялись порайонно, чтобы составить внушительныя колонны. Части красной арміи подходили со своими музыкантами. Многіе заводы пришли съ заводскими оркестрами. Въ сумеркахъ рождающагося дня, то тутъ, то тамъ раз-

давалась музыка. Играли Марсельезу, Интернаціональ и марши. Команды распорядителей звучали громко и властно. Намерзшіе, съ утра ничего не ѣвшіе служащіе, плохо одѣтые, съ недовольными, хмурыми лицами топтались на мостовыхъ, ожидая приказа идти.

Нордековъ присматривался къ толпѣ. За эти дни онъ понялъ, что было бы очень опасно жить въ Петербургѣ въ гостинницѣ, еще того хуже было бы устроиться въ уплотненной квартирѣ, быть всегда съ совѣтскими людьми и на людяхъ. Тамъ неизбежно онъ сталъ бы предметомъ любопытства, наблюдений, возможно, разспросовъ. Тамъ каждый его промахъ вызвалъ бы доносъ, слѣжку и арестъ. Но въ ихъ «экстерриториальномъ» домѣ, въ ригѣ, подлѣ деревни Коломягъ — онъ былъ въ полной безопасности. Его могъ выдать только костюмъ, но костюмъ былъ по-совѣтски безупреченъ. Онъ самъ и стоявшій неподалеку отъ него Парчевскій такъ сливались съ толпой, что признать въ нихъ пришлыхъ было невозможно. Вѣрно сказалъ незнакомецъ, ихъ выдавали только глаза. У всѣхъ кругомъ — глаза были усталые и потухшіе. Въ нихъ отразилось, что всѣ эти шествія, процессіи, пролетарскіе праздники давно смертельно надоѣли. Никакого революціоннаго пафоса не замѣчалось. Шли по тяжелой обязанности, исполняя нудную повинность. Старики совсѣмъ завяли, молодежь бодрилась. Кругомъ точно собаки - овчарки подлѣ барановъ сновали распорядители, носатые, подрумяненные морозомъ брютеты. Они покрикивали, устанавливая порядокъ. Къ нимъ то и дѣло подѣзжали велосипедисты, сообщавшіе о томъ, что дѣлается въ сосѣднихъ районахъ и когда можно будетъ трогаться... Собирались по заводамъ и предпріятіямъ. Гидромеханическій заводъ «Пожарное дѣло» съ улицы Скороходова пришелъ по улицѣ Бѣлинскаго и сталъ сзади рабочихъ завода «Транспортъ» съ проспекта Энгельса. Какой-то молодой человѣкъ съ горящими, какъ угли мрачными глазами отыскивалъ бумажную фабрику «Возрожденіе».

Впереди заиграли «Интернаціональ». Невыразимо печальны были звуки оркестра. Они двоили, отдаваясь

эхомъ о дома улицы. Сильнѣ посыпалъ снѣгъ и сталъ таять. Колонна тронулась. Пробѣжалъ съ красной нарукавной повязкой распорядитель и крикнулъ:

— Граждане, прошу соблюдать революціонный порядокъ!

Парчевскій протолкался къ Нордекову и сказалъ:

— Помнишь у Блока: — «революціонный держите шагъ — неугомонный не дремлетъ врагъ». Давай-ка, братъ, пробираться впередъ. Пора. Наши уже тамъ: — «неугомонный не дремлетъ врагъ»...

Онъ ничего не боялся, этотъ молодчина гусаръ Парчевскій! Онъ уже примѣтилъ, что, кромѣ организованныхъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, много было людей, приведенныхъ домовыми комитетами и просто любопытныхъ, никому не знакомыхъ.

Толпа во образъ колонны тронулась. Передніе, должно быть, комсомольцы, пытались идти въ ногу. Толпа имъ мѣшала. При всемъ кажущемся порядкѣ было очень много безпорядка, и Парчевскій это сейчасъ же оцѣнилъ. Была толпа — значитъ — можно было работать. Ее надо было обратить въ психологическую толпу и заставить поддаться внушенію.

Впереди запѣли «Интернаціоналъ». Голосисто завизжали дѣвки работницы, сбили съ тона и смолкли.

Рядомъ съ Нордековымъ шелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и рассказывалъ своему сосѣду:

— На шести еропланахъ прилетѣли ночью. Мнѣ Вузовецъ съ Калининскаго Политехникума докладывалъ. У нихъ, значитъ, пьянка была, расходились подъ утро, вотъ оно и свѣтать начинается. На поле, у деревни Ручьи спускается еропланъ и весь онъ серебряный... Ну, грандіозный! И совсѣмъ ничего не слышно, какъ моторъ работаетъ... Спустился и сейчасъ, значитъ, четыре въ кожаныхъ курткахъ какъ выскочатъ и разбѣжались по угламъ поля. Ну, видно, самые чекисты. И сейчасъ еще и еще шесть ероплановъ, ну такъ грандіозно это вышло... Онъ и не сталъ смотрѣть, можетъ, тайна какая, еще въ отвѣтъ попадешь.

— Откуда же они прилетѣли?

— А кто же ихъ знаетъ, вѣдаетъ.

Парчевскій, внимательно слушавшій этотъ разговоръ и не перестававшій глазами шарить по толпѣ, показалъ Нордекову впередъ:

— Смотри, Гласовцы.

Теноръ Кобылинъ въ какихъ-то стариковскихъ оловянныхъ очкахъ, въ шапкѣ собачьяго мѣха, въ красномъ шарфѣ, совсѣмъ вѣчный совѣтскій Вузовецъ, или шкрабъ *) шелъ, усмѣхаясь подлѣ троттуара. Онъ увидалъ Нордекова и Парчевскаго, но и вида не показалъ, что узналъ ихъ. Басъ Труниловъ безъ шапки въ рваной фуфайкѣ спокойно разспрашивалъ милицейскаго. Весь Гласовскій хоръ былъ въ головѣ колонны.

Въ толпѣ пробовали пѣть. Но, или всѣмъ смертельно надоѣлъ уныло звучащій «Интернаціональ» и совсѣмъ не бодрая рабочая Марсельеза, или не подоברались по голосамъ, не было регента, но пѣли ужасно уныло и нескладно.

— Мыши кота хоронятъ, — сказалъ тотъ, кто разсказывалъ о прилетѣ «грандіозныхъ» аэроплановъ.

Голова колонны вышла на Невскій. Снѣгъ все сыпалъ, таялъ на черныхъ суконныхъ толстовкахъ, на рваныхъ пальтишкахъ, текъ слезами по щекамъ. Легкій паръ поднимался надъ толпою. Бурое небо опустилось низко надъ домами. Перешли черезъ Аничковъ мостъ и, свернувъ на Садовую, тѣсно сдавились въ рядахъ. Впереди въ лиловыхъ туманахъ показались черныя голыя деревья Михайловскаго сада. Инженерный замокъ казался призракомъ. Въ его оградѣ стояли конныя части. Отъ мелкихъ косматыхъ лошадей шелъ густой паръ. Марсово поле было совсѣмъ близко. Оно было залито толпой, стоявшей между кустовъ сада. Тамъ было странно тихо. Должно быть посерединѣ, у могилъ жертвъ революціи, говорили рѣчи, и толпа, хотя и невозможно было слышать, стояла, прислушиваясь въ напряженной тишинѣ. Что-то невнятно бубнилъ громкоговоритель.

Вдругъ... Нордековъ не могъ уловить, какъ это про-

*) Шкрабъ — школьный работникъ, учитель.

изошло, въ эту тишину, нарушаемую только шелестомъ шаговъ по мокрому снѣгу, да частымъ кашлемъ, съ силою, съ особымъ бодрымъ призывомъ вошла смѣло за-пѣтая большимъ прекраснымъ хоромъ на мотивъ стараго Петровскаго марша дерзновенная пѣсня. Она началась разомъ, по невидимой палочкѣ, гдѣ-то въ толпѣ бывшего регента.

— Подымайтесь, братья, съ нами
Знамя Русское шумить,
Надъ горами, надъ долами
Правда Русская летить.

Подъ это бодрое и лихое пѣніе всѣ какъ-то подтянулись. Шагъ сталъ ровнѣе, взяли ногу. Молодой распорядитель подсчиталъ: — «лѣвой, правой, разъ, два»... Головы поднялись. Стали прислушиваться. Хоръ въ толпѣ перешелъ ко второму колѣну марша и красивымъ переливомъ продолжалъ:

— Мы отъ дѣдовъ правду эту
Въ нашемъ сердцѣ сберегли.
Вырвемъ Русскую побѣду
У враговъ своей земли....

Съ силою, полными, далеко несущимися голосами продолжали:

— Славу Русскому народу
Дружно, громко мы поемъ.
За народную свободу
Противъ красныхъ мы идемъ.
Съ нами всякъ, кто вѣритъ въ Бога,
Съ нами Русская земля
Мы пробьемъ себѣ дорогу
Къ стѣнамъ древняго Кремля...

Заверещали свистки милицейскихъ... Кто-то побѣжалъ, подбирая полы длинной шинели, къ Инженерно-

му Замку. Въ толпѣ началось смятеніе. Одни устремились впередъ, подальше отъ этой смѣлой пѣсни, другіе проталкивались назадъ. Передніе, поддавшись обаянію лихой и бодрой пѣсни, смѣло и гордо шагали въ ногу, подъ ясное и все болѣе и болѣе воодушевленное пѣніе:

— Крѣпче бей нашъ Русскій молотъ
И греми, какъ Божій громъ,
Пусть падетъ во прахъ расколотъ
Сатанинскій Совнаркомъ....

Смерть проклятымъ комиссарамъ...
Нѣтъ у насъ пощады имъ.
Русскимъ дружнымъ мы ударомъ
Эту нечисть истребимъ....

Изъ двора Инженернаго Замка рысью выѣзжалъ эскадронъ конной милиціи. Кое-кто, шедшій за хоромъ, бросился бѣжать. Была страшная давка и смятеніе. И только маленькая кучка словно очарованныхъ пѣніемъ людей бодро шла впередъ навстрѣчу выстраивавшему фронтъ эскадрону, и особенно ярко, звонко и смѣло гремѣлъ на все поле дружный хоръ:

— Подымайтесь, братья, съ нами
Знамя Русское шумитъ,
Надъ горами, надъ долами
Правда Русская летитъ... *).

Эскадронъ пробился черезъ толпу бѣгущихъ и, выстраивая фронтъ и разгоняя прижимающихся къ домамъ и рѣшеткамъ садовъ людей, рысью пошелъ на поющихъ. Пѣсня не смолкала. Она неслась дерзкимъ неудержимымъ вызовомъ.

Внезапно развернулся и яркой молніей блеснулъ въ сумрачномъ воздухѣ, въ снѣгу и туманахъ октябрьскаго Петербургскаго дня, сверкая сквозь снѣговую кисею

*) Пѣсня братьевъ Русской Правды.

и колеблясь въ призранныхъ тонахъ большой Русскій Бѣло-сине-красный флагъ...

— Маршъ-маршъ, — скомандовалъ остервенѣлый краскомъ и выхватилъ изъ ноженъ шашку.

Люди, стоявшіе на окраинѣ сада Марсова поля, давно услышавшіе пѣніе, повернулись лицомъ къ Садовой. Между голыхъ кустовъ, на покрытыхъ тающимъ снѣгомъ буро-зеленыхъ газочахъ, вдоль набережной Мойки, вездѣ были растерянные, не знающіе, что дѣлать толпы. Все въ этотъ мигъ атаки замерло и смотрѣло съ ужаснымъ, волнующимъ вниманіемъ, какъ начнется чекистская рубка.

И вдругъ — «а-а-аххъ»... стономъ пронеслось надъ толпами.

Весь эскадронъ, точно сраженный какою-то сверхъестественною силою, всѣ люди и лошади, будто онѣ разомъ подскользнулись на мокрыхъ и скользкихъ торцахъ упали на землю и такъ и остались лежать на ней совершенно недвижимые. Никто не смотрѣлъ, что было дальше, куда дѣвался Русскій флагъ, куда скрылись дерзкіе пѣвцы, но всѣ, какъ заколдованные, смотрѣли на темный валъ изъ людскихъ и конскихъ тѣлъ сраженныхъ неслышной и невидимой силой и легшихъ неподвижною грядю поперекъ «улицы 3-го іюля».

Такъ, когда-то, въ 1917-мъ году, 3-го іюля, на Литейномъ проспектѣ подкошенные большевѣцкимъ залпомъ, легли поперекъ проспекта доблестные Донскіе казаки. Въ память этой бойни большевики называли Большую Садовую улицу «улицею 3-го іюля». Она напомнила о себѣ. Она отомстила за казаковъ.

Объ этомъ невольно думали въ толпѣ, расходившейся съ церемоніи. Думали и боялись своихъ думъ, воспоминаній и надеждъ... Говорить, ничего не говорили... Самыя думы были страшны...

«Богъ вернулся къ Сѣверной столицѣ... Замолила наши грѣхи передъ Господомъ Казанскя Божія Матерь... Огонь посядающій настигъ на улицѣ злыхъ гонителей и насильниковъ...»

Думали, мысленно, потаечно молились и молчали, молчали, молчали... Въ эти дни въ Петербургѣ была та-

кая тишина, какой никогда со времени существованія Сѣверной столицы въ ней не было.

Тишина ожиданія..

И такъ отвѣчали этой тишинѣ хмурые, темные, туманчые, послѣдніе дни октября съ темнобурымъ низкимъ непрозрачнымъ небомъ съ мелко морозящимъ дождемъ, съ тьмою надъ городомъ, съ тусклымъ мерцаніемъ съ утра зажженныхъ фонарей.

XXП.

Праздникъ 25-го октября въ Москвѣ праздновался гораздо торжественнѣе и оживленнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Близость начальства, незримое присутствіе самого творца совѣтскаго союза Владиміра Ильича Ленина, словно спящая красавица лежавшаго въ хрустальномъ гробу, подъ громаднымъ каменнымъ кубической формы безобразнымъ саркофагомъ, наличность большого числа иностранныхъ и ичородческихъ коммунистовъ, пыльныхъ азіатовъ и даже африканцевъ, проповѣдчиковъ коммунизма — все это подстегивало толпу, заставляло ее бодрѣе маршировать, склоняя знамена, мимо могилы Ленина, забывая голодъ и морозъ. Начальство къ этому дню заготовляло бутерброды и раздавало манифестантамъ, что увеличивало рвеніе голодныхъ толпъ городского пролетаріата и рабочихъ.

День выдался ясный и солнечный. Небо было безъ сдинаго облака. Октябрьское солнце грѣло мало, но слѣпило на выпавшемъ наканунѣ молодомъ и чистомъ снѣгу глаза. Много было нагнано нищей и оборванной замерзающей дѣтвы изъ различныхъ школъ и пріютовъ. Все это шагало черезъ Красную площадь съ утра, показывая мощь пролетаріата, въ чинномъ порядкѣ. Порядокъ этотъ соблюдался строго. Кремль былъ оцѣпленъ отрядами чекистовъ, и Николай Николаевичъ Чебыкинъ, — пятнадцать лѣтъ тому назадъ прокуроръ Окружного Суда въ этой самой Москвѣ, самъ коренной Москвичъ, сразу почувствовалъ, что исполнить возло-

женное на него и на его «экипъ» капитаномъ Немо порученіе ему будетъ не такъ то просто...

У Кремлевскихъ воротъ толпу процѣживали, и пропускали только тѣхъ, о комъ было извѣстно отъ какой организаціи они шли. Требовали отъ одиночныхъ людей какихъ-то особыхъ пропусковъ, и этихъ-то пропусковъ и не было дано Чебыкину. Не знали этого что ли Ястребовъ и генераль Чекомасовъ, но они не снабдили ими «экипъ», посланный для работы въ Москву. Все дѣло такъ прекрасно налаженное могло сорваться изъ-за этой мелочи.

Куда ни пристраивался Чебыкинъ со своимъ «экипомъ», всюду его спрашивали, откуда онъ и кто?

— Вы, гражданинъ, чего? Здѣсь отъ «Прибоя»...

Чебыкинъ шелъ къ другому сборищу, но тамъ собирався «Стандартъ-строй», дальше — «Тепло и сила», «Мосельпромъ», все то, что пропускалось въ Кремль, было зарегистрировано, было извѣстно чекистамъ. Сѣрая, никому неизвѣстная, никѣмъ не рекомендованная, безпартийная толпа въ Кремль не могла получить доступа... Чебыкинъ былъ въ полномъ отчаяніи. Вдругъ какой-то человѣкъ къ нему присмотрѣлся, потомъ подошелъ почти вплотную и сказалъ внушительно и вѣско:

— Если вы, граждане, отъ «Красной вагранки», вамъ надо идти съ нами.

Онъ еще ближе придвинулся къ Чебыкину, чуть распахнулъ на груди черную грубую толстовку, и Николай Николаевичъ на мгновеніе увидѣлъ на шеѣ незнакомца такъ хорошо знакомый ему «братскій» крестъ. Тогда Чебыкинъ спокойно отвѣтилъ:

— Я и мои товарищи отъ «Красной вагранки».

Незнакомецъ обратился къ распорядителю, бронзовому молодому человѣку, не то индусу, не то сарту и сказалъ съ авторитетностью человѣка, имѣющаго власть:

— Товарищъ, допустите вотъ ихъ... Они намъ извѣстны. Делегаты отъ «Красной вагранки»...

Шествіе тронулось въ Кремль.

Отъ яркаго кумача, затянувашаго трибуны и самыя стѣны Кремля все кругомъ было точно въ какомъ-то

пламенномъ сіяніи. Синее небо блистало надъ Кремлемъ. Бѣлый снѣгъ площади постепенно заполнялся темной толпой, надъ которой полыхали тутъ и тамъ красныя знамена и плакаты. Все было ярко, красочно и аляповато, какъ грубый народный лубокъ.

Въ морозномъ воздухѣ гремѣли оркестры. Красная армія становилась на площади правильными прямо-угольниками резервныхъ колоннъ. Командные крики, четкость построений создавали впечатлѣніе порядка и усиливали праздничную торжественность Красной площади. На трибуны съѣзжалось правительство. Сквозь толпу, гудя и фырча, проходили автомобили комиссаровъ. Конная милиція крупами лошадей, не хуже бывшихъ жандармовъ, осаживала правовѣрный, отцѣженный народъ. Кое-гдѣ для острастки посвистывали нагайки. Толпа была молчалива.

Чебыкинъ окинулъ глазомъ площадь. «Хватить ли», — подумалъ онъ. Его сосѣдъ, помощникъ его въ «экипѣ», «въ міру», какъ онъ про себя говорилъ, — присяжный повѣренный Демчинскій, точно угадалъ его мысль.

— Если всѣ шесть разомъ, хорошо выйдетъ: мнѣ профессоръ говорилъ — два квадратныхъ километра въ десять секундъ... Придется таки намъ съ вами сегодня поплакать.

Музыка прекратилась. Безконечныя, вѣроятно, съ ранняго утра проходившія мимо могилы «Ильича» процессіи, были остановлены и поставлены лицомъ къ трибунѣ. Настало время рѣчей. Чебыкинъ посмотрѣлъ на часы.

— Пора, — шепнулъ онъ Демчинскому.

Нажатіемъ руки снаружи пальто, — руки въ карманахъ запрещено было держать, — онъ освободилъ холодную склянку, морозившую ему бедро, и почувствовалъ, какъ она быстро скользнула вдоль ноги и упала подлѣ сапога. Онъ наступилъ на нее ногою.

Прошла томительная секунда, показавшаяся Чебыкину вѣчностью. За эту секунду такъ много онъ передумалъ. «Вдругъ испортился составъ, ничего не выйдетъ. сосѣди замѣтятъ раздавленное стекло, его заподозрятъ, схватятъ, поведутъ, и придется пускать то самое страшное, отъ чего чья-то произойдетъ смерть». Это казалось

Чебыкину ужасно труднымъ, просто таки невозможнымъ.

Ледяной токъ бѣжалъ по жиламъ. Говорятъ, передъ казнью вся жизнь проносится быстрымъ потокомъ, такъ теперь неслась передъ Чебыкинымъ въ воспоминаніяхъ его жизнь въ маленькомъ пригородномъ мѣстечкѣ, работа въ газетѣ, скромныя эмигрантскія развлеченія и пустота и тина Парижской жизни Русской колоніи. Какою прекрасной она показалась ему сейчасъ! Сердце отбивало въ вискахъ секунды и, несмотря на морозъ, лобъ вспотѣлъ подъ легенькой каскеткой. Чебыкинъ овладѣлъ собою и сталъ отсчитывать секунды. Ему казалось, что ихъ прошло что-то ужасно много. «Десять, одиннадцать, двѣнадцать», — считалъ онъ. И все страшнѣе и страшнѣе становилось ему. Онъ не смѣлъ оглянуться.

Вдругъ что-то ударило ему въ носъ, какъ ударяетъ изъ пѣнистаго бокала шампанская игра. Сразу защемило глаза, сжало до боли вѣки и крупныя слезы покатались по щекамъ. Чебыкинъ собралъ всѣ свои силы, заставилъ себя открыть глаза и черезъ пелену слезъ окинулъ взглядомъ площадь. Странное зрѣлище представилось ему. Вся громадная площадь, заставленная войсками, покрытая народными толпами, точно получила какой-то ударъ. Рѣчь, такъ самоувѣренно, властно, самохвально и сильно звучавшая съ трибуны, вдругъ оборвалась на полусловѣ. Въ рядахъ красной арміи было шевеленіе, ружья держали кое-какъ, люди опустили головы, повсюду были видны бѣлые платки. Утирались рукавами, кулаками, терли глаза ладонями и не могли остановить слѣпящаго потока слезъ. Никто не могъ поднять глазъ къ небу, а между тѣмъ именно съ неба то и несло то, что должно было оскорбить, смутить и поразить собранныхъ здѣсь правовѣрныхъ, «сто процентныхъ» коммунистовъ. Но посмотрѣть въ эту голубую высь, пронизанную золотыми солнечными лучами, казалось — потерять зрѣніе навсегда.

Величественные, плавные, возбуждающіе, несказанно красивые звуки стараго, «бывшаго» Русскаго народнаго гимна лились съ небесной вышины.

Сколько разъ, на коронаціяхъ Императоровъ, на парадахъ и церемоніяхъ на этой самой Красной площади, въ этихъ самыхъ стѣнахъ Кремля, подлѣ его соборовъ и церквей, подлѣ дворцовъ, помнящихъ бывшихъ Царей и Великихъ Князей Московскихъ, въ теченіе почти ста лѣтъ играли этотъ гимнъ. И точно стѣны Кремля, башня Ивана Великаго, стѣны и купола Успенскаго собора и Василія Блаженнаго впитали, вобрали въ себя и сохранили эти молитвенно чистые возбуждающіе на подвигъ любви звуки и теперь излучали ихъ непостижимымъ образомъ среди людей, отъ Отечества своего отрекшихся.

Можетъ быть, только инородцы и жида, — этихъ было особенно много въ толпѣ и на трибунахъ, — да зеленая комсомольская молодежь ничего не чувствовали, кромѣ недоумѣнія и злобы. Всѣ остальные, закоренѣлые, матерые коммунисты изъ продавшихся власти интернаціонала Царскихъ генераловъ, изъ ученыхъ, профессоровъ и чиновниковъ, изъ старыхъ рабочихъ, видавшихъ и знавшихъ иныя времена и порядки, почувствовали, какъ гдѣ-то далеко внутри ихъ должно быть тамъ, гдѣ все-таки есть душа, которую они отрицаютъ, что то вмѣстѣ съ произвольными слезами поднялось и смутило ихъ. И стало казаться, что вотъ эти самые звуки, съ дѣтства святыя и священные, съ дѣтства дорогіе, ибо въ нихъ отражалось Отечество, великая и могучая Россія, именно они то и вызвали эти неудержимыя, неукротимыя слезы, остановить которыя никто не могъ.

Тяжелые вздохи и всхлипыванія раздавались вокругъ Чебыкина. Гимнъ кончился. Въ наступившей на мгновеніе тишинѣ кто-то громко, съ тяжкимъ вздохомъ произнесъ:

— Что потеряли то!

И сейчасъ же раздалось мощное: — «пумъ, пумъ, пумъ» и съ неба полились четкіе звуки прекраснаго оркестра:

Жизнь и смерть

— Боже, Царя храни...
Сильный, Державный,
Царствуй на славу,
На славу намъ...

А между тѣмъ здѣсь эти слова были величайшимъ святотатствомъ, болѣе того — государственнымъ преступленіемъ, крамолой. Чекисты старались поднять застекленные слезами глаза къ небу и разглядѣть тѣхъ дерзновенныхъ, кто тамъ въ небесной вышинѣ — и какъ! — смѣлъ играть.

Гимнъ былъ проигранъ три раза. И когда въ третій разъ смолкли его торжественные, мощные звуки, слезы стали течъ медленнѣе, пароксизмъ плача, ибо что же это могло быть, какъ не болѣзненный припадокъ? — сталь проходить и люди очухались.

Тогда рискнули взглянуть вверхъ.

Чистая синева была въ небѣ. Золотыми пузырьками струились въ немъ солнечные отблески, ходили вверхъ и внизъ въ затѣйливой игрѣ.

Ни естественнаго, какого-нибудь тамъ что ли воздушнаго шара, ни сверхъестественнаго — ангеловъ, трубящихъ въ трубы, тамъ не было. Чистое, октябрьское, Московское небо, сіянье полуденныхъ солнечныхъ лучей и въ немъ купола старыхъ церквей Кремлевскихъ — больше ничего.

Но даже на трибунѣ, гдѣ собрался махровый цвѣтъ людской лжи и наглости, поняли, что теперь нельзя, ибо совершенно бесполезно, продолжать рѣчь о достиженіи «пятилѣтки», о побѣдѣ коммунистовъ въ Германіи, о финансовомъ крахѣ Англіи и о раболопствѣ передъ большевиками Франціи. Неубѣдительны и смѣшны показались бы теперь эти слова.

Было приказано расходиться.

Толпы шли колоннами и нестройными группами. Въ нихъ каждому хотѣлось говорить, обсудить, что же это въ самомъ дѣлѣ произошло, какъ и кѣмъ могло быть все это сдѣлано? Но говорить никто не смѣлъ. Секретные агенты, какъ никогда, были внимательны и шныряли повсюду и каждый въ каждомъ видѣлъ врага, шпіона и доносчика. Страненъ былъ видъ этихъ тысячныхъ толпъ, двигавшихся по Москвѣ въ гробовомъ молчаніи. Зимній день клонился къ вечеру. Румяная заря горѣла надъ городомъ. Отъ земли поднимался туманъ. Въ немъ

призраками, вышедшими изъ могилъ мертвецами, казались всѣ эти люди, расходившіеся по своимъ конурамъ.

Въ совѣтѣ народныхъ комиссаровъ было собрано чрезвычайное совѣщаніе. Ничего таинственнаго ни въ слезахъ, ни въ гимнѣ найдено не было. Оркестръ былъ спрятанъ гдѣ-то на башняхъ. Можетъ быть, даже его игру передавали по радіо, усиленному громкоговорителемъ. Въ толпу были пущены слезоточивые газы. Кто установилъ этотъ оркестръ или радіо-аппаратъ, кто пустил газы — должно было установить Гепеу.

Начались обыски и повальные осмотры Кремля со всѣми его закоулками и тайниками. Однако, смущенные таинственными смертями своихъ товарищей, уже нѣкоторое время неизмѣнно слѣдовавшими за слишкомъ большое служебное стараніе и рвеніе, агенты Чрезвычайки на этотъ разъ обыскивали безъ должнаго усердія и рвенія и ничего и никого не нашли.

Страхъ и растерянность овладѣли обычно такими самоувѣренными и наглыми Московскими владыками. Такъ некстати пришло показаніе одного Ленинградскаго помпрокурора о томъ, что, примѣрно годъ тому назадъ, къ нему являлся нѣкій гражданинъ, именовавшій себя Оомою Оомичемъ Ооминымъ, Кронштадтскимъ мѣщаниномъ, повидимому, сумасшедшій. Этотъ Ооминъ вычитывалъ передъ прокуроромъ изъ Библии пророчество Даниилово и предсказывалъ такую же скорую гибель Сталина и совѣтской республики.

И шептали, что будто бы самъ Сталинъ потребовалъ себѣ Библію и читалъ Даниилово пророчество. Оомича было приказано разыскать и арестовать, но какъ оказалось, тогда же Ооминъ былъ арестованъ и за дерзкія слова и храненіе запрещенной книги сосланъ на далекій сѣверъ... А далекій сѣверъ....

Вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ никто ничего не могъ сказать, что тамъ происходило...

Слухи оттуда шли самые невѣроятные и ужасные.

XXIII.

О событіяхъ, происходившихъ этою осенью въ Москвѣ, Ленинградѣ и другихъ большихъ городахъ республики естественно въ совѣтскихъ газетахъ ничего не писали. «Правда», «Извѣстія», «Красная газета» въ обычныхъ официальныхъ, приподнятыхъ тонахъ съ наиграннымъ пафосомъ описали торжества по случаю праздника республики, но въ пафосѣ этомъ можно было замѣтить и какую-то несвойственную большевикамъ сдержанность. И редакторы газетъ, и казенные писатели, и рабкоры знали, что народъ уже все зналъ и, если молчалъ, то молчаніе его становилось все болѣе грознымъ и зловѣщимъ.

Какъ ни туго былъ завязанъ платокъ на рту совѣтскаго обывателя, какъ ни былъ онъ приученъ молчать и скрывать свои чувства и думы, въ народѣ опредѣленно говорили, что коммунистамъ пришелъ конецъ, что Царь идетъ съ сѣвера, и настала пора расплаты за все. Отъ этихъ страховъ грядущей расплаты полицейскій аппаратъ слабѣлъ неудержимо. Въ народѣ крѣпло сопротивленіе властямъ.

Налоги поступали неправильно, неаккуратно и не въ должномъ размѣрѣ. Колхозы не сдавали хлѣбъ въ казну, но дѣлили его между рабочими, продавали на сторону. Потомъ стали и земли колхозовъ дѣлить между собою. Кто-то пустилъ въ народѣ слухъ, что самъ Сталинъ приказалъ дѣлить колхозы «въ собственность». Что это новая экономическая политика, вызванная мировымъ кризисомъ, новый НЭП, такъ называемый «неонэпъ», особый свыше одобренный «прогибъ» и «уклонъ».

Красная армія отказывалась выступать противъ колхозниковъ. Во многихъ частяхъ арміи и флота произошли беспорядки «на экономической» почвѣ. Эти беспорядки были, пожалуй, самими большевиками подготовлены. Они такъ усердно показывали матросамъ и солдатамъ Эйзенштейновскій фильмъ «Броненосецъ Потемкинъ» и въ немъ учили матросовъ, какъ имъ надо

поступать, когда имъ дадутъ не свѣжую провизію. Продо-вольствія не хватало уже и на армію. Въ одинъ сквер-ный ноябрьскій день на броненосецъ «Парижская Ком-муна» было доставлено мясо съ червями. Матросы взбунтовались, сбросили «комсоставъ» въ воду и от-крыли огонь по Кронштадту. Къ «Парижской Комму-нѣ» присоединился линейный корабль «Марать». Успо-коить разъяренныхъ матросовъ удалось, лишь убѣдивъ ихъ, что это дѣло рукъ «вредителей» и что эти «вреди-тели» будутъ подвергнуты самымъ жестокимъ пыткамъ, а затѣмъ смертію казнены.

Предстояли срочные платежи по Германскимъ, Анг-лійскимъ и Французскимъ займамъ. Страна была объ-ята возстаніями и собирать принудительно хлѣбъ было невозможно. Казна была пуста.

Къ счастью большевиковъ, все это произошло тог-да, когда они успѣли задолжать кругомъ крупныя сум-мы промышленникамъ, поддержаннымъ государствен-ными банками, и во всемъ мірѣ началась тревога, какъ помочь совѣтскому правительству подавить возстанія и окрѣпнуть настолько, чтобы оно снова могло экспло-атировать Русскій народъ и выжимать изъ него сред-ства для уплаты по долгамъ. Еще къ великой радости большевиковъ къ этому времени имъ удалось заключить со всѣми большими государствами Европы пактъ о не-нападеніи, войти въ довѣріе передъ Лигой Націй, убѣ-дить всѣхъ въ своемъ миролюбіи, «пацифизмѣ», а это въ тѣ времена былъ тотъ самый червячокъ, на который особенно охотно клевала демократическая рыбка.

Совѣтское правительство демонстрировало передъ всѣмъ міромъ свое тяжелое положеніе вслѣдствіе непре-кращающихся возстаній и указывало, что, если ему не будетъ оказана помощь денежная, а если понадобится, то и войсками, въ Россіи неминуемы еврейскіе погромы и возстановленіе Императорской власти.

Большевицкая власть по своему составу была ев-рейская власть. На всѣхъ командныхъ постахъ преиму-щественно, а въ комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ почти исключительно сидѣли евреи. Русскій народъ былъ прочно зажатъ въ еврейскіе тиски и обращенъ въ ра-

бовъ еврейскаго капитала. Теперь этому самому капиталу грозила опасность не получить того, что задолжала ему совѣтская власть. Торговля во всемъ мірѣ глохла, страшный экономическій кризисъ охватилъ государства Европы. Количество безработныхъ исчислялось милліонами. Скандалы въ кинематографахъ, гдѣ пытались показывать совѣтскія фильмы, препятствіе торговлѣ совѣтскими товарами, все это раздражало торговый и банкирскій міръ, и было рѣшено оказать мощную экономическую поддержку большевикамъ, чтобы они могли справиться со своими финансовыми затрудненіями и подавить всѣ возстанія и беспорядки, не прекращавшіеся съ нѣкотораго времени въ странѣ.

Съ этою цѣлью нѣсколько самыхъ крупныхъ представителей мірового банковскаго міра должны были съѣхаться на совѣщаніе въ ноябрѣ, въ одномъ изъ банковъ Берлина и тамъ обсудить какъ и въ какой степени капиталистическій міръ можетъ помочь государству, гдѣ осуществляется чистый социализмъ.

Наканунѣ засѣданія собравшіеся банкиры, и каждый на томъ языкѣ, на которомъ онъ говорилъ, получили отбитыя на машинкѣ анонимныя записки. Этими записками они предупреждались, что если они соберутся на это засѣданіе, они погибнутъ страшною смертію.

Это было принято, какъ «бѣлогвардейская» выходка Русскихъ эмигрантовъ, людей безсильныхъ. Съ ними давно надо было прикончить. На записки не было обращено никакого вниманія. Помѣщеніе банка охранялось громаднымъ нарядомъ явной и тайной Берлинской полиціи. Лучшіе полицейскіе агенты всѣхъ странъ, откуда были банкиры, были вызваны для охраны банка. Никакая опасность не могла угрожать собравшимся. Въ цѣломъ кварталѣ было прекращено движеніе, жители сосѣднихъ домовъ были выселены и на ихъ мѣсто посажены полицейскіе агенты. Никогда ни одно коронованное лицо не охранялось такъ тщательно и заботливо, какъ охранялись эти жидаы банкиры, владыки мірового капитала.

И тѣмъ не менѣе...

Какъ это случилось — надъ этимъ ломали головы

лучшіе криминалисты всего міра и представители политическаго и уголовного розыска Европы. Каждая ихъ догадка, однако, сейчасъ же опровергалась, и догадокъ было много, отгадки ни одной.

Во время засѣданія, когда читался докладъ мѣстнаго представителя совѣтской власти, все зданіе, солидно, съ нѣмецкою основательною фундаментальностью построенное изъ громадныхъ гранитныхъ глыбъ, было объято совсѣмъ необычайнымъ пламенемъ. Жаръ былъ такъ силенъ, что расплавились стальные камеры кладовыхъ и не только всѣ кто былъ внутри зданія, но и вся наружная охрана живьемъ сгорѣли въ какое-нибудь мгновеніе. Въ противоположныхъ домахъ полопались стекла и загорѣлись деревянные двери и створки оконъ. Все это продолжалось какіе-нибудь полчаса. Пожарные едва успѣли пріѣхать, какъ отъ зданія остались только обугленные стѣны. Спасать и тушить было нечего. Внутри въ хаотическомъ безпорядкѣ были навалены куски погнутаго расплавленнаго желѣза, камни, да въ извѣсть обращенныя человѣческія кости. Золото въ сейфахъ было расплавлено и перемѣшалось съ камнями и мусоромъ, отъ бумажной валюты и кассовыхъ книгъ ничего не осталось.

«Огонь поядающій» сошелъ съ неба и попалилъ пособниковъ діавола.

Конечно, такое объясненіе не годилось для правительствъ тѣхъ странъ, откуда были банкиры. Вызванные спеціалисты, химики и артиллеристы признали, что такіе составы, могущіе все обратить въ пламень, могли быть. Тутъ нѣтъ ничего ни Божескаго, ни чудеснаго. Подобныя бомбы имѣются въ воздушныхъ флотахъ міра. Странно было, что никто не слышалъ грохота разрыва, никто не видѣлъ аэроплана, прилетѣвшаго къ зданію банка, а между тѣмъ банкъ охранялся воздушнымъ флотомъ.

Возмущеніе по этому поводу было громадное, и на требованія совѣтскихъ представителей о примѣрномъ наказаніи «вредителей», наглость которыхъ превзошла всѣ мѣры, было торжественно обѣщано, что, если совѣтское правительство докажетъ, что эти вредители имѣ-

ють какую-то базу внѣ совѣтской республики, что ихъ дѣйствія направляются изъ заграницы, распоряженіемъ Лиги Націй будетъ составленъ мощный международный отрядъ, которому будетъ поручено истребленіе этой базы.

Докладъ капитана Холливеля въ «Интеллидженсъ Сервисъ» о таинственномъ кинематографическомъ обществѣ «Атлантида» рѣшилъ дѣло. Детективнымъ бюро и развѣдкамъ всего міра было приказано отыскать во что бы то ни стало мѣсто нахождения пассажировъ парохода «Немезида».

Въ этомъ совѣтской власти помогла Русская «бѣлая» эмиграція.

XXIV.

Зимою этого года въ Русскомъ эмигрантскомъ мірѣ много говорили о томъ, что образовавшееся въ прошломъ году кинематографическое общество «Атлантида» вовсе не кинематографическое общество, а бѣлогвардейскій отрядъ, набербованный какимъ-то генераломъ для десантныхъ операцій въ совѣтской Россіи. Называли и имя этого генерала, впрочемъ, всякій разъ разное. А съ нѣкоторыхъ поръ стали говорить, что этотъ отрядъ собрался на какомъ-то уединенномъ острову въ Атлантическомъ океанѣ недалеко отъ Саргассова моря, тамъ устроилъ базу, съ этой базы говоритъ по радіо и посылаетъ своихъ людей на аэропланахъ во всѣ страны Европы.

Эти слухи пошли изъ Парижа и даже, точнѣе, изъ того маленькаго предмѣстья Парижа, такъ называемаго бан-лье, гдѣ была вилла «Les Coccinelles». Точно тамъ кто то бросилъ камень въ воду и какъ отъ такого брошеннаго камня идутъ все расширяющіеся круги, такъ и отъ слуховъ, пошедшихъ оттуда, пошла вся эта молва. И чѣмъ дальше отъ Парижа, тѣмъ ярче и шире были рассказы о томъ, что тамъ дѣлается. Въ Югославіи этотъ отрядъ обратился въ цѣлый корпусъ Императорской арміи съ настоящими цвѣтными дивизіями, на вер-

бованными изъ необычайно воинственныхъ туземцевъ этого острова. Въ Болгаріи это былъ уже не корпусъ, но цѣлая двухсоттысячная армія и при ней мощный тоннажъ для доставки ея въ Россію. Тамъ по фамиліямъ называли генераловъ, назначенныхъ въ эту армію. Ихъ будто бы нарочно показывали умершими. Называли и цифру прогонъ и пособій, яко бы полученныхъ этими генералами: сто долларовъ на дорогу и сто на экипировку.

Эти слухи по разному отзывались въ различныхъ эмигрантскихъ кругахъ. Большинство, и особенно, люди старые, радостно волновались. Наконецъ-то дождались они движенія воды. Они подавали начальникамъ отдѣловъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза, честь честью, по командѣ, прошенія о принятіи на службу съ приложеніемъ, кто тщательно сквозъ всѣ бури и ненастья эмигрантскаго существованія пронесенныхъ подлинныхъ послужныхъ списковъ на толстой, пожелтѣвшей отъ времени «министерской» бумагѣ, съ сургучными печатями, прошнурованныхъ и скрѣпленныхъ должными подписями, кто прилагалъ только записки о своей службѣ самимъ же подавателемъ и составленныя по памяти и посвидѣтельствованныя двумя или тремя товарищами, знавшими прохожденіе службы просителя... Многіе офицеры и казаки бросали насиженные мѣста и кормившую ихъ работу и ѣхали въ столицы тѣхъ странъ, гдѣ они жили и тамъ просили, чтобы они въ первую очередь были посланы въ формируемую армію. Чѣмъ дальше отъ Парижа, тѣмъ въ этихъ кругахъ было сильнѣе оживленіе. Въ Болгаріи и Югославіи казаки вырядились въ высокіе сапоги, сѣрозеленыя «гимнастерки», а Кавказцы въ черкески, подоставали изъ за вѣтныхъ сундучковъ и корзины старыя шашки, чистили ихъ, точили и смазывали, готовясь къ настоящему походу. Слова «сборъ» и «походъ» громко и внушительно звучали по кафанамъ и Русскимъ рестораникамъ, столовымъ и чайнымъ и къ концу завтраковъ тамъ раздавались страстные рѣчи, сопровождаемыя громовымъ ура!

Молодежь отнеслась холоднѣе и подозрительнѣе.

Кое-кто женился на иностранкахъ, у кого завелись прочныя связи и работа въ кріютившихъ ихъ государствахъ, бросать все это такимъ упорнымъ, тяжелымъ и долготлѣннымъ трудомъ нажитое и устроенное для чего-то неопредѣленнаго и неизвѣстнаго, было тяжело. Роли перемѣнились: въ энтузіастахъ и легкомысленно летящихъ на огонь бабочкахъ оказались старики, въ холодныхъ, разсудительныхъ философахъ была молодежь.

— Для Россіи — да... — говорили въ ея кружкахъ. — Для Родины, конечно, Это словъ нѣтъ — свято... Но кто поведетъ и подъ какими лозунгами?

Собранія союзовъ молодежи, а ихъ къ этому времени было немало, протекали съ бурною страстностью. Раздавались истерическіе выкрики:

— Нѣтъ, господа... Ни на какую реакцію я не согласенъ... Старая Россія себя изжила... Старой Россіи не можетъ быть. Смѣшно идти въ теперешнюю Россію съ Императорскими знаменами и навязывать императора народу, который его не хочетъ. Я стою за подлинную демократію. Въ ней вижу залогъ настоящей культуры и возрожденія Россіи.

Въ другомъ кружкѣ не менѣе страстно говорили:

— Кому, господа, служить и за что умирать? Не служить же какимъ-то таинственнымъ капитанамъ Немо, едва ли не масонскаго происхожденія?.. Надо служить Россіи, и Россіи національной. Другой Россіи я не признаю. Россія — это прежде всего — православіе и Царская власть. Внѣ православія и Царской власти нѣтъ и Россіи, а потому съ «непредрѣшенцами» я не пойду. За «непредрѣшенчествомъ» скрываются господа Милюковы, Гучковы и Керенскіе. Тѣ, кто первый сказалъ: — «глупость или измѣна» и сталъ отцомъ проклятой революціи, кто выпустилъ приказъ № 1, разрушившій Русскую армію и давшій Россіи несмыслимый позоръ военнаго пораженія и разгрома, кто, сдавъ власть большевикамъ, погубилъ Россію. Повторять эти пути, идти этими же этапами Учредительнаго собранія, матроса Желѣзняка и Ленина предоставляю другимъ. Я этимъ путемъ не пойду. Законную Россію порядка можно создавать только законнымъ путемъ... Для меня свято то,

что говорить мой императоръ: — «подъ лозунгомъ борьбы съ большевиками вожди эти принесутъ нашему Отечеству порабощеніе его самобытности, расхищеніе его природныхъ богатствъ, а можетъ быть, и отторженіе еще новыхъ областей и оттѣсненіе отъ выходовъ къ морямъ»... И потому я противъ всякой борьбы.

Пользуясь полной свободой собраній во Франціи молодежь собиралась на большія открытыя сборища по 200-300 человѣкъ, нанимали для этого залы, куда допускали всѣхъ, взимая лишь на покрытіе расходовъ по два франка и тамъ кричали и шумѣли о тайной организаціи, скрывшейся подъ фирмой кинематографическаго общества «Атлантида». Розыскъ всѣмъ этимъ былъ весьма облегченъ.

— Тайное, — кричали на этихъ собраніяхъ горячія головы. — Ты мнѣ скажи, кто ты и во что ты вѣруешь — тогда я пойду... Довольно авантюръ. Освободить Россію безъ иностранцевъ, безъ иностранной помощи мы не можемъ, — это ясно, какъ шоколадъ. А отдавать Россію въ кабалу иностраннымъ государствамъ я не желаю. Россія должна освободиться сама и, освободившись, она скажетъ свое слово и этому слову я подчинюсь. Будетъ монархія — я присягну монархіи, будетъ республика, я готовъ служить и республикѣ. Я «непредрѣшенецъ» въ силу того, что не считаю себя въ правѣ навязывать свое мнѣніе Русскому народу. А въ вождей я давно пересталъ вѣрить... Довольно!..

Были и еще болѣе рѣшительные и темпераментные молодые люди изъ самыхъ молодыхъ. Они договаривались до примиренія съ большевиками, они закидывали удочки къ комсомольцамъ и безбожникамъ и, будучи строго православными и вѣрующими, готовы были идти на союзъ съ безбожниками, будучи монархистами по убѣжденіямъ — искали связей съ совѣтскими «ударниками» и «выдвиженцами». Они отрекались отъ «бѣлой» борьбы, ведечной ихъ отцами и старшими братьями и говорили, что чувство отчужденія эмиграціи отъ Русскаго народа вызвано гражданской войной. Они умышленно или по наивности говорили, что «бѣлые» сражались не съ большевиками, но съ Русскимъ наро-

домъ, что нужно отбросить въ себѣ чувство презрѣнія и мести къ Русскому народу и идти къ нему съ открытымъ сердцемъ и чистою душою. Путая постоянно понятія — большевики и Русскій народъ они доходили до примиренія и признанія большевиковъ.

Хаосъ въ мнѣніяхъ, въ политическихъ убѣжденіяхъ, программахъ и лозунгахъ былъ необычайный. И надо всѣмъ нагло выпирало вездѣ звучащее самоувѣренное, наглое «я», «я», «я», то въ единственномъ числѣ, то во множественномъ — «мы». Оно становилось такъ громадно, такъ внушительно, такъ всепоглощающе, что за нимъ совсѣмъ не было видно маленькой, малюсенькой, точно по существу никому не нужной — Россіи.

И это было въ то время, когда, несмотря на всю скупость газетныхъ извѣстій, на всю строгость цензуры, наложенной на иностранныхъ корреспондентовъ, границу просачивались вѣрныя свѣдѣнія о необычайныхъ затрудненіяхъ совѣтской власти, денежныхъ, экономическихъ и моральныхъ, о потерѣ всякаго авторитета коммунистической партіи и о почти повсемѣстномъ возстаніи народа въ Россіи, подавить которое или не могла или отказывалась красная армія.

Доходили свѣдѣнія, что весь громадный сѣверъ Россіи, треть всего государства отдѣлился отъ совѣтской республики и живетъ своею жизнью и шептуны болтали, что слыхали даже о генералахъ и офицерахъ, поѣхавшихъ въ какой-то сѣверный, свободный отъ совѣтской власти портъ для службы въ И м п е р а т о р с к о й арміи. Все это показывало, что настало время, наконецъ, эмиграціи выявить свое подлинное лицо и не только сказать о своемъ служеніи Россіи, но и пойти служить ей.

Но этого-то и не было. Разноголосица продолжалась...

XXV.

Но была и еще часть бѣженцевъ и, пожалуй, самая многочисленная, которая совсѣмъ не интересовалась по-

литикой, ею не занималась, даже какъ будто ее осуждала и которая жила своею за слишкомъ десять лѣтъ изгнанія отстоявшеюся и устроившеюся жизнью, гдѣ борьба за существованіе въ чужомъ государствѣ, заботы о хлѣбѣ насущномъ, свои мелкіе, семейные, кружковые, приходскіе, полковые интересы заслонили Россію, гдѣ Россія являлась чѣмъ-то отвлеченнымъ, о чемъ пріятно вспоминать, что рисовалось нѣжными поэтическими красками, съ нѣкоторымъ сентиментальнымъ оттѣнкомъ, но что не имѣло никакого реального смысла. Въ этихъ кружкахъ событія, происходившія въ ихъ бѣженской жизни и связанныя съ существованіемъ и работою какого-то тайнаго общества, борющагося съ большевиками, вызывало чувства тревоги, страха, безпокойства и недоумѣнія, что проще всего выражалось часто повторяемыми словами: — «ну чего, право, они? Россіи они все равно не спасутъ, а сколько безпокойства надѣлаютъ»... Были здѣсь люди, торговавшіе въ гаражахъ совѣтской нефтью и на своей шкурѣ испытавшіе все неудобство такой торговли, были люди, такъ или иначе связанные съ совѣтскимъ торгпредствомъ и рѣзко отдѣлявшіе большевиковъ отъ ихъ торговли, наконецъ, здѣсь были просто люди какъ-то, и даже не особенно хорошо, устроившіеся за границей, имѣвшіе свой уголь, свою семью, свою церковь. Этихъ людей охватывалъ ужасъ при одной мысли, что поведеніе какой-то маленькой кучки людей, такъ рѣшительно поведшей борьбу съ большевиками, можетъ навлечь на нихъ давленіе со стороны правительства тѣхъ странъ, гдѣ они устроились, и опять начнутся высылки, непріятности и затрудненія съ полученіемъ паспортовъ и визъ и всяческія политическія и полицейскія утѣсненія. Впереди новыя скитанія и неизбѣжное съ ними разореніе, нищета и голодная смерть. Возможна и причудительная высылка въ совѣтскую республику... на вѣрный разстрѣлъ.

Сознавала или нѣтъ Ольга Сергѣевна Нордекова, что это была она тотъ человѣкъ, который кинулъ камень въ воду, поведшій отъ себя все расширяющіеся круги? Она не утерпѣла, чтобы не рассказать о таинственномъ островѣ, гдѣ работали для спасенія Россіи

Русскіе, и въ ихъ числѣ ея мужъ и сынъ. Сдѣлала она это въ ихъ церкви послѣ спѣвки, въ маленькомъ и совершенно интимномъ кружкѣ знакомыхъ, гдѣ, конечно, никакихъ большевиковъ не могло и быть. Ей просто хотѣлось похвастать, что она знаетъ кое-что крупное и интересное, чего другіе не знаютъ. Она намекнула про островъ вулканическаго происхожденія, о существованіи котораго никому не извѣстно и откуда летаютъ сюда въ Парижъ таинственные аэропланы, откуда посылаютъ радіо и гдѣ работаютъ тѣ, кто всего себя отдалъ Россіи. Она говорила, что если у кого есть аппаратъ радіо, который можно поставить на короткую волну, то можно, «знаете, такое слышать, что мураши по кожѣ побѣгутъ»...

Она сказала это просто такъ, въ порядкѣ болтовни, ибо надо что-нибудь говорить, когда наступаетъ промежутокъ между работой. Кромѣ того, мужъ и сынъ участники кинематографической съемки — это одно, мужъ и сынъ участники какого-то таинственнаго дѣла для Россіи «спасители» Россіи — совсѣмъ другое... Этимъ пріятно было похвастаться. Она сказала это въ порядкѣ той житейской пошлости, которая требуетъ въ извѣстный моментъ и въ извѣстномъ положеніи сплетень. Сказала, даже хорошенько не понимая о чемъ она говоритъ. Если бы ее спросили, что такое короткая волна, она не сумѣла бы объяснить. Такъ не могла она отвѣтить и на вопросъ, какъ же могутъ летать люди, когда вездѣ стоитъ охрана и никто незамѣченный не можетъ перелетѣть границы государства?

Вскорѣ послѣ исчезновенія Леночки она съѣздила на колоніальную выставку, гдѣ на большомъ глобусѣ по даннымъ Мишелемъ Строговымъ координатамъ отыскала мѣсто, гдѣ долженъ былъ быть ихъ таинственный островъ.

Но, когда событія стали затрагивать ихъ заграничную жизнь, когда газеты стали съ возмущеніемъ писать о какихъ-то шалопаяхъ, пустившихъ смѣхотворный газъ въ кинематографъ на Елисейскихъ поляхъ, когда еще съ большимъ возмущеніемъ и угрозами принять мѣры противъ эмигрантовъ писали о скандалѣ на рау-

тѣ у графини Разогнатьевой, гдѣ послѣ закуски съ совѣтской икрой творилось что-то совсѣмъ неприличное, и госпожа Воробейчикъ изъ-за этого отказала своему жениху мосе Брюнуа, Ольга Сергѣевна испугалась не на шутку.

— Мамочка, — сказала она послѣ вечерняго чая, когда она обыкновенно читала газету. — Мамочка, какъ вы думаете, а не можетъ это все отразиться на насъ... на бѣженцахъ.

— Очень даже просто, — прошипѣла съ нескрываемымъ злорадствомъ старуха. — Доигрались... Дофигурились... И чего имъ, дуракамъ, надо? Эвона, Россіи захотѣли! Да сама-то Россія ихъ никакъ не хочетъ. И, конечно, какое правительство этого допустить не можетъ. Франція въ дружбѣ съ совѣтами. Она только что подписала, то есть «парафировала», — Неонила Львовна щегольнула словечкомъ, которымъ нестрѣли газеты и смысла котораго она не понимала — парафировала пактъ о ненападеніи, а развѣ все это не нападеніе?.. Какъ по твоему красиво это? Какъ ни относиться къ графинѣ Разогнатьевой, она все-таки графиня и дѣлать то, что тамъ было сдѣлано.... Ну гдѣ же это слыхано? Это подрывъ Русской торговли.

— Большевицкой, мамочка.

— Э, милая моя, гдѣ кончаются интересы большевиковъ и гдѣ начинаются интересы Русскіе, кто это опредѣлитъ? Сами вожди въ этомъ не разбираются. Если Японія нападетъ на Совѣтскую республику и отберетъ у нея Владивостокъ, что мы должны дѣлать, стать на сторону Японіи или Россіи?.. Такъ все запутано, такъ все перепутано, что лучше этого и не касаться.

— Но, мамочка, это же дѣлается не во Франціи, а на какомъ-то острову и никому даже не извѣстно точно, кому принадлежитъ этотъ островъ.

— Ахъ, мать моя, да хотя бы и никому... Сидѣли бы спокойно и не рипались. Ишь спасатели какіе непрошенные нашлись. Ну, твой полковникъ, пускай, погибаетъ, туда ему и дорога. И Мишель твой дуракъ... Тоже не жалко. Земля отъ этого не оскудѣетъ. Ну, а за что

мы то съ тобой на старости лѣтъ опять будемъ страдать?

— Да мы то тутъ при чемъ?

— Мы то... Да мы кто?.. Русскіе?... Эмигранты?... Люди несуществующаго государства, кого изъ милости только терпятъ... А мы вотъ, что задумали! Торговлѣ мѣшаемъ!... Ты понимаешь это?... Экономическій кризисъ, вездѣ торговля стала, и вдругъ какіе-то типы эдакое дѣлають... Выселить ихъ въ двадцать четыре минуты и вся недолга. *Allez vous en!* Нежелательные иностранцы, чай, читала такое выраженіе въ газетахъ.

— Куда же насъ могутъ выселить?

— А имъ то что о насъ за забота. Кто мы?

— Русскіе.

— Ну и пожалуйте въ вашу совѣтскую Россію... Поняла, чай.

— Да развѣ можно это, мамочка! Каждый понимаетъ, что тамъ насъ разстрѣляютъ.

— Ну такъ что изъ этого? Это насъ разстрѣляютъ, а не ихъ...

Ольга Сергѣевна пожала плечами. За окномъ шумѣлъ ноябрьскій дождь. Въ крошечной комнатѣ тускло горѣла перегорѣвшая почернѣвшая лампочка. Ольга Сергѣевна, усталая и измученная за день пошла къ себѣ укладываться спать.

«Ахъ, нелегка и заботна была жизнь... Полковникъ, полковникъ!.. Вамъ все игрушки... А куда, ну куда на самомъ дѣлѣ податься, если вотъ такъ придуть и вѣжливо попросятъ покинуть страну?.. Нежелательные иностранцы!... И правда — нежелательные!... Пактъ о ненападении, и полковникъ, нападающій такимъ необычнымъ образомъ... Куда тогда бѣжать? Вездѣ одно и то же... Вездѣ: — признаніе, признаніе и признаніе... Раньше была Испанія. И какимъ благороднымъ казался король Альфонсъ. А теперь... Что такое Испанія?... Да и испанскаго языка она не знаетъ... Куда? Можетъ быть, въ Бельгію?.. Тамъ и король и королева и самъ народъ полны такого гостепріимнаго благородства. Но, какъ она сама такая маленькая, приметъ всю эту массу бѣженцевъ, если они всѣ хлынуть туда? Ну, хорошо... Приметъ... А

работа? Гдѣ найти тамъ работу?.. Безъ работы все равно съ голода погибать. Не написать ли заблаговременно Декановымъ? Они давно въ Брюсселѣ. Можетъ быть, если загодя то позаботиться, пока никто не догадался что-нибудь и набѣжить, какое-нибудь мѣстечко, чтобы хотя какъ-нибудь да кормиться... А если?»

— Мамочка, вы спите?

— А ну! Заснешь съ тобой!.. Такая забота на душѣ!..

— Мамочка, а что, если намъ съ вами принять французское подданство.... Насъ тогда вѣдь не могутъ выслать?..

— Не желаю.

— Но почему, мамочка?

— А вотъ потому... Была Серпуховской дворянкой, такой и останусь. Лучше къ большевикамъ поѣду, чѣмъ такъ на старости лѣтъ француженкой дѣлаться. Ну, сама посуди, какая я француженка?.. Неонила Львовна!.. Ни выговорить, ни написать по французски того нельзя... Не смѣши меня, мать, на ночь. И тебѣ помимо мужа не позволять... А твой, сама поди знаешь, какой — патриотъ!..

Ольга Сергѣевна закрыла глаза.

«Да, конечно, глупости... Какъ это сдѣлать? Есть, говорятъ, конторы. Даже въ газетахъ открыто публикуютъ, точно ничего и постыднаго нѣтъ въ этомъ. Ну, пойду туда, тамъ станутъ спрашивать, почему?.. А что я скажу... Боже! Боже... Только бы спокойно жить!.. Ничего мнѣ не надо... Ни богатства, ни Россіи. Ну, какъ я туда пріѣду, тамъ никого своего и не осталось то!... Только бы никто не выгонялъ!... И съ квартиры-то на квартиру переѣхать, такъ и то какая мука и разореніе! Хуже пожара, а тутъ въ чужую страну!.. Паспорта, визы!... Такъ ихъ намъ и дадутъ... Жена полковника Нордекова, того самаго, который тамъ на таинственномъ острову... Господи, и всю то жизнь такъ страдать изъ-за какого-то глупаго патриотизма, изъ-за долга»...

Ольга Сергѣевна повернулась лицомъ къ стѣнѣ и долго не могла заснуть. Она слышала, какъ за стѣною безотрадно шумѣлъ осенній Парижскій дождь, и ей казалось, что сквозь тонкія плитки бетона она ощущаетъ

сырость, бѣгущую по стѣнамъ и съ тоскою думала о раннемъ вставаніи завтра, о томъ, что надо будетъ спѣшить на поѣздъ электрической дороги и ѣхать въ надоевшую ей до смерти контору и писать подъ диктовку на стенографической машинкѣ, а потомъ до вечера перепечатывать никому не нужные и неинтересные торговые приказы.

Жизнь казалась безпросвѣтной и ужасной и она начинала понимать, что Леночка могла не вынести такой жизни и уѣхать куда-то къ какой-то другой жизни... Ахъ, гдѣ-то она теперь, несчастная Леночка!?

XXVI.

Князь Ардаганскій совершалъ пятнадцатый перелетъ на аэропланѣ системы инженера Махонина. Ему никто это въ особую заслугу не ставилъ, да и самъ онъ никогда не думалъ, что это подвигъ и рекордъ. Аппаратъ Махонина, усовершенствованный Арановымъ, дѣлалъ такое сообщеніе быстрымъ и удобнымъ. Опасность была только при спускѣ на землю въ Европѣ, гдѣ все труднѣе и труднѣе было выбирать глухія мѣста, гдѣ бы аппаратъ могъ переждать, пока князь съѣздитъ къ Пиксанову и получить отъ него пакеты. Парижъ былъ совсѣмъ заказанъ для князя Ардаганскаго. Ему разрешалось только гдѣ-нибудь въ пути бросить письмо матери и увѣдомить ее, что онъ живъ и здоровъ.

Пиксанову такъ и не удалось наладить Радиостанцію. Слѣжка была чрезвычайная. Пришлось закопать въ лѣсу моторъ и всѣ принадлежности, а самого отца Θεодосія отправить на Аѳонъ. Теперь въ лѣсу ничего не оставалось. Бережливый Пиксановъ продалъ и лошадей. Охота была сдана Парижскому охотничьему обществу. Куроводство расширено. Съ осени Пиксановы занялись еще приготовленіемъ пастилъ и мармеладовъ, имѣвшихъ прекрасный сбытъ въ Парижѣ въ Русской колоніи, особенно послѣ того, какъ продукты Моссельпро-

ма вышли изъ употребленія. По лѣсу и вокругъ фермы Пиксанова постоянно рыскали жандармы и совѣтскіе сыщики и надо было быть вѣчно на сторожѣ. Совѣтское правительство ухватилось за эту ниточку, чтобы раскрыть тайну всей организациі. Радиостанцію искали неутомимо. Въ деревнѣ, гдѣ никогда никакихъ дачниковъ не жило, поселились какіе-то Русскіе евреи, не говорившіе никогда, что они Русскіе, и выдававшіе себя за французовъ. Надо было быть осторожнымъ. Въ послѣдній свой докладъ капитану Немо на Россійскій островъ, Пиксановъ просилъ установить связь на аэропланахъ. И она съ каждымъ разомъ становилась ненадежнѣе и опаснѣе.

Въ этотъ перелетъ князю Ардаганскому давалъ указанія самъ капитанъ Немо. Онъ сказалъ, чтобы князь проѣхалъ къ семьямъ офицеровъ въ Парижѣ и передалъ имъ, что ихъ главы живы, здоровы и просили кланяться.

Съ самаго лѣта, съ того іюльскаго дня, когда князь передалъ синюю записочку Мишеля Строгова Леночкѣ, онъ не бывалъ на виллѣ «Les Coccinelles» и не зналъ ничего о томъ, что тамъ произошло.

День былъ будній. Ольга Сергѣевна была на службѣ, и на дачѣ Ардаганскій нашелъ только одну мамочку. Она только что прибрала комнаты и собиралась съ чувствомъ и спокойствіемъ прочитать газету. Топси узнала князя и, привѣтливо махая хвостомъ, проводила его до дверей дома.

— А пожалуйста, вѣроломный съемщикъ, — привѣтствовала князя мамочка. — Садитесь, гостемъ будете... Ну что наши?

— Полковникъ Георгій Димитріевичъ Нордекъ и Александръ Георгіевичъ просили вамъ кланяться. Они оба живы и здоровы и все у насъ благополучно.

— Ну, какъ снимаетесь? — съ глубокой старушечьею ироніей спросила Неонила Львовна.

Князь Ардаганскій не разобралъ и не примѣтилъ этой ироніи и охотно со своимъ юношескимъ, чистымъ простодушіемъ, не умѣющимъ лгать, отвѣтилъ неопредѣленно.

— Все, слава Богу, идетъ прекрасно. Съемка близится къ концу. Всѣ чувствуютъ себя хорошо.

— А вы, милый князь, не врите, — съ грубоватою фамильярностью сказала Неонила Львовна, — Такому молодому сочинять такой старой, какъ я, совсѣмъ не годится.

Князь растерялся и не зналъ, что отвѣтить.

— Вы же Леночкѣ передали синенькій пакетикъ отъ этого дурака Мишеля и совсѣмъ заморочили ей голову. Рассказывайте, что и какъ на вашемъ, ни на одной картѣ не показанномъ острову, происходитъ.

Ардаганскій пытался еще сдѣлать круглые глаза и робко сказалъ:

— Я, Неонила Львовна, не понимаю, о чемъ вы говорите.

— Э, батюшка, тутъ особенно и понимать не приходится, когда и широты и долготы нашъ Мишель дурачокъ прописалъ и жаловался и просилъ вызволить его изъ «бѣлогвардейской» авантюры, — съ грубою откровенностью сказала Неонила Львовна. — Такъ то, милый князь.

Князь Ардаганскій, сѣвшій было по приглашенію мамочки, вскочилъ, какъ ужаленный.

— Гдѣ же Елена Петровна? — спросилъ онъ несмѣло.

— На тебѣ, кого вспомнилъ! Да будто такъ вотъ ничего и не знаешь.

И Неонила Львовна въ короткихъ, но рѣзкихъ чертахъ рассказала о томъ, какъ Леночка передала матери записку Мишеля Строгова, какъ она была страшно этимъ потрясена, какъ она, дружившая съ ихъ жилицей, «кто ее знаетъ, что это за человѣкъ была эта самая француженка», вмѣстѣ съ нею исчезла.

— Не думаю я, чтобы что-нибудь такое худое съ ними приключилось. Здѣсь то, — намъ въ полиціи сказывали, — до пяти тысячъ дѣвушекъ такъ, здорово живешь, ежегодно пропадаетъ и ничего съ ними худого не бываетъ, а все-таки намъ не сладко. И думаю я, что это черезъ ваши художества, которыми всѣ газеты полны.

Князь слушалъ это, какъ приговоренный къ смер-

ти. Записку писалъ Мишель, но какъ же онъ-то, онъ, вопреки инструкцій, данныхъ Арановымъ, никакихъ писемъ никому не возить и не передавать, далъ себя провести Мишелю, уже бывшему у нихъ на замѣчаніи и отставленному самимъ Ранцевымъ отъ полета.

Какъ въ мутномъ полуснѣ, плохо понимая, что ему говорила мамочка, Ардаганскій дослушалъ ея разсказъ и, простившись, вышелъ съ дачи. Онъ шелъ по мѣстечку съ низко опущенной головой. Ему казалось, что всѣ знаютъ, что онъ предатель, что онъ человѣкъ, не исполнившій своего долга, и ему было безконечно мучительно идти на маленькую чистенькую дачку Парчевскихъ. Онъ молилъ Бога, чтобы никого не застать, оставить записку и быть одному, все продумать и придумать себѣ кару.

Лидія Петровна была дома. Она уже второй мѣсяцъ оставила службу въ конторѣ и жила на тѣ деньги, которыя ей продолжало весьма исправно посылать общество «Атлантида». Она вся отдалась церкви. Худошавая и высокая и раньше, она показалась Ардаганскому точно выросшей и еще болѣе исхудавшей. Громадные каріе глаза были въ красныхъ отъ частыхъ молитвенныхъ слезъ вѣкахъ. Густыя, загнутыя вверхъ рѣсницы дѣлали ихъ еще больше. Отъ вѣчной пелены слезъ они были, какъ за хрустальной завѣсой и сверкали тихимъ и кроткимъ пламенемъ, какъ затепленная передъ образомъ лампада. Ея движенія были медленны, плавны и голось сталъ задушевный и словно прозрачный.

Князь Ардаганскій передалъ ей, что ея мужъ находится въ полномъ здравіи и просилъ ей передать поклонъ.

— Да, я знаю, — тихо сказала Лидія Петровна. — Я знаю. Я молилась вчера Божіей Матери, и Она мнѣ сказала, чтобы я не беспокоилась. Скажите мнѣ, милый князь, — Лидія Петровна прикоснулась мягкой и нѣжной, точно невѣсомой рукою руки Ардаганскаго, — скажите мнѣ откровенно: — онъ съ вами на острову или и онъ посланъ работать куда-то и дѣлаетъ все это такое страшное, но такъ нужное для... Для Россіи.

Если у Неонилы Львовны князь могъ пытаться

вратъ, здѣсь передъ этой вѣрой, передъ этою проникнутою молитвенною ясностью прекрасною женщиною князь не зналъ, что ему дѣлать. Онъ низко опустилъ голову. Густая краска покрыла загорѣлое въ частыхъ полетахъ лицо и онъ едва слышно прошепталъ:

— Молитесь за него, Лидія Петровна.

— Я знаю... Я молюсь, — словно тихій шелестъ далекой листвы донеслось до него. — Да благословить васъ Господь!

— Я не достоинъ... не достоинъ ни вашихъ благословеній, ни молитвъ, — быстро, страшно смутившись, сказалъ князь и, не прощаясь съ Парчевской, поспѣшно вышелъ съ ея дачи.

Дѣлъ было много. Навѣстить было нужно многихъ, надо было теперь раньше всего исполнить то, что было ему приказано, а потомъ надо будетъ подумать, что же онъ надѣлалъ и какъ ему себя покарать.

Только на другой день онъ могъ попасть къ Пиксановымъ на ферму. Онъ мечталъ о Галинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ, чтобы ея не было. Не въ силахъ онъ былъ встрѣтить это чистое существо, когда онъ сталъ тяжело виноватымъ... Безъ вины, безъ умысла, — пытался онъ себя оправдать. Не выходило это оправданіе.

Онъ шелъ, низко опустивъ голову, по грязному, размытому зимними дождями шоссе и все думалъ, что и какъ онъ долженъ сдѣлать и съ Мишедемъ Строговымъ и съ собою. Не признаться ли во всемъ полковнику Пиксанову? Открыть свой позоръ отцу той, кого называлъ онъ лѣтомъ, кому давалъ понять въ свои осеннія посѣщенія, что она героиня... героиня его романа!

Онъ засталъ Пиксанова необычно озабоченнымъ. Галины не было дома. Она была въ пансіонѣ. Пѣтухи, такъ дружно встрѣтившіе его лѣтомъ, были перебиты и проданы. Куры были спрятаны отъ холода и дождей въ куриныхъ домахъ въ глубинѣ фермы. На фермѣ было тихо. Любовь Димитріевна возилась у плиты. Дрова плохо разгорались. Въ большой и полутемной комнатѣ было непріятно, сыро и холодно. Кисло пахло угаромъ. Любовь Димитріевна была окружена шарфами и платками. На головѣ была сѣрая шерстяная повязка.

Любовь Димитріевна мало напоминала изящную жену гвардейскаго полковника. Князю Ардаганскому показалось, что она была суха и нелюбезна съ нимъ. Онъ сжался и робко присѣлъ на стулъ. Очевидно, и тутъ все знали. Пиксановъ сейчасъ же сѣлъ къ письменному маленькому столику у зажженной коптящей керосиновой лампочки писать донесеніе капитану Немо. Онъ ерошилъ густые волосы надъ блѣднымъ лбомъ и бормоталъ вполголоса:

— Отчего?.. почему такая злоба на Россію?.. Какая логика поддерживать большевиковъ, которые стремятся уничтожить весь міръ?

И опять строчилъ карандашомъ на большомъ блокѣ, отрывалъ листокъ за листкомъ, потомъ молча, сосредоточенно нахмуривъ брови, закладывалъ исписанные листы въ конвертъ и тщательно опечатывалъ его сургучною печатью.

— Вотъ, князь, съ этимъ пакетомъ уже прямо, куда не заѣзжая... И, смотрите, не попадитесь большевикамъ... Это очень важно... Въ добрыя старыя времена на этомъ пакетѣ надо было бы три креста поставить, значить: — «скачи, лети стрѣлой», полнымъ карьеромъ... Ну да вашъ конь еще быстролетнѣе... И, пожалуйста, не проболтайтесь... ибо кругомъ рыщутъ...

— Да я, господинъ полковникъ, — началъ было князь и точно поперхнулся.

— Знаю, знаю, милый мой Михако... Прекрасный вы человекъ, да кругомъ то теперь слишкомъ много всякой продажной дряни развелось. Такъ вотъ, скоро и рашъ поѣздъ... Катайте скорѣе и берегите пакетъ, какъ зѣнницу ока. На станцію я васъ провожу.

Они шли вдвоемъ по размытому грязному шоссе, мимо пустыхъ, черныхъ, мокрыхъ, печальныхъ полей. Вороны стаями срывались при ихъ приближеніи съ зеленыхъ озимей и съ карканіемъ неслись сѣрой сѣтью надъ ними. Зимній день былъ хмуръ и темень. Никого не было на ихъ долгой дорогѣ. Такъ было теперь удобно все рассказать, во всемъ покаяться и просить совѣта у Пиксанова, но князь Ардаганскій молчалъ. Такъ, мол-

ча, они и дошли до маленькой станціи. Пиксановъ самъ выбралъ купе, куда садиться князю.

— И въ совсѣмъ пустое не хорошо, — бормоталъ онъ, — да надо, чтобы съ вами были порядочные люди.

— Вотъ сюда, князь, — сказалъ онъ, отворяя дверь отдѣленія, гдѣ сидѣла явно фермерская семья изъ двухъ плотныхъ краснорожихъ мужчинъ, очень толстой, добродушнаго вида женщины и трехъ дѣтей.

— Сюда уже никто къ вамъ не сядетъ въ дорогѣ. Ну, храни васъ Богъ!

Князь еще долго видѣлъ тонкую и узкую фигуру Пиксанова, стоявшаго на платформѣ. Необычно грустнымъ и встревоженнымъ казался полковникъ князю и это еще больше увеличивало муки и угрызения совѣсти Ардаганскаго.

XXVII

Надъ Атлантическимъ океаномъ бушевала буря. Она выла въ раздвижныхъ крыльяхъ аэроплана и летчикъ, часто убиралъ ихъ, сокращая площадь и все увеличивая скорость полета. Беззвучно вращался пропеллеръ. Въ кабинѣ было тепло. Мелкія брызги летѣли на стекла и замерзали на нихъ. Аппаратъ забиралъ вышину. Кипѣніе волнъ внизу становилось, какъ мутно зеленая шелковая матерія, покрытая бѣлымъ кружевомъ пѣны. Князь Ардаганскій второя сутки неподвижно сидѣлъ въ креслѣ, отдаваясь мучительнымъ думамъ.

«Подлецъ... предатель»... — бормоталъ онъ иногда и не зналъ къ кому онъ это относитъ, къ себѣ или къ Мишелю Строгову. Мишеля Строгова онъ ненавидѣлъ, какъ только можно ненавидѣть въ девятнадцать лѣтъ, когда имѣешь чистое сердце и никогда и никому еще не пожелалъ зла.

«Подлецъ... негодяй... Его убить мало... И я его убью... Первымъ дѣломъ, какъ прилечу, убью»...

Князь Ардаганскій отлично сознавалъ, что никогда и никого онъ не убьетъ. Онъ и букашки никакой не

могъ уничтожить. Онъ вспоминалъ, какъ въ тихій теплый вечеръ къ нимъ въ палатку залетѣла голубая блестящая бабочка и какъ онъ ее бережно вынесъ подальше въ поле, чтобы она не опалила крыльевъ о пламя свѣчи лампіона.

«Своими собственными руками задушу... Ахъ, негодяй!.. Или нѣтъ... Это неблагогородно... Я ему скажу, я его назову подлецомъ и вызову его на дуэль»...

И сейчасъ же точно видѣлъ передъ собою узкое и плоское лицо Мишеля съ его странными глазами, необычно всегда устремленными куда то вдаль и никогда не смотрящими въ глаза собесѣднику и понималъ, что на дуэль вызвать Мишеля Строгова просто не придется. Мишель этого не пойметъ. Онъ высмѣетъ и «подлсца» и вызовъ на дуэль. Онъ «выше этого»...

«Ахъ, какая гадость... Побить его просто. Разбить его наглую рожу...»

Передъ нимъ вставала широкая грудная клѣтка тренирующагося борца, громадные бицепсы, которыми такъ любилъ передъ всѣми хвастать Мишель и понималъ князь, что въ такомъ единоборствѣ Мишель накладетъ ему «по первое число»...

«Да и кто виноватъ больше?.. Онъ или я?.. Кто передалъ письмо? Его надо было вскрыть и посмотрѣть, что тамъ написано и можно ли такое везти въ Европу. Вскрыть и прочитать чужое письмо!.. Чужое письмо!.. Это все равно, что подслушивать у дверей, что говорятъ... Нѣтъ... Это хуже всякаго воровства».

«Я долженъ все сказать капитану Немо и просить его о самой страшной казни»...

Ужасъ разбиралъ его. Да и зачѣмъ говорить?.. Не зналъ ли этотъ полный таинственности человекъ все и безъ всякаго покаянія. Кого онъ понялъ и узналъ Мишеля Строгова. Не допустилъ его до посылки въ Россію. Говорить съ капитаномъ Немо казалось ужаснымъ. Такъ въ мучительномъ горѣніи совѣсти князь Ардаганскій не замѣтилъ, какъ наступилъ день и аэропланъ плавно и быстро, точно скользя съ крутой и безконечной горы, снизился и опустился на точку на Россійскомъ островѣ.

Было нестерпимо жарко. Буря проносившаяся надъ

океаномъ не смягчала зноя. Вѣтеръ дулъ точно изъ раскаленной доменной печи Россійскій флагъ игралъ съ вѣтромъ. Веревки далеко стдулись отъ мачты. Вѣтеръ реалъ и хлопалъ флагомъ.

Ноги дрожали у князя Ардаганскаго, когда онъ поднимался на гору, за скалы базальта, на уступъ, гдѣ стоялъ соломенный баракъ капитана Немо. Дремавшій на крыльцѣ адъютантъ ротмистръ Шпаковский принять пакетъ.

— Я бы хотѣлъ и лично видѣть капитана Немо, — нерѣшительно сказалъ Ардаганскій.

— Хорошо... Я потомъ доложу. Сейчасъ капитанъ у Радіо... Ну, какъ веселились въ Парижѣ?..

— Гдѣ же веселиться? — уныло и вяло сказалъ Ардаганскій, — я едва успѣлъ побывать у есѣхъ, къ кому мнѣ было приказано зайти.

Слова не шли съ языка. Князю казалось, что и Шпаковский все знаетъ и потому такъ и выспрашиваетъ его о Парижѣ.

— А у насъ, князь, вѣрите ли, что то особенное творится. Вотъ всѣ эти пять дней, что васъ не было, полковникъ Ложейниковъ насъ тревогами и ученьями замучилъ... Вѣрите ли вывозили на море щиты изъ ящичныхъ досокъ и обстрѣливали ихъ... Точно десанта какого то боимся... Изъ пушекъ Гочкиса стрѣльбу производили. Ну кто отыщетъ насъ на этомъ Богомъ и людьми забытомъ острову?

Электрическій звонокъ зазвонилъ на верандѣ. Шпаковский вскочилъ съ пакетомъ.

— Такъ и о васъ доложить?.. Но, если, князь, что личное и вообще неважное, можетъ быть, вы повременили бы? Не беспокойте Ричарда Васильевича. Всѣ эти дни онъ что то необычно озабоченъ и, вѣрите ли, даже точно и взволнованъ... Кто бы этому повѣрилъ?..

«Для меня это очень важно», — мелькнуло въ головѣ Ардаганскаго, — «для дѣла?.. Не все ли равно? Это уже коччено. Сплетня гуляетъ по Парижу... По всему міру... Ее моимъ раскаяніемъ не остановить... Зачѣмъ еще беспокоить этого таинственнаго человѣка, и безъ моего покаянія все про меня знающаго?».

Князь Ардаганскій сказалъ и самъ удивился, какъ это спокойно и натурально у него вышло, несмотря на внутреннюю душевную бурю: —

— Да... Конечно... Обо мнѣ ничего не докладывайте. Вернулся благополучно... И все... А то... То мое личное дѣло и имъ теперь не надо беспокоить капитана Немо...

— Стосковались... Изнервничались, какъ и мы всѣ, — быстро сказалъ Шпаковский и скрылся за дверьми кабинета капитана Немо.

Князь Ардаганскій медленно сталъ спускаться съ горы. Вотъ, когда онъ почувствовалъ всю усталость полета и бессонныхъ ночей.

XXVIII

Капитанъ Немо сильно измѣнился за это время. Онъ исхудалъ, пересталъ бриться и холить лицо и обросъ бородою. Длинные, на проборъ, сѣдые волосы его были тщательно расчесаны. Это опять былъ ученый и труженикъ, не успѣвающій слѣдить за собою, а не тотъ снобирующій инженеръ, который ковалъ деньги, имѣя одну цѣль — спасеніе Россіи. Въ бѣлой просторной пижамѣ, онъ сидѣлъ у Радио-аппарата и слушалъ, что съ далекаго сѣвера ему докладывалъ Ранцевъ. Молодымъ, былымъ задоромъ, тѣмъ восторгомъ творчества, какой былъ у Ранцева, когда онъ скакалъ на Императорскій призъ, когда собирался принимать лихой четвертый эскадронъ, вѣяло отъ словъ Ранцева, и капитану Немо казалось, что онъ видитъ передъ собою открытое лицо своего стариннаго друга, и его честные сѣрые, немигающіе глаза, не опускаясь, смотрятъ на него.

— Шестнадцать пѣхотныхъ дивизій и четыре кавалерійскія бригады закончены формированіемъ. Двѣсти тысячъ человѣкъ призваны подъ Императорскія знамена. Вооружить поставками Ольсоне мнѣ удалось пока только двѣ дивизіи. Но это меня ни мало не смущаетъ. По мѣрѣ моего продвиженія красноармейскія части сда-

ются и я за ихъ счетъ вооружу остальныхъ. Съ весною думаю спуститься на желѣзную дорогу и, отгородившись заслономъ съ запада, развить операцію на югъ и на востокъ, гдѣ обстановка складывается необыкновенно благопріятно. У меня недостатокъ воздушнаго флота и это можетъ сорвать всѣ мои планы. Территорія, занятая мною громадна. Обслуживать ее тридцатью аэропланами, имѣющимися въ моемъ распоряженіи, становится невозможно. Несмотря на ихъ превосходство надъ аппаратами большевиковъ, они скоро не будутъ въ состояніи достаточно охранить мои формированія, еще неокрѣпшія и недостаточно вооруженныя. Величина занятаго мною края заботитъ меня. Сотни путей ведутъ въ него, и у меня не хватаетъ газовыхъ заставъ. Необходимо присылка, и незамедлительная, всего нашего воздушнаго флота, самого Аранова и профессора Вундерлиха для устройства газовыхъ фабрикъ и аэропланныхъ заводовъ, къ чему всѣ возможности здѣсь есть. Отъ работающихъ въ Россіи знаю, что и тамъ все готово для удара... Насталъ часъ, когда ты долженъ пріѣхать къ намъ и утвердить свою базу у насъ...

Мягкая и добрая улыбка появилась на лицѣ Немо.

«Милый Петрикъ... Какъ узнаю я тебя! Переѣхать къ вамъ... На чемъ? «Гекторъ» до весны стоитъ затертый во льдахъ. У меня тридцать аэроплановъ. Я долженъ отправить на нихъ Аранова и Вундерлиха съ ихъ лабораторіей, препаратами, чертежами и принадлежностями аэроплановъ. Я должечъ отправить возможно большее количество минъ. При этихъ условіяхъ я могу сажать на аэропланы только летчиковъ и механиковъ. Тридцать аэроплановъ поднимутъ всего шестьдесятъ человѣкъ, пятьдесятъ пять должны остаться здѣсь... И, конечно, я останусь съ ними».

Капитанъ Немо нажалъ пуговку электрическаго звонка.

Ротмистръ Шпаковский появился въ дверяхъ.

— Пожалуйста мнѣ пакетъ, привезенный княземъ Ардаганскимъ.

Небольшимъ ножикомъ Немо вскрылъ конвертъ и сталъ читать четко написанное письмо.

«Да, вотъ оно что!.. Впрочемъ, я это предзидѣлъ... Я, правда, не думалъ, что это будетъ такъ скоро. Я думалъ — мнѣ дадутъ проработать годъ... Всѣ мои расчеты были на это... Но прошло всего семь мѣсяцевъ и все открыто. Тайны нѣтъ... Проклятые болтуны!..».

...«Постановленіемъ Лиги Націй», — читалъ капитанъ Немо, — «уничтоженіе Русской національной базы (она названа «бѣлобандитскимъ гнѣздомъ») возложено на Англію, С. С. С. Р. и Францію. Послѣдняя, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, которое все на нашей сторонѣ, въ виду бѣшено развитой газетной кампаніи, не безъ участія нашихъ эмигрантскихъ учреждений, нѣкоторое время колебалась, потомъ согласилась предоставить свой развѣдочный воздушный флотъ и одинъ броненосецъ. Готовится непобѣдимая армада, какъ во времена великой Испаніи. Десятки гидроплановъ отправляются съ ихъ матками. Шесть крейсеровъ и десятокъ подводныхъ лодокъ. Три дреднаута. Эскадры пойдутъ изъ разныхъ портовъ и соединятся въ океанѣ. Ваше мѣстонахожденіе точно извѣстно. О таинственномъ Россійскомъ островѣ открыто болтаютъ по парижскимъ ресторанамъ. Статьи совѣтскихъ и здѣшнихъ социалистическихъ газетъ полны призывами уничтожить «бѣлобандитское гнѣздо», мѣшающее дѣлу мира и общаго разоруженія. Сожженіе банка въ Берлинѣ и уничтоженіе банкировъ всполошило масонское гнѣздо. Противъ васъ всѣ...»

«Ну что же... И буду со всѣми бороться»...

Мысль капитана Немо, привыкшая къ математическимъ расчетамъ и выкладкамъ, сейчасъ же послушно ему подчинилась, и онъ сталъ думать, соображать и высчитывать.

«Тридцать моихъ аэроплановъ съ ихъ минными аппаратами могутъ обратить всю эту армаду въ бѣгство. Я знаю ихъ... Они хотятъ драться безъ потерь. Они идутъ на экзекуцію, а не на войну. Когда я подѣку своими «Панпушко-лучами» ихъ аппараты, и они полетятъ огненными языками въ океанъ, когда мои управляемые воздушныя мины станутъ рваться на корабляхъ, я

увиджу, чего они стоятъ... Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ... Воюють не числомъ, а умѣньемъ...».

Капитанъ Немо всталъ отъ стола и, гордо поднявъ голову, прошелся по кабинету. Ноздри были раздуты, лобъ напряженно наморщенъ. Глаза горѣли внутреннимъ пламенемъ.

«Посмотримъ... Они придутъ сюда... Когда?.. Не такъ скоро... А какъ же это время Ранцевъ? Если я задержу свой флотъ и минные аппараты, и въ концѣ концовъ многое потеряю, потому что на войнѣ не безъ урона, а драться мои будутъ, не щадя себя, что будетъ съ Ранцевскими отрядами? Я никогда не думалъ... Я не предвидѣлъ, что это можетъ быть такъ... что ударъ будетъ одновременно занесенъ и тутъ, и тамъ... И чѣмъ то теперь я долженъ пожертвовать...»

Капитанъ Немо остановился у окна. Широкий видъ на океанъ открывался передъ нимъ. Его взоръ, казалось, проникалъ за небосводъ. Онъ видѣлъ далекій сѣверъ, гдѣ шестнадцать Русскихъ дивизій и четыре бригады ждали его помощи. Онъ опять точно увидалъ открытое честное лицо своего друга, помощника и замѣстителя. Онъ потеръ лобъ.

«Въ современныхъ демократическихъ государствахъ, гдѣ правятъ партіи, то есть часть, принято цѣлымъ жертвовать ради части. Жертвовать государствомъ ради партіи... Я — математикъ... Цѣлое для меня всегда больше части. Мое цѣлое уже тамъ... Здѣсь часть. Съ организаціей арміи въ Россіи оканчивается моя роль на островѣ. Тамъ главное, у меня вспомогательное...».

Капитанъ Немо снова сталъ ходить по кабинету. Все надо было продумать, ничего не упустить.

«Завтра... Да... Завтра же я отправляю всѣ аппараты къ Ранцеву... Здѣсь останусь я и тѣ, кто не можетъ быть сейчасъ вывезенъ... Не на чемъ. Пятьдесятъ пять человѣкъ... Когда подойдутъ эти громадныя флоты, они могутъ вывѣсить бѣлый флагъ... Сдаться... Они... Не я... Я могу уйти совсѣмъ и навсегда, исполнивъ до конца свой долгъ. Капитана Немо никто не можетъ и не долженъ допрашивать и ему нельзя предстать передъ большевицкимъ революціоннымъ трибуналомъ...».

«На какомъ основаніи союзный флотъ будетъ стрѣлять по Русскому флагу?.. Здѣсь просто Русская колонія. Нѣмцы?.. Да, они въ войнѣ съ Россіей, ибо Брестскій миръ заключала не Россія, а враги Россіи — большевики... Англія и Франція?.. Имъ измѣнили и предали ихъ въ тяжелый годъ войны большевики, а не Русскіе... Подъ краснымъ, а не подъ Русскимъ флагомъ прошло это предательство...»

«Ужели спустимъ Русскій флагъ и замѣнимъ бѣлой простыней... Ахъ, да... банкиры. За банкировъ будутъ драться солдаты и матросы разныхъ государствъ и совѣтскіе въ томъ числѣ... Можетъ быть, тогда я и правда погорячился... Не слѣдовало ихъ трогать...».

Онъ опять сталъ ходить по кабинету и упорно думать. Рѣшеніе складывалось въ его умѣ. Въ немъ не было мѣста для компромисса.

«Вопросъ о сдачѣ меня не касается. Это ихъ дѣло. Тѣхъ, кто слѣпо мнѣ довѣрился, кто пошелъ за мною. Мое рѣшеніе постановлено. Я не сдаюсь. А тѣ? Какъ хотятъ... Какъ имъ будетъ угодно... Бываютъ случаи, когда солдаты командуютъ собою... Но вопросъ о томъ, кто — Россійскій островъ, или Россія? рѣшаю я — ихъ главнокомандующій. Завтра аэропланы летятъ... въ Россію. Кажется и буря стихаетъ. Здѣсь всегда такъ... Внезапно встанетъ и такъ же внезапно и стихнетъ... Можетъ быть... и тамъ стихнетъ... Отдумаютъ. И чаша сія меня минетъ...».

Капитанъ Немо смѣлыми, твердыми шагами вышелъ на веранду барака. Ротмистръ Шпаковский, сидѣвшій съ книгой въ рукахъ въ соломенномъ креслѣ, вытянулся передъ Немо.

— Вотъ, что, милый Александръ Антоновичъ, попросите ко мнѣ сейчасъ Аранова, профессора Вундерлиха и начальника минеровъ.

— Слушаюсь.

Ротмистръ Шпаковский четко повернулся кругомъ и побѣжалъ по тропинкѣ къ баракамъ технической части.

Капитанъ Немо долго слѣдилъ за нимъ глазами. Буря утихла. Воздухъ былъ недвиженъ. Разбушевавшій-

ся океанъ съ ревомъ шель громадными валами на островъ и, казалось, островъ потрясался подъ ударами бѣлогребенныхъ волнъ.

XXIX

Со сторожевого поста, стоявшаго на сѣверовосточной части острова капитану Немо донесли: — «летятъ аэропланы».

Солнце спускалось къ западу. Двѣнадцатичасовой экваторіальный день приходилъ къ концу. На востокъ море сливалось съ небомъ. Тамъ океанъ и небо были темнозелеными и каждое мгновение мѣняли окраску. Волны синѣли, становились фіолетовыми, какъ прозрачный аметистъ. Ровный покойный предвечерній вѣтеръ мягко, точно ласкаясь, развернулъ на мачтѣ Русскій флагъ. Аэроплановъ еще не было видно. Но ровнымъ гуломъ гудѣли пропеллеры.

«Да, вотъ это ихъ всегда и выдаетъ», — подумалъ капитанъ Немо и приложилъ къ глазамъ бинокль.

Пять небольшихъ, военныхъ, развѣдочныхъ гидроплановъ, какъ гуси, летѣли широкимъ угломъ — «станцией». Впереди одинъ, за нимъ два и дальше, едва виднѣлись еще два. Они держали курсъ мимо, но должно быть по бѣлой пѣнѣ прибоя, разглядѣли островъ и повернули на него.

Шумъ машинъ сталъ громокъ и надоѣдливъ. Стали видны блестящія алюминіевыя тѣла гидроплановъ, ихъ широкія крылья и отличительные знаки на нихъ. «Французы... Лучшіе летчики въ мірѣ и лучшіе аппараты... Пусть посмотрятъ... Можетъ быть кто нибудь изъ тѣхъ, кто когда то со мною работалъ», — подумалъ капитанъ Немо.

Гидропланы на большой высотѣ, не снижаясь, пролетѣли надъ островомъ, сдѣлали плавный полукругъ и полетѣли на востокъ. Значить, гдѣ то не такъ далеко, долженъ быть и флотъ.

Море темнѣло. На западѣ верхушки волнъ плескали золотомъ. Длинная тѣнь отъ горы легла на океанъ. На зеленой площадкѣ, гдѣ бѣлымъ, ровнымъ рядомъ стояли палатки, горнисть проигралъ повѣстку къ зарѣ. Полурота въ тропическихъ костюмахъ и шлемахъ проворно выстраивалась на линейкѣ.

Капитанъ Немо спустился къ лагерю и пошелъ къ строю. Онъ появлялся передъ людьми своего отряда только въ исключительныхъ случаяхъ.

Все шло по всегдашнему воинскому распisanію.

Фельдфебель, рослый пулеметчикъ Мордашовъ, вызывалъ людей по перекличкѣ.

— Агафошкинъ 1-й... Агафошкинъ 2-й... Ардаганскій... Бычковъ... Ветлугинъ...

— Я... я... я, — неслось отъ шеренгъ.

Между причудливыхъ кактусовъ, отъ кухонь, подымался сизый дымокъ. Вкусно и мирно пахло борщемъ.

Пропѣли молитвы. Горнисть заигралъ зорю. Медленно сталъ опускаться на мачтѣ флагъ. Полурота пѣла гимнъ. Дежурный подошелъ съ рапортомъ къ суровому, стройному, выправленному Ложейникову, тотъ выслушалъ рапортъ и пошелъ, тщательно маршируя къ капитану Немо. Все было «какъ въ Красномъ Селѣ», какъ заповѣдалъ Ранцевъ.

— Ричардъ Васильевичъ, — докладывалъ, держа руку у шлема, Ложейниковъ вытянувшемуся передъ нимъ капитану Немо, — въ лагерѣ, на Россійскомъ острову, въ теченіе дня происшествій не случилось. Безъ четверти, въ восемнадцать часовъ надъ островомъ, съ сѣверо-востока пролетѣло пять французскихъ гидроплановъ, повернули на востокъ и скрылись за горизонтомъ. Люди на перекличкѣ были всѣ.

Капитанъ Немо выслушалъ рапортъ и въ какомъ то раздумьи, глядя вдаль, точно сквозь строй полуроты, подошелъ къ своимъ соратникамъ. Онъ остановился, собираясь съ духомъ, и началъ говорить. Онъ говорил сначала медленно и не громко, потомъ съ силою и твердо: —

— Изъ устной газеты... Изъ докладовъ Николая Семеновича Ложейникова вы знаете о томъ, что происхо-

доть въ Россіи. Большая ея часть... Весь сѣверъ... свободна отъ большевиковъ и защищается Императорской арміей, созданной вашимъ начальникомъ, Петромъ Сергѣевичемъ Ранцевымъ... Въ интересахъ обороны этой Русской территоріи я долженъ былъ отправить ему весь нашъ воздушный флотъ, минные аппараты и газовую оборону. Этого требовалъ нашъ долгъ передъ Родиной... На насъ идетъ флотъ державъ, помогающихъ большевикамъ... Насъ мало... Но мы можемъ защищаться и... во всякомъ случаѣ умереть со славою и честью...

Капитанъ Немо остановился и внимательно смотрѣлъ на стоявшихъ передъ нимъ людей. Строй былъ неподвиженъ. Казалось, люди не дышали.

Твердо, не мигая, смотрѣлъ сѣрыми притушенными тяжелыми опухшими красными вѣками глазами старикъ Агафошкинъ. Его внукъ Фирсъ «ѣль» глазами капитана Немо. У молодого, румянаго князя Ардаганскаго слеза застыла въ рѣсницахъ и все выраженіе его лица было полно такого жертвеннаго порыва, что капитану Немо страшно стало. Мишель Строговъ низко опустилъ голову и глядѣлъ изподлобья, какъ быкъ, собирающій бодать.

— Я рассчитывалъ, — медленно, въ наступающій сумракъ, — солнце уже сѣло, — ронялъ слова капитанъ Немо, — что до весны никто не узнаетъ, гдѣ мы находимся. Весною долженъ былъ прибыть за нами «Гекторъ» и мы отправились бы на немъ въ Россію... Богъ не судилъ этого. «Гекторъ» во льдахъ. Наше мѣстопробываніе извѣстно... Намъ предстоитъ бой... и смерть... или.. это вполне на ваше рѣшеніе... Я разрѣшаю завтра, когда покажется солнце, вмѣсто нашего родного Русскаго флага, поднять бѣлый... Флагъ сдачи.

Капитанъ Немо поклонился строю и быстрыми, твердыми шагами пошелъ мимо палатокъ и сталъ по тропинкѣ подниматься на гору. Шпаковский шелъ въ четырехъ шагахъ за нимъ. Полурота стояла, какъ окаменѣлая. Ни одинъ вздохъ не раздался изъ ея рядовъ. Пятьдесятъ пять паръ глазъ слѣдили, какъ таяли въ прозрачномъ сумракѣ двѣ удаляющіяся бѣлыя фигуры, какъ исчезли онѣ за кактусами и алоэ, точно раствори-

лись въ ночи. На вершинѣ, въ окнахъ барака капитана Немо, загорѣлись огни.

— Господа, — сказалъ полковникъ Ложейниковъ, —обсуждать намъ нечего... Мы солдаты... Мы свой долгъ исполнимъ... Русскаго имени не посрамимъ... Разойтись по палаткамъ!..

XXX

Маленькая палатка Нифонта Ивановича стояла во-злѣ кухонь. Въ ней сидѣли самъ хозяинъ и подружиз-шійся съ нимъ урядникъ Тпрунько. Люди давно отъ-ужинали. Въ лагерѣ стояла мертвая тишина. Нигдѣ въ палаткахъ не было огней.

Яркія звѣзды легли алмазнымъ узоромъ по темно-синей небесной парчѣ. Внизу глухо и мѣрно билъ при-бой. Океанъ отражалъ звѣздное блистачіе и струился свѣтящимися нитями. Ровный и теплый вѣтеръ подувалъ надъ островомъ. Было таинственно, несказанно красиво и чудно въ Божьемъ мірѣ. И разговоръ былъ необыч-ный, полный тайны, вѣры другъ въ друга и велся оцъ тихими задушевными голосами.

— Ось, Михайло Строговъ, — внушительно, хрип-лымъ баскомъ говорилъ Тпрунько, — заготовляе білый флагъ... Я знаю... Бачивъ... Ихъ у палаткѣ пять душъ со-бралось, и Михайла вашъ за коновода... Не дать, значе, поднять Русскаго флага и шобъ сдаться. Ось, что за-мышляе!.. Я знаю... Бачивъ...

— За то знамя наши отцы и дѣды умирали.

— Я за то-жъ и кажу, Нифонтъ Ивановичъ.

— Опять — сдаться?.. Это значитъ опять чужой хлѣбъ жевать?.. Опять въ бѣженцы писаться?.. Да умереть куды слаже...

— Я за то-жъ и кажу, Нифонтъ Ивановичъ. Якъ же вы служили Государю Императору?..

— Я то?.. То есть, какъ я служилъ?.. Я полный бантъ имѣлъ, во какъ я служилъ... Подхорунжимъ я былъ въ

своемъ полку. Я на защитѣ Дона до конца стоялъ, и кабы не начальство, никогда бы никуда не ушелъ... Такъ тамъ и померъ бы на родной то есть землѣ...

— Та-акъ... Вы чулы, якъ полковникъ казавъ на перекличкѣ. «Сполнимъ свой долгъ»... Нашъ долгъ есть што?... Оборонить свое знамя и при емъ умереть.

— Ну-къ что-жъ. Я васъ въ полной мѣрѣ уважаю.

— За то и разговоръ, Нифонтъ Ивановичъ. Вы мой пидпомошникъ... И начальство указало... И то нашъ козацкій долгъ... Понялы?

— Учить меня не приходится. Съ малолѣтства въ станицѣ отцомъ достаточно ученъ, что значить: — за вѣру, Царя и отечество... То есть сладкая смерть... Славою и честію вѣнчанная.

— Я за то и кажу, Нифонтъ Ивановичъ... Бувайте здоровеньки.

— Спокойной ночи.

Внизу глухо шумѣлъ океанъ. Темные валы непрерывною чередою наступали на берегъ, опѣнивались блестящей чертою и съ мягкимъ шипѣніемъ разсыпались вдоль берега. Ярko блистали на небѣ безчисленные, незнаемыя звѣзды. Творили свою ночную работу, полную небесной тайны. Казались они поднимавшемуся на гору уряднику Тпрунькѣ неласковыми и будто враждебными. Не такія онѣ были на Кубани. Чернымъ горбомъ вдавалась въ море гора съ ея причудливыми скалами и съ конусообразной вершиной.

Все было не «наше», все было чужое и страшное. Тпрунька остановился, досталъ кисетъ съ табакомъ, раскурилъ трубку и сказалъ про себя: —

— Ну, однако, никто, какъ Богъ. На все Его святая воля...

XXXI.

Быстрый разсвѣтъ наступалъ. Звѣзды погасали. Небо казалось сѣрымъ. Капитанъ Немо вышелъ на веранду барака. Онъ прислушался. Наверху, гдѣ была мачта

и гдѣ никакихъ работъ не производилось мѣрно стучалъ молотокъ. «Тукъ, тукъ, тукъ». Замолчить, перестанетъ и опять: — «тукъ, тукъ, тукъ»...

Шпаковский, спавшій одѣтымъ въ длинномъ соломенномъ креслѣ вскочилъ передъ капитаномъ Немо.

— Что это тамъ, Александръ Антоновичъ?

— Не могу знать, Ричардъ Васильевичъ. Сейчасъ пойду посмотрю.

— Пойдемъ вмѣстѣ.

Они спустились съ веранды и по узкой тропинкѣ, вившейся между миртовыхъ кустовъ и безобразныхъ мясистыхъ кактусовъ и алоэ стали подниматься къ мачтѣ.

Свѣтало. На востокѣ океанъ покрылся бѣлесою пеленой. Небо надъ нимъ розовѣло.

Съ послѣдняго поворота тропинки стала ясно видна вершина горы. Съдой бородатый казакъ взобрался на бѣлый столбъ мачты и, придерживая колѣномъ большой Русскій флагъ, тщательно прибивалъ его гвоздями. Черезъ плечо у него была надѣта холщевая сумка съ инструментомъ. Другой старикъ въ ветхой изорванной черкескѣ стоялъ подъ нимъ и озабоченнымъ голосомъ давалъ указанія.

— Вы, Нифонтъ Ивановичъ, кромку дѣлайте больше, а гвозди бейте почаще, какъ на знаменахъ били, а то кабы вѣтеръ не порвалъ до времени.

— Я и то гвоздь къ гвоздю. Никогда тебѣ не порветъ... Какая бы буря ни была все устоитъ.

Капитанъ Немо остановился за кустами и смотрѣлъ на стариковъ. Тихая улыбка появилась на его всегда серьезномъ лицѣ. Теплый токъ пошелъ отъ сердца къ глазамъ — и — вотъ еще мгновение — и не удержать онъ благодатныхъ слезъ. Никогда въ дни лучшихъ своихъ изобрѣтеній и громкихъ успѣховъ, ни даже въ тотъ день, когда Государь Императоръ произвелъ его въ первый офицерскій чинъ, ни тогда, когда онъ уже въ зенитѣ своей славы представлялся Государю, ни тогда, когда внезапно почувствовалъ, что онъ полюбилъ запоздалою первою любовью дочь своего лучшаго друга — не испытывалъ капитанъ Немо такого блаженнаго свѣтлаго и радостнаго чувства, какъ въ эти минуты

разсвѣта на чужомъ острову, когда скрытый кустами онъ наблюдалъ эту работу казаковъ.

Звѣзды погасли. Только одна на западѣ горѣла свѣтлымъ фонарикомъ на зеленомъ небѣ. Предразсвѣтный вѣтеръ озабоченно задулъ надъ горою. На востокѣ ярче разгоралась золотая полоса восхода. Внизу на линейкѣ горнисть трубилъ повѣстку къ зарѣ.

Опустившій было въ сладкомъ раздумьи голову капитанъ Немо поднялъ ее. Старый казакъ забилъ послѣдній гвоздь и отпустилъ прижатый колѣномъ конецъ флага. Въ тотъ же мигъ первый солнечный лучъ ослѣпительно заигралъ на горѣ. Въ его огневомъ сіяніи во всю ширину развернулся большой, несказанно прекрасный флагъ Родины...

Немо сталъ спускаться. Онъ не хотѣлъ, чтобы казаки его увидали. На его лицѣ все играла та же счастливая улыбка. Сердце сладостно замирало отъ восторга сознанія, что честь и долгъ не пустые слова.

XXXII.

Въ полдень на горизонтѣ показались черные дымы. На островѣ пробили боевую тревогу. Союзная эскадра шла къ Россійскому острову.

Часовъ около четырехъ корабли развернулись въ океанѣ и стали на якорь. На большомъ Англійскомъ дредноутѣ, должно быть, адмиральскомъ кораблѣ длинной вереницей затрепетали сигнальные флаги.

Сигнальщикъ морякъ прочелъ: — «требовали сдачи и спуска поднятаго на островѣ флага».

Русскій флагъ весело и дерзко игралъ на вѣтру. Съ грязнаго, сѣраго корабля, бывшаго подъ краснымъ флагомъ спустили моторную шлюпку. Она буксировала вельботъ и шла съ бѣлымъ кормовымъ флагомъ: — переговорщики.

Полковникъ Ложейниковъ съ ротмистромъ Шпаковскимъ вышли имъ навстрѣчу.

Вельботъ на веслахъ подошелъ къ берегу и выбросился на мелкое мѣсто. Изъ него выскочили люди въ бѣлыхъ матроскахъ и съ ними человѣкъ въ просторной тропической пижамѣ. Матросскія безкозырки съ алыми ленточками были небрежно по бабьи надѣты на стриженные головы матросовъ. Вооруженные винтовками съ примкнутыми штыками матросы, держа ружья на перевѣсъ окружили человѣка въ бѣлой пижамѣ и несмѣло пошли навстрѣчу полковнику Ложейникову.

— Кто вы такіе и что вамъ угодно? — спросилъ Ложейниковъ.

— Я есть комиссаръ дредноута краснаго совѣтскаго флота «Роза Люксембургъ» и присланъ отъ командующаго союзной эскадрой адмирала Флислинга съ требованіемъ сдачи острова, немедленнаго спуска бѣлогвардейскаго флага и перехода всѣхъ обитателей острова на суда эскадры.

— Передайте адмиралу Флислингу, что ему должно быть хорошо извѣстно, что надъ островомъ не бѣлогвардейскій флагъ, но Россійскій флагъ. Онъ поднять надъ Русскимъ островомъ, принадлежащимъ Россіи и Россія не состоитъ въ войнѣ съ Англіей.

— Это есть требованіе союзниковъ.

— Я его не исполняю.

— Вы знаете!... Вы знаете!... Вы видите, что насъ... Видите сколько насъ... Я могу васъ сейчасъ схватить и увезти, какъ трофей.

— Попробуйте.

Полковникъ Ложейниковъ поднялъ руку и изъ всѣхъ глубокихъ окоповъ, нарытыхъ вдоль берега показались бѣлые шлемы охранной роты. Пулеметныя бойницы открылись, пушки Гочкиса вытянули свои длинные тѣла. И можетъ быть и еще что показалось за скалами. Краснофлотцы шарахнулись въ воду. Комиссаръ растерянно снялъ шляпу и стоялъ передъ Ложейниковымъ, ожидая что будетъ дальше.

— Передайте адмиралу Флислингу, что я ожидалъ отъ его кораблей салюта тому государству, которое сражалось бокъ о бокъ съ нимъ во время великой войны и не измѣнило слову, данному союзникамъ. И скажите,

что на его салютъ батареи острова отвѣтили бы соотвѣтствующимъ салютомъ, какъ того требуетъ международный кодексъ вѣжливости.

— Это уже будетъ другой салютъ, — съ угрозой въ голосѣ пробормоталъ оправившійся отъ испуга комиссаръ. — Товарищи, — обернулся онъ къ краснофлотцамъ. — Намъ здѣсь совсѣмъ даже нечего дѣлать.

Забавно задирая колѣна отъ побѣжалъ по водѣ, все оглядываясь назадъ, впрыгнулъ въ вельботъ и замахалъ шляпой, чтобы матросы скорѣе отваливали. Моторный катеръ принялъ носовой фалень и потащилъ вельботъ къ эскадрѣ.

Переговоры были кончены.

XXXIII.

Всю ночь лучи прожекторовъ бродили по острову, освѣщая его. Въ ихъ свѣтѣ гордо рѣялъ на ночномъ вѣтру Русскій флагъ.

На адмиральскомъ кораблѣ шло совѣщаніе. Весь командный составъ эскадры, адмиралы и офицеры, украшенные боевыми орденами и медалями за подвиги, совершенные въ великую войну, единогласно постановили, что островъ ничтожная величина, и не стоитъ открывать по нему огонь мощныхъ корабельныхъ батарей. Бороться съ Русскими Донъ Кихотами не входить въ планы великихъ державъ, а по всему видно, что тутъ собрались фанатики Русскаго дѣла, заядлые «бѣлогвардейцы», не желающіе мириться съ очевидностью. Въ томъ, что надъ островомъ развѣвается Русскій флагъ — бѣды большой нѣтъ. Ходятъ же съ этимъ старымъ Русскимъ флагомъ, съ этимъ «бывшимъ» Русскимъ флагомъ, « anciens combattants » возжигать пламя на могилѣ неизвѣстнаго солдата въ Парижѣ и ходятъ съ вѣдома и разрѣшенія Правительства Республики. Островъ слишкомъ малъ, чтобы онъ могъ служить базой повсемѣстнаго Русскаго возстанія. Нигдѣ на острову не

видно ни фабрикъ, ни заводовъ, да и какъ могутъ они быть, откуда они получали бы сырье, гдѣ тотъ тоннажъ, который перевозилъ бы все это въ Россію? Все казалось раздутымъ и не стоящимъ вниманія.

— Это Россійскіе Донъ Кихоты, — говорилъ французскій адмиралъ де-Периньи, командовавшій воздушнымъ флотомъ. — Оставьте этимъ несчастнымъ людямъ маленькое утѣшеніе въ ихъ бѣдственной и безрадостной судьбѣ. Мое, господа, мнѣніе, мы можемъ донести нашимъ правительствомъ, что мы были введены въ заблужденіе. Для Европейскаго мира нѣтъ никакой опасности въ существованіи крошечной кучки фанатично настроенныхъ Русскихъ эмигрантовъ, живущихъ подъ своимъ флагомъ.

Краснофлотскіе командиры тупо молчали. Съ темными отъ смущенія лицами, опустивъ головы, они не очень хорошо себя чувствовали подъ перекрестными насмѣшливыми взглядами англійскихъ и французскихъ моряковъ. Они были подавлены. Казалось, что то похожее на совѣсть пробуждалось въ ихъ душахъ. Этотъ бѣло - сине - красный флагъ, увидѣнный ими сегодня на вершинѣ потухшаго вулкана напомнилъ имъ какія то иныя времена, когда никому и въ голову не пришло бы смотрѣть на Русскаго морского офицера со снисходительной насмѣшкой.

Доблесть маленькой кучки людей, отказавшихся исполнить приказъ могущественной союзной эскадры невольно подкупала.

Комиссаръ совѣтскаго флота попросилъ слова. Собственно говорить было не о чемъ: — рѣшеніе было постановлено, но отказать человѣку, являвшемуся фактически начальникомъ совѣтскаго флота, передъ кѣмъ трепетали краснофлотскіе командиры сочли неудобнымъ и слово было ему предоставлено. Человѣкъ, небрежно одѣтый въ неопрятную бѣлую пижаму, безъ воротничка на рубашкѣ и галстука, плохо бритый, съ синевою на верхней губѣ и по щекамъ всталъ со своего мѣста и сталъ говорить. Въ дни своей молодости, укрываясь отъ воинской повинности, а потомъ отъ войны, онъ эмигрировалъ въ Америку, служилъ тамъ помощникомъ прови-

зора въ маленькой жидовской аптекъ и научился говорить по-англійски жаргономъ рабочихъ кварталовъ Нью-Йорка. Его ужасный англійскій языкъ звучалъ въ каютѣ полтора часа. Онъ бралъ изморомъ. Это была обыкновенная митинговая рѣчь, совершенно неумѣстная передъ англійскими и французскими морскими офицерами. Онъ старался доказать, что островъ совсѣмъ не такая невинная и безопасная для мира вещь, какъ то кажется союзнымъ адмираламъ.

— Товарищи, — восклицалъ онъ, и это названіе корбило офицеровъ. — Товарищи, тамъ есть пулеметы, я ихъ самъ видалъ, ужасъ сколько пулеметовъ... Ну и тамъ, знаете, пушки... И кто знаетъ какія тамъ пушки... И чѣмъ онъ стрѣляютъ. Тамъ могутъ быть, знаете, аэропланы, сотни, даже тысячи аэроплановъ... Милліоны особыхъ аэроплановъ — это вѣдь тотъ же тоннажъ, Это лучше тоннажа...

— Наши летчики, — перебилъ краснорѣчіе комиссара адмиралъ де-Периньи, — никакихъ аэроплановъ на острову не видали.

— Товарищъ адмиралъ... Господинъ адмиралъ, вы понятія не имѣете, что это за люди... Они могли такъ укрыть свои аэропланы, что ихъ никакъ нельзя было увидеть. Здѣсь, господа, здѣсь, товарищи, сѣмена милитаризмы, никакой европейскій миръ, никакое разоруженіе невозможны, пока существуютъ эти люди, пока совершенно не сокрушена гидра контръ-революціи... Я спредѣленно доказываю, что здѣсь ея гнѣздо... Это фактъ. Тутъ самая ея голова, ея мозгъ... Наша обязанность передъ цѣлымъ культурнымъ міромъ камнемъ раздробить эту голову... Сто головъ этой ужасной бѣлогвардейской гидры. Народы всего міра не могутъ спокойно спать отъ присутствія этой гидры... Отъ нея кризисъ, отъ нея безработица, она питаетъ самыя гнусныя вождедѣнія монархистовъ всего міра... Лига Націй намъ поручила ее уничтожить... Исполнимъ свой долгъ передъ Лигой Націй...

Его слушали со скукою, едва подавляя зѣвоту. Слушали изъ европейской вѣжливости, какъ слушаютъ въ Женевѣ, въ Лигѣ Націй болтовню Литвинова. Слушаютъ

потому, что не могут допустить, чтобы мошенникъ пробрался въ высокое собраніе, и разъ человѣкъ находится въ ихъ обществѣ, какой онъ ни будь — его приходится считать порядочнымъ человѣкомъ.

Наконецъ, онъ кончилъ. Онъ долженъ былъ кончить, потому что какъ ни былъ онъ мало чутокъ и какъ ни упоенъ своимъ краснорѣчіемъ, но и онъ понялъ, что злоупотреблять дольше имъ нельзя.

Адмираль Флислингъ, пятидесятилѣтній полный человѣкъ съ краснымъ, бритымъ лицомъ и маленькими пухлыми совсѣмъ дѣтскими губами свѣжаго красиваго рта, не глядя на комиссара, сказалъ, обращаясь къ капитанамъ союзныхъ кораблей:

— Завтра я полагаю отправить моего флагъ офицера къ этимъ мужественнымъ людямъ, чтобы еще разъ поговорить съ ними и убѣдить ихъ сдаться и перейти къ намъ на суда.

— А, если не согласятся ?— быстро спросилъ адмираль де-Периньи, загорѣлый, сухощавый морякъ съ классической французской бородкой временъ Наполеона III и Алжирскихъ побѣдъ.

— Не согласятся, ну и Богъ съ ними, — спокойно сказалъ Флислингъ. — Снимемся съ якоря и уйдемъ. Можемъ наблюдать за ними посылкой періодически судовъ и гидроплановъ. Смѣшно говорить о томъ, что эта маленькая группа Русскихъ патріотовъ можетъ быть опасна для міра.

— Но это же никакъ невозможно, — въ сильномъ возбужденіи воскликнулъ комиссаръ. — Это же пощечина трудовому народу всего міра. Это оскорбленіе пролетаріата, довѣрившаго судьбы свои демократіямъ великихъ державъ. Рабочіе Англіи и Франціи, когда узнаютъ о такомъ рѣшеніи, объявятъ забастовки. Будутъ повсемѣстныя возстанія. Это же будетъ кровавое тѣмъ, кто борется съ пролетаріатомъ советскихъ республикъ, это интервенція въ советскія дѣла, это таже голодная блокада, это повтореніе временъ Колчака и Деникина, ошибокъ, за которыя пришлось такъ дорого заплатить.

Его рѣчь становилась все страстнѣе, онъ сталъ сы-

пать тирадами изъ коммунистическаго катехизиса. Грядомъ съ адмиральской каютой въ каютъ компаніи стюарты гремѣли посудой, накрывая къ ужину. Флислингъ, багрово покраснѣвъ пухлыми щеками, перебилъ комиссара.

— Мнѣ кажется, ваше краснорѣчіе тутъ совершенно неумѣстно, — сказалъ онъ, повышая голосъ, — упоминаніе о Колчакѣ и Деникинѣ напрасно. — Флислингъ еще болѣе покраснѣлъ. Онъ терялся, какъ остаться джентльменомъ, имѣя дѣло съ такимъ человѣкомъ, какъ этотъ наглый совѣтскій комиссаръ. Онъ обвелъ глазами старшихъ англійскихъ и французскихъ офицеровъ. Онъ искалъ у нихъ поддержки и одобренія своимъ поступкамъ. — Мнѣ думается, — внушительно сказалъ онъ, — что я правильно выражу наше общее мнѣніе: — вы согласны со мною. Мы, чортъ возьми, въ большинствѣ, — все болѣе и болѣе накаливаясь, раздражаясь и краснѣя воскликнулъ Флислингъ, — уважать наше мнѣніе вы обязаны.

Англійскіе и французскіе офицеры молча встали и поклонились адмиралу. Одни краснофлотцы продолжали сидѣть, низко опустивъ головы. Комиссаръ вскочилъ съ привинченнаго къ полу круглаго кожанаго кресла и, уже не сдерживаясь, закричалъ:

— Это, товарищи... Это же измѣна дѣлу рабочихъ и вообще... Это же предательство трудового народа и демократій... Это ударъ въ спину дѣлу мира.

Онъ съ гнѣвомъ топнулъ ногою по мягкому ковру и выскочилъ изъ каюты. За нимъ сконфуженною гурьбою, какъ побитыя собаки, нагдившія въ комнатѣ, стали выходить и краснофлотцы.

— Господа, — сказалъ Флислингъ, — какъ будто воздухъ сталъ чище. Откройте еще шире иллюминаторы. Надо еще провѣтрить... Одиннадцатый часъ, однако. Пять часовъ потеряли на пустую болтовню и лекціи Марксизма. Пожалуйте, господа, ужинать...

XXXIV.

Въ два часа ночи флагъ офицеровъ адмирала Флислинга доложилъ ему, что матросы на корабляхъ волнуются. Они покинули койки на верхней и батарейной палубахъ, и на многихъ корабляхъ идутъ летучіе митинги. Было извѣстно, что на всѣхъ корабляхъ есть коммунистическія ячейки, но этому не придавали значенія, считывая на благоразуміе общей массы матросовъ. Ночью съ совѣтскихъ судовъ прибыли агитаторы и матросы подпали подъ влияніе ихъ смѣлыхъ свободныхъ рѣчей. Были уже насилія надъ боцманами и квартирмейстерами, пытавшимися приказать матросамъ разойтись. Офицеры не смѣли выйти изъ своихъ каютъ. Мятежъ бѣжалъ, какъ пламя по пороховой ниткѣ. Зараза быстро охватывала корабли съ экипажами, усталыми отъ тяжелаго плаванія по неизвѣстнымъ морямъ, при неистовой тропической жарѣ.

Безсловесныя и покорныя всегда офицерамъ команды теперь выносили резолюціи и ставили требованія. Вдругъ давняя и всегда такъ тщательно скрываемая добрыми, джентльменскими отношеніями классовая вражда между алою и голубою кровью поднялась и вспыхнула съ непресборимою силою. Стали вспоминать всѣ бывшія на протяженіи многихъ лѣтъ обиды и недоразумѣнія. Въ адмиралѣ и офицерахъ увидали враговъ «трудоваго народа», «капиталистовъ», «бѣлую кость», угнетающую матросовъ. На судахъ стали выносить одинаковыя, точно кѣмъ то однимъ продиктованныя резолюціи, вынесенныя на матросскихъ митингахъ.

— Команды эскадръ Англіи, Франціи и Союза Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ, собравшись на чрезвычайныя собранія, единогласно постановили: — требовать отъ адмираловъ и офицеровъ исполненія ихъ долга передъ пославшими ихъ демократіями означенныхъ странъ и Лигой Націй. Они требуютъ незамедлительнаго уничтоженія огнемъ острова, занятаго империалистами, заклятыми врагами трудового народа, милитаристами, готовящими ужасы новой міровой войны.

Рабочіе всего міра взываютьъ къ совѣсти офицеровъ союзныхъ эскадръ и требуютъ отъ матросскихъ командъ желѣзной дисциплины и жестокаго наказанія людямъ, помыслившимъ уничтожить совѣтскій союзъ. Да здравствуютъ Совѣты трудящихся!...

Кровавокрасные огни мятежа загорѣлись на клотикахъ мачтъ. На англійскомъ крейсере раздавалось нестройное пѣніе «интернаціонала».

Въ четыре часа утра адмиралы и старшіе офицеры, на этотъ разъ сопровождаемые выборными отъ матросскихъ командъ вновь собрались на флагманскомъ кораблѣ. Подавленный и уничтоженный, въ эту ночь точно постарѣвшій на много лѣтъ вышелъ къ нимъ Флислингъ. Онъ согнулся и опустилсѣ. Пухлыя щеки обрюзгли и были нездороваго буро - малиноваго цвѣта. Заплывшіе жиромъ глаза были тусклы. Французскій адмиралъ старался ни на кого не глядѣть. Въ открытые иллюминаторы смотрѣла темная, поздняя тропическая ночь. Въ нихъ несея глухой гомонъ не спящихъ, волнующихся командъ, слышались нестройныя пѣсни, крики угрозъ и свистки. На совѣтскихъ судахъ оркестры играли «Интернаціональ». Комиссаръ совѣтской эскадры самодовольно потиралъ руки и не могъ скрыть своего торжества. Онъ нагло оглядывалъ офицеровъ.

Никто не сѣдился. Адмиралъ Флислингъ стоялъ у дверей каюты.

— Господа, — сказалъ онъ. Его голосъ звучалъ хрипло и печально. — Я принужденъ покориться обстоятельствамъ. Уступить насилію. Вопросъ о законности или незаконности того, что произошло мы будемъ рѣшать, когда вернемся въ свои порты. Сейчасъ я принужденъ исполнить желанія... требованія командъ... Приказываю съ восходомъ солнца, съ подъемомъ флаговъ, пробить на судахъ боевую тревогу и открыть огонь по острову.

— Если надъ островомъ не будетъ бѣлаго флага, — сказалъ тихо, но какъ то особенно внушительно прозвучалъ его голосъ — адмиралъ де-Периньи. Онъ видимо сильно страдалъ и съ трудомъ скрывалъ то, что происходило въ его душѣ.

— Или... красного, — воскликнулъ, съ прерывистымъ хохотомъ торжества комиссаръ.

— Ну, этого, надѣюсь, вы никогда не дождетесь, — мрачно сказалъ Флислингъ. — Мы будемъ стрѣлять только по Русскому флагу.

— Приказъ объ открытіи огня французскимъ кораблемъ будетъ отданъ моимъ замѣстителемъ, — грустно сказалъ адмиралъ де-Перины. — Я подаю въ отставку... — Онъ повысилъ голосъ: — я не могу отдать приказа объ открытіи огня по Русскому флагу... Я видѣлъ Тулонъ, я былъ въ Кронштадтѣ, я знаю Марну и Верденъ, я пережилъ съ Русскими моряками Бизерту... Такого постыднаго приказа я никогда не отдамъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно... какъ вамъ будетъ угодно, — верещалъ комиссаръ. Онъ не могъ долѣе скрывать своего восторга.

— Это не вы здѣсь, милордъ, распоряжаетесь, — крикнулъ, раздражаясь до послѣдней степени и теряя хладнокровіе, Флислингъ. — Это мой приказъ, отданный именемъ короля... Слышите, чортъ возьми васъ со всѣмъ, — наступая на комиссара, заоралъ Флислингъ, — короля!... короля!... И никого другого...

— Я слышу... Слышу, господинъ адмиралъ... Ну такъ я все же слышу... Короля, такъ короля... Но по волѣ народа...

Комиссаръ былъ въ дверяхъ. И это было хорошо. Еще мгновение и Флислингъ избилъ бы его мощно сжатыми кулаками. Флислингъ тяжело вздохнулъ.

— Попрошу, господа, по мѣстамъ, — овладѣвая собою, сказалъ онъ. Приведите ваши команды въ порядокъ. Берегите снаряды... Ей Богу этотъ островокъ не стоитъ всего этого шума.

Офицеры вышли изъ адмиральской каюты. Въ свѣтломъ корридорѣ съ блестящими бѣлыми стѣнами переборокъ, ярко освѣщенными многими электрическими лампочками, пустынномъ и тихомъ въ этотъ поздній часъ казалось офицерамъ застыла страшная, несказанно противная, мерзкая, тошная, послѣдняя скука.

Скука смертной казни.

XXXV.

Безъ пяти минутъ въ шесть часовъ утра адмираль Флислингъ поднялся на командный мостикъ. Онъ молча взялъ отъ вахтеннаго начальника подзорную трубу и навелъ ее на островъ. Въ утреннемъ бризѣ, надъ розовымъ конусомъ потухшаго вулкана тихо и, какъ показалось Флислингу, особенно внушительно и гордо рѣялъ Русскій флагъ. Онъ то сворачивался, путаясь полосами и становясь похожимъ на французскій, то разворачивался во всю ширину и четко рисовался на свѣтлѣющемъ небѣ. Съ моря несло отрадной прохладой. Душистой свѣжестью вѣяло отъ острова. Міръ былъ прекрасенъ.

Внизу на верхней палубѣ строились молчаливыя мрачныя команды.

Англійскій адмираль, не глядя на вахтеннаго, сунулъ ему трубу и буркнулъ пухлыми обвѣтренными посѣрѣвшими губами:

— Приказываю пробить боевую тревогу... Открытіе огня.

Прошло нѣсколько минутъ. Очень долгими онѣ показались адмиралу. Надъ вантами побѣжала цвѣтная лента адмиральскаго приказа. Заиграли горны, имъ откликнулись рожки и точно громадные усы морского чудовища зашевелились пушки на башнѣ.

И еще никто не рѣшался выпустить смертоносный снарядъ по молчащему острову, какъ на совѣтскомъ броненосцѣ «Роза Люксембургъ» вдругъ надъ башнями метнулось пламя и сейчасъ же грозно, громоподобно грохнулъ первый выстрѣлъ, отдался этомъ о гору и покатился надъ тихимъ спящимъ океаномъ.

Солнце поднималось изъ морскихъ просторовъ.

Девять судовъ открыли огонь по острову. Гидропланы, рѣя въ небѣ, корректировали стрѣльбу. Маленькая розово-зеленая точка на морѣ была окутана бѣлыми, сочными облаками шрапнельныхъ разрывовъ и громадными бурями дымами взрывовъ гранатъ, словно кудрявыя деревья встававшими то тутъ то тамъ. Они

были такъ часты, что временами острова не было видно и не было видно флага на мачтѣ. Тогда на мгновеніе прекращали огонь, чтобы дать охладиться разгоряченными стволамъ и ждали, когда разсѣются дымы разрывовъ надъ островомъ и въ десятки биноклей смотрѣли на гору. Въ синемъ небѣ надъ розовою скалою, рѣялъ и точно дразнилъ коммунистовъ прекрасный и невредимый, не опускаемый Русскій флагъ.

Въ полдень стрѣльбу прекратили. Коммунистическія ячейки потребовали, чтобы командамъ былъ поданъ обѣдъ.

Въ часъ дня огонь возобновился съ новою силою и подъ его прикрытіемъ съ совѣтскихъ и англійскихъ судовъ пошли шлюпки и катера съ десантомъ.

XXXVI.

Какъ ни малъ былъ Россійскій островъ онъ былъ все-таки слишкомъ великъ для его гарнизона въ пять-десять пять человекъ. Его защитники, укрывшіеся въ глубокихъ траншеяхъ и убѣжищахъ, устроенныхъ на звенья и разсѣянныхъ далеко другъ отъ друга по всему берегу, удачно отсиживались отъ снарядовъ и бомбъ, бросаемыхъ съ аэроплановъ. Гранаты лопались вездѣ. Онѣ измѣняли самую очертанія острова. Тамъ упала граната у берега и ея воронка наполнялась водою, образуя причудливый заливъ, тамъ разрывомъ снаряда сносило крутыя скалы на краю горы и вмѣсто ихъ пиковъ являлась покатая чернобурая осыпь. Только одинъ разъ снарядъ попалъ прямо въ пулеметное отдѣленіе, и восемь человекъ вмѣстѣ съ машиной взлетѣли на воздухъ и исчезли. Тамъ, гдѣ билось восемь живыхъ сердецъ осталась только глубокая черная воронка.

Защитники острова притаились въ своихъ земляныхъ норахъ. Сквозь стекла перископовъ наблюдали они изъ подъ земли за тѣмъ, что дѣлается на морѣ. Они видѣли разрушеніе острова. Во мгновеніе ока огненнымъ

вихремъ смело палатки ихъ лагеря. Разметало сарай съ консервными ящиками и тѣмъ лишило ихъ продовольствія. Объ этомъ, впрочемъ въ ту минуту какъ то никто не подумалъ. Громадными осколками разбило кухню Нифонта Ивановича. Все жилое, все, съ чѣмъ сжились за эти полгода офицеры уничтожалось и островъ обращался въ груды развалинъ. Луга были покрыты темными воронками и надъ всѣмъ островомъ носился запахъ удушливой гари.

Когда въ полдень огонь утихъ ошеломленные, оглушенные, потерявшіе способность соображать, люди стали выходить изъ убѣжищъ и осматриваться. Отвѣсных лучи солнца казались нестерпимыми. Тутъ, тамъ на лугахъ, на скатахъ горы дымились воронки. Люди отряда капитана Немо снимали противогазы, протирали глаза, вдыхали знойный воздухъ, расправляли затекшіе члены и, казалось, и сами не понимали, какъ могли они выйти живыми изъ этого ада, какъ спасла ихъ судьба. Нифонтъ Ивановичъ хлопоталъ изготovitъ чайку, и послалъ Фирса посмотрѣть цѣла ли мачта. Князь Ардаганскій совершенно потрясенный, ничего еще не соображающій пошелъ за Фирсомъ. Ему, проводшему эти часы рядомъ съ Фирсомъ казалось, что съ нимъ ему будетъ не такъ одиноко. Онъ хотѣлъ заглянуть и къ капитану Немо, отъ котораго все время боя они по громкоговорителю слышали слова ободренія.

Они побѣжали вверхъ по тропинкѣ.

— Цѣлъ!... цѣлъ, — въ какомъ то животномъ вострому рукою на вершину мачты, гдѣ то разворачивался, то опадалъ ихъ, ставшій имъ необычайно дорогимъ Русскій флагъ.

— Пойдемъ назадъ, — сказалъ Ардаганскій, — чего еще... Вдругъ они начнутъ... Ему страшна была теперь самая тишина острова, хотѣлось къ людямъ, хотѣлось въ тѣсное душное убѣжище. Просторъ океана, гдѣ были видны суда противника, казался ему ужаснымъ. Но Фирсу хотѣлось убѣдиться, что и самое основаніе мачты никакъ не повреждено. Фирсъ бѣжалъ безоружный. Тяжелый «наганъ» болтался въ кобурѣ на

боку у Ардаганскаго и казался ему лишнимъ и ненужнымъ. Онъ стѣснялъ его.

— Одинъ секундъ, Михако... Гляньте-ка, что это тамъ такое?... Ахъ ты Господи, вотъ еще гадъ!

Впереди ихъ и по тому же направленію къ мачтѣ, тщательно скрываясь въ кустахъ алоэ и кактусахъ крадась какая то бѣлая фигура. Фирсъ схватилъ князя Ардаганскаго за руку и повлекъ его за собою.

— Ишь ты какое замыслилъ... Ну погоди-жъ ты!... Вотъ негодяй!... Стерва паршивая... — бормоталъ Фирсъ.

Онъ тащилъ за собою въ гору совсѣмъ изнемогавшаго отъ зноя князя. Изъ подъ ихъ пробковыхъ шлемовъ потъ лилъ струями и, заливая глаза, мѣшалъ видѣть. Человѣкъ въ бѣломъ былъ уже у основанія мачты. Онъ рѣзкимъ движеніемъ выхватилъ изъ за пазухи красное полотнище и сталъ махать имъ. Потомъ полѣзъ на мачту.

Какъ въ какомъ то кошмарномъ снѣ князь узналъ въ этомъ человѣкѣ въ бѣломъ Мишеля Строгова.

— Гляньте, что они дѣлають... Предатели!... Гадъ паршивый... Слѣзай, чортовъ сынъ... Слѣзай тебѣ говорить, — кричалъ, задыхаясь въ изступленіи Фирсъ.

Мишель Строговъ, казалось, не слыжалъ его. Онъ видимо былъ пораженъ, что флагъ такъ прочно прибитъ къ мачтѣ. Держась колѣнями за мачту, сунувъ снова за пазуху красное полотнище, онъ досталъ изъ за сапога кривой ножъ и сталъ отрѣзать флагъ отъ мачты.

— Михако, стрѣляйте въ него... Видите какое дѣло замышляютъ. Такимъ гадамъ глотку своими руками рвать надо-тъ.

Князь Ардаганскій какъ то нерѣшительно вынулъ изъ кобуры револьверъ, приподнялъ было его, увидалъ на мушкѣ Мишеля Строгова, вспомнилъ все и точно сталъ ему револьверъ не подъ силу тяжелымъ — онъ уронилъ его на землю.

— Ньюжли-жъ и того не умѣете, — съ негодованіемъ, глубоко оскорбившимъ князя крикнулъ Фирсъ, — а, голубая кровь!... Правильно прозвали васъ большевики — буржуи!... Что-бъ васъ!...

Онъ схватилъ револьверъ съ земли и выстрѣлилъ. Пуля удачнохватила Мишеля по рукѣ. Онъ скатился внизъ съ мачты. По тыловой части ладони струею текла кровь. Князь бросился къ нему, но Мишель ловкимъ и сильнымъ ударомъ кулака свалилъ князя съ ногъ. Этотъ ударъ точно пробудилъ князя, онъ вскочилъ на ноги и снова бросился на Мишеля. Въ тотъ же мигъ Фирсъ всю тяжестью навалился на Мишеля сзади и, давъ ему подножку, бросилъ его на землю. Онъ скрутилъ ему руки назадъ, приподнялъ его и поставилъ на ноги. Князь ухватилъ Мишеля сзади за лотки и они оба повлекли Мишеля внизъ съ горы. Мишель молчалъ. Онъ тяжело сопѣлъ и пытался зубами достать то руки крѣпко державшаго его Фирса, то красное полотнище, торчавшее у него изъ за пазухи. Но Фирсъ угадывалъ его маневры и всякій разъ еще сильнѣе сжимая руки и выкручивая ихъ мѣшалъ ему въ этомъ и въ тоже время ногою толкалъ его, заставляя бѣжать по крутому спуску.

У главного окопа, гдѣ былъ Ложейниковъ ихъ поджидала группа бойцовъ.

— Что тамъ случилось? — спросилъ полковникъ Ложейниковъ.

Мишель Строговъ былъ противъ него. Онъ былъ багрово красенъ, съ выпученными страшными глазами, сверкающими непередаваемой, нечеловѣческой злобой. Онъ оглядывалъ столпившихся кругомъ Ложейникова людей.

— Вотъ, ваше высокоблагородіе, гляньте какую пакость хотѣли исдѣлать намъ, — сказалъ, задыхаясь отъ усилія держать Мишеля и отъ бѣготни и драки, Фирсъ. Онъ, освободивъ на мгновеніе одну руку Мишеля, схватилъ изъ его пазухи красное полотнище съ пришитыми къ нему бѣлыми завязками и бросилъ его къ ногамъ Ложейникова. — Съ ножомъ, дьяволъ карабкался, чтобы срѣзать, значить, нашу святыню и свою красную пакость навязать. Экую подлую сдачу придумалъ!

Мишель озираясь, какъ затравленный волкъ. Онъ поднималъ голову, мотнулъ волосами, выпрямилъ грудь,

стараясь освободиться отъ зажавшаго его, какъ въ клещахъ Фирса и выкрикнулъ съ отчаяніемъ:

— Товарищи!...

— Здѣсь вамъ нѣту товарищей, — грозно заревѣлъ на него Ложейниковъ и сдѣлалъ шагъ къ нему.

— Товарищи, — упрямо съ отчаянною смѣлостью повторилъ Мишель. — Мы нанимались на фильмъ сниматься... А не чтобы... пушечное мясо... Я говорю, — со страшною силою и нечеловѣческою злобою крикнулъ Мишель, — никакого права вы не имѣете!... Я жить хочу!... Я молодъ!... Я!... Жить!... Мнѣ эти: — слава... честь... долгъ... еще вотъ Родина... Не существуютъ они для меня! Я новый человѣкъ!... Мнѣ ваши предрасудки, что-бы жизнь... Единственное, что... Я не желаю умирать...

— Молчи, гадъ, — съ ненавистью крикнулъ Фирсъ.

— Дайте говорить, не мѣшайте, — крикнули сзади.

— Правильно!... Безполезная смерть!... Для чего?...

— Кого мы удивимъ?...

— Кто насъ увидитъ?...

— Кто узнаетъ?... Весь міръ противъ насъ!

— Сдаваться надо!

Кричало два, три человѣка. Остальные молчали. Смятеніе было кругомъ. Въ это время, расталкивая толпу, къ самому полковнику Ложейникову подошелъ старый Нифонтъ Ивановичъ. Въ крѣпкой и зачугунѣлой рукѣ у него былъ зажатъ топоръ. Онъ имъ рубилъ сейчасъ дрова.

— Ваше высокоблагородіе, — сказалъ онъ съ такою медлительною и важною суровостію, что крики сразу стихли, и жуткая наступила тишина. Маленькіе медвѣжьи глаза стараго казака горѣли яснымъ, что то неземное видящимъ огнемъ. — Ваше высокоблагородіе, какъ онъ есть предатель святого дѣла защиты Родины... Измѣнникъ Русскому знамени... И какъ съ нашего дома... Съ одной виллы Коксинель, какъ бы мой однохуторецъ, разрѣшите мнѣ, какъ отцу недостойнаго сына и прикончить его...

И никто ничего не успѣлъ ни возразить или крикнуть, какъ Нифонтъ Ивановичъ, какъ то особенно изпутри гакнувъ, обрушилъ топоръ на узкій, упрямый лобъ Мишеля Строгова.

Толпа охнула. Князь Ардаганскій, державшій сзади Строгова, отскочилъ въ брезгливомъ ужасѣ. Фирсъ бросилъ Мишеля и тотъ безъ стона, мертвый, съ раскрытымъ черепомъ упалъ къ ногамъ толпы.

И никто не успѣлъ еще хорошенько осознать, что случилось, какъ сверху, гдѣ былъ наблюдательный постъ капитана Немо, раздалась спокойная и твердая команда:

— Смирно! По мѣстамъ!... Надѣть противогазы!...

Въ небѣ, все нарастая раздавался шелестъ приближающагося полета тяжелыхъ снарядовъ и одновременно съ ихъ разрывомъ загремѣлъ громъ возобновившейся бомбардировки острова.

Было не до Мишеля Строгова.

XXXVII.

Послѣднія шрапнели бѣлымъ колеблющимся, кружевнымъ поясомъ облегли береговую линію. Канонада смолкла. Боялись попасть по своимъ. Шлюпки съ десантомъ подходили къ острову.

Въ этой тишинѣ, зловѣще засвистали свистки и раздалась увѣренная команда Ложейникова: — «огонь»!...

Четыре маленькія пушечки Гочкиса, шесть пулеметовъ и двадцать пять винтовокъ открыли огонь по лодкамъ. Жалкими и ничтожными казались ихъ выстрѣлы послѣ громовъ морскихъ гигантовъ. Но мѣтко стрѣляли эти люди, рѣшившіе дорого отдать свою жизнь. Руководила ими опытная офицерская рука. И стрѣляли специалисты дѣла — офицеры. Стрѣляли обреченные на смерть и съ этимъ примирившіеся. Стрѣляли, чтобы продлить еще немного свою жизнь, стрѣляли, можетъ быть, въ жалкой надеждѣ оборониться мужествомъ отъ силы.

Большой катеръ съ крейсера «Металлистъ» тонувъ удачно подбитый снарядомъ. На катерѣ съ «Розы Люксембургъ» всѣ гребцы и большая часть краснофлотцевъ десанта были перебиты пулеметнымъ и винтовочнымъ огнемъ. Его взялъ на буксиръ катеръ съ англій-

скаго броненосца. Эта горсть защитниковъ умѣла сражаться и дорого отдавала свою жизнь... Лодки съ десантомъ, не слушая ни командъ ни сигналовъ, поворачивали назадъ. Первыми удрали моторные катера, и вельботы шли подъ ударами веселъ, бившихъ торопливо, нервно и не въ попадъ. Многія совѣтскія шлюпки перевернулись, и съ берега было видно, какъ крутомъ упавшихъ въ воду людей, пѣня воду, сновали акулы. Десантъ удалялся со всею возможною поспѣшностью, а по нему все били и били винтовки и поливали пулями стрекочущіе мѣткіе пулеметы. Дорого отдавали свои обреченныя жизни защитники таинственнаго острова. Побѣдить или умереть, — было ихъ рѣшеніе.

Они побѣждали.

На англійскихъ и французскихъ судахъ былъ поданъ сигналъ: «отбой». Адмиралъ Флислингъ рѣшилъ прекратить нападеніе на островъ и предоставить его своей судьбѣ. Воля капитана Немо оказалась сильнѣе воли Англійскихъ и Французскихъ моряковъ. Она сломила ихъ наступленіе. Но не сдавался совѣтскій комиссаръ. Онъ явился на флагманскій корабль съ требованіемъ разрѣшить ему забросать островъ съ гидроплановъ бомбами съ совѣмъ особыми газами, противъ которыхъ всѣ противогазы были безсильны. Этотъ газъ, — особое видоизмѣненіе «Люизита», названнаго въ Америкѣ «росою смерти», былъ изобрѣтенъ въ Осоавіохимѣ химикомъ нѣмцемъ, когда то сотрудникомъ и соперникомъ профессора Бундерлиха и былъ испытанъ надъ преступниками въ совѣтской республикѣ. Дѣйствіе его было столь ужасно, что въ совѣтскихъ газетахъ не рѣшились опубликовать результатовъ испытаній, но слухи о немъ проникли за границу и, когда комиссаръ совѣтскаго флота предложилъ въ самомъ началѣ примѣнить этотъ газъ, онъ встрѣтилъ серьезный отпоръ со стороны своихъ боевыхъ товарищей. Теперь при видѣ потерь понесенныхъ совѣтскимъ десантомъ, адмиралъ Флислингъ на предложеніе комиссара не отвѣтилъ ничего. Онъ умылъ руки. «Дѣлайте, какъ хотите, но мы принимать участія въ этомъ ужасномъ дѣлѣ не будемъ», — означало его молчаніе.

И сейчас же десять советских гидропланов слетѣли съ моря и понеслись къ острову. Бурый низкій дымъ жуткимъ туманомъ затянулъ островъ, поднялся до вершины горы и растаялъ въ воздухѣ. И когда снова въ подзорныя трубы сталъ виденъ весь островъ, на немъ не было замѣтно никакого движенія. Комиссаръ явился къ адмиралу Флислингу. Онъ вошелъ, радостно возбужденный, торжествующій и зловѣщій. У адмирала Флислинга сидѣлъ представитель «Интеллидженцъ Сервисъ» капитанъ Холливель.

— Ну вы знаете, — потирая руки и не пытаясь ихъ подавать, зная напередъ, что его протянутая рука никому не будетъ принята, — ну вы знаете, — оживленно говорилъ комиссаръ. — Вы совершенно напрасно были противъ этого. Такъ съ этого надо было начинать и все было бы давно кончено. Не даромъ наши товарищи, большевики, назвали этотъ газъ — «поцѣлуй смерти». И смотрите, какъ гениально придумано. Другіе газы, сдѣлавъ свое дѣло убійства, остаются долго на землѣ, «поцѣлуй смерти» поднимается вверхъ и можно наступать и можно сейчас же видѣть результатъ своей побѣды. Мы можемъ ѣхать на островъ. Мы можемъ срывать проклятый флагъ, рубить мачту, мы можемъ брать трофеи! Потому, знаете, мое коммунистическое сердце совсѣмъ не выдерживаетъ — проклятый флагъ все развѣвается... Будто и не было нашей побѣды.

Адмиралъ Флислингъ поднялся.

— Ыдемте, капитанъ, — сказалъ онъ взволнованно, хватая руки капитана Холливеля, — поклонимся праху святыхъ героевъ, Русскихъ патріотовъ.

Не глядя на комиссара, какъ мимо пустого мѣста, прошелъ адмиралъ къ сходнямъ, гдѣ стоялъ дежурный катеръ.

Шлюпки съ десантомъ пошли впереди. Осторожность не мѣшала. Солнце садилось. Въ его золотыхъ лучахъ на вечернемъ бризѣ Русскій флагъ, развѣвавшійся на мачтѣ казался грозящимъ и торжественнымъ. Мертвая тишина была на островѣ.

Никто и никакъ не встрѣтилъ матросовъ и краснофлотцевъ десанта. Люди рассыпались жидкою цѣпью

и, держа ружья на перевѣсъ, пошли вглубь острова къ горѣ. За матросами шли адмиралъ Флислингъ, капитанъ Холливель и нѣсколько англійскихъ офицеровъ.

Въ глубокихъ окопахъ, съ коричневыми лицами, словно опаленными огнемъ, скорченные въ ужасныхъ мучкахъ лежали мертвецы. У однихъ руки были подняты и страшными казались ихъ въ послѣдней смертной мучкѣ растопыренные пальцы, у другихъ пальцы были сложены, какъ для крестнаго знаменія и въ лицахъ ихъ сквозъ муки агоніи проглядывало спокойствіе смерти. Они лежали съ закрытыми глазами и покойны были черты людей, умершихъ въ сознаніи свято исполненнаго долга. Другіе съ открытыми выпученными, почти выльзшими изъ орбитъ глазами съ открытыми страшными ртами точно вопіяли къ небу, прося помощи.

Адмиралъ обошелъ островъ. Какъ мало было защитниковъ!

— Гдѣ же тяжелыя пушки, о которыхъ вы вчера намъ докладывали? — съ презрѣніемъ въ голосѣ сказалъ Флислингъ шедшему въ сторонѣ отъ него совѣтскому комиссару.

— Ну такъ я таки не говорилъ: — тяжелыя пушки, я говорилъ — пушки.

— Четыре Гочкиса!... Надъ нами смѣяться будутъ!... А гдѣ милліоны пулеметовъ... Сколько пулеметовъ насчитали вы на островѣ? — обратился Флислингъ къ своему флагъ офицеру.

— Шесть пулеметовъ, господинъ адмиралъ.

— Четыре Гочкиса и шесть пулеметовъ и для этого поднимать флоты двухъ великихъ державъ!

— Трехъ, — поправилъ съ наглостью комиссаръ.

— Я сказалъ двухъ! — рѣзко крикнулъ адмиралъ Флислингъ. — Англійи и Франціи!

Они поднялись на площадку, гдѣ вдругъ передъ ними показался странно уцѣлѣвшій въ этомъ общемъ разгромѣ домикъ-баракъ изъ «соломита». Кругомъ были черныя воронки разрывовъ, осыпи земли, обломки скаль, куски стали и мѣди, а домикъ стоялъ невредимый. Дверь была открыта, точно хозяинъ только что вышелъ изъ него.

Холливель отдѣлился отъ адмирала и вошелъ въ баракъ первымъ. Въ маленькой комнатѣ, пронизанной свѣтомъ косыхъ солнечныхъ лучей, среди полуразобранныхъ радіо аппаратовъ, у письменнаго стола, заваленнаго разорванными бумагами и книгами, съ раскрытымъ ящикомъ одинъ предметъ привлекъ вниманіе Холливеля. Въ ящикѣ лежалъ фотографическій портретъ въ кожаной рамкѣ. Точно тотъ, кто жилъ въ этомъ баракѣ, въ послѣднюю минуту смотрѣлъ на этотъ портретъ и кѣмъ то или чѣмъ то вызванный, не успѣлъ спрятать или уничтожить его и вышелъ изъ барака на минуту и не вернулся. Холливель подошелъ къ столу и взялъ портретъ въ руки. Бывшая на лицѣ его самодовольная улыбка сошла. Холодное, чисто выбритое лицо стало угрюмо и серьезно.

Изъ кожаной рамки въ глаза Холливелю глядѣла изъ подъ котелка амазонки его жена Ана Холливель. Она была снята, должно быть въ Булонскомъ лѣсу на своей любимой рыжей лошади. Какія то незримыя, тайныя нити, значить, тянулись изъ этой хижины изъ «соломита» къ его женѣ. Что то похожее на чувство ревности шевельнулось въ сердцѣ Холливеля. Онъ досадливо передернулъ плечами. «Не все ли равно. Вѣдь и такъ все кончено»... За стѣнами стали слышны шаги и голоса. Холливель поспѣшно спряталъ портретъ въ просторномъ карманѣ бѣлаго «френча» и вышелъ изъ барака.

— Ничего особеннаго? — спросилъ адмиралъ.

— Ничего особеннаго, — отвѣтилъ ему Холливель. — Радіо аппаратъ испорченъ. А жаль. Онъ былъ какой то неизвѣстной системы и было бы хорошо угадать и распознать ее.

Адмиралъ махнулъ рукою. Онъ, тяжело дыша, поднимался на гору. Изъ за черныхъ базальтовыхъ скалъ показалась верхушка мачты. На ней гордо развѣвался громадный Русскій флагъ. Заходящее солнце золотило его. Маленькія дырки отъ шрапнелей сквозили въ его полотно.

— За мной, товарищи, — крикнулъ комиссаръ и бросился, обгоняя адмирала, къ мачтѣ.

— Что вы хотите дѣлать? — строго сказалъ Флислингъ.

— Ну что хочу дѣлать? Такъ я хочу срывать этого паршиваго флага.

— Не смѣть! — рѣзко, багрово краснѣя, крикнулъ адмиралъ. — Не смѣть этого дѣлать!... Паршивцы!...

— Что? — дѣлая видъ, что не разслышалъ, обернулся къ адмиралу комиссаръ.

— Не смѣть спускать этотъ флагъ! Этотъ флагъ останется навсегда! Навѣки здѣсь!... Это память о той Россіи, которая не измѣняетъ своему слову, которая умираетъ, но не сдается!...

Флислингъ снялъ шляпу. Его примѣру послѣдовали англійскіе офицеры и матросы. Капитанъ Холливель снялъ свой бѣлый пробковый шлемъ. Виногато улыбаясь стали снимать безкозырки съ алыми ленточками матросы совѣтскаго флота. Комиссаръ стоялъ въ бѣлой каскеткѣ, заломленной на затылокъ. Адмиралъ Флислингъ строго посмотрѣлъ на него. Комиссаръ чуть замѣтно пожалъ плечами и снялъ съ головы шапченку.

Съ обнаженными головами, въ суровомъ почтительномъ молчаніи, всѣ вереницей поднимались по узкой тропинкѣ, выходящей между скалами къ вершинѣ горы. Закрытая скалами мачта стала видна до самаго основанія. У него, прислонившись къ древку спиною, стоялъ человѣкъ, въ Русскомъ мундирѣ. На его плечахъ были полковничьи артиллерійскіе погоны. На головѣ фуражка съ чернымъ бархатнымъ околышемъ и алыми кантами. Вѣтеръ игралъ выбившимися изъ подъ нея длинными сѣдыми волосами. Сѣдые усы и сѣдая борода рѣзко выдѣлялись на темномъ лицѣ. Его руки были сложены на груди. Надъ ними былъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. На золотой портупеѣ висѣла Русская офицерская шашка въ черныхъ ножнахъ. Револьверъ въ кожанной кобурѣ былъ на боку. Ясные каріе глаза были широко открыты и точно съ удивленіемъ и грустью смотрѣли на зеленѣющее на востокѣ небо. Заходящее солнце освѣщало его сзади и вокругъ его головы сверкалъ золотой нимбъ отъ сіянія солнечныхъ лучей.

Медленно, съ обнаженными головами подходили къ этому человѣку англичане и краснофлотцы съ своимъ комиссаромъ, пугливо жавшимся за ними. Этотъ послѣдній часовой при Русскомъ знамени казался страшнымъ и внушительнымъ. Къ нему подходили въ суровомъ и почтительномъ молчаніи.

Всѣ вышли на площадку и остановились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого человѣка. Онъ не шевельнулся.

Человѣкъ этотъ былъ мертвъ.

К О Н Е Ц Ъ.

Апрѣль 1931 года — январь 1932 года.

дер. Сантени.

Франція.

ОТЪ АВТОРА.

Романомъ «Подвигъ» заканчивается трилогія романовъ «L a g g o», — «В ы п а ш ь», — «П о д в и г ь». Въ этихъ романахъ автору хотѣлось нарисовать читателю картину жизни среднихъ Русскихъ, людей толпы, безъ имени, безъ историческаго значенія, тѣхъ маленькихъ добросовѣстныхъ ротныхъ командировъ, профессоровъ, врачей, кто дѣлалъ черное и невидное дѣло государственной работы, кто былъ — одни незамѣтными, вольными или невольными пособниками революціи и разрушенія Россіи, другіе, кто за своими ежедневными работами и заботами, за своей службой проглядѣлъ страшное дѣло темныхъ силъ, по своему простодушію и прекрасному сердцу ему не повѣрилъ, а когда понялъ и увидѣлъ совершившееся — не пріялъ новой власти, ополчился на нее, боролся съ нею и, не побѣдивъ, удалился за границу, чтобы тяжкимъ трудомъ зарабатывать горькій хлѣбъ изгнанія и накапливать силы въ твердой вѣрѣ въ неизбежность борьбы за Россію.

Эти три романа — жизнь цѣлаго поколѣнія въ теченіе двадцати лѣтъ — 1911-1931 г.г.

«L a g g o», — исторія передвоеннаго времени, времени смутнаго, лишь наружно спокойнаго. Совѣсть Русскихъ заражена гнилостными бактеріями социализма, и стыдно быть Русскимъ. Широко, привольно и плавно, богато и спокойно течетъ Русская жизнь. Ученья, школа, служба, скачки, флиртъ, любовныя утѣхи и на ихъ яркомъ фонѣ темное, таинственное, неразгаданное дѣло убійства христіанскаго мальчика Ванюши Лыщинскаго — первые громы злобщей революціи.

Съ совсѣмъ незамѣтно надорванными силами вступили эти люди въ необычайную, невѣроятно жестокую и длительную міровую войну. Отъ нихъ потребовали боль-

ше того, что они могли дать, ихъ выпали, какъ выпахиваютъ поле, перестающее родить и, когда потребовалось еще большее напряжение силъ въ войнѣ за Россію противъ III интернаціонала — силъ уже не было. Нужень былъ отдыхъ. Борцы ушли за границу, гдѣ ихъ ожидалъ тяжелый трудъ. Въ описаніи этого проходитъ «Выпашь». Въ ней читатель встрѣтится съ тѣми честными рыцарями — Донъ Кихотами Россійскими, кто твердо усвоилъ: — «жизнь — Родина, честь никому», кто свою «бѣлую мечту» свято несетъ черезъ тысячи лишеній, оскорбленій и тяжелыхъ страданій.

Романистъ всегда историкъ. И — историкъ гораздо въ большей степени, чѣмъ это принято думать. Романистъ въ своей душѣ, въ своемъ сердцѣ, которое вкладываетъ въ произведеніе, отражаетъ жизнь, и, отражая, изображаетъ ее въ рядѣ картинъ и сложившихся типовъ. Романистъ свободнѣе историка. Послѣдній связанъ тѣмъ, что онъ можетъ изображать только определенныхъ людей — историческія личности, и не можетъ рисовать портреты людей толпы. Все это доступно романисту. Ему позволено описывать не только факты, событія, историческія происшествія, но и бытъ, мимо котораго гордо проходитъ историкъ. Романистъ можетъ изобразить и домашній концертъ, и скачки, и парфорсные охоты, и любовныя увлеченія, и паденія среднихъ, совсѣмъ не историческихъ людей. Историкъ лишенъ этого. При этомъ романистъ изображаетъ это такъ же вѣрно, точно, скажемъ — «пунктуально», какъ это сдѣлалъ бы историкъ въ отношеніи событій крупныхъ и личностей историческихъ. Романистъ не называетъ подлинныхъ именъ, скрывая ихъ подъ именами своихъ выдуманныхъ героевъ. Это правда — его герои вымышлены и то, что они дѣлаютъ придумано, — но такіе люди — были и такіе поступки — совершались.

Въ «Largo», «Выпаши» и въ первой части «Подвига» — «Les Coccinelles» — авторъ держался исторической правды и тому, что было, и тѣмъ людямъ, которые дѣйствительно существовали и существуютъ, придавалъ характеръ портретовъ, а не фото-

графій, рисуя жанровую картину, а не дѣлая моментальнаго снимка.

Въ остальныхъ трехъ частяхъ послѣдняго романа авторъ вдался въ фантазію, и людямъ, дѣйствительно живымъ и жившимъ, приписалъ дѣйствія и поступки, подвигъ, котораго на дѣлѣ совершенно не было.

Можетъ быть въ этихъ частяхъ авторъ раскрылъ нѣкую тайну, какой то прекрасный планъ и тѣмъ сыгралъ въ руку большевикамъ?...

Ничуть... Людей, способныхъ на подвигъ въ томъ среднемъ классѣ общества, который авторъ изображаетъ въ трилогіи очень много. Мы найдемъ кругомъ себя колеблющихся, сомнѣвающихся Нордековыхъ, въ концѣ концовъ идущихъ исполнить свой долгъ и исполняющихъ его не хуже другихъ. Мы найдемъ простыхъ и честныхъ Парчевскихъ, Ферфаксовыхъ, Амарантовыхъ, Пиксановыхъ, кто, не спрашивая на большое, или малое дѣло его посылаютъ, на подвигъ славы, или на подвигъ смерти, идутъ и точно исполняютъ то, что приказано. Мы найдемъ и Ранцевыхъ, готовыхъ оставить дочь и семью ради служенія Родинѣ, блещущихъ всею чистотою и красотою офицерскаго долга.

Быть можетъ найдутся и блестящіе, геніальные изобрѣтатели и организаторы, подобные Долле — капитану Немо...

Но мы не найдемъ ни среди насъ, изгнанниковъ Русскихъ, ни среди иностранцевъ, — будемъ говорить и о нихъ, ибо борьба съ III интернаціоналомъ не только Русское, но міровое дѣло, — мы не найдемъ людей, способныхъ отдать все свое — и не малое — состояніе дѣлу спасенія міра отъ большевиковъ. То, что создалъ и выполнилъ въ романѣ «Подвигъ» капитанъ Немо требовало бы пятьсотъ милліоновъ французскихъ франковъ — двадцать милліоновъ американскихъ долларовъ, т. е. примѣрно ту сумму, какую нѣкоторые богатые иностранцы завѣщаютъ любимому пуделю, кошкѣ, или пугаю. Это деньги, какія жертвуются на устройство институтовъ для изслѣдованія жизни моллюсковъ, — но найти такого человѣка, который завѣщалъ бы или по-

жертвовалъ такую сумму на спасеніе всего міра отъ коммунистической заразы — невозможно.

...«Иисусъ сказалъ ему: если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровища на небесахъ; и приходи и слѣдуй за Мною. Услышавъ слово сіе, юноша отошелъ съ печалью, потому что у него было большое имѣніе. Иисусъ же сказалъ ученикамъ Своимъ: истинно говорю вамъ, что трудно войти богатому въ Царство Небесное»... (Евангеліе отъ Матѳея. Гл. 19 ст. 21-23).

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Томъ I.

Часть первая. «Les Coccinelles»	11
Часть вторая. Капитанъ Немо	119

Томъ II.

Часть третья. Острова Галапагось	257
Часть четвертая. Огонь поядающій	381

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени. Романъ въ четырехъ томахъ. Третье изданіе.

Опавшіе листья. Романъ.

Понять — простить. Романъ.

Единая недѣлимая. Романъ.

Бѣлая свитка. Романъ.

«Largo». Романъ.

Выпашь. Романъ.

За чертополохомъ. Фантастическій романъ. Второе изданіе.

Амазонка пустыни. Романъ.

Съ нами Богъ. Историческій романъ въ двухъ томахъ.

Все проходитъ. Историческая повѣсть въ двухъ книгахъ.

Мантыкъ — охотникъ на львовъ. Повѣсть для юношества.

Съ Ермакомъ на Сибирь. Историческая повѣсть для юношества.

Терунешъ (Любовь Абиссинки) и др. Разказы.

Поѣздка на Ай Петри и др. Разказы.

Степь. Восьмидесятый. Разказы.

Душа арміи. Опытъ военной психологіи.

Тихіе подвижники. Очеркъ.

Казачья самостійность. Очеркъ.

Imp. « PASCAL »
13, r. Pascal. Paris.
